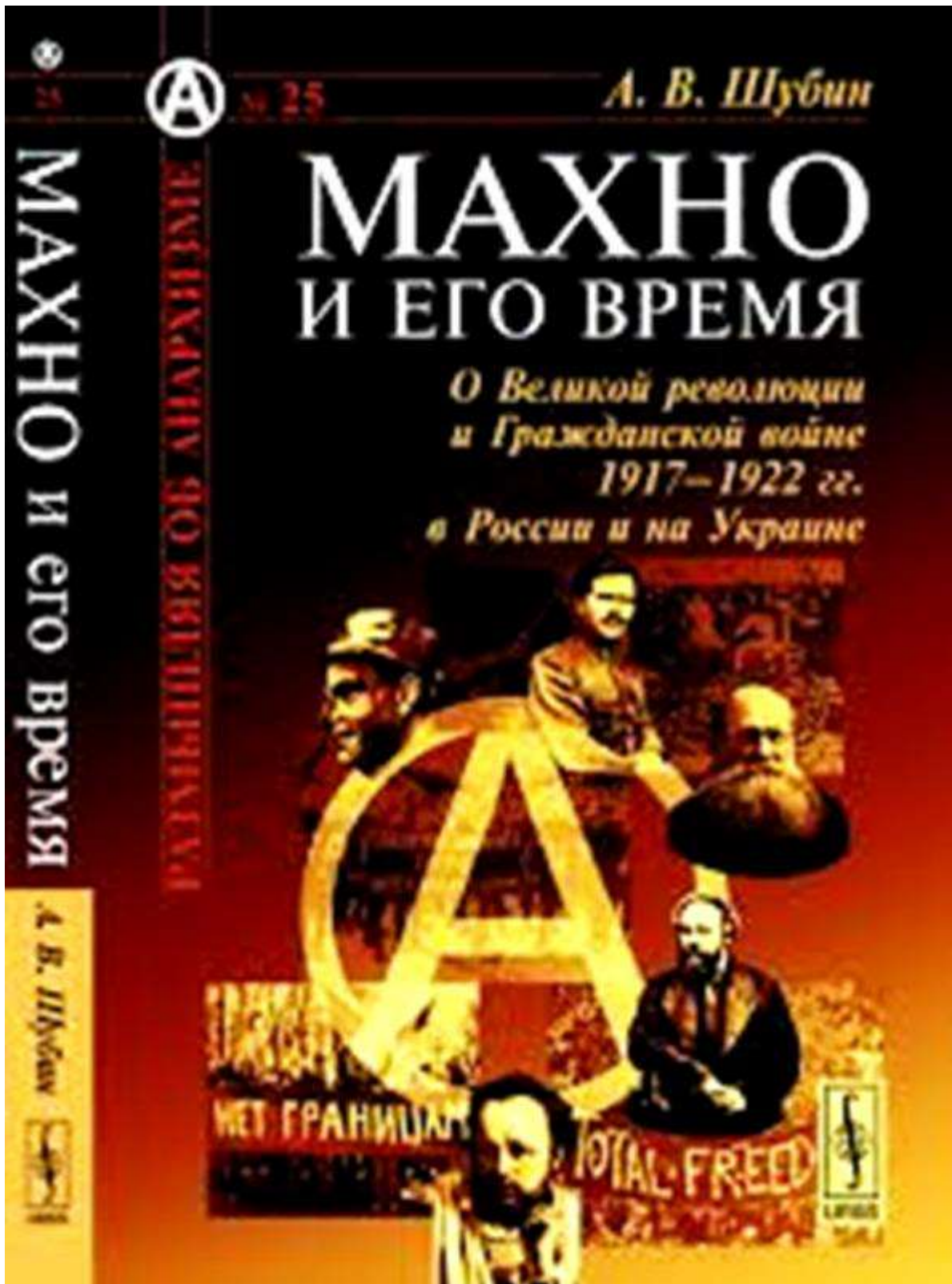

А.В. Шубин

МАХНО И ЕГО ВРЕМЯ

*О Великой революции и Гражданской войне
1917-1922 гг. в России и на Украине*

Предисловие

Эта книга — о Великой революции и Гражданской войне 1917-1922 гг. в России и на Украине.

Так уж устроена историческая память, что мы воспринимаем сложный исторический процесс сквозь призму отдельных ярких личностей и ключевых событий. 1917-1922 гг. — эпоха Ленина. Он символизирует волю большевизма к власти и реорганизации страны. Но на протяжении этого времени воле большевизма противостояли не только осколки старой элитарной России, обозначенные в исторической памяти портретами белых генералов. И большевизму, и белым противостояла народная стихия. Мы знаем почти все о политических элитах и «контрэлитах», но гораздо меньше — о стихии, о народе. А ведь революция состоит из стихии в такой же степени, как человеческое тело — из воды.

Описать стихию так же «просто», как дать точную картину движения облака. Мириады частиц идут своими маршрутами. Но у стихии есть своя логика, свои центры притяжения. Чтобы понять ее, недостаточно смотреть на революцию «сверху», нужно заглянуть снизу. В этом нам могут помочь те, кто по самой своей идеологии был частью стихии, — бунтари, повстанцы, анархисты. И самый известный из них — батько Нестор Махно.

Глава 1. Истоки

Нестор Иванович Махно стал важной фигурой исторического сознания России и Украины. И это не случайно. Он родился, вырос и действовал в регионе, где Россию и Украину невозможно разделить. Ни сам Махно, говоривший на русском, ни сама Российская революция 1917-1922 гг. не признавали границ, образовавшихся на просторах исчезнувшей империи. Они действовали с мировым прицелом и уж во всяком случае не в границах новых государств.

1. Почва...

Район, в котором разворачивалось Махновское движение, охватывает преимущественно Приазовье — юг левобережной Украины и восток Донбасса. Махновцы действовали и на правобережье, прежде

всего в Екатеринославе, а также на Полтавщине и Черниговщине. Ядро района располагалось в районе городка Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии. История этих мест связана с казачьей вольницей, с борьбой земледельческой и кочевой культур. Однако к началу XX в. от Запорожского казачества остались одни воспоминания. Местную степь заселили новые люди с новым укладом жизни.

Приазовье было частью более широкой степной зоны, простиравшейся на Правобережье до Днестра. Это была территория с более рыночным хозяйством и более смешанным населением, чем на севере Украины. Но по сравнению с правобережной Херсонщиной будущий Махновский район был просто классическим. Марксистская историография утверждала, что этот район — кулацкий, что кулацкие хозяйства составляли здесь 22% от общего числа хозяйств^{11}. Сейчас такая оценка могла бы выглядеть комплиментом — «кулацкое движение» уже не является негативной оценкой и рождает в воображении романтическую картину «крепкого фермера», поднявшегося на борьбу за экономическую свободу. Однако от этой версии придется отказаться. Цифра 22% получается лишь в том случае, если считать кулаками крестьян, располагавших более чем 10-ю десятинами земли^{12}, что даже в марксистской историографии считается «перегибом»^{13}. Основой сельского хозяйства оставались здесь помещичьи и крестьянские хозяйства. Кулачество сосредоточивалось прежде всего на немецких хуторах — инородных образований для местной крестьянской среды. Попытка в ходе столыпинских реформ разрушить крестьянскую общину встретила сопротивление и в Екатеринославской губернии^{14}.

Район будущего Махновского движения был одним из самых рыночных во всей Российской империи. Близость портов и развитая железнодорожная сеть стимулировали развитие хлебного рынка. В Екатеринославской губернии в 1913 г. было произведено 109 806 пудов пшеницы. Из них за пределы губернии отправлено 52 757 пудов^{15}. В эту долю не входит внутригубернский рынок, который тоже было достаточно широк — губерния была насыщена промышленными центрами, потреблявшими хлеб.

Наиболее активной фигурой на екатеринославском хлебном рынке оставался крестьянин — за 1862-1914 гг. крестьянам степной зоны удалось скупить у помещиков почти половину их земель. Но помещики безудержно повышали цены на землю^{16}. Опираясь на помощь государства, они стремились сохранить арендные отношения с крестьянами. Это, естественно, вызывало враждебность крестьян ко

всем крупным формам частного землевладения, как помещичьим, так и кулацким. В то же время общинно-рыночная форма крестьянского хозяйства облегчала развитие в районе различных форм сельскохозяйственной кооперации, которой активно помогало земство^[7].

Рыночность общинного хозяйства способствовала развитию в районе сельскохозяйственного машиностроения и других форм связанной с селом промышленности. В Екатеринославской и Таврической губерниях производили 24,4% сельскохозяйственных машин страны (в Москве — только 10%)^[8]. Значительная часть екатеринославской промышленности была рассеяна по губернии — небольшие городки и крупные села представляли собой настоящие агропромышленные комплексы. В будущей столице махновского движения Гуляйполе действовал чугунолитейный завод и две паровые мельницы, а в Гуляйпольской волости — 12 черепичных и кирпичных заводов^[9]. Это приводило не только к высокой товарности хозяйства, но и к тесной связи крестьян с рабочим классом, который был рассеян в сельской местности. Многие крестьяне отходили на заработки и в соседние крупные промышленные центры. В то же время в случае кризиса промышленности они могли вернуться на село. Сама деревня в этом случае была в большей степени защищена от нехватки промышленной продукции, так как часть ее производилась здесь же, под боком. Большие города представляли в этих условиях для крестьян чуждый и не столь уж необходимый мир. Но и национализм, подпитанный экономической замкнутостью крестьянских хозяйств севера Украины, не имел социальной почвы в Приазовье.

Будущий махновский район был многоэтничным. Здесь не только пролегла линия взаимной диффузии русских и украинцев. Сам хозяйственный уклад не способствовал этнической ограниченности, процесс индустриализации и открытости рынков требовал активного общения на «языке межнационального общения» — русском.

Такая ситуация возникла в результате многих причин, которые можно свести к особенностям нациогенеза в период незавершенной индустриальной модернизации. Национальная самоидентификация украинцев более интенсивно проходила в правобережном «очаге», по отношению к которому левобережье было периферией. В то же время украинский «очаг» был периферией по отношению к Донецкому очагу индустриальной модернизации, который действовал как плавильный котел, втягивающий как украинцев, так и русских. Между этими двумя очагами левобережье, особенно южная его часть, со своей социально-экономической спецификой, отличалась высокой степенью

интернационализма

В уезде очень сложно выделить зоны компактного проживания украинцев (малороссов) и русских (великороссов), которые, к тому же, перемешаны с немецкими хуторами, еврейскими слободками и поселениями иных национальных меньшинств.

Статистика фиксировала как малороссийские следующие волости: Басанская, Б. Михайловская, Белоцерковская (с сильным еврейским компонентом), Григорьевская (Кривой Рог, правда, с значительной долей русских), Жеребецкая, Гуляйпольская (где было также множество немцев и евреев), Ивановская, Камышевахская, Конскораздорская, Мало-Михайловская, Пологская, Покровская, Преображенская, Туркеновская, Успеновская, Цареконстантиновская — всего 16.

Русскими считались волости: Андреевская, Белогорьевская, Вознесенская, Воскресенская, Гавршювская, Григорьевская, Заливянская, Михайловская, Натальевская, Ново-николаевская, Петровская — всего 11. Четыре из них имели сильный немецкий компонент — Григорьевская, Заливянская, Натальевская, Ново-николаевская^[10].

Южнее к уезду примыкала обширная зона немецких хуторов от Большого Токмака до железной дороги Александровск — Чонгар.

Такая межнациональная смесь может вести к двум сценариям: либо «бомба» межнациональной резни, либо синтез, не желание отграничиваться национальными перегородками. Выбор между этими сценариями во многом зависит от социальных обстоятельств. Если немецкие хутора с их небольшим населением и обширными владениями вызывали ненависть окружающих крестьян, прежде всего украинских, то русско-украинской вражды на юге левобережья практически не было, да и антисемитизм был незначителен по сравнению с правобережьем. Украина для местных украинцев была скорее регионом с неясными границами, чем «своей страной».

В таких условиях и зарождалось одно из крупнейших в нашей истории крестьянских движений. На этот раз оно было тесно переплетено с движением рабочих и имело даже рабочих лидеров, среди которых был и сам Нестор Иванович Махно, в юности работавший на чугунолитейном заводе.

2. ... и семья

Нестор Иванович Махно думал, что он родился 27 октября 1889 года. Такова уж была его судьба, что даже дата рождения связана с

мистификациями. Метрическая книга говорит, что 26 октября 1888 года в семье Ивана Родионовича Михно и его законной жены Евдокии Матвеевны, родился сын Нестор. На следующий день он был крещен¹. Родители исказили год рождения сына, чтобы подольше не отдавать его в армию. Впрочем, в царскую армию молодой Нестор так и не попадет, а родительская выдумка спасет ему жизнь, когда по малолетству смертная казнь для него будет заменена каторгой. Так уже родители Нестора стали воздействовать на ход истории страны.

Фамильное имя Нестора Махно происходит, по видимому, от «Михненко». Такие фамилии в этих местах принято было таким образом сокращать, просторечное сокращение закреплялось не сразу, и отца Махно называли также Михно. Интересно, что позднее на пути Махно встретится его «полуоднофамилец» Михно. И будет бит.

Отец Махно, бывший крепостной крестьянин, а затем конюх, воловник помещика Мабельского, кучер заводчика Кернера (натерпяся наследники фабриканта от сына конюха), скончался в 1890 г. «Пятеро нас братьев-сирот, мал мала меньше, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола, ни двора. Смутно припоминаю свое раннее детство, лишённое обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали сами на себя зарабатывать»^{11}, — вспоминал батько в 1921 г.

Заработки старших братьев позволили Махно получить сносное начальное образование. «На восьмом году мать отдала меня во 2-ю гуляйпольскую начальную школу. Школьные премудрости давались мне легко. Учился я хорошо. Учитель меня хвалил, и мать была довольна моими успехами. Так было в начале учебного года. Когда же настала зима, и река замерзла, я по приглашению своих товарищей стал часто вместо класса попадать на реку, на лед. Катанье на коньках с сотней таких же шалунов, как и я, меня так увлекло, что я по целым неделям не появлялся в школе. Мать была уверена, что я по утрам с книгами отправляюсь в школу и вечером возвращаюсь оттуда же. В действительности же я каждый день уходил только на речку и, набегавшись, накатавшись там вдоволь со своими товарищами, проголодавшись — возвращался домой. Такое прилежное мое речное занятие продолжалось до самой масленицы. А в эту неделю, в один памятный для меня день, бегая по речке с одним из своих друзей, я

¹ Волковинский В. Н. Махно и его крах. М., 1991. С.11. В. Волковинский проделал большую и весьма ценную работу по исследованию ранней биографии Н. Махно. В это время Н. Махно еще не вел борьбу против большевиков, престиж которых в своей работе энергично защищал В. Волковинский — часто в ущерб справедливости в отношении Махно.

провалился на льду, весь измок и чуть было не утонул. Помню, когда сбежались люди и вытащили нас обоих, я, боясь идти домой, побежал к своему родному дяде. По дороге я весь обмерз. Это вселило дяде боязнь за мое здоровье, и он сейчас же разыскал и сообщил обо всем случившемся моей матери. Когда явилась встревоженная мать, я, растертый спиртом, сидел уже на печке. Узнав в чем дело, она разложила меня через скамью и стала лечить куском толстой скрученной веревки. Помню, долго после этого я не мог сидеть как следует на парте, но помню также, что с тех пор я стал прилежным учеником. Итак, зимою я учился, а летом нанимался к богатым хуторянам пасти овец или телят. Во время молотбы гонял у помещиков в арбах волов, получая по 25 копеек в день»^{12}. В 1897 г. Нестор окончил школу. В 1903 г. нанялся на завод Кернера чернорабочим. Затем работал литейщиком.

Будущий сподвижник Махно Виктор Белаш писал: «поднявшись немного и окрепнув, Махно поступил чернорабочим на чугунолитейный завод Кернера. И здесь его не покидало болезненное стремление быть в центре внимания, выделяться любой ценой (свои мемуары В. Белаш писал с оглядкой на большевистскую цензуру — *А.Ш.*). Узнав, что на заводе есть любительский театральный кружок, руководителем которого был Назар Зуйченко, Махно попросил записать его в труппу. “Однажды подходит ко мне Нестор Махно, — вспоминал позднее Зуйченко — и просит принять его в артисты. Ну, чего раздумывать, смешить так смешить публику. А он — что мальчик с пальчик, вот так, по пояс мне... Приняли...”»^{13}

Так формировался характер будущего революционера. Условия почти идеальные: бедность, стремление выбраться из нищеты, самоутвердиться и отомстить виновникам горькой доли, упорство, необходимое для выживания, низкий рост — известный в истории стимул к самоутверждению.

Навыки театрального искусства также очень полезны для политика. Но почему из миллионов сверстников, оказавшихся в тех же условиях и в той же культурной среде вольного приазовского края вождем массового движения стал именно он?

Жизнь Махно до 1906 года напоминает историю о сапожнике, который был по способностям самым выдающимся полководцем мира, но за всю жизнь так и не попал на войну. В стабильном обществе из него мог выйти диссидент-бунтарь, актер, предприниматель или организатор профсоюзного движения (в 1917 г. он некоторое время будет «профбоссом»). Махно не имел достаточных культурных предпосылок для того, чтобы стать, скажем, парламентским политиком.

К 1905 г. он был одним из сотен тысяч молодых людей низшего класса, мечтавших о том, чтобы вырваться из безысходной обыденности. Течение дальнейшей жизни каждого из них определила революционная эпоха.

Началась революция 1905 г. 22 февраля завод Кернера забастовал. Рабочие требовали улучшений условий труда, отмены штрафов и сверхурочных работ. Так Махно впервые окунулся в политическую жизнь.

5 сентября 1906 г. в Гуляйполе начала действовать террористическая «Крестьянская группа анархистов-коммунистов» («вольных хлеборобов»). Во главе группы стоял Вольдемар Антони, связанный с Екатеринославскими анархистами, и братья Семенюты — Александр и Прокопий.

Для тихого провинциального городка это была сенсация, а для молодого, жаждущего приключений Нестора — шанс вырваться из замкнутого круга будней. Он «вычислил» террористов быстрее полиции, заставил их принять себя в состав группы и уже 14 октября участвовал в ограблении. Мальчишка был опьянен новой ролью, он обладал оружием, боролся за счастье людей (правда, террористы пока расходовали добытые средства на себя и покупку оружия, а не на «бедных»). Нестора «распирало» желание показать односельчанам свою новую силу. В конце 1906 г. он применил пистолет в бытовой ссоре, по счастью без жертв. Его тут же арестовали за хранение оружия, но потом по малолетству отпустили.

В течение года группа провела четыре бескровных ограбления. Молодые люди в черных масках (или вымазанные грязью) требовали денег «на голодающих» или просто так, представлялись анархистами и скрывались в неизвестном направлении. Их добычей стало около 1000 рублей^{14}.

27 августа Махно вступил в перестрелку со стражниками. Через некоторое время он был опознан и арестован. Но друзья не бросили Нестора в беде. Под давлением террористической группы опознавший Махно крестьянин забрал назад свои показания. Но молодому рабочему не повезло - 15 февраля 1908 г. задержанный после ограбления завода Кернера А. Тка-ченко признался, что участвовал в перестрелке со стражниками вместе с Махно. Нестору угрожал военно-полевой суд, который в то время обычно заканчивался казнью. Но улики все еще были шаткими, Махно пользовался хорошей репутацией на заводе (вступив в группу, он не бросил работу), и заводское начальство внесло за него залог в 2000 рублей. 4 июля Махно вышел из тюрьмы и уехал в Екатеринослав^{15}.

Пока Махно сидел в тюрьме, 19 октября 1907 г. при нападении на почту террористы убили городского и почтальона. Это было первое убийство, совершенное террористами. Антони и ряд других членов группы были арестованы, но за недостаточностью улик высланы. Тем временем крестьянин Зуйченко рассказал сокамернику Брину о том, что он участвовал в нападении. Когда Зуйченко выпустили, Брин передал его слова полиции. Начались допросы и аресты. 10 апреля 1908 г. произошло новое успешное ограбление. После этого группу уже устойчиво преследуют неудачи — 13 мая не удалось нападение на дом купца Шидлера, была ранена его дочь, а 9 июля в селе Новоселовке при нападении на казенную винную лавку был убит сиделец. Грабители явно не ожидали такого исхода и бросились бежать. Оба убийства, совершенных бандой, были случайностью, а не запланированными актами «террора».

Интересно, что уже с 1907 г. банда гуляйпольских «робин-гудов» действовала под наблюдением полиции. Доблестные стражи порядка не спешили остановить молодых людей с пистолетами, давая им поглубже увязнуть в преступлениях — чтобы потом создать максимально громкое дело. «Роль Шерлока Холмса в раскрытии гуляйпольской группы выпала на долю проживающего в Гуляйполе пристава Караченцева. Для обнаружения ее участников сельский сыщик пустил в ход обычное российское орудие — провокацию. В группу были “влиты” агенты Караченцева, принимавшие участие в нападениях, они сообщили ему о работе группы»^[16], — рассказывает советский исследователь Г. Новополин, изучавший материалы судебного дела. Полиция выявила 14 членов группы. Одного из агентов полиции — Кушнера — террористы вычислили и убили. Но Караченцев уже шел по следу распадающейся группы террористов. После убийства 28 июля урядника Караченцев «накрыл» членов группы Хшиву, Левадного, Зуйченко и Альтгаузена, и заставил их говорить. В тот же день ядро группы было окружено в Гуляйполе, но анархисты с боем прорвались. После этого группа фактически распалась и вылавливалась по частям. Антони уехал за границу, А. Семенюта погиб. 26 августа Махно снова оказался в тюрьме.

Он ни в чем не признавался. В конце концов на свободе он находился легально. 1 сентября была перехвачена записка Махно Левадному «берите на себя дело», но Нестор легко объяснил ее как требование не наводить на него напраслину. Дело рассыпалось. Давшие показания раньше, утверждали, что были вынуждены к этому побоями. Тогда Хшива был отдельно приговорен к смерти и 17 июня 1909 г. повешен. После этого Зуйченко и Левадный подтвердили свои

показания (последнего это не спасло — он вскоре умер)^{17}.

31 декабря 1908 г. Махно пытался бежать, но был схвачен. 22 ноября 1909 г. пристав Караченцев был убит. 5 января 1910 г. П. Семенюта попытался освободить друзей при их перевозке в Екатеринослав, но неудачно (помешал провокатор Альтгаузен).

20 марта 1910 г. группа анархистов, в том числе Махно, предстала перед военным судом. Это не предвещало ничего хорошего. Правительство П. Столыпина решило ответить на революционные волнения беспрецедентными для России репрессиями, которые ужаснули даже противников революционеров. «Никто столько не казнил, и самым безобразным образом, как он, Столыпин, никто не произвольничал так, как он, никто не оплевывал так закон, как он, никто не уничтожал так хотя бы видимость правосудия, как он, и все сопровождая самыми либеральными речами и жестами», — писал С. Витте, и продолжал: он «казнит совершенно зря: за грабеж лавки, за кражу 6 рублей, просто по недоразумению... Одним словом, явилась какая-то мешанина правительственных убийств, именуемая казнями»^{18}. Так начинало раскручиваться в России печально известное «красное колесо».

22 марта Нестор Махно вместе со своими товарищами «за принадлежность к злонамеренной шайке, составившейся для учинения разбойных нападений, за два нападения на жилой дом и покушение на такое же нападение» был приговорен к смертной казни через повешение^{19}. К этому времени Махно не участвовал ни в одном убийстве и по законам «мирного времени» должен был получить каторгу. Но в стране шла «антитеррористическая операция», при коих, как известно, человеческая жизнь стоит дешево.

Нестор ждал исполнения приговора. Он был молод, полон энергии. А его ждала виселица. Махно не знал, что в это время бюрократические органы продолжают решать его судьбу. Решающую роль сыграла подделка даты рождения — Махно все еще числился несовершеннолетним. Это позволило властям учесть и то, что его собственные преступления не сопровождались гибелью людей. В итоге решением Столыпина смертная казнь была заменена вечной каторгой^{20}.

* * *

2 августа 1911 г. Махно привезли из Екатеринослава в Московскую центральную пересыльную тюрьму (Бутырки), где он и «осел». Здесь он продолжал бунтовать, спорил с тюремным начальством, за что часто

отправлялся в карцер. Итог — туберкулез, болезнь, которая приведет Нестора Ивановича к смерти в 1934 г. А пока юный каторжанин не хоронил себя заживо. Он верил в революцию, верил, что она прервет его вечную каторгу, что он еще вернется домой. Нестор писал письма родным и своей любимой девушке Анне Васецкой: «Ведь помнишь, как радостно нам было, когда мы были дома, а Савва в Японии, в плену, и когда мы получили от него письмо, отражающее собой всю жизнь его. Как больно, тяжело и в то же время радостно было нам оттого, что он жив, что у него есть надежда быть в живых и возвратиться на родину. Так ожидаю я от Вас и Нюси того письма, которое мне скажет, что вы обе живы-здоровы, что у Вас, мама, есть надежды на здоровую жизнь и на счастье увидеть меня возле себя, а у Нюси надежды на ее счастливую юную жизнь, познающую свое призвание, и так же видеться со мной. Я от одного только воспоминания прихожу в неопишное упоение»^[21]. Мечты сбудутся, их судьбы снова соединятся в 1917 г., родится ребенок. Но безжалостные волны гражданской войны разметаю эту семью уже на следующий год. В 1919г. Махно создаст новую семью.

А тем временем тюремные «университеты» продолжались. Судьба снова укрепила Махно в анархистских взглядах, послав знакомство с другим местным зэком Петром Аршиновым. Он был старше Махно всего на год, но куда опытнее политически. В 1905 г. слесарь-железнодорожник Аршинов вступил в РСДРП и стал издавать в городке Кизил-Арват нелегальную газету «Молот». Скрываясь от полиции, переехал в Екатеринослав, где в 1906 г. сблизился с анархистами. Участвовал в организации террористических актов в Екатеринославской губернии, в том числе в Александровске. Недалеко действовала террористическая группа, в которой участвовал Махно. Терроризм был популярен. Общественность сочувственно относилось к партизанской войне с режимом, террористы охотились на представителей власти, а не на население. В 1907 г. Аршинов был схвачен и приговорен к смерти. Но он сумел бежать вместе с группой заключенных и эмигрировал во Францию. Но за границей не сиделось — Аршинов был человеком дела. В 1909 г. он вернулся в Россию, вел нелегальную пропаганду под псевдонимом Марин, участвовал в экспроприациях, арестовывался (но полиция не знала, что это человек, приговоренный к смертной казни). В 1911 г. за контрабанду оружия и литературы Аршинов был приговорен к 20 годам каторги и попал в Бутырку. В тюрьме Аршинов излагал Махно идеи анархизма, как он сам их понимал.

Аршинов вспоминал о своем ученике: «Как ни тяжела и

безнадежна была жизнь на каторге, Махно, тем не менее, постарался широко использовать свое пребывание на ней в целях самообразования и проявил в этом отношении крайнюю настойчивость. Он изучил русскую грамматику, занимался математикой, русской литературой, историей культуры и политической экономией. Каторга, собственно, была единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие затем ему огромным подспорьем в последующей его революционной деятельности. Жизнь, факты жизни были другой школой, научившей его узнавать людей и общественные события...

В обстановке каторги он ничем особенным не отличался от других, жил как и все прочие, — носил кандалы, сидел по карцерам, вставал на поверку. Единственное, что обращало на него внимание, — это его неутомимость. Он вечно был в спорах, в расспросах и бомбардировал тюрьму своими записками. Писать на политические и революционные темы у него было страстью. Кроме этого, сидя в тюрьме, он любил писать стихотворения и в этой области достиг большего успеха, чем в прозе»^[22]. Некоторые стихи Махно в 1919 г. распространяли махновские агитаторы в 1919-1920 гг.:

*Восстанемте, братья, и с нами вперед!
Под знаменем черным восстанет народ.
Мы смело рванемся все радостно в бой
За веру в коммуну, как верный нам строй...
Разрушим мы троны и власть капитала,
Сорвем все порфиры златого металла...^[23]*

Такая жизнь могла продолжаться несколько десятилетий. Как много в истории примеров, когда пламенные революционеры выходили из камеры уставшими стариками с умеренными взглядами. Нестору Махно повезло больше.

3. Азы анархизма

Анархизм и анархия. Что только не понимают под этими словами — бессмысленный и беспощадный бунт, общественный хаос, стремление к беспорядку и насилию. Как это далеко от идеалов общественного течения, которое вот уже полторы сотни лет вносит свою лепту в развитие человечества. Теоретики анархизма предвосхитили многие идеи Карла Маркса, Махатмы Ганди, Олвина Тоффлера и других мыслителей, которые сыграли огромную, во многом

определяющую роль в формировании мировоззрения современной цивилизации. Анархисты Пьер Прудон, Александр Герцен, Михаил Бакунин, Петр Кропоткин и Лев Толстой занимают почетное место в этом же ряду². Миллионы людей вставали под черное знамя анархии несмотря на яростную и часто лживую агитацию его врагов, несмотря на то, что принадлежность к анархистскому движению часто была связана с риском для жизни. Что влечет людей на этот путь? Здесь не ищут богатства и карьеры. Здесь ищут последовательности.

Отрицая во имя свободы благотворность любых форм власти и тем более государства, анархизм резко противопоставляет себя основам организации современного ему общества. Анархизм оппозиционен всем политическим учениям, выступающим за те или иные формы бюрократической государственности. Но в силу своей последовательности анархизм смог уже в XIX в. поставить в практическую плоскость некоторые задачи, которые «мировая цивилизация» ставит перед собой только сегодня, в канун XXI столетия. В трудах его основоположников мы читаем о сетевом обществе, производственном самоуправлении, среднем классе...

За свою многовековую историю анархизм неоднократно приговаривался своими оппонентами к скорой гибели, но прогнозы эти не оправдывались. Само существование государства вызывало к жизни идею о необходимости его замены иными общественными механизмами.

Анархизм — это идейное течение и общественное движение, которое стремится к максимально возможному освобождению личности и отрицает оправданность существования государства как такового. Анархизм выступает за немедленную или постепенную ликвидацию государства и его замену системой самоуправления.

Целью анархизма является анархия (безвластие), то есть свободная организация общества, обходящаяся без социальной организации власти человека над человеком. Под властью понимается систематическое принуждение человека к чему-либо, противоречащему его воле, организованное насилие человека над человеком. Наиболее распространенной и концентрированной формой власти считается государство, как машина принуждения людей. Анархисты считают, что издержки существования «сильного государства» превышают положительный результат. Анархия не может быть совместима с государством и иногда трактуется в анархизме как общество без

² Принадлежность части мыслителей этого ряда к анархизму иногда подвергается со мнению, но напрасно. Подробнее об этом см.: Эльцбахер П. Сущность анархизма. Минск, М., 2001; Антонов В.Ф. А.И. Герцен (общественный идеал анархиста). М., 2000; Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007.

государства. Впрочем, по дороге к анархии анархисты могут терпеть и даже использовать государство. Но, в отличие от марксистов, выступают категорически против его усиления, стремятся к тому, чтобы государственный центр вытеснялся самоуправлением трудящихся.

Анархия несовместима и с другими формами систематического насилия и принуждения. Поэтому анархизм отрицает бытовое, неграмотное толкование слова «анархия» как синонима хаоса и беспорядка, беспорядочного насилия. Анархизм выступает противником индивидуализма, поборником социального равноправия и солидарности.

Наибольшую активность в первой половине XX века развивали анархо-синдикалистское и анархо-коммунистическое направления анархизма. Само деление на анархо-коммунистов и анархо-синдикалистов условно. Почти все российские анархисты начала XX в. считали своей целью достижение и анархии, и коммунизма (анархического коммунизма). Большинство анархистов признавали синдикализм (создание революционных антиавторитарных самоуправляющихся профсоюзов — синдикатов) необходимым путем к анархии. Но радикальные анархо-коммунисты считали этот путь вспомогательным, а собственно анархо-синдикалисты сосредоточивались на профсоюзной работе.

Анархисты — противники общественной системы, основанной на капиталистических и государственных началах. Но какое общество придет на смену капиталистической эксплуатации и государственному деспотизму? Теоретики анархизма выступали за построение общества как свободной конфедерации самоуправляющихся объединений тружеников. Люди сами решат, как удобнее наладить отношения между коллективами — кто-то создаст плановые органы, кто-то будет обмениваться продуктами на основаниях рыночного социализма. Такой социализм отличается от капитализма отсутствием частной собственности — предприятия принадлежат своим работникам или всем (в этом заключалось разногласие анархо-коллективиста М. Бакунина и анархо-коммуниста Кропоткина).

Но позвольте! — прервет нас иной читатель. А зачем все это нужно. Ведь есть же «нормальное общество». Зачем придумывать какие-то утопии? Это — вопрос не только к анархизму, но и к его противоположности — марксизму. Здесь противоположности выступают в своем единстве — отвечать на этот вопрос им приходится вместе. В борьбе против капитализма анархисты и коммунисты — союзники, что во многом определяло и действия Махно.

4. Два пути

Важнейший ресурс прочности капитализма и бюрократии — незнание людей, чем можно заменить существующую социальную систему. Этим страшен и кризис современного глобального капитализма. Если его постигнет крах, то не сорвется ли цивилизация в средневековье? Так и будет, если большинство людей останутся в неведении о достижениях социалистической мысли, которая последние два века напряженно всматривается в будущее, изучая черты общества, способного прийти на смену капитализму.

Сторонники социалистических идей провозглашают: возможно общество, более справедливое, гуманное и свободное, чем капитализм, возможно народовластие, а не власть бюрократической и имущественной элиты. В этом они согласны. Их разделяет ответ на вопрос: как это возможно? Как может быть устроена альтернатива капитализму и бюрократическому государству, и как можно достичь этого желаемого будущего?

Маркс и Энгельс ломали копья по этому поводу с Прудоном и Бакуниным, Ленин и Люксембург — с Бернштейном и Каутским. И это — самые громкие имена среди тысяч блестящих писателей и организаторов, за которыми на штурм будущего устремлялись миллионы людей.

Суть спора двойка — метод и цель. Во-первых, Прудон, а за ним и Бернштейн надеялись «сжечь собственность и государственность на медленном огне», вместо того, чтобы устраивать собственникам и чиновникам «варфоломеевскую ночь», погром и резню. Маркса, Бакунина, Кропоткина и Ленина не устраивал такой план постепенного роста в социализм, ибо капитализм слишком силен, он способен «переваривать» ростки новых отношений. Так что без революционного сокрушения старого строя вряд ли удастся обойтись. Во-вторых, шел спор о цели. Главная ставка борьбы за будущее крылась в ответе на вопрос: постепенно или рывком, но чем мы все-таки заменим капиталистическое общество и чиновничье государство? Ключевым термином для Маркса, Энгельса, Бернштейна, Каутского и Ленина была «плановость». Общество будущего представлялось как единый организм, планомерно регулируемый из единого центра. Все сигналы о потребностях и способностях людей должны были сходиться в этот центр, и он будет планомерно распределять наличные ресурсы и трудовые задачи. Исчезнут безработные и праздные паразиты, люди будут обеспечены достатком и делом, которое умеют и любят делать,

стихию рынка и социальных потрясений вытеснит научное регулирование отношений между людьми и природой.

Вызов этому идеалу бросили не только либералы, защищавшие капитализм, но и значительная часть социалистов. Прежде всего речь идет о теоретиках анархизма и народничества. Их ключевым словом является самоуправление. Простые люди сами вольны решать, как им жить. Для решения совместных вопросов, для организации производства они объединяются в коллективы и территориальные общины, которыми должны управлять не чиновники, и не предприниматели, а самоуправление самих членов коллектива и общины. Анархисты утверждали, что «планомерное» общество марксистов — это новая мировая фабрика под управлением «центра», нового всеильного государства. Критикуя написанный Марксом и Энгельсом «Манифест коммунистической партии», Бакунин еще в XIX веке угадывал в предложениях марксистов черты коммунистических диктатур XX века.

Два основных, наиболее последовательных течения социализма — марксизм и анархизм — развивались в тесном и мучительном общении. Маркс сблизился с Прудоном и во многом учился у него, а затем внезапно напал на своего старшего коллегу, Бакунин учился у Маркса, считал его ближайшим союзником, а затем эти соратники по Интернационалу шумно рассорились. Народники соглашались то с анархистами, то с марксистами.

«Какая склочная среда», — возможно скажете Вы. Но как велики ставки! За каждым текстом, рожденным в этой борьбе — тысячи, а то и миллионы судеб в будущем. Они предвосхищали историю.

И также в XX веке анархисты и марксисты то будут идти вместе, то сражаться между собой, забыв об общих врагах. Враг капитализма — друг мне, но истина дороже! Будущее не простит отступничества и ошибок.

Но одно дело — прогнозировать, готовить, конструировать и моделировать, а другое — действовать. Трагедия социалистических идей заключается в том, что во всей полноте они могут быть востребованы только во время катастрофы капитализма (до нее большинство людей боится променять свое привычное житье на неизвестность). В момент Великого отказа миллионов людей от прошлого образа жизни социалистические идеи получают шанс овладеть умами и победить. Но общество разрушено, экономика повержена в руины, и эта груда развалин — плохая строительная площадка. Социалисты желали бы продолжать строительство общества ввысь, а им приходится разгребать развалины, искать нужные детали в

мусорных кучах, восстанавливать то, что только что рухнуло под тяжестью грехов капитализма. Строительство началось, а ведь еще не закончена ожесточенная борьба за стройплощадку, по которой мечутся толпы голодных обезумевших людей, которую атакуют грабители, жаждущие растащить остатки ресурсов или вовсе захватить это место. Инженеры скептически улыбаются, рабочие ждут чуда...

Такова жизнь, так делается история. Тем, кто ее делает, обычно не хватает знания мудрости теоретиков прошлого, и это заставляет их снова и снова «наступать на грабли», которые можно обойти...

В начале XX века в мире господствовал глобальный капиталистический порядок. Как и сейчас. Альтернативами ему были межнациональная бойня либо социализм. Правящие элиты, столкнувшись с кризисом мирового порядка, выбрали бойню Первой мировой войны. Когда она истощила мир, настала пора социализма спасти человечество. Он вышел на сцену в двух своих максимально последовательных ипостасях — коммунизма и анархизма. В начале практического пути у них были общие враги, общие разрушительные задачи, и потому они были похожи друг на друга в своих проектах мирового переустройства, мировой революции. Они были близки, как Маркс и Бакунин в начале их сотрудничества. Они были обречены на столкновение, которое во многом определяло направление того пути, который предстояло пройти человечеству в XX веке. Они ставили проблемы, которые не решены до сих пор — мы снова живем в условиях глобального капиталистического порядка, который снова подходит к пределам своего развития. И это значит, что пора изучать опыт революционных эпох.

Об опыте коммунизма мы знаем гораздо больше, чем об опыте анархизма. Но без понимания смысла действий анархистов картина XX века будет неполной.

Только в двух случаях европейская история предоставила анархизму возможность осуществлять широкие социальные преобразования на «своей территории». Только во время Российской революции 1917—1922 гг. и Испанской гражданской войны 1936-1939 гг. массовому движению, возглавляемому анархистами, удалось установить контроль над обширным регионом, где можно было сделать первые шаги конструктивного строительства нового общества. Первым опытом такого рода стало Махновское движение.

Глава 2.

1917 ГОД

1. Весна свободы

2 марта 1917 г. свободу Махно принесла революция. Он считался политическим заключенным, а не уголовным, и обрел свободу вскоре после того, как недавний самодержец оказался под арестом. Февральский социальный взрыв в мгновение ока сверг самодержавие. Новая власть еще только искала формы и очертания, и в окружающей жизни было немало признаков желанной для Махно анархии. Но ему хватало знаний, чтобы отличать от анархии уличную свободу и беспорядок. Анархию еще предстояло организовать...

Февральская революция открыла дорогу для решения важнейших проблем, стоявших перед страной: наделения крестьян землей, защиты прав рабочих, демократизации политической жизни. Многим казалось, что революция поможет добиться скорейшего и справедливого мира. Но само по себе свержение самодержавия не могло решить вставших перед Россией проблем. Россия стала одной из самых свободных стран мира, ее социальные слои и политические силы вступили в решительную борьбу. Широкие массы, активность которых была пробуждена и освобождена революцией, в своих естественных стремлениях были близки анархизму. Они выступали за народовластие, широкое самоуправление, переход заводов в руки рабочих, земли — в руки крестьян, за прекращение войны без аннексий и контрибуций, за обеспечение голодных горожан продовольствием. Миллионы людей ожидали, что революция приведет к наступлению счастливой эры в истории страны.

По словам А. Керенского, «одним из основных событий этих дней явилось полное уничтожение государственной власти»^[24]. Такая анархическая картина — несомненное преувеличение, но доля правды в ней есть. Власть потеряла возможность принуждать и вынуждена была убеждать. А это — существенный шаг к свободе, к безвластию. Идеалом анархизма соответствовало и бурное развитие самоуправления в самых разных сферах — от советов до фабзавкомов. Анархические правила игры на время было вынуждено принять и Временное правительство. В принятой им 26 апреля декларации говорилось: «В основу государственного управления оно (правительство — *А.Ш.*) полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе»^[25]. Иного Временному правительству не оставалось. Реальная сила на время перешла в руки

органов рабочих и солдатских советов, также действовавших по принципу морального воздействия на массы.

Однако лидеры советов — умеренные социалисты — понимали, что управлять страной они пока не могут, им не хватает опыта и кадров, да и вся страна, не связанная с Петросоветом организационно, не станет подчиняться решениям неизвестных пока России людей, лидирующих в этом революционном органе. Революционерам необходимо было еще приобрести достаточную известность и опыт легальной работы, чтобы их авторитет превысил влияние думских лидеров. Поэтому Совет, воспринимавшийся в столице, как власть, исходил из того, что правительство будет формироваться думским большинством — либералами. Но Совет претендовал на роль верховного контрольного органа, своего рода парламента. Лидеры Совета считали: «Стихию можем сдержать или мы, или никто. Реальная сила, стало быть, или у нас, или ни у кого»^{26}. Это утверждение было недалеко от истины. Так стало формироваться двоевластие — сосуществование двух центров власти (правительство и советы) с неразделенными полномочиями.

Самоорганизация людской стихии и сила власти правящей элиты становятся полюсами революционной эпохи. Какая организация окажется сильнее — растущая снизу или сверху? Признаки этого противоборства Махно подмечал, бродя по взбудораженной Москве. Он легко мог «зацепиться» в большом городе, войти в Совет, деловито заняться организацией городской революции. Но он сел в поезд и отправился домой — вглубь страны. Настоящая революция варится там, а в столице подводят итоги.

* * *

После первых недель упоения свободой в низинах общественного ландшафта стало закипать недовольство и разочарование. Продолжалась война, распадалась система экономических связей, правительство медлило с реформами — социалисты и либералы видели их совсем по-разному, и лебедь мешал раку сдвинуть куда-нибудь телегу. Ждали Учредительного собрания, которое должно все решить раз и навсегда. Ухудшение экономической ситуации увеличивало количество людей, поддерживавших самые радикальные меры. Им казалось, что одним ударом можно и должно решить все вставшие перед страной проблемы. Кто поведет за собой эти массы? Сумеют ли их подавить либералы, сторонники буржуазной «шоковой терапии»? Сумеют ли уговорить их эсеры и меньшевики с их разумными, взвешенными рецептами выхода из кризиса? Весной 1917 г. еще

удавалось уговаривать, но росло влияние большевиков, и даже в недрах социалистических партий выделялись левые крылья, актив которых требовал — пора действовать решительно, отстранять буржуазию от руля власти. А то от нее — один саботаж. Но чем заменить капитализм?

Казалось бы, радикальные массы должны были повести за собой анархисты — самое радикальное идейное течение. Правда, в столицах у них не было сильных лидеров. Старый князь Кропоткин почти не участвовал в политике, питерские вожди анархо-коммунистов Илья Блейхман (Солнцев) и Александр Голберг (Ге) были слишком абстрактны в своих речах и призывах, лидеры анархо-синдикалистов Григорий Максимов, Александр Шапиро, Владимир Шатов и Иустин Жук — слишком практичны — с головой ушли в рабочие организации, оставив пространство «большой политики», где, собственно, и решались судьбы страны. Если бы Махно остался в Петрограде, анархо-коммунисты получили бы сильного организатора. Но первую скрипку он бы играть не смог — в столице требовалась идейная яркость, а провинциальное поведение казалось неуклюжим. Махно было привычней среди крестьян, а городским анархистам — в стихийной, неоформленной, маргинальной массе. В этой зыбкости социальной почвы была слабость городского анархизма 1917 года.

Требую место в Совете, Солнцев выдвигал требования, которые чуть позднее будут считаться большевистскими — устранение из правительства «приверженцев старой власти» и создание «нового революционного правительства»^[27]. Анархо-коммунистов не смущало, что анархия несовместима с правительством. Не все сразу. В то же время анархистская пресса выступала за то, что «Россия должна превратиться в сеть революционных самоуправляющихся коммун, которые путем захвата земель и фабрик совершат экспроприацию буржуазии, уничтожат частную собственность»^[28]. Эти лозунги больше соответствовали нынешним идеям « сетевого общества », чем обстановке 1917 г. Анархисты не объясняли, почему работники будут свободно объединяться именно в коммуны, как эти коммуны будут устроены и как станут взаимодействовать между собой. Добровольный продуктообмен и принятие решений по согласию всех? Очень хорошо. А если коллективы не согласятся друг с другом, не станут добровольно обмениваться? После смерти Прудона и Бакунина анархистам не хватало мостика между идеалом и реальными людьми XX века.

2. Ленин и «трон Бакунина»

И кто бы мог подумать, что этот мост примется строить

отъявленный марксист, что именно он возьмет на вооружение многие лозунги анархизма. В Россию возвратился лидер большевиков В. Ленин. Первые же его речи после торжественной встречи на вокзале произвели сенсацию. «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства... С.Р.Д. есть единственно возможна форма революционного правительства...» Необходима «республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего»^{29}.

В апреле 1917 г. эта стратегия казалась невероятной, так как предполагала ликвидацию в ближайшее время самих основ существующего общества. Учитель Ленина Г. Плеханов счел лозунги Ленина «бредом», игнорирующим основные постулаты марксизма. В «бреду» Ленин игнорирует условия места и времени. Какой социализм?! Мы не в Западной Европе, а в России — полуфеодальной стране. Сначала надо пройти стадию капитализма, дорасти до социалистических задач. Ленин ломал марксистскую логику (подражая в этом смысле Марксу, который надеялся на социализм в Германии еще в XIX веке). Плеханова поддержало большинство социал-демократических идеологов. «Рабочая газета» писала в передовице о стремлении сторонников Ленина осуществить захват власти пролетариатом: «они будут восстанавливать против революции отсталое большинство населения страны, они будут прокладывать этим верную дорогу реакции»^{30}.

Лидеры социал-демократов и эсеров оценивали большевизм в рамках одномерной логики революционного процесса. Здесь было место только прогрессивной революционной перспективе (демократия, затем постепенное вызревание социализма), неустойчивому настоящему (капитализм, власть «буржуазии», осуществление идей либерализма), и реакции (откат к военно-аристократической диктатуре). По мнению меньшевиков, радикальные, утопичные действия большевизма не могли увенчаться успехом в силу их «ненаучности». Они могли лишь привести к реакционному срыву, к победе реакции. Скованные марксистскими схемами, бывшие товарищи Ленина по социал-демократии не верили в то, что марксизм что-то не предусмотрел, что страна может двинуться куда-то еще между

капитализмом и социализмом.

Ленин оставался правоверным последователем Маркса, он верил, что создает именно социализм. Но он видел то, что было очевидно, и что не было видно через очки устаревших схем — капитализм в России рухнул. И чтобы он не обвалил Россию, капиталистические отношения нужно заменить какими-то другими. Нужно опереться на народную инициативу в этом неведомом социальном творчестве. Опереться на советы.

Что такое «власть советам»? Это — власть митингам. Как могут управлять страной собрания делегатов заводов, воинских частей и крестьянских общин? Ни опыта у них, ни умения говорить, согласовывать... Это же анархия! Ленин — вождь Анархии, надвигающейся из низов на основы цивилизации! Сам князь Кропоткин рядом с Лениным выглядит умеренным конструктивным старичком.

Бывший большевик И. Гольденберг, перешедший к меньшевикам, заявил: «Ленин ныне выставил свою кандидатуру на один трон в Европе, пустующий уже тридцать лет: это трон Бакунина!»^[31]

Идея передачи всей власти советам действительно напоминала прудоновско-бакунинскую идею федерации самоуправляющихся общин (коммун). Ленин считал советы русским аналогом коммун. Но он не признавал родства с Бакуниным, и справедливо — ведь Маркс после Парижской коммуны вынужден был согласиться с коммунальной идеей анархистов в политике, но не в экономике. Ленин еще будет иметь возможность разъяснить своим противникам разницу между марксизмом (в его трактовке) и анархизмом. Ленин не претендовал на трон Бакунина, он лишь оперся на него, чтобы прыгнуть дальше.

Марксисты школы Каутского и Плеханова не замечали коренного различия между анархизмом и большевизмом, выражавшегося в воле к власти, в централизме как руководящей идее. Видя в большевизме только радикализм, умеренные социалисты не думали, что автор столь абсурдных лозунгов сможет прорваться к власти. Ленина боялись как проказника, который может скомпрометировать дело демократии и усилить разочарование в революции, сыграть на руку реакционерам.

Ленина не поддержала и часть большевистских лидеров — их пришлось буквально «переламывать через колено», опираясь на низовой актив партии. Зато правоту Ленина подтвердил вечный оппонент Лев Троцкий — он давно говорил, что необходима «перманентная революция», которая не останавливается на буржуазных задачах и перерастает их, движется дальше к социализму. Не вдаваясь в теоретические подробности, так же думал и Махно. Он деловито приступил к созданию нового общества в родном Гуляйполе.

Как можно сравнивать Ленина и Махно?! Но что был бы Ленин без тысяч людей из рабочих кварталов и крестьянских волостей, которые делали революцию еще до выстрела Авроры? И чем была бы Российская революция без сопротивления коммунистической диктатуре, исходившего из той же глубины, которая породила революцию. Ленин вглядывался в недра России, чтобы увидеть там подтверждение своей идеи. Пока он не видел лиц этой революции, но ее гул уже был отчетливо слышен в сообщениях «с мест». С разной скоростью и разными подробностями и в Петрограде, и в Гуляйполе, и в других городах и весях шла борьба между советами и правительственными структурами.

Ленин, Троцкий и Махно увидели, как снизу поднимается сила самоорганизации работников — массовые объединения, сотнями возникавшие или выходявшие из подполья после революции — новые профсоюзы, советы, фабрично-заводские и общественные комитеты и др. По мнению Д.О. Чуракова, «о российской революции можно было бы говорить как о “революции самоуправления”... Но, к сожалению, временами отчетливо намечавшийся союз различных органов самоуправления не стал прочным каркасом будущей государственности»^[32].

Для анархистов все это многообразие общественных организаций и объединений было самоценно, в них должна была развиваться новая жизнь. Для Ленина это был важный инструмент, лестница к чему-то большему, к обществу, организованному центром и развивающемуся по плану. Но так или иначе, чтобы победить, нужно было опереться на эту сеть народной самоорганизации, овладеть ею. Эта задача стояла и перед Лениным в масштабе России, и перед Махно в масштабе Гуляйпольского района. Махно в этом отношении действовал даже с опережением.

3. Гуляйпольский совет

Впервые в жизни люди получили возможность организовать свою жизнь по собственному усмотрению.

В марте в Гуляйполе возвращается Махно. Как и политическим вождям Петрограда, для переустройства жизни на новый лад ему нужна была организация. Махно собрал старых знакомых и воссоздал группу анархо-коммунистов. Лавры страдальца и борца с режимом сделали Махно авторитетным в Гуляйполе человеком, местной достопримечательностью. В его начинаниях Махно поддерживают не только местные низы, но и учителя — властители дум революционной

глубинки.

Группа находилась под общим для анархистов того времени влиянием идей П.А. Кропоткина, понимаемых крайне абстрактно и упрощенно. Выступая перед товарищами сразу по приезде в Гуляйполе, Махно определил в качестве важнейших задач «разгон правительственных учреждений и объявление вне всяких прав на существование в нашем районе частной собственности на земли, фабрики, заводы и другие виды общественных предприятий», и укрепление связей с крестьянами³.

Прежде всего гуляйпольских анархо-коммунистов отличала от большинства анархистов крестьянская прагматичность. Они повели упорную борьбу за массовые организации. В Гуляйполе приехал посланник уездного Крестьянского союза, эсер-каторжанин Крылов-Мартынов. Нужно создавать Крестьянский союз, поддержать борьбу эсеров за землю и волю в Учредительном собрании. Отличная идея! Но зачем нам эсеры и Учредительное собрание? Сами всего добьемся. 28-29 марта Махно был избран в Комитет Союза и возглавил его. Других авторитетных революционеров в городке не было. Крестьянский союз парализовал орган поддержки Временного правительства — Общественный комитет, захватил все его секции и фактически превратился в высший орган власти в районе — Гуляйпольский совет (формально до августа он назывался Крестьянским союзом). В это время Махно подписывался как председатель волостного комитета. Однако комитет старался принимать решения не сам, а по результатам обсуждения на сходе^{33}. Система власти анархо-коммунистов опиралась на разветвленную сеть массовых организаций, которые поддерживали политику Махно — профсоюзы, заводские комитеты, комитет батраков, сходы-собрания. Последние представляли собой своего рода постоянно действующий референдум, который позволял анархистским лидерам контролировать настроения населения. Делегаты посылались в Совет от относительно компактных групп населения, что облегчало их связь с избирателями^{34}. Махно любил выступать на сходах. Говорил он ярко, переплетая народную речь и научные термины, почерпнутые в тюрьме. Его речи пользовались популярностью.

Махно добился представительства Гуляйпольского совета на

³ Махно Н. Российская революция на Украине. Париж, 1929. С. 11. Многие эпизоды жизни Махно в 1917-1918 гг. мы знаем только из этих мемуаров, которые очень подробны, хотя и не всегда точны. В тех случаях, когда есть возможность проверить воспоминания Махно источниками 1917-1918 гг., в случае расхождений мы следуем за этими источниками. Если воспоминания Махно являются единственным источником, упоминающим тот или иной факт, мы доверяем автору мемуаров, делая поправку на возможную аберрацию памяти и на свойственную многим мемуаристам склонность задним числом доказывать свою прозорливость.

губернском съезде, хотя его совет и не был уездным, «заявив свой протест против того, что губернский съезд не собирает непосредственно с мест крестьянских и рабочих делегатов...»^[35] Если бы на губернские съезды действительно собирались представители всех местных советов, это сделало бы съезды еще более громоздкими и неработоспособными. Но Махно исходил из того, что губернский уровень должен получать от местного самоуправления минимум политических полномочий, и потому его работоспособность не столь важна. Здесь можно установить нужные контакты, да и ехать домой. Там, на местах, должна быть вся власть.

Рост влияния Гуляйпольского совета в регионе ставил перед его лидерами новые задачи — делить землю. Посещавшие Гуляйполе в мае делегации окрестных и далеких сел задавали прежде всего один вопрос: как быть с землей. Придя к власти, махновцы захватили земельные документы и провели учет земель (разительный контраст с крестьянскими движениями предыдущих эпох, когда крестьяне жгли земельные документы). Крестьянство стремилось «по уму» поделить земли помещиков и кулаков. Это требование Махно ставит на первых съездах советов района, прошедших в Гуляйполе в 1917 г. Предложение анархо-коммунистов объединиться при этом в коммуны успеха не имело. Аграрная программа движения предполагала ликвидацию собственности помещиков и кулаков «на землю и на те роскошные усадьбы, которые они своим трудом не могут обслужить»^[36]. За помещиками и кулаками сохранялось право хозяйствования, но только своим трудом. Значительная часть зажиточных крестьян была вынуждена согласиться с требованиями махновцев, так как не могла оказать сопротивление. «А что сделали с теми хозяевами, которые революции не “сдались”? — интересуется автор “художественного исследования” В. Голованов. — Мы не знаем и лишь можем предполагать, памятуя о крутых нравах времени»^[37]. Похоже, ситуация была не столь мрачной. Не стоит путать 1917 г. с 1919-м. В дальнейшем на авансцене событий продолжают действовать хуторяне и зажиточные колонисты — хорошо вооруженные и готовые не только к обороне, но и к нападениям на крестьян. Махно установил контроль над частью хуторов, но с другой частью справиться не смог и предпочел договориться. Разжигать жестокую вендетту в своем районе в этот период он не собирался.

Уже с июня крестьяне прекратили вносить арендную плату, нарушая тем самым указания правительственных чиновников. Но немедленно провести аграрные преобразования не удалось. Сначала их задержал острый конфликт с уездным комиссаром Временного

правительства Михно, затем — сбор урожая. Чтобы не нарушать производственный процесс, крестьяне отложили основные преобразования до весны. В августе Махно, прикинув размеры передела, все же провел уничтожение земельных документов. Но пока землю делить не стали, чтобы не нарушить ход уборки: «на сей раз ограничились лишь тем, что за аренду помещикам не платили денег, взяли землю в ведение земельных комитетов, а над живым и мертвым инвентарем до весны поставили своих сторожей в лице заведующих, чтобы помещики не распродали его»^{38}. Почти то же самое предлагал лидер Партии эсеров, «мужицкий» министр земледелия В. Чернов. Но он не смог «продать» свою реформу, а махновский Совет провел ее. Уже эта реформа быстро дала результат — крестьяне работали на бывших помещичьих землях не за страх, а за совесть, собрав самый большой урожай в губернии^{39}.

И Махно пошел дальше. 25 сентября съезд Советов и крестьянских организаций в Гуляйполе провозгласил конфискацию помещичьих земель и передачу их в общественную собственность. Так Махно решил «вопрос о земле» до всяких Декретов и Законов Учредительного собрания.

4. Не будите спящую анархию

То, что Махно, уже установивший в районе власть Совета, мог делать, согласуясь с настроениями крестьян и рабочих, в Петрограде было предметом сложной многосторонней борьбы.

Министр земледелия Чернов пытался предотвратить распродажу помещичьих земель до основной аграрной реформы, которую по планам эсеров должно было провести Учредительное собрание. Пока ждали созыва всероссийского парламента, помещики пытались «скидывать» земельные излишки, чтобы как можно меньше земель попало под передел. В. Чернов планировал приостановку «земельных сделок, посредством которых у народной власти может утечь между пальцев тот земельный фонд, за счет которого может быть увеличено трудовое землепользование, и переход частной земли на учет земельных комитетов, призванных на местах участвовать в создании нового земельного режима»^{40}. Именно это первым делом предпринял Махно при подготовке более радикальной земельной реформы. Чернову это не дали сделать кадеты — либеральные коллеги по правительству, сторонники неприкосновенности частной собственности. Стоит ли оставаться в одном правительстве с такими коллегами. А с кем тогда? Может быть, попробовать в качестве

младших партнеров большевиков, влияние которых растет, а лозунги — лишь радикальное и грубоватое выражение программы эсеров и социал-демократов?

Идея власти советов уже не казалась такой наивной, как в апреле 1917 г., потому что советы быстро развивались. Они превратились в хорошо организованные представительные органы, тесно связанные с предприятиями и военными частями, реально решали вопросы социально-экономической жизни. Интеллигенты-социалисты наладили документооборот и поддерживали основы демократической процедуры в советах. Пока не прошли всеобщие выборы, советы вполне могли играть роль представительных органов и придать устойчивость, дополнительную опору демократической власти. В конструктивной атмосфере прошли первые съезды крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Несмотря на то, что съезды не представляли всего населения, они несомненно опирались на большинство активного населения страны. То же самое можно сказать и о парламенте. Это естественно наводило на мысль о возможности превращения Съезда во временный революционный парламент, который мог выполнять функции законодательного и контрольного органа вплоть до созыва Учредительного собрания. Это позволило бы начать социальные реформы, которых все ждали, восстановить обратную связь между правительственной верхушкой и широкими слоями населения. Пока такая связь поддерживалась только через партии, конфликтовавшие между собой. В случае передачи власти советским структурам удалось бы получить опору для правительства в лице более широких слоев населения, в том числе и радикальных масс, которые шли за анархистами и большевиками. Так что летом 1917 г. значительная часть социалистов стала понимать, что Ленин-то был не так уж и не прав, предлагая передать власть советам.

Не удивительно, что подобная перспектива не устраивала кадетов: советы были главным противовесом идее «сильного», то есть в ситуации 1917 г. авторитарного элитарного правительства. А именно о таком правительстве мечтали либералы, чтобы можно было провести, выражаясь словами конца XX века, «шоковую терапию». Советы не дали провести «оздоровление экономики» в интересах буржуазии. Но перспектива потерять союз с бизнесом и другими, как тогда говорили, «цензовыми элементами» пугала и умеренных социалистов, которые видели в разрыве с буржуазией опасность экономического саботажа и отсутствия поддержки справа в борьбе против большевизма (именно это обстоятельство заставляло часть лидеров социалистических партий до последнего момента отвергать идею правительства без либералов).

Возражая Чернову, добивавшемуся создания правительства без кадетов, другой лидер эсеров А. Гоц говорил: «Слева большевики травят десять “министров-капиталистов”, требуют, чтобы мы от них “очистились”, то есть остались без союзников и скатились им прямо в пасть». Все более явная угроза со стороны «анархо-большевизма» пугала умеренных социалистов.

Таким образом, перед страной встала дилемма — сохранение либерально-социалистической коалиции до Учредительного собрания или создание однородного (без либералов) социалистического правительства из всех советских партий, ответственного перед Съездом советов или его органами, втягивание «анархических» масс в процесс социальных преобразований, по возможности конструктивных.

Поскольку правительство оставалось фактически безответственным и не имело прочной опоры в советах, каждый политический кризис немедленно оборачивался митинговыми страстями и серьезными столкновениями.

Тем более, что нарастание экономических проблем и отсутствие социально ориентированных преобразований толкали все новые и новые группы рабочих под флаги радикалов — большевиков и анархистов.

* * *

В июне — начале июля головной болью правительства были не столько большевики, сколько анархисты. Они «окопались» на Выборгской стороне, где успешно вели агитацию среди рабочих. В февральские дни анархисты обзавелись недвижимостью, как и другие партии — самозахватом. В занятом ими особняке Дурново был устроен лекторий. Но вот с печатанием газет и листовок у анархистов были проблемы — типографий им не досталось. 5 июня лидер Петроградской федерации анархо-коммунистов Солнцев во главе группы бойцов захватил типографию газеты «Русская воля», основанной еще Протопоповым — последним царским министром внутренних дел. За газету, которая давно перекрасилась в демократические цвета, вступились умеренные социалисты и большевики. Что получится, если анархисты начнут захватывать газеты и печатать свои листовки тиражами, которыми сейчас печатаются листовки других партий! Получится Бог знает что. Именем Совета и правительства вызвали солдат, на место кризиса прибыли Гоц, Каменев и другие левые деятели. Поддавшись их уговорам, анархисты оставили объект. Но правительство по-своему оценило уступчивость анархистов и решило

перейти в контрнаступление. 7 июня министр юстиции распорядился выселить анархистов с дачи Дурново.

Противники анархистов распространяли слухи, что в особняке Дурново организовался настоящий вертеп разбойников. Но когда прокурор прошел в здание, «перед ним предстала неожиданная картина. Ничего ни страшного, ни таинственного он не обнаружил; комнаты застал в полном порядке; ничего не было ни расхищено, ни поломано; и весь беспорядок выражался в том, что в наибольшую залу были снесены в максимальном количестве стулья и кресла, нарушая стильность министерской обстановки своим разнокалиберным видом: зала была предназначена для лекций и собраний»^[41]. Более того, в здании помимо анархистов базировалось множество других организаций, включая союз булочников и... районную милицию.

Вопрос об особняке Дурново обсуждал даже Съезд советов. Здесь сказался страх умеренных социалистов перед анархизмом — течением для них малопонятным, пугающим своим радикализмом. Правый эсер Гоц и правый меньшевик Гегечкори настаивали на примерном наказании анархистов, левые социалисты от меньшевиков до большевиков колебались. Они чувствовали, что анархисты помимо всего прочего — еще и конкуренты. Так начался раскол в рядах революционной демократии. На протяжении всей революции и гражданской войны, кроме ее последней фазы в 1921 г., народники и анархисты, несмотря на близость многих своих принципов (самоуправления, федерализма и свободы) будут находиться по разные стороны баррикад.

Съезд одобрил решение о выселении анархистов, что подорвало авторитет умеренных социалистов в Петрограде, особенно среди радикальных рабочих. Анархисты не подчинились приказу о выселении. Когда войска пошли на здание, матрос Анатолий Железняк (Железняков) бросил в наступавших четыре гранаты, что даже для тревожной обстановки лета 1917 г. было слишком — гражданская война ведь еще не началась. Железняка повязали и приговорили к 14 годам каторги. Но он бежал. Июньская история только прибавила ему авторитета среди матросов, и Железняк был избран в состав Центробалта — революционного Совета Балтийского флота.

В сознании большинства рабочих Петрограда анархисты в событиях, связанных с захватом дачи Дурново, были пострадавшей стороной. С утра 8 июня забастовали 28 заводов с 15 тысячами рабочих, перед дачей собралась протестующая толпа, в которой было много вооруженных людей — далеко не только анархисты. Брожение продолжалось вплоть до «июльского кризиса». 10 июня анархисты

решили провести демонстрацию протеста. Их поддерживали рабочие уже 150 заводов — это была паства большевиков. Большевики планировали свою демонстрацию 10 июня, но против нее активно выступил Съезд советов, лидеры которого опасались, что массовая вооруженная демонстрация может вылиться в вооруженные столкновения. Под давлением советских лидеров большевики вынуждены были перенести демонстрацию и принять участие в общей демонстрации вместе с социалистическими партиями 18 июня. Большевики стали убеждать радикальных рабочих отказаться от выхода на улицы 10 июня. В этой ситуации они выглядели как оппортунисты по сравнению с анархистами. Представители предприятий согласились на этот раз уступить. Но согласятся ли они на уступки в следующий раз или пойдут за анархистами? Эта дилемма во многом определяла действия Ленина в 1917 г.

18 июня анархисты вышли на общую демонстрацию левых с радикальным, но непонятным лозунгом «Смерть тиранам», затем отделились от колонны. Солнцев во главе гренадер пошел на тюрьму и освободил несколько десятков заключенных. Но арестованные в даче Дурново все еще находились в заключении, и анархисты продолжали требовать их освобождения, угрожая налетами на тюрьмы.

Сила анархистов и их опасность для большевиков в этот период заключалась в радикализме. Их общественный идеал был мало известен массам, но зато они были самые «крутые», «круче» большевиков. Но в этом заключалась и слабость анархизма. Как только настанет время созидания, социального творчества, городские анархисты не смогут предложить привлекательной конструктивной программы, отличной от большевистской. Их визитной карточкой останется разрушение, от которого массы устанут уже в 1918 г.

* * *

3 июля 1917 г. попытки правительства направить часть «революционного гарнизона» на фронт, где началось наступление, совпали с выходом кадетов из правительства в знак протеста против предоставления широкой автономии Украине. Правительство оказалось в состоянии глубокого кризиса, а в этот момент недовольные солдаты и матросы во главе с анархистами и некоторыми особенно радикальными большевиками вышли на улицу. В ночь на 3 июля Солнцев вел агитацию в 1-м пулеметном полку за взятие власти революционными солдатами и рабочими, реквизицию собственности буржуазии и свержение Временного правительства. Был даже создан

Военно-революционный комитет (ВРК) во главе с Солнцевым. Явившись в Совет, он потребовал реквизиции предприятий в пользу рабочих и свержения правительства.

Ленин опасался столь решительных действий без достаточной подготовки. Реалистично оценивая силы партии, ее лидеры не стремились к немедленному захвату власти. Однако после того, как движение началось, большевики не могли не возглавить выступление. По справедливому замечанию американского историка А. Рабиновича, «лидерам петроградских большевиков было чрезвычайно трудно оставить без руководства демонстрантов и недавно завоеванных членов партии. В конце концов, уличные шествия возникли в результате большевистской пропаганды и были реальным свидетельством усилившейся “большевизации” масс»^[42]. Отказавшись от лидерства в выступлении, большевики потеряли бы репутацию решительных людей и связанную с этим поддержку широких слоев населения и войск, взбудораженных военной и социальной ситуацией. Тем более, что большевикам уже «дышали в затылок» анархисты, фактически возглавившие выступление в его первые часы. Большевикам было нетрудно перехватить руководство движением, так как у них, в отличие от анархистов Петрограда, была сильная организация. Но встав во главе движения, они и брали за него ответственность.

В итоге Петроградский комитет РСДРП(б), а затем и большинство ЦК решили возглавить демонстрацию, чтобы превратить ее «в мирное, организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда». Чего же требовали большевики? Власти? Нет, Ленин продемонстрировал удивительную для политика принципиальность, которой ему не хватало позднее. Раз он выдвинул еще в апреле лозунг «Вся власть советам!», то и сейчас следует требовать того же, хотя большевики составляют в советах меньшинство, а большинство принадлежит умеренным социалистам. Правда, превращение советов в источник власти сделало бы большевиков одной из правящих партий при возможности добиваться решительных социальных преобразований без оглядки на кадетов. Большевики справедливо рассчитывали, что переход к радикальной политике быстро выведет их на первые роли в социалистическом правительстве.

Но для такого варианта развития требовалось всего ничего — чтобы советское руководство, где были весьма влиятельны именно правые социалисты, согласилось взять власть. А оно на это не согласилось.

На улицы вышли массы рабочих, солдат и рабочих при оружии.

Сторонники правительства открыли по ним огонь, 3-4 июля произошли кровопролитные столкновения. Несмотря на то, что в большинстве случаев именно революционные колонны подвергались обстрелу со стороны казачьих и офицерских формирований, большевиков и анархистов обвинили в организации восстания в столице.

ВРК Солнцева действовал параллельно большевикам. Он установил контроль над Финляндским вокзалом, газетой «Новое время», которая стала выпускать воззвания революционеров. Анархисты участвовали в установлении контроля над Петропавловской крепостью, выставили патрули вдоль маршрута демонстрации, их делегаты (в том числе известная в будущем Мария Никифорова), прибыв в Кронштадт, собрали митинг на Якорной площади. Там, где в 1921 г. анархист Шустов будет клеймить большевиков под одобрительный гул народа, теперь, в июле 1917 г. анархисты Ярчук и Никифорова увлекли матросов на поддержку совместного с большевиками выступления. 4 июля колонна вооруженных матросов была в Петрограде.

Но выступление оказалось в тупике — большевики требовали у ЦИК советов взять власть, а меньшевики и эсеры, составлявшие большинство в ЦИК, отказывались. Некоторое время они даже колебались, но очень не хотелось брать власть из рук разбушевавшейся вооруженной улицы — опыт Великой французской революции говорил, что уступки возбужденным толпам приучают их к тому, что можно менять режимы силой. Очень некстати демонстранты арестовали В. Чернова. Он был тут же освобожден по настоянию Л. Троцкого, но стал относиться к движению без симпатии.

Против восстания правящая группа считала возможным бороться любыми средствами. 4 июля министром юстиции П. Переверзевым стали распространяться материалы о том, что Ленин является немецким шпионом. Как бы не обстояло дело с финансированием большевиков немецкой стороной, распространенные в июле материалы были грубо сфальсифицированными^{43}.

Но воздействие этой агитации на колеблющуюся часть войск, а также полный тупик, в котором оказались радикалы из-за отказа советских лидеров передать власть советам и порвать с кадетами, привели к свертыванию движения уже 5 июля. Ленину и некоторым другим лидерам большевиков пришлось уйти в подполье, часть лидеров выступления была арестована. Узнав об этом, в далеком Гуляйполе Махно провел митинг, где возмущенно говорил о наступлении реакции. Анархисты и большевики оставались союзниками перед лицом «партии порядка».

Ленин изложил свое социально-политическое кредо 1917г. в работе «Государство и революция». Несмотря на то, что нынешние советы оказались контрреволюционными, Ленин продолжает настаивать, что нужно бороться за республику советов. У них есть одно важное преимущество по сравнению с парламентом — они способны обновляться.

Свои идеи Ленин тщательно подтверждает цитатами Маркса и Энгельса. Не нужно соблазнять его трон Бакунина — Ленин марксист. Но Маркс был куда революционней, чем хотелось бы его трусливым эпигонам.

Отталкиваясь от текстов К. Маркса и Ф. Энгельса, Ленин формулирует свой государственный идеал так: «демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (= особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство»^[44].

Такая прямая демократия означала бы передачу власти непосредственно органам самоуправления рабочих и крестьян, полную ликвидацию бюрократической надстройки: «Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалования к обычной заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму»^[45]. Ленин считает, что это будет уже «не государство чиновников, а государство вооруженных рабочих»^[46]. Это почти анархизм. Но только почти.

Ленин четко отмежевывает свое понимание марксизма от анархизма. Он спорит с Бернштейном, который признал — Маркс под влиянием прудонистов Парижской коммуны пересмотрел свою политическую концепцию. От политического централизма он перешел к прудоновскому федерализму, строительству общества на основе самоуправления. После целой страницы, на которой Ленин возмущается кощунственными признаниями Бернштейна, «кандидат в Бакунины» ясно объясняет, в чем, по его мнению, марксизм сходится и расходится с анархизмом: «Маркс сходится с Прудоном в том, что оба они стоят “за разбитие” государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном, и с Бакуниным), ни

оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте». Но при этом Маркс не федералист, а централист^[47]. В этом — разница.

Действительно, Маркс принял разработанную прудонистами политическую концепцию Парижской коммуны — федерацию автономных от центра общин (коммун, советов). Но от этого он лишь незначительно сблизился с анархизмом. Для Маркса политическая система — только настройка, а главное — экономический централизм. Если все вопросы в обществе будет решать единый экономический центр, то «надстройка» в виде федерации коммун (советов) будет вторичным обстоятельством.

Анархистам следовало бы прислушаться к этим словам Ленина — он разъясняет суть своей политики, которую сторонники свободы и самоуправления сначала не заметят. Начав борьбу за власть советов, Ленин затем сосредоточит всю власть в едином центре — нравится это советам или нет. Такая диктатура государственной верхушки казалась временным явлением, но Ленин четко разъяснил, когда по его мнению государство, контролирующее все стороны жизни общества, должно «отмереть»: «Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: “каждый по способностям, каждому по потребностям”...»^[48] Правда, эта грандиозная перемена по мнению Ленина произойдет в обозримой перспективе. Но если нет — придется подождать и со свободой, и с «отмиранием» диктатуры.

Ленин вовсе не отказывается от максимального расширения полномочий самого государства, то есть централизованной структуры управления. Он выступает за всеобщее огосударствление экономики, за «строжайший контроль со стороны общества и со стороны государства за мерой труда и мерой потребления»^[49]. Всевидящее око, тотальный контроль. Поскольку все будут вовлечены в этот контроль, то сама функция управления уже не будет делом профессии. Все будут надзирать за правильностью выполнения указаний панирующего центра. «Анархизм» Ленина оборачивается противоположностью анархизма.

После июльского поражения Ленин склоняется к необходимости вооруженного переворота. Однако он не отказывается от идеи власти советов, выражая надежду, что в ходе нового революционного подъема появятся новые советы, которые вытеснят «данные Советы». У Ленина были основания надеяться на это, поскольку Временное правительство не справилось с кризисом, и в затылок умеренным социалистам дышали более радикальные лидеры. Кое-где они уже становились во главе советов. В этом отношении Махно шел в авангарде революционного

процесса.

Новый этап в развитии революции наступил, когда либеральные политические круги, опираясь на военную силу главнокомандующего Лавра Корнилова, решили установить «твердый порядок». 26 августа верные Корнилову части двинулись на Петроград с намерением разогнать советы и левые партии.

Выступление военных привело к немедленной самобилизации левой части общества. Советы, профсоюзы, войсковые комитеты, социалистические партии и движения (в том числе большевики и анархисты) немедленно мобилизовали десятки тысяч солдат, матросов и рабочих на борьбу с Корниловым. Войска, двигавшиеся на столицу, были окружены «целым роем агитаторов»^{50}, которые разъясняли солдатам контрреволюционность их действий. «Железная рука» Корнилова солдатам была не по душе и корниловское выступление провалилось. Самоорганизация народа победила военную силу, «анархия» спасла демократию. Левые вышли из полу-подполья и вернули влияние, которым располагали до июльского выступления. Августовские события восстановили влияние советов и способствовали их радикализации. Росло влияние сторонников власти советов. Россия все больше становилась похожа на Гуляйполе.

Известия о Корниловском мятеже возбудили города и веси. На местах формировались революционные дружины, чтобы сражаться с военной диктатурой. Корниловщина провалилась, но если бы генерал преуспел, в стране разразилась бы гражданская война. Так будет в Испании в 1936 году. Россия пошла другим путем, но в том же направлении. И Гуляйполе опять было на острие революции в провинции.

* * *

Начало корниловского мятежа подорвало авторитет Временного правительства в районе. Под предлогом неспособности центральных властей дать отпор контрреволюции, махновцы создали свой Комитет защиты революции при Совете и провели конфискацию оружия у «кулаков» в пользу своего отряда. Комитет, разумеется, возглавил Махно. Новый орган должен был организовать оборону района от любого вмешательства извне. Комитет созвал первый съезд советов Гуляйпольско-го района, который поддержал действия Махно. Гуляйполе, таким образом, становилось столицей окружающих сел. Создание самостоятельного центра власти в районе Гуляйполя было воспринято уездной администрацией в штыки. Гуляйпольский район

давно раздражал уездного комиссара Временного правительства Михно. Анархо-коммунисты ликвидировали общественный комитет и фактически вывели район из подчинения уездных властей. Михно угрожал вооруженной экспедицией в район. Вооружившись, махновцы были готовы к отражению нападения. Одновременно они решили «зайти противнику в тыл» — в уездный центр Александровск была послана агитационная команда, которая развернула кампанию против Михно. Рабочие поддержали гуляйпольцев забастовкой, парализовав работу уездного комиссара. Правительственный чиновник вынужден был «отстать» от анархистского района. Борьба с временными правительственными властями в это время шла у Махно даже успешней, чем у Ленина. Но вот исход борьбы за власть все же зависел от столицы России.

В августе—сентябре Махно испытал конкуренцию в борьбе за «революционные массы» со стороны еще больших радикалов, чем он сам. В Гуляйполе приехала известная анархистка Маруся Никифорова.

К этому времени тридцатилетняя Мария Григорьевна Никифорова была личностью куда более знаменитой, чем Махно. Во время Первой российской революции юная Маруся, как звали ее окружающие, стала участвовать в движении анархистов, участвовала в эксках и вооруженных нападениях на полицию. В 1907 г. была приговорена к бессрочной каторге. Так что начинали они с Махно почти одинаково.

Но Никифоровой в 1909 г. удалось бежать, и она оказалась в Париже, где приобщилась к кругам анархистской эмиграции, вышла замуж за анархиста Витольда Бжостека^[51].

Тут в России разразилась революция, и Маруся в ореоле славы и легенд возвращается на родину, участвует в бурных событиях в Петрограде, а после июльского поражения отправляется на Украину, откуда была родом. Она создала «вольный отряд по борьбе с контрреволюцией». Ее «черногвардейцы» устраивали налеты на заводчиков и военные части, пополняя боезапас и финансируя потом рабочие организации. Популярность Маруси росла.

Махно, который привык договариваться с «буржуями» (на своих условиях, конечно), а не устраивать налеты, не одобрял методов Никифоровой, которая провоцирует Александровские власти на конфронтацию. Маруся «подбила» часть махновцев к нападению на военную часть в Орехове. Акция прошла удачно, боевики разоружили подразделение Преображенского полка, перебили офицеров и захватили оружие. Махно был возмущен безответственностью Маруси. Он в это время не провоцировал вооруженные конфликты, стараясь обходиться угрозами. Марусе пришлось покинуть Гуляйполе и

«откочевать» в Александровск, где она вскоре была арестована^{52}. Пришлось махновцам вместе с александровскими рабочими вызволять экстремистку, грозить набегом и забастовкой. Когда к воротам тюрьмы пришла толпа рабочих, Марусю отпустили. Совет был переизбран в пользу левых, комиссар Михно достаточно напуган, чтобы Александровск перестал угрожать Гуляйполю. Можно было спокойно заняться социальной политикой.

5. Махновский синдикализм

Уже в этот период Махно опирался не только на крестьянство, но и на рабочую организацию — Союз металлистов, деревообделочников и других профессий, возникший еще до революции. Союз объединял фактически всех рабочих Гуляйполя и ряда окрестных предприятий (в том числе мельниц). В июле профсоюз, в соответствии с анархистской доктриной, стал превращаться в производственно-распределительную организацию. 17 июля было решено обсудить возможность приобретения собственной пекарни, а также «поручить заводским комитетам выяснить составлением списков сколько кому из рабочих, состоящих членами профсоюза, нужно товару и топлива и обуви, и в какой сумме могут внести денег впредь до получения означенных в сем предметов»^{53}.

4 октября профсоюз возглавил Махно, который своевременно оценил важность синдикалистской организации для решения сложных социальных проблем. Уже 7 октября под его руководством обсуждался конфликт на металлургическом заводе Кернера («Богатырь»). Администрация считала возможным поднять зарплату всем категориям рабочих на 50%, а сами рабочие настаивали на дифференцированном подходе, при котором зарплата поднимается на 35-70% разным категориям для сближения уровней оплаты. После переговоров с представителями профсоюза М. Кернер согласился на такие условия.^{54}

Махновский профсоюз приобрел в районе большой авторитет. В октябре работники мельницы «Трищенко и компания», не состоявшие в профсоюзе, обратились к организации с просьбой «о понуждении владельцев мельницы» к прибавлению зарплаты. Вероятно, у Махно, совмещавшего руководство профсоюзом с лидерством в крупнейшей местной политической группировке (притом вооруженной), были свои методы «понуждения» предпринимателей к соблюдению прав рабочих в условиях растущей инфляции. Но Махно не собирался использовать такие методы в пользу работников, не входящих в профсоюз. «Профбосс» помнил об интересах своей организации и демонстративно

отклонил просьбу работников мельницы Трищенко на том основании, что они не вступили в профсоюз¹⁵⁵. Таким образом, Махно стимулировал рост рядов — для того, чтобы пользоваться его покровительством, рабочие должны были войти в организацию. Дело рабочих мельницы Трищенко подтолкнуло Махно к тому, чтобы сделать членство в Союзе обязательным, а сам профсоюз превратить в орган, который в сфере социальных вопросов может отдавать распоряжения администрации. 25 октября (в день Октябрьского переворота в Петрограде) в соответствии с решением собрания рабочих от 5 октября правление профсоюза постановило: «Обязать владельцев названных мельниц производить работы на три смены по 8 часов, приняв через профессиональный союз недостающих рабочих. Рабочим, не состоящим членами профсоюза, вменить в обязанность немедленно записаться в члены Союза, в противном случае они рискуют лишиться поддержки Союза»¹⁵⁶. Эта синдикалистская реформа почти ликвидировала безработицу в районе и укрепила социальную базу махновского режима. Был взят курс на всеобщее введение восьмичасового рабочего дня¹⁵⁷ для всех рабочих.

Если предприниматели вступали в конфликт с новым режимом, то Земельный комитет, подчинявшийся Совету, мог лишить их права собственности. Так, одна из мельниц была передана Земкомом в аренду частным лицам с условием осуществления ее ремонта и ритмичной работы¹⁵⁸.

В декабре 1917 г. Махно, занятый другими делами, передал председательство в профсоюзе своему заместителю А. Мищенко¹⁵⁹. Иногда мнение Махно серьезно расходилось с позицией других лидеров профсоюза. Уже 31 октября Махно предложил отправить часть рабочих во временные отпуска из-за нехватки работы. Но правление Союза отклонило это предложение, высказавшись за сокращение рабочего дня и категорически постановив: «До конца войны никаких расчетов (то есть увольнений — А.Ш.) не допускать»¹⁶⁰. Вообще ситуация в рабочем движении Гуляйполя была относительно демократической. Часть рабочих критиковала правление Союза за порядок расходования средств (большинство поддержало Махно), важнейшие решения отдавались на рассмотрение рабочих, хотя Махно и правление предварительно высказывали свое мнение. Так было, например, при обсуждении вопроса о предложении Александровского союза металлистов войти в его состав. Махно не хотел терять самостоятельности своего союза: «Относясь к этому предложению отрицательно, так как это убьет самостоятельность союза, правление находит необходимым отстаивать этот вопрос на обсуждении

объединенного собрания рабочих»^{61}. Махно в соответствии с его представлением об анархизме обычно игнорировал указания «вышестоящих» организаций. 10 октября при рассмотрении спора с администрацией Махно отказался учитывать решение арбитражного суда в Екатеринославе^{62}.

В условиях, когда буржуазия выводила капиталы из страны, когда конфликты хозяев с рабочими парализовывали производство, рабочее самоуправление давало последний шанс стабилизировать экономику. Представители рабочих ездили за материалами в Александровск. Но первый опыт был неудачен — получить необходимые материалы не удалось^{63}.

В условиях развала хозяйственных связей в стране гуляйпольцы попытались наладить продуктообмен с городами, тем более, что это соответствовало идеям анархистов о сотрудничестве рабочего класса и крестьянства в обход государства и капиталистов. Гуляйпольцы собрали муку для рабочих и крестьянские заказы на мануфактуру и другие промышленные товары. Вагон с мукой под охраной отправился в Москву, где, по утверждению Махно, рабочие Прохоровской и Морозовской фабрик с удовольствием обменяли его на вагон промтоваров. Ко всеобщей радости вагон с мануфактурой отправился назад, но тут начались неприятности. Махно вспоминает о злоключениях мануфактуры: «Но по дороге заградительные отряды продовольственных правительственных органов ее задержали и направили в Александровск, в продовольственную управу, на том основании, что непосредственно, дескать, без разрешения центральной советской власти нельзя делать никаких товарообменов крестьян с рабочими»^{64}. Возмущенные крестьяне и рабочие Гуляйполя требовали немедленного военного похода на Александровск, но махновский Комитет защиты революции сначала послал угрожающую телеграмму. Она возымела действие — на следующий день вагон стоял на станции Гяйчур близ Гуляйполя. Местные жители решили продолжать продуктообмен.

Ранней весной оживилась аграрная реформа — нужно было успеть провести передел к началу сева. Преобразования проходили мирно — их принципы были определены еще осенью, вооруженный перевес был на стороне Совета. Получив землю, некоторые бедняки и батраки не могли или не хотели наладить самостоятельное хозяйство. Им анархо-коммунисты предлагали объединиться в коммуны, под которые к тому же отводились помещичьи усадьбы. Несмотря на общность имущества в коммуне, ее члены имели отдельные квартиры, где могли уединиться.

Домашнее хозяйство можно было вести как отдельно, так и коллективно. Если человек желал готовить себе отдельно от коллективной трапезы, он имел на это право, но должен был предупредить заранее. Все важнейшие вопросы в коммуне решались общим собранием. Планировались педагогические эксперименты по методике испанского анархиста Ф. Феррера. В 4-х ближайших к Гуляйполю коммунах (кооперативах) состояло от 50 до 200 человек. В одну из них записался и сам Махно и работал там по два дня в неделю^[65].

О структуре коллективных форм сельского хозяйства в этом районе можно судить также по уставу кооператива хутора Очереватого, который был принят весной 1918 г. Численность кооператива была ограничена 40 рабочими руками, приоритет при вступлении принадлежал семейным людям. Устанавливалось, что «вступившие лица в кооператив обязаны добросовестно выполнять работы, каковые на них возложены». До урожая члены кооператива должны были работать бесплатно, но от Совета они получили ссуду. Работники выбирали президиум кооператива из трех человек, который был ответственен перед членами кооператива и перед Советом. «Если президиум или отдельные члены его будут в чем замечены, то члены ко-ва вправе переизбрать во всякое время». Президиум был коллективной администрацией кооператива с широкими полномочиями: «Лица, вступившие в ко-в должны всецело подчиняться старшему товарищу, который будет избран членами ко-ва в президиум». «Если окажутся такие лица, которые не пожелают подчиняться старшему, то президиум вправе рассмотреть это дело и уладить конфликт», или передать его на рассмотрение Совета. Таким образом, участники страховали себя от произвола администратора и даже коллектива, предусматривая систему третейского разбирательства. В случае выхода члена из кооператива он получал расчет как работник по усмотрению президиума и Совета. Предусматривалось также содержание по болезни семьи больного до трех месяцев в размере, определяемом собранием. Инвентарь, скот и продукты поступали в коллективное распоряжение кооператива, но под контролем Совета. Кооператив нес ответственность за сохранность инвентаря. В случае ликвидации кооператива он должен был вернуть Совету весь полученный от него инвентарь. Первоначально авторы проекта устава считали, что скот должен находиться в распоряжении семей, но затем от этого положения отказались — кооператив почти ничем не отличался от коммуны. Провозглашалось, что «все члены кооператива не имеют никаких особых прав и прислугу».

Первоначально семь семей — организаторов кооператива претендовали на земельные участки общим размером в 300 десятин, но такого количества земли им получить не удалось. В их распоряжение было передано 193 десятины. Тоже неплохо. Сначала члены кооператива требовали выселения с хутора крестьян, которые отказались вступить в кооператив, но и от этого требования пришлось отказаться. Махновский режим отрицал любые привилегии, в том числе и для общественных форм, близких ему идеологически. Кооператив принял на себя обязательство платить налоги обществу¹⁶⁶. Общинное крестьянство отнеслось к коммуна и кооперативам спокойно — выступления против этого опыта на сходах успеха не имели.

Оценить результативность махновских реформ нелегко — в события вновь вмешались внешние обстоятельства.

6. Центральная рада

Великая Российская революция объединяла в единый (хотя и противоречивый, конфликтный) комплекс несколько потоков — демократическую политическую революцию, городскую «пролетарскую» социальную революцию, крестьянскую аграрную революцию, национально-политические революции «окраин». Гуляйполе оказалось на периферии «Украинской революции» — одного из национальных потоков Великой Российской революции.

После сообщений о падении самодержавия в Киеве возник Совет объединенных общественных организаций (СООО), в который вошли представители всех наличествовавших в городе общественных движений (включая только что возникший Совет рабочих депутатов), представители которых пришли в здание гордумы. СООО избрал исполком, который на некоторое время взял власть в Киеве. В этот орган, который возглавил городской депутат Н. Страдомский, вошли представители гордумы, Земского союза, Городского союза, военно-промышленного комитета, украинских, еврейских, военных и рабочих организаций, включая Совет, а позднее — представители политических партий. Власть в губерниях в соответствии с постановлением Временного правительства перешла к губернским комиссарам — председателям губернских земских управ.

3 марта на собрании Товарищества украинских прогрессистов (поступовцев) была выдвинута идея создания украинского национального центра, который будет выступать от имени украинцев в отношениях с новой властью. 7 (20) марта поступовцы, кооператоры и социал-демократы провозгласили создание Центральной рады,

председателем которой был заочно избран пока не приехавший в Киев известный историк Михайло Грушевский.

По всей Украине возникали Советы и украинские общественные центры — комитеты и рады. Из подполья вышли партии: Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР), Украинская социал-демократическая партия (УСДП), Украинская народная партия, Украинская радикально-демократическая партия, большевики и др. Поступовцы 25 марта создали Партию социалистов-федералистов, стоявшую на умеренных социал-либеральных позициях. На массовых митингах высказывалась идея национально-территориальной автономии Украины, которую поддержал и приехавший в Киев Грушевский. Он считал, что Россия должна стать федерацией регионов, в том числе национальных. В составе этой федерации центральная власть должна обладать широкими, но четко очерченными полномочиями: дела войны и мира, вооруженные силы, внешняя политика, денежная, таможенная политика, почта, телеграф, стандарты и др. Однако остальные вопросы должны решать демократически организованные местные власти — от местного самоуправления до украинского сейма. Правда, в противоречие с этим положением Грушевский писал и об украинской армии. Но главный его принцип сохранялся на протяжении революции: «Мы хотим, чтобы местную жизнь свою могли строить местные люди и ею распоряжаться без вмешательства центральной власти»^[67]. Как видим, на уровне общих положений взгляд федералистов и сторонников советов не далеки друг от друга. Но кого понимать под «местными людьми» — этнических украинцев или всех жителей региона? И каковы границы этого региона? Концепция не просто территориальной, но национально-территориальной автономии предполагала преимущества этнических украинцев, что ставило вопрос о равноправии жителей в будущей автономной Украине.

6 апреля по инициативе Центральной рады был созван Всеукраинский национальный конгресс, на который съехались около 900 представителей украинских национальных и социальных организаций с Украины и из России. 8 апреля конгресс выбрал новый состав Центральной рады из 118 членов во главе с председателем М. Грушевским и его заместителями В. Винниченко и С. Ефремовым, При этом Рада могла расширять свой состав за счет представителей партий, рабочих, военных и крестьянских организаций. Численность Рады достигла сначала 480 членов, а после включения в ее состав представителей национальных меньшинств к августу — уже 639 членов. Между сессиями этой Большой рады действовал Комитет

Центральной рады (с июля — Малая рада). Крупнейшей фракцией в Раде были эсеры, но политически доминировали социал-демократы и социалисты-федералисты.

Национальное движение развернулось и в армии, что придало ему дополнительную силовую опору и радикальность, так как солдаты были возбуждены безысходностью и все более очевидной бессмысленностью мировой бойни. 5-8 мая прошел I всеукраинский войсковой съезд, 700 делегатов которого представляли до 900 тысяч солдат и офицеров. Съезд выступил за создание украинизированных частей и национально-территориальную автономию, избранный им Украинский военный генеральный комитет вошел в Центральную раду, обеспечив ее связь с войсками.

Однако идея национально-территориальной автономии не встретила понимания со стороны Временного правительства, что охладило отношения и без того шаткой центральной власти и Центральной Рады. Особенно решительно против автономии выступали кадеты, приверженные идее единой и неделимой России. Эсеры были федералистами, но в своей политике шли на уступки кадетам, опасаясь за судьбу правительственного блока. Поэтому они относили решение всех крупнейших политических вопросов к прерогативе Учредительного собрания, выборы в которое надеялись выиграть. А пока правительство выступало против предоставления Украине специфического статуса. Центральная рада вышла из Исполкома СООО, влияние которого после этого стало быстро падать, так как и Совет рабочих и солдатских депутатов действовал практически самостоятельно.

Не добившись соглашения с Временным правительством, украинское национальное движение усилило давление на центральную власть, запланировав II Всеукраинский воинский съезд. Этот съезд был запрещен военным министром А. Керенским, но все равно собрался и 10 июня провозгласил принятый в тот же день Комитетом Центральной рады Универсал. В этом документе, который получил название Первого Универсала Центральной рады говорилось: «Не отделяясь ото всей России, не разрывая с российским государством, пусть украинский народ на своей земле имеет право сам управлять своей жизнью. Пусть порядок и строй на Украине определит избранное общим, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное Украинское Собрание (Сейм)». Универсал требовал от каждого органа местной власти, который «стоит за интересы украинского народа», установить организационные сношения с Центральной радой. Прежде всего Универсал обращался к «членам нашей нации», но также выражал

надежду, что «неукраинские народы, которые живут на нашей земле», примут участие в создании украинской автономии. Важным шагом стало решение ввести налог в пользу Украины^[68]. Универсал был торжественно провозглашен на Софийской площади Киева в присутствии делегатов войск. 15 июня был создан исполнительный орган Рады — Генеральный секретариат во главе с левым социал-демократом В. Винниченко.

Временное правительство не имело возможности пресечь «самоуправство» Центральной рады и вынуждено было договариваться. 29 июня четыре российских министра — А. Керенский, М. Некрасов, И. Церетели и М. Терещенко — прибыли в Киев на переговоры. Теперь они уже были согласны предоставить Украине автономию с последующим утверждением ее Учредительным собранием. Для этого планировалось подписать соглашение, после чего стороны публично декларировали бы единство своих действий. В Центральную раду должны были быть включены представители этнически неукраинского населения, чтобы она представляла всех граждан Украины. Таким образом, в результате переговоров автономия приобретала территориальный, а не национально-территориальный характер, хотя и с национально-пропорциональным представительством (пропорции определялись в результате переговоров между лидерами Центральной рады и представителями «меньшинств» — Раду пополнили 202 действительных члена и 51 кандидат). При Временном правительстве должна была быть введена должность комиссара по украинским делам, оно, не поступившись своей законодательной властью, обещало согласовывать с Радой законодательство по Украине. С Керенским договорились о комплектовании украинских частей украинцами.

Когда вернувшиеся в Петроград министры 2 июля доложили коллегам об итогах переговоров с Радой, возмущенные кадеты вышли из правительства, что положило начало июльскому политическому кризису в Петрограде. Оставшиеся министры признали Генеральный секретариат высшим органом управления региональными делами, назначаемым Временным правительством по согласованию с Центральной Радой. Последней предлагалось разработать проект национально-территориальной автономии для утверждения правительством. В ответ 3 (16) июля Центральная рада приняла свой Второй универсал, где подтвердила, что «всегда стояла за то, чтобы не отделять Украину от России», и сообщила об уступках Временному правительству — об утверждении состава Генерального секретариата в Петрограде, о подготовке законодательства о национально-территориальной автономии для принятия всероссийским

Учредительным собранием^{69}. Треть депутатов Рады выступили против этих уступок. После дополнения Рады представителями национальных меньшинств (около трети ее состава, 18 членов Малой рады), Генеральный секретариат также был реорганизован на многоэтничной основе, хотя украинцы сохранили в нем ведущие позиции.

В Центральную раду вступили и большевики, которые заявили: «Вступая в Центральную украинскую раду, мы здесь будем вести неуклонную борьбу с буржуазией, буржуазным национализмом и будем звать рабочих и крестьян Украины под красное знамя Интернационала для полной победы пролетарской революции»^{70}.

Пока в Петрограде бушевали политические страсти, лидеры Центральной рады подготовили проект устава Генерального секретариата, регулирующий его полномочия, то есть, таким образом — сферу украинской автономии. В уставе говорилось и о Центральной раде как органе революционной демократии всех народов Украины, который служит утверждению автономии Украины и ведет подготовку к Российскому и Украинскому учредительным собраниям. Таким образом лидеры Центральной рады пытались легитимизировать не только Генеральный секретариат, но и права Рады, а также идею Украинского учредительного собрания. 15 июля В. Винниченко в сопровождении министров Х. Барановского и М. Рафеса отправился утверждать состав Генерального секретариата и его устав в Петроград. Там украинцы встретили холодный прием.

Победив своих противников слева, А. Керенский воссоздал под своим руководством коалицию с кадетами. Теперь уступки украинским «сепаратистам» были не ко времени. Поскольку проект устава Генеральному секретариату вышел за рамки киевских договоренностей, он был отвергнут комиссией Временного правительства. Вместо него правительство 4 августа выпустило инструкцию Генеральному секретариату, которая ставила этот орган в свое административное подчинение, не признавала властных полномочий за Центральной радой и ограничивало территорию, подчиненную Генеральному секретариату Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и частично Черниговской губерниями. Екатеринославская губерния, таким образом, оставалась за Россией. Временное правительство запрещало Генеральному секретариату иметь в своем составе секретариаты по военным, судебным и продовольственным делам, путей сообщения, почт и телеграфов. Впрочем, большинство этих сфер еще недавно и сам М. Грушевский относил к компетенции российского центра.

Решение Временного правительства возмутило депутатов Малой

рады. Позднее Винниченко вспоминал: «Инструкция была ничем иным, как циничным, бесстыдным и провокационным нарушением соглашения 16 июля и откровенным желанием вырвать из рук украинства все его революционные достижения»^{71}. Впрочем, как раз в августе 1917 г. Винниченко был настроен куда спокойнее: «Инструкция — это уже признание принципа автономии, которого мы вначале только и добивались. Но теперь мы добились большего, чем хотели два месяца назад. Признание самой идеи автономии, а не “областного самоуправления”, гораздо важнее... Если мы поглядим на фактическое соотношение сил, то можем сказать, что инструкция открывает для нас широкое поле как моральной, так и публично-правовой работы. И меня удивляют некоторые товарищи, которые так пессимистично смотрят на этот документ»^{72}. Действительно, инструкция закрепляла автономию Украины и предоставляла ей четкие границы, в которые были включены территории с очевидным преобладанием именно украиноязычного населения. В инструкции даже упоминалась Центральная рада, хотя за ней какие-то права не признавались (что естественно, ведь предметом регулирования был именно Генеральный секретариат). Так что умеренный оптимизм Винниченко был реалистичен. Позднее, когда Временное правительство превратилось в «козла отпущения» за беды 1917 года, Винниченко в своих мемуарах присоединился к хору возмущения по поводу украинской политики «временщиков».

Отсылка Винниченко к реальному соотношению сил августа 1917 г. не была случайной — после июльской победы позиции Керенского и более правых сил укрепились, и в этой обстановке Центральная рада могла вообще потерять свои позиции. В русскоязычной прессе развернулась кампания травли украинских лидеров за связи с немцами (что было частью общей июльско-августовской кампании против левых сил с типовыми обвинениями). В этих условиях Рада вынуждена была подчиниться инструкции, не признавая ее официально и не отказываясь от борьбы за расширение автономии, в том числе — и территориального. После долгого согласования 21 августа Винниченко сформировал новый Генеральный секретариат в соответствии с инструкцией, и 1 сентября его утвердило Временное правительство.

11 августа в связи с новым наступлением немцев С. Петлюра призвал украинцев: «Если в виду военных обстоятельств придется ехать на какой-то фронт, безусловно нужно ехать, ибо фронт един»^{73}.

Однако ситуация вновь изменилась, корниловское выступление нарушило баланс власти. Позиции «партии порядка» резко ослабели. 8 сентября Киевский совет рабочих депутатов, частично перевыбранный,

впервые принял большевистскую резолюцию о текущем моменте. Меншевистский лидер Рафес возмущался: «Голосуя за эту резолюцию, вы голосуете за диктатуру пролетариата!»^{174} Теперь это не смущало большинство членов Совета. Меншевики и эсеры, как и в Петрограде и Москве, подали в отставку из исполкома. Впрочем, эта большевизация не помешает Киевскому совету занять компромиссную позицию во время Октябрьского переворота.

Центральная рада открыто готовила выборы в Украинское учредительное собрание. Это вызвало гнев и угрозы со стороны Керенского, который вызвал Винниченко в Петроград. Глава Генерального секретариата прибыл в столицу как раз в тот момент, когда началась Октябрьская революция⁴,

7. Мы начали!

Махно установил советскую власть в своем районе раньше Ленина, и раньше начал строительство нового общества. Первые меры Махно предвосхищали преобразования Октября — ликвидация помещичьего землевладения, рабочий контроль, самоуправление коллективов и рабочих организаций, добровольная кооперация, попытки наладить продуктообмен помимо распадающегося рынка. Советская «государственность» здесь выступает не управляющей силой, а гарантом полноправия организаций работников. Это почти соответствовало концепции Ленина, изложенной в «Государстве и революции». Почти. Различие — в централизованном планировании и управлении всей Советской республикой. Эта черта ленинизма со временем станет преобладающей, но пока революционные массы ее не замечали. Им надоело ждать.

В сентябре тамбовские крестьяне принялись громить помещичьи усадьбы, чтобы заставить латифундистов навсегда оставить свои разоренные «дворянские гнезда». 20-21 сентября прошли солдатские волнения в Иркутске, которые возглавили анархисты.

Тревога по поводу того, что анархисты могут опередить большевиков, сквозит даже на заседании ЦК 16 октября, в самый канун Октябрьского переворота: «повсюду намечается тяга к практическим результатам, резолюции уже не удовлетворяют... замечается рост влияния анархо-синдикалистов...»^{175} Лидеры анархо-синдикалистов имели высокие рейтинги в движении фабзавкомов — на всероссийской

⁴ Сюжеты этой книги, посвященные украинскому национализму, написаны при поддержке Программы фундаментальных исследований Секции истории Отделения историко—филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории» (2012-2014 гг.).

конференции ФЗК 17-22 октября анархо-синдикалисты В. Шатов и И. Жук были избраны в Центральный исполком ФЗК, причем Шатов набрал наибольшее количество голосов^[176].

Жук говорил на конференции ФЗК о наступающем крахе промышленности, «чего рабочие не могут допустить»^[177]. А значит — нужно брать производство в руки коллективов.

В Военно-революционный комитет Петрограда, руководивший Октябрьским переворотом, вошли четыре представителя анархистов — В. Шатов, Г. Богацкий, Е. Ярчук, Н. Солнцев (он вошел уже после победы переворота, в котором участвовал со своими боевиками).

В это время анархо-синдикалисты шли в фарватере большевистской политики, но, как и в июле 1917 г., промедление большевиков могло привести к тому, что анархисты «перехватили» бы инициативу «второй революции». Тогда это было бы движение фабзавкомов, самоуправляющихся коллективов и анархистской «гвардии».

Но ни Керенский, ни Ленин не собирались медлить. В ночь на 24 октября Джон Рид встретил в Смольном Шатова, который крикнул: «Ну, мы начали! Керенский послал юнкеров закрыть наши газеты “Солдат” и “Рабочий путь”. Но тут пришел наш отряд и сорвал казенные печати, а теперь мы посылаем людей для захвата буржуазных редакций!»^[178]

Глава 3.

Власть советов и советская власть

1. Октябрь на марше

25 октября 1917 г. Ленин, глядя в зал II Съезда Советов, произнес свои исторические слова: «Социалистическая революция, о необходимости которой столько говорили большевики, свершилась!» На самом деле пока свершился только переворот, который передал власть в столице в руки большевиков. Их революция еще только начиналась, Россию еще предстояло завоевать. В зале съезда собрались те, кто поддержал свержение Временного правительства — большевики, левые эсеры и анархисты. Умеренные социалисты ушли возмущенными, и стали готовиться к сопротивлению. Впрочем, сопротивление это окажется вялым — никто не хотел умирать, когда власть большевиков явно временная — до Учредительного собрания.

Оно все решит...

Так думало большинство политически ангажированного населения, но Ленин так не думал. Все решает соотношение классовых сил. Каким оно окажется завтра? Ленин вглядывался в лица рабочих и солдатских депутатов, а потом будет вглядываться в лица крестьянских депутатов, как в зеркало. Кто из них отражает верную, марксистскую линию, а кто отпадет, предаст на следующем повороте? Махно не было среди этих делегатов, но это ничего не значит — он смотрел на вождей революции из этого зала тысячей глаз. Вот они, вожди революции там, на трибуне. Но революция — это я, человек из глубинки. Меня выдвинула взбаламученная народная стихия. Это я организовал ее в советы. Моим именем большевики взяли власть. Они должны служить мне, моим мечтам о светлом будущем, о свободной, сытой и справедливой жизни, о земле и мире.

Казалось, историю вершили люди, окружавшие Ленина — Троцкий, Антонов-Овсеенко, Дыбенко, Ворошилов... Они деловито распоряжались, двигали отряды, арестовывали остатки Временного правительства, сочиняли резолюции. И всем им предстояло споткнуться о Махно, как о камень преткновения большевизма, споткнуться о сложный рельеф Российской революции, который фигура Махно отражала лучше иных марксистских схем. Впрочем, о тот же камень того же рельефа предстоит разбиться и белому движению. Споткнуться — лучше, чем разбиться. В этом разница между красными и белыми, загадка победы большевизма в Гражданской войне. А разгадка отражается в том же зеркале, в истории махновского движения.

* * *

Сначала умеренным социалистам казалось, что можно избежать гражданской войны и установления диктатуры радикалов, тем более, что часть влиятельных большевиков стремились к тому же. Под давлением профсоюза железнодорожников Викжель ЦК большевиков 28 октября даже пошел на переговоры о создании многопартийного советского правительства социалистов с участием большевиков. Однако социалисты были согласны только на такую коалицию, которую не будут возглавлять большевики. Влиятельные члены большевистского ЦК Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин согласились с этой идеей «однородного социалистического правительства», но Ленин и Троцкий с возмущением отвергли предложение войти в правительство Чернова. Сила и инициатива была на их стороне,

гражданской войны они не боялись, считая, что все кончится быстро. Позиции сторонников компромисса между социалистами ослабли и потому, что партия эсеров раскололась слева от центра — ушли левые эсеры, которые вскоре вступили в коалицию с большевиками. Новая власть оформилась почти демократично — часть крестьянских советов поддержали ее вопреки сопротивлению эсеров. Партия эсеров сосредоточилась на предвыборной агитации. Сопротивление большевистской диктатуре на время ослабло. В ноябре-декабре 1917 г. Советская власть растекалась по стране, переливаясь полутонами и вспыхивая искрами скоротечных гражданских войн регионального масштаба. Власть Совета означала переход ее к лидерам радикальных советских организаций — большевикам, левым социалистам и анархистам. Левые радикалы вообще не считали новый режим диктатурой, а те, кто правее, считали, что она временная. К началу 1918 г. «триумфальное шествие советской власти» (по выражению Ленина) привело к поражению ее противников практически по всей России.

Но выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. принесли большевикам разочарование, а умеренным социалистам — больше половины голосов. Казалось, противники могут остановить часы — предвыборная кампания с оружием в руках окончена, народ сказал свое слово. Правда, почти четверть избирателей поддержала большевиков...

Большевики и левые эсеры не собирались сдаваться. 5 января 1918 г., в день открытия Собрания, на улицы Петрограда вышла многотысячная демонстрация сторонников демократии, желавших поддержать депутатов. Большевистская Красная гвардия открыла огонь по демонстрантам. Большинство погибших были рабочими и солдатами. Собрание было блокировано военными силами большевиков. Своеобразной издевкой над парламентаризмом стало назначение в охрану Собрания отряда матросов-анархистов во главе с Железняком.

На заседании Свердлов, пробравшийся к трибуне после настоящей драки между большевиками и их противниками, предложил проект декларации, в котором говорилось: «Поддерживая Советскую власть и декреты Совета народных комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задача исчерпывается установлением коренных оснований социалистического переустройства общества». По существу это были условия безоговорочной капитуляции, которая превратила бы Собрание в ширму диктатуры. Не удивительно, что Учредительное собрание отказалось даже обсуждать такую декларацию.

Поняв, что им не удастся заставить большинство собрания принять свои условия, большевики, а затем и левые эсеры, ушли из парламента.

Оставшиеся депутаты обсудили и приняли 10 пунктов Основного закона о земле, соответствовавшего принципам партии эсеров. Без выкупа отменив право собственности на землю, закон передал ее в распоряжение местным органам самоуправления, избранным крестьянами.

Депутаты продолжали работать до утра 6 января. Начальник караула анархист А. Железняков заявил Чернову, что «караул устал», и потребовал от депутатов разойтись. Чернов ответил, что депутаты не нуждаются в охране, потому что на их стороне вся Россия. Депутаты продолжали работать, приняли пункты закона о земле, постановление о провозглашении России демократической федеративной республикой и декларацию о мире, осуждавшую сепаратные переговоры большевиков с немцами и требовавшую всеобщего демократического мира. Затем председатель собрания В. Чернов закрыл заседание. Когда, немного поспав, депутаты вновь собрались у Таврического дворца, они нашли двери закрытыми — большевики заявили о роспуске Собрания и отобрали у верховного органа власти помещение. Так что роль анархиста Железняка в разгоне Собрания была преувеличена большевистским историческим мифом. Он просто спать хотел, а решение о разгоне было принято большевистской властью перед вторым заседанием. Потом она же будет принимать и решения о разгонах строптивых советов.

Но 6 января внезапно в события вмешались рабочие. Возмущенные вчерашним расстрелом, они поддержали избранников России. Рабочие Семянниковского завода предложили депутатам заседать на территории их предприятия. Рабочие столицы были возмущены расстрелом мирной демонстрации, который учинили большевики. В городе разрасталась забастовка, вскоре охватившая более 50 предприятий. Несмотря на то, что В. Чернов предлагал принять предложение рабочих, большинство депутатов-социалистов выступило против продолжения заседаний, уверяя, что большевики могут обстрелять завод с кораблей. Неизвестно, что произошло бы, если бы большевики приказали матросам стрелять по заводу. Возможно, «зараженные» анархизмом матросы отказались бы делать это. В 1921 г. и меньший повод вызвал антибольшевистское выступление в Кронштадте. Но лидеры эсеров остановились перед призраком гражданской войны и не стали возобновлять заседания. Депутаты разъезжались из столицы, опасаясь арестов. Первый свободно избранный парламент России был разогнан. Демократия потерпела поражение. Теперь противоречия между различными социальными слоями России нельзя уже было решать путем мирных обсуждений в парламенте. Большевики сделали еще

один шаг к гражданской войне.

Махно, как и значительная часть жителей страны, отнесся к этим событиям равнодушно. Учредительное собрание, не решившееся защитить себя, вызывало презрение у тех, кто привык добиваться своего революционным напором. Другие относились к Собранию с жалостью. И лишь часть граждан с ужасом понимала — если нет никакого судьи, если даже волеизъявление большинства ничего не стоит, значит основные вопросы, раздирающие Россию, будут разрешаться оружием.

Для анархистов в этом не было беды. Учредительное собрание должно было создать парламентскую республику, «буржуазное государство», и потому было контрреволюционной затеей. Махно и часть анархистов стояли за советы.

* * *

Анархисты в этот период в большинстве своем были союзниками большевиков, причем союзниками слева. Анархо-синдикалисты приобрели заметное влияние в фабзавкоммах и профсоюзах, где активно выступали за рабочий контроль, а затем — за переход предприятий в руки коллективов. Но Союз анархо-синдикалистской пропаганды, издававший «Голос труда», Петроградская федерация анархистских групп (газета «Буревестник»), Московская федерация анархистских групп (газета «Анархия») были относительно немногочисленны, хотя и пользовались заметным влиянием среди рабочих и матросов, имели вооруженные отряды. Теоретический уровень анархистов в это время был низок. Анархистская мысль вообще переживала упадок с 80-х гг. XIX в., тем более в России, где условия царской России не позволяли анархистам серьезно заниматься теорией. Экстремистский имидж анархизма привел к заполнению этой идейной ниши людьми, склонными к разрушению. Вернувшиеся из эмиграции теоретики также оказались не на высоте. Требуя «планомерной организации мирового хозяйства»^[79], анархо-коммунисты принципиально не отличались от марксистов, и видели в Ленине лишь непоследовательного сторонника анархии. В результате анархисты разделились на бесконечно рассуждающих пропагандистов, повторяющих упрощенные формулы Кропоткина или еще более далекие от происходящих событий анархо-индивидуалистские идеи, на анархо-синдикалистов, ставших «младшими партнерами» большевиков в движении фабзавкомов, и на боевиков, «ставивших дело» в виде экспроприации, накопления оружия ради «грядущих боев» с властью.

Не располагая собственной массовой организацией, анархисты пытались «раскачать» большевиков, использовать их в качестве силы, которая разобьет «буржуазное государство» и откроет путь для свободного социального творчества трудящихся масс, объединенных в советы. Общность лозунгов большевиков и анархистов дезориентировала последних. Видный деятель анархизма Всеволод Волин (Эйхенбаум) вспоминал: «Когда я читал сочинения Ленина, особенно написанные после 1914 г., я видел прекрасные параллели между его идеями и идеями анархистов, кроме идеи государства и власти»^{80}. Большевики в это время разрушали прежние государственные структуры и уверяли, что вновь создаваемые учреждения государственности являются временными вплоть до скорейшей победы мировой революции. И анархисты были готовы поддерживать большевиков в этой «разрушительной работе».

В канун Октябрьского переворота анархо-синдикалистский «Голос труда», редактируемый В. Волиным, провозглашал, что анархисты готовы поддержать свержение временного правительства, «если под “властью” понимается, что вся созидательная работа и вся организационная активность будет в руках рабочих и крестьянских организаций, поддерживаемых вооруженными массами, ... если “власть Советов” не станет в действительности государственнической властью новой политической партии»^{81}. В момент переворота выполнение этих «условий» было еще в будущем, и анархисты с оружием в руках выступили на стороне большевиков и левых эсеров. Даже те анархисты, которые осознавали все принципиальное различие в позиции анархистов и большевиков, призывали «участвовать в массовом движении» против Временного правительства^{82}.

Волин был романтиком по складу мысли, и верил, подобно Кропоткину, что революция освободит именно альтруистические основы человеческой природы, после чего анархизм и коммунизм возникнут естественным путем. Практика революции не разубедила его в этом. Но уже в декабре идеологи «Голоса труда» осознали, что новый режим несет гораздо большую угрозу делу свободы, чем прежний. Газета стала писать об опасности поглощения советов большевистской партией^{83}. Но анархисты по-прежнему считали «реставрацию» большим злом, нежели большевистскую революцию, что выразилось в их поддержке разгона Учредительного собрания.

До весны 1918г. анархисты в большинстве своем придерживались тактики, сформулированной членом ВЦИК Александром Ге — «Врозь идти, вместе бить». Проблема заключалась в том, что анархисты шли врозь не только с большевиками, но и между собой.

Но Н. Махно скептически относился к городским анархистам. Стереотип анархии как хаоса, свободы без границ, даже за счет других людей, оказывает влияние и на состав анархистского движения. К нему прибивается множество людей, понимающих анархизм как своеволие. Иногда это направление начинает доминировать в движении, так как примитивный анархизм не тратит времени на кропотливую организационную работу, зато вполне соответствует представлениям обывателя об анархии, и общество готово видеть именно в этом течении истинное лицо анархизма. Махно писал: «60-70% товарищей, называющих себя анархистами, увлеклись по городам захватом барских особняков и ничегонеделанием среди крестьянства. Их путь — ложный путь»^{84}.

* * *

На Украине шествие советской власти оказалось не таким триумфальным, как в России. Когда стало известно о восстании в Петрограде, киевские большевики призвали совместное заседание исполкомов рабочих и солдатских депутатов взять власть. Исполкомы не решились на это, но большевики создали ревком. Малая рада выступила с примирительных позиций и создала Краевой комитет охраны революции, в который вошли и большевики. Лидеры Центральной рады заняли позицию третьей силы в конфликте, возложив ответственность за него на Временное правительство и большевиков. Командование киевского военного округа сохранило лояльность Временному правительству и не признало авторитет Комитета.

27 октября Центральная рада поддержала идею всероссийского правительства «всей революционной демократии» (то есть — левого многопартийного правительства без кадетов). Большевики вышли из Комитета, и он распался. Прибывшие с фронта части чехословаков и казачья дивизия 28 октября арестовали большевистский ревком. Развернулись боевые действия. Опираясь на завод «Арсенал», большевики атаковали штаб округа.

29 октября Винниченко заявил, что Генеральный секретариат берет власть в свои руки и создает военный, продовольственный и транспортный секретариаты (раз уж Временное правительство перестало существовать). 30 октября сессия Центральной рады заявила, что власть Генерального секретариата распространяется помимо прежних территорий также на Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую (без Крыма) губернии. Также

предполагалось, что должны быть проведены референдумы, определяющие границы в Холмской, Курской и Воронежской губерниях.

Ситуация в Киеве оставалась неопределенной, но командование гарнизона не знало, кого оно теперь защищает. Ведь Временное правительство перестало существовать. В результате созданная Центральной радой согласительная комиссия с участием враждующих сторон смогла добиться прекращения огня. Вызванные в Киев войска по соглашению выводились из города, офицерские и добровольческие отряды расформировывались, штаб округа должен был быть реорганизован. Таким образом, посредничество Центральной рады привело к полному поражению противников большевиков, но и большевики не победили. Реальная власть в Киеве перешла к Центральной раде, опиравшейся на украинизированные войска — гайдамаков, как их стали называть в честь старинных повстанцев. Генеральный секретариат 1 сентября назначил нового командующего войсками округа В. Павленко. Формально «полнота власти по охране города» переходила к Центральной раде, городскому самоуправлению и советам. Но реальный перевес в силах теперь был у Рады, к которой перешел контроль над большей частью войск.

Киевская модель политического сосуществования сторонников Центральной рады и советов распространилась и на другие центры, включая Одессу и Харьков.

После Октября Центральная рада выступала с поддержкой проекта однородного социалистического правительства, который в ее интерпретации приобрел федералистские черты. Рада стремилась к консолидации как левого политического спектра, так и территориальных образований, которые после Октября контролировали части бывшей Российской империи.

Новое легитимное правительство России должно представлять не только левые партии, но и основные регионы страны, включая Украину. Проект однородного социалистического правительства, дававший шанс на предотвращение раскола страны и гражданской войны, потерпел неудачу на переговорах в Петрограде, но некоторое время сохранял актуальность для Центральной рады. Соответственно, вплоть до января 1918 г. сторонники этого же проекта левые эсеры оставались важным мостом между Радой и Совнаркомом России, в который они вошли. Характерно, что левые эсеры готовили основы аграрных законов как в России, так и на Украине (в качестве левого крыла УПСР), но сами аграрные преобразования на принципах социализации и передела в России проводились решительно, а на

Украине — нет.

Дело в том, что лидеры Центральной рады были националистами и социалистами, что определяло основное противоречие их политики. Им пришлось выбирать между целями национальной консолидации и социальными преобразованиями, которые ее неизбежно нарушают. Лидеры Центральной рады не учли печальный опыт Временного правительства, который показал, что в условиях революции затягивание преобразований ведет к катастрофическому сокращению социальной базы власти.

7 (20) ноября III Универсал Центральной рады провозгласил Украину автономной частью России, а Генеральный секретариат — правительством Украины в ее этнических границах. III Универсал провозгласил, что Киевская, Черниговская, Волынская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская губернии и материковая часть Таврической губернии (без Крыма) входят в состав Украины. Однако мнения жителей левобережной Украины, в том числе и Гуляйполя, при этом не спросили. Эти земли Украинская народная республика должна была еще завоевать. А это было непросто, учитывая, что через них навстречу Каледину шли красные отряды из России, среди населения сторонников самостоятельности было не так много.

До Украинского Учредительного собрания Рада брала на себя законодательные полномочия на Украине. Универсал провозглашал, что в России больше нет признанного правительства, и теперь необходимо вместе создавать общероссийские «государственные формы». Объявлялось о социальных реформах: отменялось право собственности на помещичьи земли и земли иных нетрудовых хозяйств, которые до Учредительного собрания должны были перейти к земельным комитетам. Провозглашался восьмичасовой рабочий день. Выступив за «равномерное распределение продуктов», Универсал поручал генеральному секретариату труда вместе с организациями трудящихся установить государственный контроль над производством «с учетом интересов как Украины, так и всей России»^[85]. Отменялась и смертная казнь. Национальным меньшинствам была обещана «национально-персональная» (национально-культурная) автономия.

Но социальные преобразования практически не начались. Промедление с реформами определили падение влияния Рады — социальный фактор в условиях революции был важнее национального. Но в условиях противостояния более радикальному большевизму, украинские социалисты пытались защититься от него национальным щитом.

В Киеве стала проводиться украинизация, выразившаяся во введении государственного языка в официальный документооборот. Как вспоминал член Рады А. Гольденвейзер, «предстоящая украинизация приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адвокатуре. Украинский язык, с которым впоследствии немного свыклись, вызывал аффектированные насмешки; никто не собирался учиться этому языку»^[86].

Если в городах эта политика не пользовалась большой популярностью, то село поддержало на выборах в Учредительное собрание именно украинские социалистические партии. Правда, выборы в украинское Учредительное собрание фактически провалились, но они проходили уже во время начавшейся гражданской войны.

Комментируя ситуацию, сложившуюся после принятия III Универсала, И. Михутина утверждает, что украинская государственность была провозглашена односторонним актом и не получила никакого «международно-правового оформления — ни признания другими государствами, ни установления границ путем согласованного размежевания с соседями, в том числе с Великороссией»^[87]. Но как раз в это время ни о каком международном признании речи идти не могло — Украина не провозгласила независимость, и определение ее границ как автономной части России было исключительно внутренним делом России. Именно так этот вопрос рассматривался в Петрограде — Украина пока не учитывалась в международной расстановке сил.

Свое кредо по вопросу украинской самостоятельности Ленин изложил уже в ноябре: «Мы скажем украинцам: как украинцы вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии»^[88].

Украинская Центральная рада первоначально не считалась враждебным фактором, как «Южная Вандея» Каледина, или тем направлением, через которое немцы могли угрожать Петрограду — ключевому пункту с точки зрения сохранения власти Совнаркома.

25 октября атаман войска Донского А. Каледин объявил захват власти большевиками преступным. 26 октября он объявил военное положение, начал разгром советов на Дону и в Донбассе, репрессии против сторонников Советской власти, включая казни. Формально Каледин сохранял лояльность уже распавшемуся Временному правительству, но политически стоял гораздо правее. На территории войска Донского началось формирование белой Добровольческой

армии. 26 ноября каледиинцы атаковали Ростов и 2 декабря взяли его. Одновременно они продвигались на север, вглубь Донбасса. Это несло критическую угрозу экономике Советской России, а в перспективе Дон мог стать опорой для похода на Москву. Не удивительно, что Каледина считали в Петрограде главной угрозой, и отношение к Центральной раде во многом определялось ее отношением к Каледину. В декабре красные сосредоточили против Каледина около 6-7 тысяч бойцов, к которым по мере их продвижения на юг присоединилось еще около 7 тысяч местных сторонников советской власти. Это обеспечивало красным перевес над Калединым, но продвижению советских войск на Каледина с северо-запада мешали продвинувшиеся на украинское левобережье части УНР, занимавшей нейтралитет в борьбе красных и каледиинцев. Таким образом, чтобы решить проблему Каледина, красным нужно было занять железнодорожные узлы Харькова и Лозовой. Это ставило вопрос ребром: либо Центральная рада станет союзником в борьбе с Калединым, либо военным противником красных.

2. Две Украины

Относительное равновесие продержалось на Украине до конца ноября, но в преддверии I съезда советов Украины борьба вновь стала переходить в силовую фазу. 17(30) ноября националисты принялись разоружать в Киеве неукраинские части и высылать солдат на восток. Попытка разоружения просоветских частей была предпринята и в других городах. В Полтаве, например, удалось разогнать Совет и разоружить просоветские силы. В Харькове солдатская секция Совета 4 декабря отвергла требование о разоружении. Этот город становился столицей советской Украины — и как близкий к России промышленный и транспортный центр, и как плацдарм для расчистки коммуникаций в сторону Донбасса. 5 декабря в Харькове начал работу областной съезд советов Донецкого и Криворожского бассейнов, что было демонстрацией неподчинения Украине с ее съездом, проходившим в то же время.

6 декабря в Харьков прибыли красногвардейцы и матросы под командованием М. Ховрина и Р. Сиверса, направлявшиеся на борьбу с Калединым. Они вошли в город без боя — большевики и местные сторонники Рады не считали, что идет война. При этом большевистский ревком во главе с Артемом выступал против «вражеских действий против харьковских радовцев»^{189]}. Тем не менее 10 декабря Сивере вместе с местными красногвардейцами и просоветским 30 полком

разоружили украинский бронедивизион, и Харьков был занят советскими войсками во главе с Антоновым-Овсеенко. Собственно боевых действий еще не происходило.

3-5 (16-18) декабря большевики и левые эсеры потерпели поражение на I съезде советов Украины. Съезд начали готовить большевики, чтобы противопоставить его Центральной раде, но лидеры Рады перехватили подготовку, включили в состав депутатов представителей украинизированных частей и взяли ход мероприятия в свои руки. Сторонники советской власти ушли со Съезда, обвиняя Центральную Раду в том, что она нарушила нормы представительства и не допустила на съезд часть делегатов с востока Украины. Приехав в Харьков, 127 делегатов украинского съезда объединились с 73 депутатами проходившего там Донецко-Криворожского съезда и 11-12 декабря провели свой Съезд советов Украины, провозгласивший Украинскую советскую республику. Ей на помощь пришли отряды из России и Донбасса (населенного русскими и украинцами, а 30 января создавшего свою Донецко-Криворожскую советскую республику). Местные коммунисты не были настроены на включение своей территории в Украину и терпели УССР, пока для Советской Украины не была отвоевана своя столица. «Отсутствие активной поддержки со стороны руководящих харьковских товарищей крайне усложняло работу советского правительства в Харькове»^[90], — вспоминала член совнаркома УССР Е. Бош.

Правительство УССР в это время мало чем управляло, так как власть была передана Советам на всех уровнях. 27 декабря система местных комиссаров, то есть вертикаль власти была упразднена приказом народного секретаря внутренних дел советского правительства Украины, а их полномочия переданы советам соответствующего уровня.

Получив «свою» Украину, большевики должны были также признать принадлежность к Украине и «своих» восточных районов со смешанным населением.

В наши дни войну украинских националистов и красных в 1918 году на Украине иногда называют «агрессией России». Но в колоннах красных шли как раз жители Украины. И они поднимали восстания за власть Советов.

Столкнувшись с кризисом своей политики в Киеве, большевики пошли на эскалацию конфликта. В начале декабря это еще не было неизбежным шагом. По выражению Г. Чичерина, «несчастье в том, что Троцкий любит театральное громовержество... А Ильич любит решительность, беспощадность, ультиматумы и т. д.».^[91] В этом

нежелании договариваться проявился и присущий большевизму политический стиль, но прежде всего — недооценка фактора Украины. Ведь в других ситуациях, когда считали необходимым, большевистские лидеры умели договариваться.

4 (17) декабря 1917 г. Советское правительство России в своем манифесте признало право Украины на независимость, но при этом оно отрицало право Центральной рады представлять украинский народ. Центральная рада ответила, что стремится к автономии Украины в составе федеративного Российского государства, но не признает большевиков его законным представителем. Таким образом, не признавшие друг друга де юре правительства России и Украины не имели принципиальных разногласий по вопросу о статусе Украины. Россия не будет возражать, если легитимная власть Украины потребует независимости, но Украина ее не требует и готова остаться в составе России, если в ней будет восстановлена легитимная демократическая власть.

Центральная Рада обвинялась советским правительством в дезорганизации фронта, насильственном разгоне советов и главное — она отказывается «пропускать войска против Каледина»^{192}. Таким образом, проблема Рады и в декабре оставалась для большевиков внутренней, а не внешнеполитической.

Формально этот манифест даже объявлял войну Центральной раде. Но это была все же формальная угроза. «Громовержество» не привело в это время к полномасштабной войне. Переговоры между Совнаркомом и Центральной радой продолжались, хотя 17 декабря большевистский ЦИК Украины опубликовал манифест с призывом к свержению Центральной рады. Обострению ситуации способствовало похищение в ночь на 25 декабря и затем убийство одного из лидеров киевских большевиков, депутата Учредительного собрания Л. Пятакова. После его ареста гайдамаками и разгрома его квартиры большевики обратились к Винниченко и министру труда В. Поршу, но те только руками развели и обещали «принять меры»^{193}. Но выяснилось, что министры Центральной рады не в состоянии контролировать свою вооруженную силу.

Только 30 декабря СНК заявил о полном разрыве переговоров с Радой из-за ее уклончивой позиции в отношении Каледина. При этом Ленин специально оговаривался: «Национальные же требования украинцев, самостоятельность их народной республики, ее права требовать федеративных отношений признаются Советом Народных Комиссаров полностью и никаких споров не вызывают»^{194}. Характерно, что независимость Украины при этом не была упомянута.

Махно окунулся в эту новую политическую реальность. Он был на острие борьбы за власть Советов в этих местах еще до Октябрьского переворота, и теперь не пристало терять время. Решался вопрос, в какую сферу влияния попадет Левобережье Днепра — Советской власти, Украинского государства или «белой» контрреволюции. Махно участвует в примирении Екатеринославского Совета и готовых взбунтоваться георгиевских кавалеров, всячески препятствует распространению влияния Украинской Центральной Рады. В Гуляйполе существовала сильная организация сторонников украинской государственности, которые проводили здесь свои митинги^[95]. Махно собрал окрестных крестьян на II съезд Советов, который принял резолюцию «Смерть Центральной Раде»^[96]. Украинские сепаратисты на время затихли.

Вооруженные столкновения в середине декабря 1917 г. не были собственно российско-украинскими. Продолжалась борьба украинских политических сил, одной из которых помогали российские большевики.

Только 25 декабря Антонов-Овсеенко провозгласил общее наступление против Каледина и Центральной рады. Война началась по-настоящему, но ее центр тяжести находился на Дону. Основные силы красных продвигались в направлении рудников Донбасса, чтобы соединиться с державшейся там красной гвардией. Обеспечивая правый фланг этих сил, колонны Сиверса и Егорова двигались через украинское левобережье Днепра. Этот регион был занят расположенными вперемешку и рядом друг с другом отрядами и частями гайдамаков, красной гвардии, русской армии. Солдаты либо были настроены нейтрально, либо поддерживали большевиков с их лозунгом мира. Красные колонны, продвигаясь на юг, обрастали местными сторонниками советской власти, разоружали и разгоняли небольшие силы гайдамаков на левобережье. Местные сторонники советской власти — не только большевики, но также левые эсеры и анархисты — блокировали и подход казачьих эшелонов с фронта, которые могли обеспечить Каледина новой живой силой. В операциях по разоружению фронтовых казаков получил первый военный опыт Н. Махно.

Под новый 1918 г. Махно узнал, что в Александровске идет бой между красногвардейским отрядом Богданова и гайдамаками. Пока гуляйпольский совет и профсоюз обсуждали положение, пока формировали отряд на помощь красным, гайдамаки были разбиты. Но гуляйпольцы все же направили в Александровск «вольный батальон» во главе с братьями Махно (командир — Савва, политический организатор — Нестор).

Махно вошел в ревком Александровска и вместе с левым эсером Миргородским и эсером Михайловским проводили пересмотр дел заключенных тюрьмы, освобождая часть из них.

В это же время району стала угрожать еще более серьезная опасность — с фронта возвращалось несколько эшелонов казаков. Если бы они прошли в этот момент на Дон, то атаман Каледин получил бы реальную силу. С точки зрения сиюминутных интересов Махно мог бы просто пропустить казаков на Дон. Но нужно было мыслить в более широкой перспективе.

Впервые Н. Махно предстояло показать себя в качестве военачальника. Полководческий талант будущего батьки еще никак не проявился, когда махновцы заняли подступы к Кичкасскому мосту через Днепр. В коротком бою 8 января 1918 г. махновцы в союзе с большевиками и левыми эсерами остановили и разоружили казаков. Исход этого боя осложнил положение Каледина.

Численный перевес был на стороне красных, казаки сражались против них неохотно. В конце января сопротивление калединцев и Добровольческой армии было сломлено. 29 января (11 февраля) Каледин сложил с себя полномочия и застрелился. 23 февраля красная колонна Сиверса заняла Новочеркасск, а 25 февраля колонна Саблина вошла в Ростов. Добровольческая армия отступила в степи.

Красные приближались к Киеву. Гуляйпольскому совету никто пока не угрожал.

* * *

Пока бойцы под красными знаменами с пением Интернационала шли на смерть за Власть советов, у них в тылу укреплялась Советская власть. Становилось заметно, что это — не одно и то же.

Российская революция была мощным движением огромных людских масс, которые стремились изменить свою жизнь к лучшему. Эта революция первоначально ставила перед собой три важнейших цели: народовластие, политическую свободу («волю») и социальную справедливость. Справедливость понималась как передача в полное распоряжение земли крестьянам, а фабрик — рабочим. Рабочие, крестьяне и интеллигенты считали, что народовластие обеспечит переход к свободному труду на своей земле и своих предприятиях. Разогнав Учредительное собрание, большевики нанесли удар по народовластию. Еще раньше они ограничили политические свободы граждан, в том числе и рабочих, от имени которых выступали. Большевики проводили аресты недовольных и на время прекратили

перевыборы в советы, чтобы не потерять большинство в них. Но, укрепив свою диктаторскую власть, большевики надеялись провести социальную революцию, сделав отношения между людьми более справедливыми. В политике большевиков образовалось противоречие между политическим и социальными задачами революции.

До середины 1918г. радикальные массы не замечали это противоречие, воспринимали его как россыпь досадных недоразумений, не замечая за деревьями леса. Люди, согласные с общим курсом режима, не склонны считать его диктатурой. Правительство действует так, как хочет народ — какая же это диктатура? Но ведь речь идет не обо всем народе, а о той его части, к которой относится говорящий... Пока Махно проводил свой первый социалистический эксперимент, в крупных городах России шла красногвардейская атака на капитал, рабочие брали предприятия в свои руки, советы распоряжались в городах, а крестьяне делили землю. Махно мог чувствовать себя частью большого дела, которому Ленин придал всероссийский размах. И Ленин видел в таких людях, как Махно, своих союзников: «теперь, в эпоху коренной ломки буржуазного строя понятия об анархизме принимают, наконец, жизненные очертания... И в то время, как одни анархисты с боязнью говорят о Советах, все еще находясь под влиянием устаревших взглядов, новое, свежее течение анархизма определенно стоит на стороне Советов, в которых видит жизненность и способность вызвать в массах сочувствие и творческую силу»¹⁹⁷¹. Это сказано с трибуны III съезда советов в январе 1918 г. Слово «анархизм» здесь употреблено в качестве синонима слова «коммунизм». На будущий год и позднее Ленин будет говорить об анархии только как о синониме стихии и бунта. Был ли он искренен в январе 1918 г.?

Определенно, в 1917 г. Ленин, как и анархисты, рассчитывал на самоорганизацию масс, которые, лишь при общем руководстве коммунистов и их союзников, смогут создать основы коммунистических отношений. Ведь эти отношения в соответствии с теорией марксизма естественно вытекают из краха капитализма. Но жизнь оказалась сложнее, переход от капитализма к новому обществу вел через хаос, результаты самоорганизации разочаровывали. Нужно было выбирать — или самоорганизация, самоуправление, низовая демократия, или «строительство» нового строя, новой экономики, а значит — управление, подчинение, диктатура. Советская самоорганизация была для Ленина средством, а коммунизм — целью. Выбор было сделать легко.

В апреле, в разгар сложной политической борьбы, Ленин считает

возможным переосмыслить многое из того, что было сформулировано им в 1917 г. Новое кредо Ленина называлось прозаично: «Очередные задачи Советской власти».

Перед Лениным и его партией стоит предложенная еще Марксом задача построения сверхцентрализованного нетоварного общества, своего рода единой мировой фабрики, в которой страны обмениваются продуктами в соответствии с единым планом. В таком обществе не должно быть социальных противоречий, потому что все подчиняется создателям плана.

И это — задача ближайшего будущего. На повестке дня стоит «созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»^{98}.

Утопия? Конечно утопично представление о том, что некий «планомерный» механизм может учесть все возможности и потребности людей (даже если им управляют идеально умные и честные люди). Но Ленин не был утопистом — он вовсе не придерживался догм. Он был готов пойти на значительные изменения программных целей ради того, чтобы удержать свою партию у власти до момента, когда радикальное преобразование общества, создание единого хозяйства с «планомерным производством и распределением продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей» станет возможным. Ленину не довелось дожить до этого времени, но его работа помогла создать предпосылки для тоталитарного эксперимента 30-х гг. Первую попытку подобного рода Ленин планировал уже в 1918 г.

Для начала необходимо стабилизировать обстановку в промышленности, где после поддержанной большевиками «красногвардейской атаки на капитал» царил хаос. Сразу же после большевистского переворота, рабочие стали захватывать фабрики в свои руки. Но если до октября в таких случаях они пытались организовать производственное самоуправление и хозяйничать самостоятельно, то теперь им присылали красного комиссара, представителя советского правительства, который должен был заменить капиталиста. Поскольку красные директора смыслили в производстве еще меньше рядовых рабочих, производство замирало. Отход от принципа «фабрики — рабочим» в пользу беспорядочной национализации оказался губителен для промышленности.

Махно в своей глубинке тоже «налаживал связи». Но для начала он считал нужным установить экономические отношения конкретных

рабочих и крестьян «по горизонтали». Этот путь плохо согласовывался с ленинской стратегией планомерного производства и распределения сразу для всех.

Ленин предлагает прекратить беспорядочную «красногвардейскую атаку» на капитал. Беспорядочная национализация не создает стройной системы, которой легко управлять. Но «в войне против капитала движения вперед остановить нельзя... продолжать наступление на этого врага трудящихся безусловно необходимо»^{199} — начинается национализация целых отраслей.

На национализированных предприятиях уже вводятся по настоянию Ленина так называемые «Брянские правила» распорядка, устанавливающие режим беспрекословного подчинения начальству.

Ленин требовал от рабочих и служащих: «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде...»^{100}. Если рабочий не захочет с энтузиазмом работать на нового хозяина — государство-партию — то он уже не рабочий, а хулиган — в такой же степени враг, как и эксплуататор: «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов»^{101}. Чтобы не было сомнений в том, как надо их подавлять, Ленин пишет о «поимке и расстреле взяточников и жуликов и т. д.»^{102}

По мнению Ленина, «русский человек — плохой работник, по сравнению с передовыми нациями». Научить его работать может «последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора...» (конвейерная система, доводящая до максимума отчуждение человека в процессе производства). «Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области»^{103}. Рабочий должен был стать послушным инструментом в руках управленца. Стихийность и спонтанность должна смениться порядком и управлением.

А стихия революции все еще видела Ленина своим вождем.

Установленный большевиками режим под флагом диктатуры «пролетариата» утверждал классовое господство технократии и бюрократии новой по составу, менее компетентной, но более решительной в достижении собственных социальных целей благодаря партийной сплоченности и милитаризации. Вплоть до начала всероссийской гражданской войны в мае-июне 1918 г. в политике большевиков чувствовалось и стремление к компромиссу с капиталистическими управленцами-технократами. Это вызывало возмущение левых коммунистов, левых эсеров и анархистов. Близился

кризис левого блока, установленного в дни Октябрьского переворота. Но в открытую форму он перешел не из-за внутренних, а из-за внешних проблем.

3. Брестский выбор

Несовершенство революции, ее отход от изначально заявленных целей не мог смущать большевиков — все равно социализм может победить только как всемирная система. Теория марксизма предполагала, что социалистическое общество не может возникнуть в стране, где для него еще не возникли предпосылки — развитая промышленность, многочисленный пролетариат, высокая политическая культура трудящихся. В России пролетариат составлял несколько процентов населения, экономика была относительно неразвитой, политический опыт масс был невелик. Еще основатели марксизма писали, что только вслед за социалистической революцией в развитых странах можно будет решать социалистические задачи в таких странах, как Россия. Ленин и его партия надеялись, что пролетариат Германии и других стран по примеру России восстанет и придет на помощь российским товарищам. А пока нужно было срочно прекратить войну с Германией, которая высасывала все силы страны.

Сейчас важно продержаться до того момента, когда цепная реакция революций охватит Европу. Оттуда придет культурная, экономическая и технологическая поддержка «лапотной» России. И так России выпала огромная честь — начать, подтолкнуть мировой процесс из тупика мировой бойни.

Но вот беда — бойня все никак не кончалась, и мировая революция не спешила начинаться. В принципе расчет на то, что после мировой войны последует мировая революция, оказался верен — сразу после окончания войны Центральную и Восточную Европу охватило пламя социальных и межэтнических конфликтов. В 1919 г. эстафету подхватила и часть Азии. Однако дорого яичко ко Христову дню — большевики обещали народу мир, а Германская империя пока была стабильной, и нужно было как-то выйти из войны с этим сильным противником.

20 ноября (3 декабря) в Брест-Литовске начались переговоры о перемирии с Германией и ее союзниками. 2 (15) декабря было заключено перемирие на 28 дней с возможностью продления. Стороны обязались предупреждать друг друга о возобновлении военных действий за 7 дней и не проводить переброску войск на другие фронты, за исключением уже начавшихся.

Центральная рада вступила в Брестскую игру уже во время переговоров о перемирии — 23 ноября (6 декабря) С. Петлюра заявил о выходе Юго-западного и Румынского фронтов из подчинения российского командования и превращении их в Украинский фронт. Конечно, реальных сил для обеспечения этого решения у Центральной рады не было, но парализовать снабжение этих фронтов Рада вполне могла. Так что у Советского правительства было только два пути — или договариваться с Радой, или уничтожить либо кардинально преобразовать ее. Пока не было возможности решить проблему силой, приходилось договариваться.

25 ноября (8 декабря) «Известия ЦИК» сообщили, что Советская власть готова удовлетворить желание Рады включить представителей Украины в состав мирной делегации. Это была точка невозврата, после которой вовлечение Рады в процесс переговоров стал неизбежным. Можно ли было предотвратить это решение?

А что было делать? Центральная рада настаивала, что мирный договор может заключить только правительство, признанное всей Россией. То есть документ, подписанный Совнаркомом России, Радой признан не будет. Втягивать Раду в переговоры — единственная возможность получить признание мира с ее стороны.

Большевики, конечно, могли бы не втягивать Раду в переговоры, но это никак не спасало от втягивания Украины в сепаратные переговоры с Австро-Венгрией в дальнейшем, поскольку Рада не была связана подписями большевиков.

В то же время между Петроградом и Киевом продолжались постоянные консультации о сближении позиций по вопросам, тогда стоявшим острее, чем проблема мирных переговоров — вопрос об устройстве общероссийской власти, о гражданской войне между большевиками и каледи́нцами.

Не пуская украинцев на Брестские переговоры, большевики проигрывали бы сразу по множеству позиций: они проявляли бы себя как великодержавные шовинисты, нарушающие права Украины (это чревато ослаблением позиций в политической борьбе за Украину), брали на себя всю полноту ответственности за возможное заключение непопулярного мира и при этом заранее позволяли Украине и другим частям страны не признавать его; получали в тылу фронта силу, которая может открыто дезорганизовывать его, не будучи связанной никакими обязательствами.

Собственно, совокупность этих факторов оставляла перед большевиками очень узкий коридор возможностей — либо играть на опережение, втягивая УНР в дело переговоров, надеясь связать

украинцев общей ответственностью, либо попытаться задержать момент вступления УНР в переговорный процесс, хотя она могла сделать это самостоятельно позднее, установив прямые контакты с представителями Четверного союза. «Оттирание» Рады от Брестских переговоров было целесообразно только в одном случае-готовности как можно скорее заключить мир на немецких условиях.

Нас не должно обманывать и демонстративное желание Рады уклониться от переговоров на первом этапе, чтобы не нести ответственность за непопулярные решения в случае, если на них пойдут большевики. Эта линия Рады создает иллюзию, что большевики искусственно втянули Раду в Брестскую игру. Являясь реальной самостоятельной властью в регионе, граничащем с Австро-Венгрией, Рада была обречена на взаимодействие с государствами Четверного союза. Она лишь выбирала наиболее выгодный формат вступления в переговоры.

28 ноября (11 декабря) Центральная рада назначила своих наблюдателей на переговоры о перемирии.

В этой ситуации Антанта прозондировала возможность противопоставить Украину большевистским сепаратным переговорам. 21 декабря генерал Табуи сообщил правительству Центральной рады, что назначен при нем комиссаром Французской республики. Это полупризнание еще не провозглашенной украинской независимости не возымело эффект — Украина не собиралась воевать с Германией на стороне Антанты. Однако «неблагодарность» украинских националистов была взята в Париже на заметку, что сыграло свою роль в дальнейшем.

Прибыв в Брест 3 (16) декабря, на следующий день после подписания перемирия, представители Рады прояснили позицию УНР: Украина не признает право большевиков на заключение мирного договора от имени всей России. Для представителей Четверного союза это был сюрприз, они боялись вмешательства в переговоры еще одного неизвестного субъекта, рассчитывая, что большевики быстро согласятся на мир на немецких условиях. Как будет вести себя Рада? Соответственно, они обусловили признание Украины получением документов нового государства. Таким образом, теперь участие Рады в переговорах зависело от Четверного союза. Поскольку вовлечение Рады было им выгодно, оно было неизбежно. Первоначально немцы обусловили признание правительства Украины соответствующим решением Советского правительства, но, разобравшись в отношениях Совнаркома и Рады, уже не считались с советскими возражениями.

9 (22) декабря 1917 г. начались мирные переговоры между Россией

и державами Четверного союза в Брест-Литовске. От них зависела судьба Украины, в том числе судьба гуляйпольских жителей, судьба Махно.

Большевики приняли тактику затягивания переговоров в ожидании мировой революции. В первые дни переговоров «революционная дипломатия» еще давала большевикам шанс «сохранить лицо», обусловив территориальные потери демократическими принципами. Они выступили за самоопределение народов. Это вызвало известное замешательство в среде дипломатов Четверного союза. С одной стороны, Австро-Венгрия не собиралась соглашаться с самоопределением своих народов. С другой, самоопределение народов без разъяснения его механизма — значило для России де факто отдать под протекторат Германии Польшу, Литву и Курляндию и закрыть вопрос с войной, что давало возможность позднее по-своему трактовать условия мира. Вопрос об Украине еще не стоял, а на южном фланге фронта Австро-Венгрия ничего не требовала от России, кроме мира и торговли (так как остро нуждалась в продовольствии).

К началу переговоров у немцев уже была радиограмма Рады о том, что Украина признает результаты мирного договора только при условии, если ее делегация будет участвовать в переговорах самостоятельно^{104}, так что любая линия советских представителей должна была учитывать, что Украина участвует в решении вопроса о мире.

В сложившихся условиях никто не хотел ковать железо, пока горячо. Лидеры Советской России еще не осознали, какая опасность исходит от возможного возобновления германского наступления в условиях разложения армии (даже Ленин придет к выводу о невозможности сопротивляться во второй половине декабря, между всеармейским съездом по демобилизации 17 декабря и возвращением из отпуска 28 декабря)⁵, и выступали с позиции силы. Немецкий генерал Гофман 17 (30) декабря даже с возмущением прокомментировал, что «русская делегация заговорила так, будто она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну»^{105}. Советские представители понимали, что Германия остро заинтересована в мире и считали, что одно это защищает советские позиции.

Нельзя сказать, что эти расчеты были совсем уж неверными. Так, 22 декабря (4 января), в ожидании советской делегации министр

⁵ В этом вопросе можно согласиться с выводом А. Рабиновича о том, что во время отдыха в Финляндии Ленин окончательно определился с вопросом о необходимости подписать мир. (Указ. соч. С.218).

иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин писал: «Нет сомнения, что если русские решительно прервут переговоры, положение станет тягостным»^{106}. Когда Троцкий прибыл в Брест, немцев (здесь и далее под словом «немцы» мы будем понимать и союзников Германии) охватило бурное веселье, сменившее тягостное напряженное ожидание.

Однако, пока большевики вели свою мировую игру, апеллируя к уставшим от войны народам, упрекая Антанту за то, что она не желает присоединиться к переговорам, 18 (31) декабря 1917 г. в Брест прибыла делегация Центральной рады.

* * *

И после 25 декабря отношения Совнаркома и Центральной рады еще не были разорваны, и стороны активно торговались по поводу поставок хлеба в Великороссию и на фронт за рубли. Одновременно рассматривается вопрос о включении представителей Рады в российскую делегацию на мирных переговорах в Бресте^{107}. Происходили отдельные столкновения сторонников Советской власти и Центральной рады в городах на востоке. На время переговоров в Бресте можно было отложить разногласия, что было важно для сохранения обоих режимов.

С правовой точки зрения претензия Рады на самостоятельное участие в Брестских переговорах, но без провозглашения независимости, была по-своему логична. Центральная рада настаивала, что нет легитимного правительства, признанного всей Россией. В ноте Рады, оглашенной 28 декабря, говорилось: «Мир от имени всей России может быть заключен только тем правительством (правительством притом федеральным), которое будет признано всеми республиками всех областей России» либо их объединенным представительством»^{108}. Раз легитимное правительство всей России до Учредительного собрания не возникло, Рада имела право считать Совнарком в Петрограде лишь одной из властей, возникших на территории России. А значит, у Рады столько же прав участвовать в переговорах, сколько у Совнаркома.

28 декабря Троцкий был вынужден признать Украину в качестве полноправного участника переговоров.

Этот шаг часто оценивается как чистая ошибка, «зевок» в дипломатической игре. Однако важно учитывать, что Троцкий в своем признании не отождествил Украинскую республику и Центральную раду, так как «Украинская республика находится сейчас именно в процессе своего самоопределения». Историк И. Михутина считает, что

это давало Троцкому возможность «отложить вопрос о субъектности Украинской республики, ее правительства и дипломатических эмиссаров», «но глава советской делегации по собственной воле, никем и ничем не вынужденный, отказался от такой возможности...»^{1109} Этот упрек не справедлив. Во-первых, Троцкий как раз отложил вопрос о субъектности Украины (чем потом пользовалась советская сторона). Во-вторых, решать вопрос о статусе украинского правительства и его представителей было не во власти Троцкого. Он не мог выдворить правительство Центральной рады из Киева, а его представителей — из Бреста. Троцкий видел несколько дальше собственного носа и понимал, что если немцы хотят иметь с дело с украинцами, то будут его иметь. А вот проявление «империализма» со стороны российских представителей в Бресте серьезно затруднит и дело достижения компромисса с Радой (если это возможно), и дело борьбы за Украину, если договориться не удастся. Представитель Рады Голубович настаивал на существовании двух «отдельных самостоятельных делегаций одного и того же русского фронта бывшей Российской империи»^{1110}. И ничего поделать с этим Троцкий не мог.

«Считается, что Троцкий допустил ошибку... — комментирует Ю. Фельштинский. — Однако не следует думать, что решение Троцкого было скоропалительным». Признание украинской делегации произошло после длительных переговоров с ней 26 декабря (8 января)^{1111}.

Свои решения по поводу Украины Троцкий принимал не в одиночку. Прежде чем подтвердить свою позицию на заседании 30 декабря, Троцкий проконсультировался с Совнаркомом — признавать ли Раду официальной властью на Украине?^{1112} После этого Троцкий подтвердил право представителей УНР участвовать в переговорах. В дальнейшем этот его шаг не вызвал протестов Совнаркома и Ленина лично. Ленин понимал мотивы Троцкого, и в это время Петроград вел борьбу за изменение курса УНР. Это укладывалось в формулу, принятую Совнаркомом 30 декабря по предложению Ленина: «Национальные же требования украинцев, самостоятельность их народной республики, ее права требовать федеративных отношений, признаются Советом Народных Комиссаров полностью и никаких споров не вызывают»^{1113}.

Кто же был правомочен представлять население Украины? На выборах в Учредительное собрание партии Центральной Рады, в большинстве своем социалистические, получили значительное большинство голосов. Наибольшее количество голосов — 45%, получили украинские эсеры. Еще 25% получили российские эсеры. Но украинские партии получили поддержку прежде всего села.

Избиратели, которые жили в крупных городах и на левом берегу Днепра (около четверти граждан) поддержали общероссийские и пророссийские списки — прежде всего большевиков и правых. Центральная рада претендовала на обширные районы вплоть до Донбасса и Курска, где ее власть никогда не признавали. Претендуя на восточные территории, Центральная рада «получала» и население левобережья, еще более равнодушное к национальной идее, чем жители Правобережья.

В условиях обострявшегося конфликта представители Центральной рады все равно решили сепаратно договориться с державами Четверного союза. Их дипломаты, несмотря на свои предыдущие заявления, были к этому вполне готовы. Уже 21 декабря (3 января) Чернин писал, что если русские не возобновят переговоры, «мы снесем с украинцами»^{114}. Поняв значение украинского фактора в переговорах, австро-германская сторона стала провоцировать Украину на провозглашение независимости, чтобы иметь возможность заключить с ней сепаратный мир. Формулировалось это как требование к Украине определиться со своим статусом. При этом статус независимого государства должен был найти международное признание как раз в договоре с Четверным союзом^{115}. Юридический круг замыкался — немцы толкали Украину к независимости от России, чтобы установить над ней протекторат.

В день Учредительного собрания, 5 (18) января 1918 г. генерал Гофман предъявил советской делегации карту, на которой была начерчена линия немецкой сферы влияния, почти совпадающая с линией фронта. К западу от нее Германия сама позаботится о «самоопределении» Польши, Литвы и Курляндии.

Кратковременная революционная волна в Европе в январе сыграла с большевиками злую шутку, породив в них новые надежды на затягивание переговоров. «Любая новость, даже самая незначительная, о тех или иных признаках революционного возмущения за рубежом восторженно подхватывалась большевистской прессой в Петрограде...»^{116} Новости из дома оказали влияние и на позицию дипломатов Четверного союза. О. Чернин признавал: «катастрофа, вызванная недостатком снабжения, стоит прямо у двери».^{117}

Но решающее слово по-прежнему принадлежало немецким генералам, а они не намерены были упускать «плоды победы». Позиция германской военной элиты была авантюристична, так как затягивание мира перед лицом острого продовольственного кризиса, да еще и когда русские предлагали честный мир, было чревато революцией. Но генералы были готовы рисковать, и не только из-за Прибалтики.

Ставкой в игре стало украинское продовольствие.

Переговоры представителей Центральной рады и Четверного союза стали спасением для тех и других. Немцам нужно было как можно скорее завершить переговоры в Бресте и получить доступ к продовольственным ресурсам, а Рада стремилась отгородиться от большевиков (в том числе украинских) немецкими штыками.

Украинцы произвели хорошее впечатление на партнеров в Бресте: «Они значительно менее революционно настроены, они гораздо более интересуются своей родиной и гораздо меньше — социализмом»^{118}, — писал О. Чернин. Однако сближение с украинцами немцы проводили не ради их патриотизма, а ради продовольствия и обнаружившейся глубокой брешы в российском дипломатическом фронте.

Первоначально казалось, что отношения сторон партнерские. Украинцы во главе с В. Голубовичем могли торговаться, и зашли в этом вопросе довольно далеко — прежде всего за счет России. Они требовали признания границ Украины, включающих Северный Кавказ и даже анклав в Сибири.

Не забывали украинские делегаты и об украинцах к западу от фронта. Они требовали воссоединения с нэнькой Украиной Галиции и спорных с поляками Холмщины и Подлесья. Чернин напомнил украинцам о том, что Австро-Венгрия придерживается принципа «невмешательства одного государства во внутреннюю политику другого»^{119}. Но в итоге все же пришлось согласиться на создание автономной Галиции в составе Австро-Венгрии и обещать заставить поляков потесниться в спорных регионах. Хлеб нужен был срочно.

Стачки в Вене и Берлине стали сильным козырем не только в руках большевиков, но также и украинцев, которые, по выражению О. Чернина, «вылупляют очень быстро» и уже просто стали диктовать условия^{120}. Р. Кюльман писал в Берлин: «украинцы хитры, скрытны и абсолютно не знают меры в своих требованиях»^{121}.

3 (16) января австро-венгерские дипломаты согласовали выгодные для Украины условия — новое государство получало территории восточнее Буга и южнее линии Брест-Литовск — Пинск. Секретным приложением гарантировалось автономия Восточной Галиции в составе Австро-Венгрии (это приложение австро-венгерская сторона позднее возьмет назад, когда правительство Украины станет марионеточным).

Сведения о немецко-украинских консультациях стали поступать к Троцкому уже 22 декабря (4 января) из немецкой прессы. 6 (19) января немцы уже откровенно «засветили» переговоры с Украиной, что сделало необратимым и конфликт Центральной рады и большевиков. Голубович уже официально разорвал дипломатический блок с Россией.

Это трагически сказалось на судьбе Рады, так как снимало сдержки на пути вооруженного конфликта с советской стороной.

Переговоры в Бресте вышли на финишную прямую. «В результате дискуссий, которые состоялись во время перерыва в переговорах 23-24 января (4-5 февраля) между германским командованием, с одной стороны, и правительствами Германии и Австро-Венгрии, с другой, последние согласились ускорить подписание сепаратного договора с Украиной и, как только это будет сделано, вручить Троцкому ультиматум — иными словами, свернуть мирную конференцию в Брест-Литовске в недельный срок. Условия ультиматума, который Кюльман должен был представить Троцкому, были таковы: либо Троцкий принимает предложенные ему мирные условия, либо военные действия возобновляются»^{122}.

Выдвигая свой план провозгласить прекращение войны без подписания мира («ни мира, ни войны»), Троцкий стремился, помимо прочего, опередить немецко-украинское соглашение, так как Рада «ведет явно изменническую политику»^{123}.

* * *

Столкнувшись с расширением сферы советского влияния на Украине, Центральная рада 9 (22) января 1918 г. в своем IV Универсале все же провозгласила независимость Украинской народной республики. Но национальная идея оказалась слабым мобилизующим фактором в условиях обострившихся социальных проблем и в развернувшейся борьбе социалистических проектов. Авторитет Рады стремительно падал. Массы украинцев не бросились ее защищать.

18 (31) января был принят украинский закон о социализации земли, ликвидировавший частное землевладение и передававший землю крестьянам. Он был основан на той же идее социализации земли, что и советский закон, принятый несколькими днями позднее. Но крестьянство уже было раздражено учреждениями Рады, так как в соответствии с ее указаниями земельные комитеты описывали имущество имений, а крестьяне стремились просто его разобрать по хозяйствам. Для предотвращения разгрома имений уездные земельные управы вызывали войска.^{124}

В сравнении с последующим законодательством гетманата аграрный закон Рады больше устраивал крестьян, что и обеспечит сторонникам УНР массовую поддержку сразу после ухода немцев в ноябре-декабре 1918 г. Но пока Центральная рада была слишком умеренной, чтобы крестьяне были готовы сражаться против нее с

большевиками, которые также несли с собой радикальную аграрную реформу. А вот рабочие явно предпочитали большевиков, что стало решающим фактором во время борьбы в городах.

В условиях начинающегося военного конфликта существовавшее во многих городах двоевластие становилось нетерпимым. Обе стороны попытались разоружить противника, что привело к серии столкновений и восстаний, которые существенно сократили территорию, хотя бы отчасти контролируемую Центральной радой. Большевики с помощью войск Антонова-Овсеенко взяли власть в Полтаве (6 января) и Екатеринославе (28 декабря). Сторонники советской власти победили в Александровске (2 января), в Одессе (14-16 января) и Николаеве (23 января).

Это «триумфальное шествие советской власти» по Украине не было простым результатом вторжения красной армии извне — как правило власть брали местные сторонники советской власти с помощью тыловых частей, в которых служили и этнические украинцы, и представители других национальностей. Но, оказавшись на территории Украины, они автоматически стали ее гражданами, и их политический выбор оказался не в пользу УНР. При этом значительная часть населения востока и юга нынешней Украины тогда не считали себя частью украинского государства. Не случайно 17 января была провозглашена Одесская советская республика, а 30 января была провозглашена Донецко-Криворожская республика — игра в «свою Украину» на востоке уже была не нужна.

В наши дни войну украинских националистов и красных на Украине называют «агрессией России». Но в колоннах красных шли и жители Украины. Они поднимали восстания за власть Советов. На обширных пространствах, которые новопровозглашенное государство считало своими, большинство населения, особенно в городах, не говорило по-украински. Претензии на эти территории сама по себе была агрессивна, попытка создать на такой многонациональной территории государство с преимущественными правами украиноязычного населения вела к гражданской войне между жителями Украины. Для Махно, как для большинства жителей восточной Украины, а то и Киева или Одессы, где большинство говорило по-русски, украинское государство не было своим. Для них война против Центральной Рады и других властей, созданных украинскими националистами, была войной против попытки разделить живую ткань народов, против затяжки с социальными преобразованиями. Хотя в своем универсале Центральная Рада провозгласила право крестьян на землю, она задерживала аграрную реформу, как и временное

правительство. Позднее украинские атаманы легко переходили из-под жевто-блакитных прапоров под червонные и обратно. Повстанцев интересовала не государственность, а ее содержание. Что она даст селянину? Центральна Рада дала романтические националистические обещания, и продвижение советских войск не вызывало значительного сопротивления.

15 (28) января началось просоветское восстание в Киеве. Красная гвардия укрепились на заводе «Арсенал» и в Подоле. Вместе с двумя просоветскими полками красногвардейцы двинулись на центр города. 17 января часть гарнизона объявила, что дело нужно решить миром, то есть фактически объявила нейтралитет. Большевикам удалось захватить даже здание Рады и окружить националистов в центральной части города. Но 20 января Петлюра и Коновалец подошли с подкреплениями и выбили восставших из центра города. «Арсенал» был окружен и 21 января (3 февраля) его защитники сдались. Восстание было подавлено, произошли бессудные расстрелы пленных.

В это время войска красных во главе с М. Муравьевым шли на Киев. 15 (28) января советские войска вошли в Бахмач. Продвижение советских войск не вызывало значительного сопротивления. 16 (29) января войска Рады дали бой под Кругами и были разбиты. Пытаясь задержать продвижение красных, петлюровцы «во время боя насильно пустили поезд с безоружными солдатами с фронта навстречу наступающим революционным войскам и открыли по несчастным артиллерийский огонь»^{125}.

22 января войска Муравьева заняли левобережные пригороды Киева и стали обстреливать город из артиллерии. Муравьев докладывал Антонову, что «крестьяне восторженно встречают революционные войска»^{126}. Как только развернулась открытая война, стало очевидно, насколько социальные факторы сильнее и важнее, чем национальные. Социальные конфликты определяли ход событий на Украине в это время, оформляясь национальной государственно-юридической надстройкой. Но национальный фактор воздействовал на социальные процессы и с противоположной стороны — национальная почва по мере становления советской системы прорастала и пропитывала политические силы, создававшиеся во имя социальных целей. В 1919 г. это обернулось волной сопротивления против красных. Но на «проращение» этого фактора нужно было время, и в 1918 г. Рада не могла самостоятельно выстоять под натиском сторонников советской революции.

Петлюра имел примерно 1200 бойцов против 8000 красных. 25 января Центральная рада выехала из Киева сначала в Житомир, а затем

в Сарны — к самому немецкому фронту. Как вспоминал А. Гольденвейзер, «у нас часто случалось, что отступавшие войска творили больше бед, чем сменявшие их завоеватели... На этот раз уходили украинцы, и они покидали Киев не так, как оставляют родной город и столицу, а как эвакуируют завоеванную территорию... “Вильное казачество“, защищавшее город, чинило всяческие эксцессы; во дворе нашего дома расстреливали людей, казавшихся почему-либо подозрительными»^{127}.

26 января (8 февраля) 1918 г. войска Муравьева взяли Киев. Красные произвели аресты и расстрелы офицеров, оставшихся в городе. После этого Муравьев с 5000 бойцов двинулся к Днестру для отражения натиска румын.

* * *

9 февраля 1918 г. представители Центральной рады подписали договор с державами Четверного союза. Современная исследовательница И. Михутина считает этот договор «неправомерным актом»^{128}, тем более, что 26 января (8 февраля) 1918 г. Киев был взят советскими войсками. Центральная Рада бежала в Житомир. Но теперь Рада была признана в международном договоре. Это определило судьбу Украины, включая и те земли, которые ни о какой Центральной Раде слышать не хотели.

По мирному договору Четверного союза и Центральной рады Украина получала Холмщину и часть Подлесья. Рада обязалась предоставить Германии 1 млн. тонн продовольствия, способного смягчить там социальный кризис. Секретным соглашением предусматривалось создание автономной Галиции в составе Австро-Венгрии (вскоре эта договоренность была взята назад). Рада приглашала германские войска на Украину, чтобы вытеснить сторонников советской власти. Политика украинских националистов приобрела отчетливо прогерманскую ориентацию, которая сохранится до самой Второй мировой войны.

Теперь представители Германии готовы были «разделаться» с Россией. Чернин писал 8 февраля: «нет сомнения, что брестское интермеццо быстрыми шагами идет к концу»^{129}.

9 февраля Вильгельм потребовал от своих дипломатов предъявить ультиматум Троцкому — сдать всю Прибалтику до Пскова и Нарвы^{130}. С большим трудом Кюльману удалось уговорить императора подождать немного — хотелось выложить перед Троцким украинский козырь, чтобы добиться от него капитуляции на условиях 5 января

(требования Вильгельма казались тогда совсем нереальными для заключения мира без продолжения войны, которая и для Германии была крайне нежелательной).

Но Троцкий не стал дожидаться неизбежного ультиматума. 10 февраля он заявил, что отказывается подписать аннексионистский мирный договор, заявив, тем не менее, о прекращении состояния войны и демобилизации армии. «Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора»^{131}.

Ленин был не согласен с провозглашенной Троцким демобилизацией армии и даже пытался ее остановить. Но рычагов воздействия на солдатскую массу оставалось немного, и фронт стал рассыпаться.

18 февраля немцы начали наступление. 1 марта немцы заняли Киев. 3 марта 1918г. делегация Совнаркома подписала «похабный» Брестский мир. По его условиям Россия отказывалась от прав на Финляндию, Украину, Прибалтику и Закавказье, должна была выплатить контрибуцию. На Украину двинулись немецкие войска.

С точки зрения левых эсеров и их сторонников большевики «предали» идею мировой революции. Братский народ Украины был отдан на разграбление немцам. Украинский хлеб шел на спасение германской империи. Американский историк Ю. Фельштинский считает, что украинский хлеб был мифом^{132}, однако О. Чернин настаивает, что, несмотря на все трудности с выколачиванием продовольствия из Украины, «без этой поддержки мы и вовсе не смогли бы продержаться до нового урожая»^{133}.

А кто будет кормить голодный пролетариат российских городов? На хлебные районы России, прежде всего Сибири и Дона ложилась двойная нагрузка. Левые эсеры — представители крестьянства в советах — вышли из правительства в знак протеста против капитуляции перед империалистами. База правительства сузилась еще сильнее. 15 марта А. Ге от имени анархо-коммунистов произнес на съезде советов резкую речь против мира: «лучше умереть за социалистическую революцию, чем влачить жалкое существование за счет соглашательства с германскими империалистами»^{134}. Правда, большинство анархистских организаций заявили, что Ге не уполномочен выступать от их имени, но для большевиков это был важный сигнал: анархисты, которые прежде шли в фарватере большевистской политики, теперь начали переходить на сторону левых эсеров. Патриотические чувства большинства жителей России были оскорблены — большевики, обещавшие мир без территориальных

потерь, капитулировали перед Германией, проиграли войну 1914-1918 гг., которая потребовала от народа огромных жертв. Миллионы людей, прежде равнодушные к большевикам, теперь ненавидели их.

Глава 4. 1918 год

1. Немецкое нашествие

В марте 1918 г. на Украину двинулась двухсоттысячная армия Германии и Австро-Венгрии. Несмотря на формальный мир, большевики и левые эсеры не собирались сдавать этот край без боя — у Советской Украины не было мира с Германией, и можно было опробовать идею левых эсеров и левых коммунистов о партизанской войне, изматывающей Германию. Идея оказалась не самой продуктивной — после нескольких боестолкновений красные и «черногвардейские» отряды откатились за Днепр. И здесь оборона продержалась недолго. Крестьяне не поддерживали сопротивление. Пока.

В городах черноморского побережья вспыхнули восстания против немцев. Херсон держался с 20 марта до 5 апреля, Николаев — 22-25 марта. Но без поддержки извне у восставших не было шансов.

Выяснить отношение Махно к Брестскому миру трудно. В своих воспоминаниях он приписывает себе такие слова: «И Центральная рада, и большевики своим заключением союза с монархами готовят смерть для революции и ее носителей — революционных тружеников»^{135}. Однако есть свидетельство, что во время своего союза с большевиками Махно выступал против обвинений их в сговоре с немцами^{136}. Не бросил Махно упрека в Брестском мире и руководителям большевиков во время беседы с ними в июне 1918 г., о которой речь пойдет ниже.

Вторжение немцев резко активизировало сторонников Центральной рады в Гуляйполе. Они связывали с немцами большие надежды. Лидер националистов П. Семенюта открыто угрожал анархистам физической расправой после прихода немцев. В ответ Группа анархо-коммунистов без ведома Махно (как он утверждает) объявила националистам «революционный террор» и убила Семенюту. Гуляйполе оказалось на грани кровавой вендетты. Узнав о случившемся, Махно приложил все усилия, чтобы добиться отмены решения о «революционном терроре» и заключить соглашение с националистами об отказе от мести. Была

создана совместная с националистами комиссия по недопущению убийств^{137}.

Особенно трудно было удержать от продолжения террора анархо-коммунистов. Дискуссии в Гуляйпольской группе анархо-коммунистов приняли жаркий характер. Махно вспоминает об этом: «Их дерзость меня злила, а самостоятельность радовала и сильнее давала мне чувствовать, что моя работа с самостоятельными членами группы даром не пропадает».^{138}

В этом эпизоде Махно представляет себя мудрым учителем местной анархистской братии. Был ли он таковым на самом деле — трудно сказать. Ясно одно: Махно удавалось держать членов группы под своим контролем — было решено не применять террор, пока националисты сами не возьмутся за оружие. Это, конечно, не значило, что Махно был принципиальным противником терроризма. Он подходил к террористическим актам прагматически. Сейчас они были вредны для дела.

Между тем агитация украинских националистов в районе продолжалась. Одновременно националисты предприняли своеобразный ход по подготовке переворота в Гуляйполе. Они начали шантажировать еврейскую общину угрозой погрома после прихода немцев. Еврейская верхушка после колебаний решила помогать своим заклятым врагам, чтобы предотвратить неминуемую расправу^{139}. «Среди евреев — хозяев лавок, гостиницы, хозяев мануфактурных предприятий — вновь возникают пораженческие настроения, — комментирует историк взаимоотношений евреев и анархизма М. Гончарок. — Состоятельное руководство общины требует от еврейского населения, чтобы оно расформировало еврейскую роту. Рядовые дружинники, как правило молодые ребята, выходцы из бедных семей, отказываются наотрез, считая это подлостью и предательством по отношению к анархистам и крестьянским ополчениям, доверившим им оружие. Мнения в роте, однако, раскалываются»^{140}. Эта социально-психологическая реконструкция расходится в версии Махно, из рассказа которого мы и знаем об этих событиях. Заметного раскола не произошло — рота решила подчиниться руководству еврейской общины.

Тем временем немцы, тесня отряды эсеров, большевиков и анархистов, подходили к Днепру. Махновцы сформировали «вольный батальон», который под командованием матроса Полонского выступил на фронт. Махно был объявлен главнокомандующим революционных сил в районе. Он направился в штаб Красной гвардии для координации действий с другими отрядами. Охрану Гуляйполя несла еврейская

национальная рота под командованием Тарановского. В ночь с 15 на 16 апреля она совершила в Гуляйполе переворот в пользу украинских националистов и арестовала часть советского руководства и анархо-коммунистов. Одновременно отряд националистов внезапно напал на «вольный батальон» и разоружил его^{141}.⁶

Эти события застали Махно врасплох. В один момент он лишился вооруженной силы и опорной базы. Интересно, что меньше всего Махно был склонен винить в случившемся евреев. По его мнению, слух о «заговоре евреев» «в других местностях Украины безусловно вызвал бы погром и избиение невинных, всеми и вся гонимых в российской и украинской истории, не знавших до сих пор покоя бедных евреев»^{142}. Понимая мотивы действий еврейской общины, Махно, вернувшись позднее в Гуляйпольский район, выступил против мести участникам переворота — евреям, «убеждал крестьян и рабочих, что еврейские труженики, даже те из них, которые состояли в этой роте бойцами и были прямыми участниками в ее контрреволюционном деле — сами осудят свой позорный акт»^{143}. И в самом деле, в махновской армии в 1919 г. будет сформирована еврейская национальная батарея. 16 апреля жители Гуляйполя освободили арестованных заговорщиками анархистов. Но организовать оборону было уже невозможно — немцы перешли Днепр и вскоре вошли в Гуляйполе. Вместе с националистами они развернули репрессии против тех анархистов, которые не успели уйти из района.

2. Встреча с Россией

В конце апреля Махно собрал часть Гуляйпольских анархистов в Таганроге. Это совещание постановило вернуться в Гуляйполе в июле для организации партизанской войны.

А пока Махно отправился в путешествие по революционной России. В апреле-июне 1918 г. Махно путешествует по России, посещает Ростов-на-Дону, Саратов, Царицын, Астрахань и Москву. В Саратове (май) и Москве (июнь) Махно участвовал в конференциях анархистов. Около недели работал в агитотделе Астраханского совета. Эта поездка сыграла важнейшую роль в формировании взглядов крестьянского вожака, которому предстояло еще возглавить одно из

⁶ Несколько иную версию событий представил житель Гуляй поля И. Соловьев. По утверждению Соловьева, переворот совершила не еврейская, а рабочая рота. Достоверность его рассказа о Махно не очень велика — это данные в августе 1919 г. показания белым, которым Соловьев пытается представить себя местным вождем антимахновского сопротивления и опорочить Махно. Но только вот этого вождя никакие другие источники не заметили. Соловьев объявил себя руководителем переворота, что было бы затруднительно, если бы он признал, что рота была еврейской (Нестор Иванович Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 192).

мощнейших движений Гражданской войны.

Через воспоминания Махно об этой поездке красной нитью проходит тема нарастающего произвола большевиков.

Уже в Таганроге Махно пришлось включиться в кампанию защиты своих товарищей от большевиков. На этот раз под арестом оказалась М. Никифорова, которую обвинили в разграблении Екатеринослава. Но суд, состоявший из коммунистов и левых эсеров, ее оправдал. Повлияло и мнение Антонова-Овсеенко о полезности отряда Никифоровой, и давление анархистов, в руках которых было оружие и бронепоезд.

Иным был исход событий в Москве, о чем вскоре узнал Махно. В апреле большевиками была разгромлена «Черная гвардия».

Еще 5 марта Московская федерация анархических групп приступила к формированию «Черной гвардии» с единым командованием. Формально это должно было отсечь от движения неконтролируемые группы уголовников, прикрывающиеся именем анархистов. Для вступления в «Черную гвардию» требовались рекомендации идейных анархистов и рабочих организаций. Запрещалось участие «Черной гвардии» в реквизициях. Анархисты спешили освободиться от компрометирующих их уголовных элементов, к которым прежде анархисты относились терпимо, считая их «жертвами» социального строя. Фактически создание единой «Черной гвардии» делало анархистов серьезным фактором в случае выступления против большевиков слева.

С вчерашними союзниками пришлось прощаться. Но Ленин делал это осторожно, применяя «тактику салями», позднее успешно развитую Сталиным — нужно «отрезать» политических соперников по кусочкам — слишком большой блок противников может и в горле застрять. Сначала он победил левых коммунистов в партии, затем левых эсеров во ВЦИКе, после чего они потеряли статус правящей партии. Но против них еще не применялось насилие. Теперь настала очередь анархистов.

В Москве, куда перебрался Совнарком в марте 1918 г., анархисты контролировали 25 особняков. Некоторые были расположены вблизи важных пунктов столицы.

Анархисты не скрывали, что готовятся к столкновению. Они были разочарованы политикой большевиков и надеялись на поддержку масс. Ж. Садуль вспоминает о беседе с членом ВЦИК анархистом А. Ге: «Ге гневно обличает большевиков. Придя к власти, они только и делают, что предают принципы, чистые принципы, они переродились в обыкновенных реформистов, рабочие от них отворачиваются и

сплачиваются под черным знаменем... Ге считает, что уже сейчас можно рассчитывать в Москве на несколько тысяч бойцов. Однако для действий момент еще не настал. В движение проникли монархисты, которые пытаются использовать его в своих целях ⁷. Следует избавиться от этих темных и опасных элементов. Через месяц-два анархисты выкопают могилу для большевиков, “царству варварства придет конец”. Будет основана подлинно коммунистическая Республика»^{144}.

Могли ли они победить? Если бы анархисты опирались на развитую систему самоуправления, если бы предложили конструктивную программу, понятную рабочим и заручились поддержкой большинства коллективов Москвы... В этот период против них не были направлены репрессии, сохранялись возможности для агитации. Но конструктивная программа анархо-коммунистов была предельно близка программе коммунистов. Разворот в политике большевиков методом «военного коммунизма» только начинался. Большевики, которые вели общество не к свободе, а к централизму, казались анархистам всего лишь умеренными сторонниками анархических идеалов, реформистами. Теоретическая слабость наиболее влиятельных анархистских организаторов и организационная слабость анархистских теоретиков привела к тому, что анархизм потерял в городах свое самостоятельное лицо. Объективно анархисты в это время были радикальными и демократическими коммунистами. Эта ниша была занята и левыми большевиками, и отчасти левыми эсерами. Критика анархистами большевиков напоминала позицию левых эсеров. Политически анархисты оказались между большевиками и левыми эсерами, и в конфликте этих двух партий стали склоняться в сторону лево-эсеровской оппозиции. С этим и был связан шанс анархистов на успех. Доживи «Черная гвардия» до июля 1918 г., она стала бы весомым фактором в левоэсеровском восстании. В случае падения большевиков теперь уже анархо-коммунисты становились младшим партнером лево-социалистической коалиции. Сколько бы она продержалась — другой вопрос. Но в любом случае эта коалиция была бы ближе к идеалам анархизма, поскольку лево-эсеровская мысль эволюционировала в направлении умеренных анархо-синдикалистских идей. Но в 1918 г. большевики не стали ждать дальнейшего сближения двух оппозиционных советских сил.

В ночь с 11 на 12 апреля ВЧК захватила базы анархистов. На Малой Дмитровке они отстреливались из горной пушки, но у

⁷ На анархистских базах укрывались бойцы Савинкова, но их было всего несколько десятков.

коммунистов был перевес в артиллерии. Из пушек разнесли и верхний этаж особняка на Донской улице. Бои шли на Поварской. В других местах опорные пункты анархистов удалось взять без значительного сопротивления. Было убито и ранено 40 анархистов и 10-12 чекистов и солдат. Несколько анархистов были расстреляны на месте. Это произвело сильное впечатление. Некоторые анархисты стали задумываться о мести.

ЧК рассчитывала получить дополнительный компромат на «Черную гвардию» после захвата особняков. Учитывая, что перерегистрация «черногвардейцев» началась лишь месяц назад, в особняках продолжало жить немало уголовников. Были найдены золото. Московская федерация анархистов была обвинена в связях с известным актером Мамонтом Дальским, который с помощью друзей-анархистов провел аферу с продажей опиума (правда, Дальского не стали преследовать), в укрывательстве уголовника Кэбурье (правда, он уже скрылся из Москвы). Всего было задержано около 500 человек, но часть вскоре отпущена.

В апреле-мае такие же операции были проведены и в других городах России.

Даже в официальных сообщениях по поводу разоружения анархистов признавалось, что многочисленные преступления совершались от имени анархисткой, а не идейными анархистами. Дзержинский подчеркивал, что «мы ни в коем случае не имели в виду и не желали вести борьбу с идейными анархистами»^[145]. Тем не менее, были закрыты крупнейшие анархистские газеты, а идейные анархисты Л. Черный и др. были привлечены к ответственности за укрывательство. Впрочем, они вскоре тоже оказались на свободе. Черного расстреляют только в 1921 г.

Разоруженным анархистам разрешили и дальше заниматься пропагандистской работой — не более. Махно воспринял новость об ударе по анархистам с тревогой, но не стал делать из нее далеко идущих выводов в отношении большевиков — к городским анархистам он относился с большим скепсисом, а большевики нравились ему как люди дела. И ведь они практически установили власть советов, сделав решающий шаг к анархическому идеалу. Но путешествие по России дало Махно новый материал для сомнений.

Весной 1918 г. социально-экономическая ситуация в России продолжала стремительно ухудшаться. Интересный обзор экономической ситуации в апреле 1918 г. был составлен военно-экономическим отделом военного ведомства при главпочтамте на основе анализа телеграфных сообщений. В нем говорилось:

«Урожай. Сведения пока не особенно утешительны. В Тверской, Костромской и Черниговской губерниях предстоит очень плохой урожай, хлеба мало — семена проели и сеять нечего». Это касалось, конечно, не только этих трех губерний. Плохо дело обстояло и в Смоленской, Самарской и Саратовской губерниях, а вот положительных примеров не приводится. Из-за расстройства транспорта не удалось перебросить в центральные районы рыбный улов из Астрахани, и он пропадает. Попытка большевиков наладить централизованный продуктообмен пока провалилась. «Торговля за последнее время несколько оживилась, благодаря тому, что провинция сильно нуждается в товарах, хотя цены стоят очень высокие, но торговцы думают, что этот год не будет хуже прошлого... Отсутствие денежных знаков выдвинуло новый вид торговли — меновой. Так, союз маслоделателей Сибири предлагает Крассовету ходатайствовать о ввозе клепки из-за границы для обмена на отруби, жмыхи и масло. В Омске многие голодающие губернии привезли свои товары для обмена на хлеб... Главным предметом спекуляции в настоящее время является мука и все жизненные продукты. В Саратовской губ. грузится мука в огромном количестве, но по неизвестному назначению, в то время как на месте в ней ощущается уже нужда... Крестьяне усиленно скрывают хлеб, овес, сено и ни на какие деньги не продают»^[146]. Спекуляция, дороговизна, распад товарообмена, вовлеченность советов в бартерные операции, при чем не самые эффективные. Большевики решили разрубить этот Гордеев узел.

13 мая 1918 г. был принят декрет «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию», известный как Декрет о продовольственной диктатуре. Теперь продовольствие отчуждалось у крестьян насильственно по символической цене. Создавались продотряды — голодные рабочие должны были сами добывать хлеб.

Попытки советов Саратовской, Самарской, Симбирской, Астраханской, Вятской, Тамбовской, Казанской губерний сопротивляться продовольственной диктатуре были пресечены. Усилились чистки советов, начались их разгоны. 27 мая был принят декрет ВЦИК СНК, ставший шагом к ликвидации власти советов на местах. Местные продорганы подчинялись наркомату продовольствия. Затем и другие органы советов были подчинены наркоматам. Общество теряло легальные пути сопротивления действиям правительства. Широкомасштабная гражданская война становилась неизбежной.

После заключения Брестского мира основная тяжесть продовольственной диктатуры должна была лечь на крестьян Поволжья, Северного Кавказа и Сибири. Получив землю, они теряли ее

плоды. Между тем через Сибирь эвакуировался во Францию корпус бывших военнопленных чехословаков, руководители которых были близки по взглядам к социал-демократам. В конце мая местные большевистские власти пытались разоружить некоторые чехословацкие части. В условиях нараставшей напряженности любой конфликт мог вызвать взрыв. 14 мая произошел конфликт между чехословацкими и венгерскими пленными, были жертвы. Местные советские власти произвели аресты чехов. В ответ 17-25 мая Чехословацкий корпус восстал. К чехословакам присоединились боевые дружины эсеров, а затем тысячи людей, недовольных большевиками. Часть Поволжья, Сибирь и Урал перешли под власть «Комитета членов Учредительного собрания» (Комуч) и других антибольшевистских правительств. Другой очаг гражданской войны расползлся на Дону. Два антибольшевистских фронта вот-вот могли соединиться на Волге, в районе Царицына.

* * *

Во время своего путешествия Махно застал начало царицынской эпопеи. На Дону вспыхнуло восстание казачества. Казаками был схвачены и 11 мая казнены председатель совнаркома Донской советской республики Ф. Подтелков и его товарищи. 16 мая атаманом Всевеликого войска Донского в Новочеркасске был избран П. Краснов. Казачьи отряды надвигались на Царицын. Падение города отрезало бы советский центр от хлеба Северного Кавказа и бакинской нефти.

Отступавшие с Украины и Дона революционные отряды под Царицыным переплавлялись в Красную армию. По дороге к Царицыну их расформировывали и перетасовывали, чтобы разрушить партизанскую спайку между бойцами. Те бойцы, которые хотели служить со своими командирами, считались неблагонадежными, потому что не были готовы служить именно коммунистическому руководству. Самые решительные отряды пробивались через кордоны красных, пытавшиеся их разоружить, доходили до самого Царицына, где искали правды — пошлите нас на фронт, но старым составом под командованием лихих командиров, а не назначенцев. На глазах у Махно состоялся бой между отрядом Петренко (однофамильцем махновского командира) и силами красных под самым Царицыным. Петренко отбил атаки, после чего был вызван для переговоров, арестован и расстрелян. Такой же судьбы в этих местах еле избежал и легендарный Железняк. Он агитировал за ликвидацию Совнаркома и передачу власти ВЦИК, в резкой форме требовал от Подвойского

улучшения снабжения войск, за что был объявлен вне закона^{147}, но успел скрыться на Украине. В Одессе он стал одним из руководителей антинемецкого подполья. Махно на этом фоне был «мелкой сошкой», но и над ним во время путешествия иногда нависала угроза ареста и расстрела.

Позднее, как мы увидим, сам Махно с трудом избежит судьбы Петренко. Эта практика потом широко применялась красными — особенно широко летом 1919 г. при отступлении с Украины. Боясь «заражения» Советской России атаманской вольницей, коммунисты шли на отстрел подозрительных украинских командиров.

Несмотря ни на что, Махно призвал своих единомышленников вступать в красную армию, но сам отправился дальше. У него была своя миссия.

В свои мемуары, над которыми Махно работал в Париже, он даже включил эпизод с Ворошиловым. Якобы Махно слушал речь Ворошилова, и эта речь понравилась будущему батьке. В действительности Ворошилов прорвался в Царицын только в конце июня^{148}, тогда как Махно был там в мае. Не застал Махно и прибывшего в Царицын в начале июня Сталина (хотя встречался с председателем Царицынского совета (Махно называет его председателем ревкома) С. Мининым, который руководил городом и его окрестностями до прибытия Сталина 6 июня^{149}).

Руководившие обороной Царицына Сталин и Ворошилов не были противниками «партизанщины» как таковой. Их «преторианской гвардией» затем была 1 конармия С. Буденного, преданная своему командиру и не вполне управляемая из центра Троцким. Ворошилов стал одним из вождей «военной оппозиции», отстаивавшей партизанский опыт даже на съезде партии. Эта коммунистическая «партизанщина» своим острием была направлена против военной диктатуры Троцкого и против военных специалистов, бывших царских офицеров. Здесь видны истоки конфликта между военными и партийцами, пронизывающего всю советскую историю. Уничтожение непокоренных повстанческих командиров преследовало цель ликвидировать самостоятельность партизанской полуанархистской «военщины» от тех же партийцев. Дальнейшее развитие событий под Царицыным только укрепило Сталина и Ворошилова во мнении о необходимости бороться на два фронта против «военщины» — как повстанцев, так и «золотопогонников».

Появление Сталина в этой точке охваченного войной советского пространства было не случайным. Северный Кавказ остался последним источником хлеба, на который еще могла рассчитывать Советская

Россия после Брестского мира и чехословацкого восстания на востоке страны. Ленин посылает сюда одного из лидеров партии, известного своим «пробивным» характером, чтобы «взять хлеб». К тому же Сталин — нарком национальностей и знает Кавказ. Но, прибыв в Царицын, Сталин выяснил, что хлебная проблема теперь является чисто военной — эшелоны застряли, ибо казаками Краснова перерезана железная дорога. Сталин требует у военного начальника района, бывшего царского генерала А. Снесарева, немедленно атаковать, очистить дорогу, пропустить эшелоны. Задача с точки зрения военного искусства Первой мировой войны безграмотная. Выдвижение частей на такую глубину — самоубийство, верное окружение. Сталин настаивает, Снесарев отказывается, Сталин «разоблачает заговор военспецов», берет командование в свои руки (впервые в жизни оказавшись на войне), атакует, терпит поражение. Но часть эшелонов все же «проталкивает».

Краснов на плечах отступающих красных подходит к Царицыну, ситуация критическая, город вот-вот падет. После нескольких критических дней 20 августа переходят в наступление соседи с юга. Город спасен. 22 августа, начав наступление, 10 армия вышла на реки Сал и Дон. Краснов снял часть казаков с севера и отбросил красных назад. Но теперь Царицын защищала более сильная армия, и позиции были подготовлены лучше. Началась осада «красного Вердена» и бои с переменным успехом вдоль Волги и на Дону до самого краха Краснова, вызванного уходом подпиравших его немцев.

История конфликта Сталина и военспецов показательна. Она породила у Сталина жесткое неприятие военного искусства Первой мировой войны и тяготение к войне маневренной, «революционной». По своим военным вкусам Сталин, как и многие красные командиры — выдвиженцы революции — был ближе к Наполеону, чем к победителю немцев французскому маршалу Фошу. В этом отношении и Сталин, и Тухачевский демонстрировали «отсталость» военного искусства гражданской войны в России от европейского военного искусства первой четверти века (что и проявилось в поражении на Висле в 1920 г.). Сталин был дилетантом по сравнению с военспецами, но он был адекватен обстановке. Кстати, и Деникин, имевший большой военный опыт, признавал «зачастую полную негодность метода позиционной борьбы»^[150] в условиях гражданской войны в России.

В Западной Европе технические средства обороны были более развиты, чем средства наступления, что позволило создавать прочные фронты, пробивание которых было невероятно тяжелой задачей. Отсюда «застойность» Первой мировой, отсюда — «предрассудки»

военспецов.

Но гражданская война была совершенно другой. Здесь не было таких возможностей обороны, и средства наступления превосходили оборонительные. Это вкупе с зыбкой социальной почвой и множеством восстаний порождало динамичный характер войны, которого и ждал от нее Сталин. Казалось, сталинские «предрассудки» испарятся по мере развития технической мощи советской страны. Но военное искусство развивается по закону смены преобладания средств наступления и защиты. Копье побеждают доспехи, доспех пробивает пуля, линейную тактику ломает массовая армия, ее порыв останавливает пулемет и окопы. С эпохой моторов военное искусство маневренной войны, выработывавшееся в сражениях Гражданской войны в России, окажется более актуальным, чем военное искусство Первой мировой. Это покажет уже первый год Второй мировой войны, это сделает Сталина и его генералов, прошедших школу гражданской, адекватными Второй мировой войне с ее отступлениями и наступлениями, презрением к потерям, с огромной ролью идейно-политической мобилизации тыловых ресурсов,

А тогда, на заре своего военного опыта, будущий генералиссимус и не подозревал, что здесь по Волге путешествует пока никому неизвестный гений маневренной войны 1918-1921 гг. Некто Махно.

* * *

Во время своего путешествия Махно вплотную столкнулся с практикой советской власти в Поволжье, которая вызывала у него немало возражений. Тем не менее, в тот период он призывал своих единомышленников вступать в Красную армию. Необходимо только скорректировать политику большевиков: «Нужно только, чтобы революционные власти поумнели и отказались от многого в своих действиях; иначе ведь население пойдет против революции...»^{151}

Прежде всего, Махно недоволен тем, что большевики игнорируют интересы крестьянства. Недовольство революцией, идущей из города, все более усиливается: «Без тесного сотрудничества с крестьянством властолюбивому городу и заражающемуся поневоле его властолюбием пролетариату самому не построить новой свободной общественной жизни»^{152}.

Особенно резко, по мнению Махно, властолюбие города усилила теория диктатуры пролетариата. Махно выступает против тех, кто поддержал эту диктатуру: «Видимо, эти безответственные крикуны... и не думали о том, что созданием этой диктатуры они разбивали единство

своего классового трудового организма на пользу не революции, а врагам ее»¹⁵³. Крикуны — это большевики. Но в это время они не кричали, а действовали.

Летом над большевистской властью нависла угроза гибели. Ленин заявил, что Советская республика должна превратиться в «единый военный лагерь». Все предприятия переводились на военное положение. Большевистские руководители требовали беспрекословного подчинения и угрожали несогласным немедленным расстрелом. Рыночные отношения купли-продажи, свободного товарообмена заменялись распределением продуктов с помощью государственных органов. Большевики воспользовались войной, чтобы ускорить создание общества, в котором все сферы жизни управляются единым руководством.

Срочно формировалась новая армия. Старая армия разошлась по домам. Отряды Красной гвардии и интернациональные части, состоявшие из военнопленных-коммунистов, нужны были не только на фронте, но и в тылу для защиты диктатуры. Спешно мобилизованные новые части были нестойки. Постепенно в них укреплялась дисциплина — где-то с помощью расстрелов, а где-то — убеждения, веры в необходимость разгрома «буржуев» ради «светлого будущего». Отступавшие с Украины отряды разоружались, некоторые их командиры были расстреляны. Под эту чистку чуть не попал и сам Махно, но он вовремя предъявлял мандат председателя Комитета защиты революции. Бумага производила впечатление, и Махно ехал дальше. Из Саратова ему пришлось бежать в Астрахань, чтобы не попасть в ЧК — знакомые анархисты устроили перестрелку. Поработав в агитотделе Астраханского совета, Махно снова сел на пароход.

Его интересовала Москва — центр Советской земли, «бумажной революции», откуда исходили декреты, приезжали комиссары, переворачивающие с ног на голову значение слов «власть советов». Москва встретила Махно бесконечными митингами, спорами обиженных анархистов и левых эсеров (до их вооруженного выступления против большевиков оставались считанные недели), лекциями анархистских теоретиков на отвлеченные темы (особенно Махно понравился А. Боровой), множеством бумаг, необходимых даже для того, чтобы где-то остановиться на ночлег. Поняв, что москвичей испортил квартирный вопрос, Махно тоже включился в борьбу за комнатку, авантюрно размахивая своим мандатом. Поскольку мандат был заграничным (украинским), вопрос о выделении места под солнцем товарищу Махно увяз в канцеляриях на самом высоком уровне, и чтобы разобраться в нем, Махно одним прекрасным июньским днем

направился в Кремль. Выстрелы террористов еще не гремели, и Махно почти беспрепятственно попал в цитадель большевизма. В своих мемуарах он смеется над слухами, «что к этим в своем роде земным богам добраться недоступно». Пройдет несколько месяцев — так и будет.

В Кремле сновало множество ходоков с различными болями и нуждами — большевистская власть, начавшая с передачи власти на места, теперь все замыкала на центр. Ленину приходилось решать вопросы о выделении гвоздей Н-скому уезду и заготовке дров в М-ске. Несколько человек в Кремле пропускали «через себя» тысячи людей. Ленин беседовал с ними, и десятилетия спустя тогдашние ходоки вспоминали, с каким интересом он вникал в их проблемы. Ленина интересовали не гвозди, а люди — источник стратегической информации о том, чем дышит Россия (в широком смысле слова — ведь Украину называли Югом России), какие лозунги увлекают ее (то, что не очень волновало белых генералов). Махно был одним из таких ходоков. Его тоже интересовала не квартира — о ней в разговоре как-то забыли. Это была встреча на высшем уровне — революционная власть встречалась с одним из представителей революционного народа.

По описанию Махно, беседа со Свердловым началась с обсуждения поражения советской власти на Украине. Свердлов видел причину в контрреволюционности украинских крестьян, Махно — в оторванности Красной гвардии от крестьянства. «Эшелонная война» красных, при которой они быстро продвигаются, чревата отсутствием связи с местным населением. Поэтому и откатывались красные также быстро, как и наступали. Махно пытается убедить Свердлова в том, что причины холодного отношения населения к большевикам следует искать не в недостатках крестьян, а в самой большевистской политике.

В то же время оппоненты сходятся в принципиальных вопросах, не замечая, что под одними и теми же формулировками они могут понимать совершенно различные вещи: «Да какой же вы анархист-коммунист, товарищ, когда вы признаете организацию трудовых масс и руководство ими в борьбе с властью капитала?! Для меня это совсем непонятно! — воскликнул Свердлов, товарищески улыбаясь — Анархизм, — сказал я ему, — идеал слишком реальный, чтобы не понимать современности и тех событий, в которых так или иначе участие его носителей заметно, чтобы не учесть того, куда ему нужно направить свои действия и с помощью каких средств»^[154]. Свою мысль Махно подкрепляет опытом анархистского движения на Украине, где по его мнению «Черная гвардия» показала себя более организованной, чем «Красная».

Собеседник показался Свердлову любопытным, и он провел его к Ленину. В разговоре со Свердловым и Лениным Махно излагает им от имени крестьянства свое видение принципов советской власти: «Власть советов на местах — это по-крестьянски значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся, часто сельские, волостные и районные советы есть не более, не менее, как единицы революционного группирования и хозяйственного самоуправления на пути жизни и борьбы трудящихся с буржуазией...»^{155}

Ленин не без основания заметил, что такой взгляд на вещи анархичен. Завязалась дискуссия об анархизме. Ленин, по утверждению Махно, высказывался об анархизме снисходительно и даже считал, что его распространение среди крестьян «было бы отрадно, так как это ускорило бы победу коммунизма над капитализмом и его властью». Анархизм в деревне наносной, его можно легко изжить. Но в принципе анархизм ведет к раздроблению революционных сил. Цели ведь у нас одни, но анархисты менее организованы и совсем утопичны. «Большинство анархистов думают и пишут о будущем, не понимая настоящего: это и разделяет нас, коммунистов, с ними... в настоящем они беспочвенны, жалки, исключительно потому, что они в силу своей бессознательной фанатичности реально не имеют с этим будущим связи»^{156}. Написано стилем Махно, но мысль вполне ленинская.

Это высказывание серьезно задело Махно, он парировал: «Ваших большевиков в деревнях совсем почти нет, или, если есть, то их влияние там совсем ничтожно. Ведь почти все сельскохозяйственные коммуны на селе были созданы по инициативе анархо-коммунистов».

Об этой беседе мы знаем из мемуаров Н. Махно, которые, как мы видели, не всегда точны. Однако ничего невероятного в такой встрече нет.

Описание этого диалога в мемуарах Махно достаточно правдоподобно: будущий непримиримый враг большевизма уважительно отзывается о Ленине, он самокритичен и словно смотрит на беседу со стороны: «Но скверный, если можно так выразиться, характер мой, при всем моем уважении к Ленину, которое я питал к нему при данном разговоре, не позволил мне интересоваться дальнейшим разговором с ним»^{157}, — пишет Махно о своем настроении после обидных ленинских слов об анархизме.

Воспоминания Махно позволяют выделить фундаментальные расхождения между ним и вождями большевизма, равно как и понять, на чем основывался их непрочный союз. Опираясь одними и теми же понятиями — «коммунизм», «контрреволюция», «власть капитала»,

«массы», — они наполняли их совершенно различным содержанием. Отсюда и ощущение предательства, возникающее при их разрыве, и невозможность для Махно вступить в союз с «белыми». Все-таки с большевиками у него общие цели, хотя идут они к этим целям каким-то кривым путем диктатуры.

3. Немецкая оккупация и гетманат

В обозе немецких войск в Киев вернулись Центральная Рада и ее Генеральный секретариат, теперь во главе с эсером В. Голубовичем. Лидеры Рады наивно думали, что немецкие войска, «дружественные нам, будут биться с врагами Украинской народной республики под началом Полевого штаба нашего государства»^{158}.

Вернувшись в Киев, министерство внутренних дел приказало губернским и уездным комиссарам известить население, что правительство УНР «твердо и нерушимо стоит на страже всех политических, социальных и национальных достижений Великой Революции»^{159}. Выступая на заседании Малой Рады, посвященном годовщине Центральной рады, ее председатель М. Грушевский подтвердил, что УНР не отказывается от необходимости созыва Учредительного собрания^{160}. Более того, в брошюре «На пороге новой Украины» Грушевский заявил: «Укрепляя авторитет нашей социалистической Центральной Рады и ее социалистического министерства, хотим сделать нашу Украину крепостью социализма. Строим республику не для буржуазии, а для трудящихся масс Украины, и от этого не отступим!»^{161}

Немцы, однако, не собирались терпеть все это социалистическое самоуправство. Им нужно было выкачивать продовольствие из Украины, а это было удобнее делать через крупные хозяйства, и уж во всяком случае — не во время земельного передела. Также Вильгельм II не был намерен иметь «союзное государство», правительство которого является очагом социалистической пропаганды. 6 апреля главком немецких войск Эйхгорн выпустил свой аграрный декрет, игнорирующий законодательство УНР. Теперь крестьяне могли взять только ту помещичью землю, которую засевают сами, и не засевают помещики. Помещики получали право засеивать свои земли, и если они при этом действовали совместно с крестьянами, то получали половину урожая. В современной украинской историографии этот приказ характеризуется как «довольно прагматичный»^{162}, с чем очень трудно согласиться, учитывая обстановку в стране. Ведь помещики не могли сеять сами, для этого им нужно было привлечь рабочую силу. Весной

1918 г., когда беднейшие слои деревни не были настроены на покорное батрачество, это означало привлечение к работам все тех же крестьян, которые до прихода немцев рассчитывали получить весь урожай, а теперь вынуждены были работать на помещичьей земле исполу. Ничего, кроме возмущения, это вызвать не могло, и Эйхорн своим приказом способствовал подготовке почвы для крестьянских восстаний на Украине.

Рада протестовала против декрета Эйхгорна как против грубого вмешательства во внутренние дела Украины, но была проигнорирована. Таким образом, было продемонстрировано ее полное бессилие в условиях немецкой оккупации. Однако лидеры Рады предпочли смириться и 23 апреля подписали оговоренный еще в Бресте торговый договор о поставках в Германию и Австро-Венгрию 60 млн. пудов зерна, а также других продуктов.

Мавр сделал свое дело и мог уйти. 26 апреля Вильгельм дал согласие на замену режима УНР диктатурой крупного помещика и наследника гетманского рода П. Скоропадского.

Поводом для разгона стала авантюра премьера В. Голубовича и его сотрудников, которые похитили банкира А. Доброго, осуществлявшего финансовые операции немецкого командования. В дальнейшем на немецком суде Голубович утверждал, что организовал похищение в знак протеста против произвола немецкого командования.

Центральная рада была разогнана немцами 28 апреля, но снова собралась на последнее заседание. Последним актом агонизировавшей Центральной рады стало принятие демократической конституции УНР 29 апреля. Украина оставалась парламентской республикой — всего еще на несколько часов.

29 апреля 1918 г. был создан новый режим гетмана П. Скоропадского, опиравшегося на немецкие войска и российские офицерские формирования. УНР была переименована в Украинскую державу, ее основные принципы были сформулированы в гетманской грамоте по образцу Российской империи. Гетман получал почти самодержавную власть, но законодательство должно было утверждаться и затем приниматься будущим Сеймом вместе с гетманом. Под прикрытием германских штыков гетман надеялся обеспечить свободу торговли и предпринимательства, восстановить «права частной собственности как фундамент культуры и цивилизации»^[163]. Гетман обещал проводить и аграрную реформу, изымая лишние земли у помещиков за государственный счет для распределения среди малоземельных. Но для начала эти земли нужно было отобрать у крестьян, что вело к перманентной социальной войне

на селе. 8-10 мая подпольный крестьянский съезд под Киевом, организованный эсерами, постановил создавать партизанские отряды.

Формальной политической опорой переворота Скоропадского стало правое крыло съезда хлеборобов. Но съезд Партии хлеборобов отказал Скоропадскому в поддержке, потребовав созыва полноправной Государственной рады и отстранения от власти не только «голытьбы», но и «больших богатеев»^[164]. Отклонили предложение войти в правительство и социалисты-федералисты, которые требовали возвращения к конституции 29 апреля, и только на этом условии были готовы признать Скоропадского временным президентом. Гетман не мог пойти на такое сокращение своей власти — не для того переворот делался. Лидировавшие в Центральной раде партии перешли в оппозицию и затем создали полуподпольный Национальный союз. Так что Скоропадский не смог заручиться политической поддержкой украинских политических сил и вынужден был опираться прежде всего на оккупантов. Руку поддержки гетману протянули кадеты, что было для них результатом болезненного пересмотра принципов. Ведь кадеты на Украине были частью общероссийской кадетской партии, выступали как против украинской государственности, так и против сговора с Германией. А здесь пришлось публично оказать поддержку главе украинского государства — ставленнику немцев. Но священный принцип частной собственности оказался для кадетов важнее любых патриотических соображений. К 2 мая несколько кадетов вошли в гетманское правительство, а 8-10 мая санкцию на это дал областной съезд кадетов, который так обосновывал «гибкость» своих принципов: «Съезд, оставаясь верным идеалам партии и ее программе, перед угрозой порабощения и гибели края от анархии и руины признает необходимым участие партии в государственной работе»^[165]. Перед угрозой порабощения кадеты пошли на службу к порабощателям. Впрочем, у кадетов была «задняя мысль», которая проявилась позднее — в союзе с ненавистными немцами создать антибольшевистский «Пьемонт» для последующего «освобождения» всей России, после которого украинская государственность будет ликвидирована за ненадобностью.

10 мая было сформировано гетманское правительство Ф. Лизогуба, которое провозгласило своими задачами укрепление порядка и подготовку «созыва народного представительства». Правительство принялось закрывать газеты. Немецкие военно-полевые суды отправляли в заключение украинских политиков, в том числе умеренных. В деревнях проводились карательные экспедиции против крестьян, отказывавшихся возвращать землю помещикам. По закону от

27 мая старые землевладельцы получали право на урожай озимых, а за яровые, засеянные весной, крестьяне должны были выплатить помещикам арендные и дополнительные платежи, не говоря уже о налогах. «Были образованы особые комиссии по возмещению убытков, причиненных в революционную эпоху землевладельцам. Установленные комиссиями суммы убытков безжалостно выколачивались у крестьян с применением круговой поруки. Деревня отвечала местными восстаниями, подавлявшимися с большой жестокостью. Из городского населения больше всех подвергались репрессиям евреи. Гетманское правительство взяло антисемитский курс, которого и следовало от него ожидать. Гетман опирался, с одной стороны, на немцев, с другой — на правые русские круги. Во многих отношениях эта десница и шуйца расходились и тянули каждая в свою сторону. Но в еврейском вопросе они были более или менее солидарны: и десница, и шуйца не любили евреев и приписывали евреям все крайности революции»^{166}, — рассказывал А. Гольденвейзер. Революционеры, включая мнимых, отправлялись в созданные немцами концлагеря. Зато в городах расцвела торговля. Киев, как позднее Одесса, стал местом скопления эмигрантов из Москвы и Петрограда.

2 июня Германия признала власть гетмана официально. 12 июня было заключено официальное перемирие Украины с РСФСР, но до мира было далеко, так как стороны продолжали спорить о границах. В то же время в 10-километровой нейтральной зоне, установленной еще в мае между Украиной и Россией в районе Сунжи, накапливались революционные отряды.

4. Партизанская война против немецких оккупантов

Стабильность, установившаяся на Украине, была иллюзорной. 30 июля левым эсером был убит немецкий командующий Эйхгорн. И это было только верхушкой айсберга разраставшихся по Украине восстаний — крестьянство уже ненавидело оккупантов. В июне 1918 г. по инициативе эсеров (УПСР в это время находился на левоэсеровских позициях) восстали крестьяне Звенигородского и Таращанского уездов на Киевщине. Один из лидеров таращанских партизан Ф. Гребенко еще в марте поднял восстание против наступавших немцев. Но тогда повстанцев разбили, и Гребенко партизанил с небольшой группой. 8 июня восстало несколько сел, и Гребенко возглавил крестьянскую армию в несколько тысяч человек. В 1919 г., уже будучи комбригом, Гребенко будет расстрелян коммунистами. Летом 1918 г. на Киевщине действовало до 40 тыс. повстанцев — националистов, левых эсеров и

большевиков. Под ударами немцев они ушли в леса, а часть прорывалась в нейтральную зону на границе с Россией, где левые эсеры готовили вторжение революционных отрядов на Украину. Один из очагов повстанчества возглавил Нестор Махно.

* * *

После беседы с лидерами большевизма Махно не собирался задерживаться в Москве, и коммунисты с удовольствием помогли ему вернуться на Украину. Член оргбюро ЦК КП(б)У В.П. Затонский обеспечил для Махно подложный паспорт на имя учителя и офицера И.Я. Шепеля. 26 июня Махно покинул Москву и 4 июля 1918 г. вместе с Алексеем Чубенко вернулся в окрестности Гуляйполя, в село Рождественка. Прибытие Махно в район Гуляйполя способствовало активизации здесь противников оккупации.

Несмотря на Брестский мир, большевики не собирались обеспечивать немцам легкую жизнь на Украине, переправляя туда боевиков, прежде всего анархистов и левых эсеров. Немцы платили большевикам той же монетой, поддерживая атамана Краснова. Крестьяне страдали от немецких экспроприации, но боялись террора немцев, которые опирались на немецких колонистов. Вспышки крестьянских волнений жестоко подавлялись. И все же недовольство росло, особенно после того, как началось возвращение земель прежним хозяевам. Крестьяне были готовы поддержать вооруженную борьбу с немцами, но для этого нужно было создать долговечный и успешно действующий партизанский отряд.

К осени Махно удалось наконец сколотить группу бойцов и достать для них оружие. По утверждению А. Чубенко, оружие было закуплено на деньги, полученные от экспроприации банка.

В сентябре (Махно называет дату 22 сентября) отряд начал боевые операции против гетманских формирований (варты) и помещичьих усадеб. На короткое время махновцы ворвались в Гуляйполе, чтобы напомнить о себе его жителям. Впрочем, приближение оккупационных войск заставило махновцев ретироваться. Первый серьезный бой отряд Махно дал в селе Дибривки (Б. Михайловка) 30 сентября. Объединившись с небольшим отрядом Федора Щуся, партизанившим здесь ранее, Махно с группой в несколько десятков бойцов занял село. Здесь судьба приготовила ему испытание. Крестьяне дружелюбно встретили партизан, молодежь стала записываться в отряд. Но тут подошли австрийцы и легко выбили партизан из села. Жители были разочарованы партизанами, тем более, что каратели устроили

эзекуцию. Получалось, что от партизан одни неприятности и никакой пользы. Отступив в лес, Махно мог бы продолжить движение в любом направлении, но тогда его репутация в этих местах была бы подмочена. Да и бойцы его отряда были деморализованы, новички разбежались, а Щусь был намерен и дальше прятаться по лесам.

У противника было значительное превосходство в силах. По версии Махно в селе было до батальона австрийцев, около сотни гетманцев и столько же немецких колонистов и других «помещичьих и кулацких сынков». Как с ними быть? Махно понял, что выход у него один — атаковать. Без победы продолжать партизанскую войну было нельзя. Опытный в партизанском деле Щусь протестовал против махновского безумия. Но Махно придумал военную хитрость. С небольшой группой он пробрался в самый центр села, где у австрийцев стояли пулеметы. По сигналу Махно партизаны начали в упор расстреливать противника из центра села, а Щусь ударил от околицы. Совершенно не понимая, что происходит, превосходящие силы врага бросились наутек, а Махно одержал первую свою победу.

Авторитет нового отряда в округе вырос, а сам Махно получил почетное прозвище «батько». Вскоре под его командование перешли отряды Петренко-Платонова (район Гришино) и Куриленко (район Бердянска).

Бой в Дибривках положил начало разрушительной «вендетте». После того, как повстанцы ушли, немцы стянули к этому селу значительные силы и провели в Дибривках показательную эзекуцию, которой партизаны не могли помешать. В карательной экспедиции участвовали жители окрестных немецких хуторов. В ответ махновцы разорили эти хутора, убивали участников карательных действий в Дибривках. А Чубенко вспоминал: «Скирды сена, соломы, дома горели так ярко, что на улицах было светло, как днем. Немцы, прекратив стрельбу, выбегали из домов. Но наши всех мужиков стреляли тут же»^{167}. Сжигая кулацкие двory, повстанцы, по словам Махно, говорили погорельцам: «Идите туда, куда пошли дибривские крестьяне и крестьянки со своими детьми... которых ваши отцы, дети, мужья и сыновья частью избили, частью переизнасиловали, а хаты сожгли»^{168}.

Идеологически корни махновского террора восходят к «эпохе Равашоля», когда часть анархистов пыталась с помощью динамита разрушить государство. Но вслед за Кропоткиным, который «не отрицал террора, но требовал, чтобы его применяли лишь в исключительных случаях»^{169} Махно считал, что террором не следует злоупотреблять. Махновцы расстреливают тех, кто прямо нарушает их приказы или непосредственно сотрудничает с оккупантами. Но на

протесты анархо-коммуниста А. Марченко против террора Махно отвечает: «Пусть он положит свою сентиментальность в карман»^{170}.

В это время начинают практиковаться общественные суды на крестьянских сходах, которые должны решать судьбу обвиняемого. Пленных оккупантов махновцы, как правило, отпускали. Но гражданских немцев иногда расстреливали как «шпионов»^{171}. В то же время после первой вспышки террора Махно отдал приказ не трогать тех немцев, которые не оказывают сопротивление, а когда командир Петренко разгромил мирный кулацкий хутор, Махно распорядился выплатить немцам компенсацию^{172}.

В то же время Махно подчеркивал антипомещичий и антикулацкий характер своих действий. Армия по возможности должна снабжаться за счет помещиков и кулаков: «Я попросил собравшееся население сказать открыто, где живут кулаки, имеющие овец, телят, чтобы у них можно было взять две-три овцы на суп бойцам»^{173}.

Суровость повстанцев в отношении кулачества и помещиков лишь подняла их авторитет в глазах крестьянства. В своих действиях Махно стал опираться на многочисленное крестьянское ополчение, которое привлекалось в случае крупных операций. Махно заранее оповещал крестьян о месте сбора. Интересно, что противник при этом ничего не узнавал.

Сам партизанский отряд действовал как мобильная ударная группа в несколько десятков бойцов. При необходимости он мог вырасти до 400 человек (у Махно было еще около тысячи невооруженных резервистов). Иногда отряд оказывался на грани уничтожения превосходящими по численности силами противника, но в целом действия Махно были относительно успешными и так же способствовали росту его авторитета среди крестьян. Крестьяне и батраки, вооружившиеся за счет помещиков и кулаков, фактически контролировали положение там, где отсутствовали немецкие подразделения.

Влияние среди местного населения и способность сохранить себя как движение в условиях немецкой оккупации позволили махновцам приступить к созданию собственной системы власти. Человек с ружьем все более отчетливо понимал, что он теперь — главная фигура в стране. Война породила военную власть.

Нестор Махно стал превращаться в одного из военных лидеров, которыми так богата эпоха Гражданской войны. Военные лидеры по определению авторитарны. Несмотря на анархические лозунги и цели махновское движение обречено было быть авторитарным. Во-первых, страна только что вышла из состояния самодержавного режима,

который способствовал авторитаризации политической культуры. Крестьянская община лишь начала изживать навязанные бюрократической машиной традиции круговой поруки и доверия к «верхам». Теперь «верхами» на значительной части страны стали военные командиры и комиссары. В Гуляйполе это был Махно. Во-вторых, крестьянская масса и анархо-коммунисты по-разному представляли себе перспективы социальных преобразований после того, как удастся сбросить угнетение, исходящее от помещиков, кулаков и города. Крестьяне просто не вникали в содержание терминов «анархия» и «коммунизм», поддерживая борьбу революционеров против помещиков и властей.

В-третьих, относительно низкий уровень политической культуры того времени и военная обстановка порождали избыток доверия к удачливому и справедливому вождю. Таким образом, несмотря на неприятие анархистами самого принципа государственности, в Гуляйполе сложилась государственная структура во главе с Махно. Его темперамент и личные качества также способствовали укреплению авторитарности, основанной на высоком авторитете лидера. Когда Махно, например, решает, что ему больше нет нужды заседать в Александровском ревкоме, он принимает решение от имени своего отряда, даже не посоветовавшись с бойцами: «Сделав официальный письменный, от имени отряда, отзыв меня из революционного комитета, я пошел в комитет вручить этот документ куда следует и проститься»^[174]. Конечно, на фоне тогдашнего разгула военных диктатур этот поступок выглядел вполне невинным, но с точки зрения анархизма представлял собой опасный прецедент — прямое покушение на право коллектива участвовать в принятии политических решений лидера. Реакция, впрочем, не заставила себя ждать — на заседании Группы анархо-коммунистов Махно подвергся резкой критике за «государственнический подход» к делам. Многочисленные органы самоуправления в районе препятствовали перерастанию культа личности Махно, начавшего складываться в то время, в обычную военную диктатуру

Осенью 1918 г. Махно не мог пожаловаться на недостаток доверия со стороны местных жителей. Его имя становится гарантией доверия к анархизму в целом, что побуждает анархо-коммунистов поддерживать и укреплять культ личности «батьки». Махно разъяснял крестьянам, как организовывать новую жизнь, как вести себя в отношении кулаков, немцев, помещиков. Ему приходится сдерживать разрушительные склонности разрастающейся прослойки людей, живших войной и оторвавшихся от общинного крестьянства. Такие люди типичны не

только для гражданской войны в России, но и для любой продолжительной войны. Они не заботятся о сохранении производства в тех местах, где идет война, не видят своего места в условиях мира и не очень пекутся о завтрашнем дне. В одном из случаев, о которых вспоминает Махно, «повстанческая масса, даже ряд командиров, в особенности беднота с. Времьевки, настаивали на том, чтобы взорвать и сжечь эти общественные предприятия»^{175} (речь идет о кулацких мельнице и маслобойне). Не удивительно, что эти люди чувствовали поддержку бедняцкой массы, не привязанной к сколько-нибудь значительному хозяйству и охотно видевшей свое место в жизни с оружием в руках. Махно удалось настоять на том, чтобы кулаки были лишь ограничены в ценах, которые они назначали за помол и за масло. Понятно, что такое регулирование было гораздо выгоднее крестьянам, чем тотальное разрушение кулацкого производства. Но этот случай показал, что люди войны становятся господствующим слоем в украинской деревне.

* * *

Партизанская война Махно продолжалась с переменным успехом. Многие зависело от того, кто в чью засаду попадет, кто кого застигнет врасплох. Под Старым Кременчиком махновцы рассеяли батальон австрийцев. В Темировке венгры изрядно потрепали махновцев, были ранены Щусь, Петренко и сам Махно. Он лежал на поле, прижатый к земле огнем неприятеля, остатки его отряда отошли. Как Махно признал в своих мемуарах, подумывал — не застрелиться ли. Но вовремя подоспели товарищи, и вынесли «батьку» с поля. Теперь отдельные поражения уже не умаляли авторитета Махно. Напротив, он представлялся крестьянам неуязвимым. Несколько раз Махно захватывал Гуляйполе.

Силы Махно медленно росли, партизанское движение развивалось по законам, описанным позднее Мао Цзэдуном и Че Геварой. Сначала — кочевой этап — партизаны скитаются. Затем они закрепляются на определенной территории (этап «оседлости»). Махно было проще «врасти» в крестьянскую почву — он вел политическую работу в этих местах с 1917 г. У него были свои люди в Гуляйполе и других населенных пунктах, которые по призыву Махно присоединялись к операции, а затем расходились по домам. Затем Махно (как позднее кубинские и китайские партизаны) начинает почковать свой отряд. Разделение партизан на несколько отрядов позволяет контролировать большую территорию, быть неуловимыми и в то же время

противостоять крупным силам противника. Так, под Синельниково Махно попал в окружение, но удары по немцам со стороны соседних отрядов помогли всем вместе одержать победу.

Летом 1918 г. на территории всей Украины проступали партизанские очаги — крестьянство уже ненавидело оккупантов. Продолжала тлеть Киевщина. На Черниговщине поднял восстание подполковник М. Кропивянский, в отрядах которого сражались и эсеры, и большевики. В июле началась забастовка железнодорожников.

Но пока Германская и Австро-Венгерская империи выдерживали натиск Антанты, партизаны могли только подтачивать режим оккупации и гетмана. Но все же удары партизан были весьма чувствительными, и немцы не получили на Украине столько продовольствия, сколько рассчитывали^{176}. Им приходилось сохранять здесь двухсоттысячную группировку, хотя войска были так нужны на Западном фронте. Сопrotивление не ослабевало, а только росло, и оккупанты оказались в безысходном положении.

Тем временем обстановка вокруг махновского отряда коренным образом изменилась.

* * *

18 июля войска Антанты перешли в контрнаступление на Марне. В октябре они развернули генеральное наступление. Германский западный фронт держался из последних сил.

В сентябре гетман съездил в Берлин, где получил указание украинизировать правительство и провести выборы в сейм. Германии не нужен был в Киеве «русский Пьемонт». Но проблема заключалась в том, что большинство известных украинских политиков, объединившихся в июле в Украинский национальный союз, были демократами и социалистами, и не собирались просто так уступить Скоропадскому. Тем более, что германский фронт в Европе уже трещал по швам.

В этих условиях политическая борьба в верхах Украинской державы обострилась. Кадеты потребовали от Скоропадского активного участия в общей борьбе с большевизмом. Не встретив сочувствия этой идее (немцы не собирались давать санкцию на возобновление войны с Россией), кадеты 20 октября покинули правительство. 24 октября Лизогуб сформировал новое правительство, заменив кадетов украинскими правыми деятелями. Однако и они ушли из правительства 7 ноября, в знак протеста против запрета проведения Украинского национального конгресса.

Распад гетманского правительства совпал с началом Ноябрьской революции в Германии. Режим гетманата потерял последнюю опору, и Скоропадский, хватаясь за соломинку в этом мировом потоке, решил полностью изменить курс. 14 ноября он заявил, что Украине «первой надлежит выступить в деле образования Всероссийской федерации, ее конечной целью будет восстановление Великой России»^[177].

3-9 ноября 1918 г. разразилась революция в Германии. 11 ноября она капитулировала перед Антантой, началась эвакуация немецких войск с Украины. 13 ноября Россия разорвала Брестский мир, что означало — скоро на Украину придет Красная армия.

* * *

Развал режима немецкой оккупации вызвал всплеск повстанческого движения против коллаборационистских украинских властей. В Северном Приазовье это движение концентрировалось вокруг махновского отряда — все новые и новые вооруженные формирования возникали и присоединялись к «батьке». Единая власть фактически перестала существовать. Махно решает создать единую повстанческую зону с единым фронтом под командованием махновского штаба, в который кроме военных командиров вошли левый коммунист Херсонский, левый эсер Миргородский и анархист Горев (штаб возглавлял сначала Махно, а потом Чубенко).

27 ноября Махно занял Гуляйполе. Повстанцы довольно быстро вытеснили из своего района немцев, разгромили сопротивлявшиеся хутора и усадьбы и наладили связи с органами местного самоуправления. Махновский штаб по существу установил контроль над обширным районом в Приазовье с неясными границами — на юге начинаются стычки с красновцами, на западе ощущается давление со стороны Украинской Директории, сменившей режим Скоропадского. Но махновский штаб еще не вполне контролировал внешне лояльных ему командиров. Махно принялся бороться с несанкционированными поборами и грабежами. Даже своему заслуженному командиру Петренко Махно грозил расстрелом в случае, если на него поступят жалобы на притеснения от бедняков. Махно вспоминает о борьбе с грабежами: «Об этой контрибуции я узнал при моем выступлении с речью перед крестьянским сходом села Васильевки. Никогда за все время моей революционной деятельности я не чувствовал на сердце такой боли, как во время этого своего выступления. Мысль, что в отряде есть люди, которые тайно совершают непозволительные преступные акты, не давала мне покоя. И отряд не вышел из этого села

до тех пор, пока лица эти не были раскрыты, и хоть и с болью, но без всяких колебаний, расстреляны в том же селе..., все в тревоге перед сознанием, что в отряд просачивается элемент, преследующий цели грабежа и личной наживы. И мы решили не останавливаться ни перед чем, чтобы с корнем вырвать его из повстанческих рядов и уничтожить»^{178}. Показательно, что в сообщении либеральной газеты «Приднепровский край» о захвате махновцами поезда в эти дни ничего не говорится о грабежах^{179}.

Махно становился опорой порядка в этих местах. Границы «Махновии» и расстановка сил вокруг района были неясны. Это заставляло Махно занимать осторожную позицию в отношении Украинской Директории.

5. Столкновение с Директорией

13 ноября Национальный союз как наследник Центральной рады создал Директорию Украинской народной республики во главе с левым социал-демократом Владимиром Винниченко. В нее также вошли С. Петлюра, Ф. Швец, А. Макаренко и А. Андриевский. Военными силами Директории — гайдамаками, командовал правый социал-демократ С. Петлюра.

14 ноября Директория провозгласила восстание против «насильника и узурпатора» Скоропадского. Первоначально с воззванием от своего имени выступил Петлюра, что вызвало неудовольствие председателя Директории Винниченко: «“Петлюра идет на гетмана”, “Петлюра призывает против немцев”... Словом, этим сразу было внесено в движение как раз все то, чего хотели избежать партии: персональный характер дела, отсутствие коллективности и даже отсутствие республиканского характера движения... Имя Петлюры стало маркой всего движения»^{180}.

Директория обещала вернуть все завоевания революции и созвать Учредительное собрание. Винниченко предложил перехватить у большевиков лозунг Советской власти, создать демократические советы: «будучи введена по инициативе и по указаниям самой Директории, советская власть могла бы быть организована по такому принципу, чтобы ее национальный украинский характер сохранился в полной мере...»^{181}, — рассказывал В. Винниченко. Но большинство директоров не поддержали эту идею, так как она означала неизбежный конфликт с Антантой и в то же время не гарантировали дружелюбия большевиков. Петлюра, приверженный идее парламентаризма, утверждал, что советскую идею не поддержат и атаманы — вожди

формирующихся под лидера частей национальной армии. В действительности их мнения разделятся, что катастрофически скажется на состоянии фронта — Волох и Григорьев перейдут на сторону советской власти, а Болбочан и Оскилко окажутся врагами Петлюры справа.

В итоге дискуссии директоров был выработан компромисс — наряду с парламентом предполагалось создать трудовые советы, обладающие только контрольными функциями, а также созвать Конгресс трудового народа — аналог Съезда советов. Реальная власть переходила к комендантам и комиссарам Директории — по сути к полевым командирам — атаманам.

15 ноября директора прибыли в Белую Церковь, где базировались сечевые стрельцы Е. Коновальца, поддержавшие выступление. Восстание было поддержано многими украинскими военными частями и их командирами — атаманом Болбочаном в Харькове, серожупанной дивизией в Черниговщине и др. Восстание было популярно среди крестьян: «Хлеб и всякие другие продукты привозили к нам возами»^[182], — вспоминал Винниченко. В 1919 г. эта поддержка резко ослабнет, и солдаты Директории будут голодать.

17 ноября созданный немецкими солдатами Совет подписал с Директорией соглашение о нейтралитете. Немцев интересовало одно — скорейшая эвакуация на родину. Поэтому повстанцы должны были сохранять в целости железные дороги и не торопиться с наступлением на Киев, чтобы дать немцам возможность спокойно выйти с Украины.

Теперь гетман мог рассчитывать на офицерские части, поскольку белое офицерство надеялось на создание в Киеве оплота против большевиков. Однако силы этих формирований были не велики, энтузиазм украинских повстанцев заметно превосходил готовность офицеров умирать за гетмана. 18 ноября у Мотовиловки гетманские силы были разбиты и отошли к Киеву. Повстанцы, памятуя о немецком факторе, тоже пока не трогали столицу

Действия националистов против офицеров гетманской армии (то есть в основном русских офицеров) были жестокими. Киев был шокирован прибывшим в город вагоном с телами 33-х замученных петлюровцами офицеров. М. Нестерович-Берг вспоминала: «Кошмар этих киевских трупов нельзя описать. Видно было, что прежде чем убить, их страшно, жестоко, долго мучили... Выколотые глаза; отрезанные уши и носы; вырезанные языки, приколотые к груди вместо георгиевских крестов; разрезанные животы, кишки, повешенные на шею; положенные в желудки еловые сучья. Кто только был тогда в Киеве, тот помнит эти похороны жертв петлюровской армии. Поистине

— черная страница малорусской истории, зверского украинского шовинизма!.. Началась паника и бегство из Киева»^{183}.

«Трудное положение Скоропадского внезапно осложнилось еще одним инцидентом, — рассказывал правый политический деятель В. Гурко. — Представитель генерала Деникина в Киеве генерал Ламповский (имеется в виду П. Ломновский — *А.Ш.*) издал ни на чем не основанный приказ, предлагавший русскому офицерству, образовавшему в Киеве добровольческие отряды, провозгласить себя частью Добровольческой армии и подчиняться лишь исходящим от нее приказам»^{184}. Эта инициатива напомнила и деятелям гетманата, и самим офицерам, что они являются в Украинской державе чужеродным элементом, и их главные задачи лежат не здесь, а в «Доброволии».

27 ноября офицеры 8 корпуса гетманской армии во главе с генералом И. Васильченко бросили Екатеринослав и двинулись на соединение с Добровольческой армией. 22 декабря они дошли до Крыма, где и закрепились.

14 декабря гетман отрекся от власти и бежал. 17 декабря 1918 г. гайдамаки заняли Киев. УНР была восстановлена.

26 декабря 1918 г. было создано правительство социал-демократа В. Чеховского. Возродилась и УНР, но место Центральной рады заняла более компактная Директория. Первоначально она заложила довольно левый курс, созвучный чаяниям рабочих и крестьян. Декларацией Директории 26 декабря было восстановлено законодательство Центральной рады, должны были быть восстановлены демократически избранные органы местного самоуправления, создана «национально-персональная» (культурно-национальная) автономия для национальных меньшинств, возвращен 8-часовой рабочий день, был обещан рабочий контроль, государственное управление ведущими отраслями промышленности и борьба со спекуляцией. «Впредь до полного разрешения вопроса о земельной реформе Директория УНР оповестила, что все мелкие крестьянские хозяйства и все трудовые хозяйства остаются в неприкосновенности в пользовании прежних их владельцев, остальная же земля переходит в пользование безземельных и малоземельных у крестьян, а в первую очередь тех, кто вступил в войска республики для борьбы с б. гетманом»^{185}. В этом тексте крестьян, наученных горьким опытом гетманата, не могло не смутить «впредь до полного разрешения...» То есть сейчас права на землю в УНР еще не гарантированы. Такое «учредительство» было достаточно скомпрометировано, и большевики, уже отдавшие землю безо всяких отсылок к будущему парламенту, казались крестьянам предпочтительнее.

Декларация 26 декабря определяла, правда очень нечетко, порядок выборов делегатов на Конгресс трудового народа. Крестьяне должны были выбирать их на съездах в губернских городах, рабочие — от фабрик и мастерских. Правда, позднее за рабочими резервировалось менее пятой части мест. Интеллигенция могла участвовать в Конгрессе только «трудовой» своей частью, к которой относились работники просвещения, лекарские помощники, работники кооперативов и служащие. В дальнейшем под давлением партий круг «допущенной к Конгрессу» интеллигенции был расширен. Конгресс должен был получить права верховной власти до созыва Учредительного собрания, которое намечалось на время после завершения войны.

На практике власть перешла в руки атаманов, которые, по словам Винниченко, «решали не только военные дела, но и политические, социальные и национальные. Вся верховная, то есть реальная, действительная власть находилась в руках атамана, именно в штабе сечевых стрельцов, с которыми Петлюра совершенно солидаризировался и всякими способами заискивал у них ласки. Они вводили осадное положение, они вводили цензуру, они запрещали собрания... Директория и кабинет министров играли только декоративную роль ширмы и громоотводов»^[186]. 18 января 1919 г. в связи с официальным началом войны с Россией Петлюра был назначен главным атаманом.

Петлюра и его сторонники сделали ставку на быстрое формирование армии УНР на основе отрядов уже выдвинувшихся полевых командиров. А они устанавливали свою диктатуру на местах, не собираясь согласовывать свою политику с Директорией и соблюдать какие-то демократические принципы. «Из всех властей, которые царили над нами за эти пестрые четыре года, ни при одной не расцвели таким пышным цветом налеты, грабежи и вымогательства. Разгулявшиеся хулиганы спешили снять сливки с понаехавшей в Киев при гетмане денежной публики... Борьба против налетов было очень трудно, и случаев ареста налетчиков, насколько я помню, почти не было»^[187], — вспоминает А. Гольденвейзер.

На новый виток вышла украинизация, на этот раз сопровождавшаяся заменой вывесок на русском языке (иногда в них просто переправляли буквы). Этому способствовало прибытие солдат из Галиции, не знакомых с русским языком.

21 декабря бойцы Коновальца разгромили резиденцию киевских профсоюзов. Петлюровские войска направлялись в города, где возникали советы, для их разгона. Это дополнительно распыляло вооруженные силы Директории и множили очаги конфликтов вокруг

Киева. Впрочем, если советы стояли «на государственной точке зрения», то есть поддерживали УНР, правительство Директории указывало своим комиссарам их поддерживать. Как вспоминал позднее заместитель министра иностранных дел УНР А. Марголин, «власть Директории уже ограничивалась Киевом и ближайшим районом. В Казатине была уже своя самочинная власть»^{188}. Атаманы правили по своему усмотрению, что выражалось прежде всего в произвольных арестах и досмотрах с грабежами. Как пишет украинский историк В.Ф. Солдатенко, «расцвет атаманщины... закрывал перспективу создания полноценного национального войска, дестабилизировал изнутри все государственное строение УНР»^{189}.

Перешедший на сторону Директории Болбочан разогнал в Харькове совет и профсоюзный съезд. На востоке Украины дело Директории оказалось в руках командования, продолжавшего по сути гетманскую политику. Не удивительно, что здесь революционные массы, и без того не склонные в большинстве своем к национализму, быстро развернулась против Директории. Складывание режима «атаманщины» вызывало и вооруженное сопротивление на местах, направленное против режима Директории в целом, и политическую критику изнутри системы УНР.

4-7 января вспыхнуло восстание против Директории в Житомире, но оно было подавлено, что обеспечило УНР тыл, который, впрочем, оставался ненадежным — восстания вспыхивали то тут, то там.

В ходе распада Австро-Венгрии на территории восточной Галиции 1 ноября власть перешла к украинской Национальной раде и державному секретариату во главе с К. Левицким, и 13 ноября была провозглашена Западно-украинская народная республика (ЗУНР). Однако поляки не собирались уступать ей Львов и вообще Галицию. Они перешли в наступление, уже 4 ноября отбили Львов. Державный секретариат эвакуировался, в Тернополь, затем Станиславов и Каменец.

Соглашение об объединении ЗУНР и УНР было достигнуто 1 декабря 1918 г. 22 января 1919 г., накануне созыва Трудового конгресса, Директория приняла Универсал, провозглашавший объединение. 23 января Трудовой конгресс утвердил его в торжественной обстановке. Правда, до Учредительного собрания правительство ЗУНР оставалось фактически самостоятельным. «Однако этот шаг создавал для Директории вооруженного врага с запада»^{190}, — пишет В. Винниченко. УНР вступила в войну с Польшей, что еще сильнее подрывало возможности опереться на поддержку Антанты.

8 января, предваряя волю Конгресса, Директория приняла земельный закон. Он отменял частную собственность на землю. Земля

передавалась во владение с правом наследования тем, кто ее обрабатывает. Вводился земельный максимум в 15 десятин с правом увеличения этой нормы земельными комитетами, если часть земли признавалась песчаной или болотистой. Также с согласия земельного комитета владелец мог передавать землю другому владельцу. Не должна была отчуждаться земля сахарных, винокурных и других заводов. Излишки земли подлежали перераспределению, но прежде предстояло провести большую исследовательскую работу, чтобы понять, каковы эти излишки.

Уже сам факт того, что важнейший акт Конгресса был предварительно принят Директорией, показал, что Трудовой конгресс не является самостоятельным и влиятельным органом власти. Собранные делегаты (более 400, 35 — с запада Украины) выслушивали речи и должны были выбирать между проектами решений, заранее подготовленных левыми и правыми социалистами. Большинство делегатов принадлежали к эсерам, но партия переживала размежевание на правое и левое крылья, не считая отколовшихся в мае 1918 г. эсеров-боротьбистов. Социал-демократы, напротив, сплотились и фактически лидировали на конгрессе (тем более, что украинские социал-демократы были предельно близки по взглядам к эсерам, признавая, что для пролетарских задач время еще не пришло). В условиях, когда сторонники советской власти вели войну с УНР, решения Конгресса уже были далеки от идей сочетания советских и парламентских принципов. 28 января Конгресс призвал готовить выборы в парламент и сохранил полноту власти за Директорией.

Делегаты торопливо разъезжались из Киева, к которому подходила Красная армия. 2 февраля 1919 г. Директория обосновалась в Виннице.

* * *

Опасаясь борьбы на два фронта, в ноябре 1918 г. махновцы пропустили через свою территорию мобилизованных украинским правительством новобранцев при условии, что будет разрешено вести среди них агитацию. Махновская делегация стремилась нащупать противоречия среди гайдамаков, поддержала их в борьбе с 8-м корпусом Добровольческой армии. Уход 8-го корпуса из Екатеринослава положил конец заигрыванию националистов с рабочими организациями города. Петлюровцы разогнали рабочий Совет. Одновременно они усилили агитацию на левобережье — стало ясно, что Директория собирается включить махновскую территорию в единое Украинское государство. 26 декабря Крестьянский съезд

Екатеринославской губернии, находившийся под влиянием махновцев, выступил против Директории.

Махно вступил в переговоры с большевистским ревкомом Екатеринославской губернии о совместных действиях по захвату Екатеринослава. Махно был назначен ревкомом Главнокомандующим Советской Революционной Рабоче-крестьянской армией Екатеринославского района. Чтобы решиться на штурм города, Махно «счел необходимым созвать комсостав, перед которым был поставлен вопрос о наступлении сегодня же ночью на Екатеринослав. Все ответили: хоть сейчас»^{191}, — вспоминает начальник большевистского штаба Е. Кузнецов.

Махно располагал полутысячей бойцов, готовых к операции за пределами махновского района. По утверждению советского историка М. Кубанина, эта сила была подчинена большевистскому командиру Г. Колосу, собравшему в районе Синельниково около полутора тысяч бойцов^{192}. Махно категорически отрицает свое подчинение Колосу и считает, что Кубанин преувеличил численность его отряда в пять раз^{193}. В этом споре прав Махно, что подтверждается и большевистскими источниками: «Необходимо отметить, что Махно назначен командиром всеми вооруженными силами, наступавшими на Екатеринослав...»^{194}, — утверждает Д. Лебедь.

Трудность наступления на Екатеринослав заключалась в том, что основные силы повстанцев находились на левом берегу Днепра, а город — на правом. Участник событий Е. Кузнецов вспоминает: «План заключался в следующем: по пешеходной части моста пускаем по обеим сторонам по пять человек, одетых в рабочие костюмы с узелками, в которых находятся бомбы, чтобы снять посты пулеметчиков. Вслед за ними... пускаем паровоз, чтобы прочистить путь, а за ним — пульмановский вагон с двумя бомбометами, — потом двинутся эшелоны один за другим»^{195}. 27 декабря эшелоны беспрепятственно прибыли на вокзал Екатеринослава. Двери открылись, и к изумлению гайдамацкой охраны из вагонов посыпались махновские бойцы. Привокзальный район оказался в руках повстанцев, к которым затем присоединились небольшие отряды большевиков и левых эсеров. Эффект внезапности еще не гарантировал окончательного успеха. 27-28 декабря махновцы с боями продвигались в глубь города.

Одновременно началось формирование новой власти, в котором особую активность проявили большевики: под конец боя «губком партии большевиков... произвольным образом, что называется “нахрапом”, обойдя мой штаб... назначил из своих членов коменданта

города, комиссию почты и телеграфа, комиссара путей сообщения, начальника милиции и другого рода начальство. Все эти большевистские партийные избранники не то накупили, не то конфисковали себе министерские портфели и под мышками с ними пришли в мой штаб, помещавшийся на втором этаже Екатеринославского вокзала...»^{196} Но Махно и не думал подчиняться «новой власти». Повстанцы тоже претендовали на свою долю влияния. В конце концов был создан Военно-революционный комитет, в котором повстанцы получили треть голосов, но фактически присутствовали в гораздо большем количестве.

Несмотря на попытки большевиков провести в председатели ВРК своего человека, анархисты, по словам Махно, поддержали кандидата левых эсеров^{197}. Затем началась торговля вокруг распределения власти, в которой основное участие приняли большевики и левые эсеры^{198}. Равнодушие анархистов в этом вопросе объяснялось просто — они воспринимали ВРК как действительно временный орган, который должен максимально быстро собрать съезд советов и передать ему власть. Этот съезд, считал Махно, «и наметит себе для охраны своих завоеваний и связанного с ними нового социально-общественного строительства нужные конструктивные положения»^{199}.

К 29-30 декабря положение петлюровцев в Екатеринославе стало безнадежным. На сторону Махно перешла гайдамацкая батарея под командованием Мартыненко. Затем к Махно перешло еще несколько петлюровских подразделений, и 30 декабря гайдамаки оставили город.

Одержав победу, махновцы приступили к организованному снабжению своей армии из местных магазинов. Но одновременно начались и беспорядочные грабежи населения. Большевистские авторы обвиняют в них махновцев. Махно придерживается на этот счет другой версии: «На самом деле я за грабежи, как и за насилие вообще, расстреливал всех. Конечно, среди расстрелянных в Екатеринославе за грабежи оказались, к стыду большевиков, все почти лица из вновь и наспех большевиками сколоченного Кайдацкого большевистского отряда, которых сами же большевики арестовали и окрещивали их махновцами. Лишь в штабе в моем присутствии выяснилось, что все эти лица не знали даже, на каких улицах махновцы занимают позиции, кто их командиры, как называются роты и т. д. Но зато эти лица хорошо знали места формирования Кайдацкого большевистского отряда, где он стоит, командира его и когда они записались в этот отряд и получили оружие»^{200}. Из этого следует, что большевики вместе с Махно боролись с грабежами. Никто из большевистских авторов не

отрицает, что Махно беспощадно расправлялся с пойманными грабителями. Чьи бойцы в большей степени виновны в грабежах — большевистские или махновские — установить, видимо, уже не удастся. Во всяком случае, даже большевистские авторы признают, что их Павлоградский полк изрядно «разложился»^[201], от этого не были гарантированы и более свежие отряды большевиков.

Махновский штаб предпринимал меры к тому, чтобы нейтрализовать неблагоприятное воздействие грабежей на настроение горожан. Было выпущено воззвание Махно к ним, в котором говорилось: «При занятии города Екатеринослава славными партизанскими революционными войсками во многих частях города усилились грабежи, разбои и насилия. Творится ли эта вакханалия в силу определенных социальных условий или это черное дело совершается контрреволюционными элементами с целью провокации, во всяком случае это делается. И часто делается именем славных партизан-Махновцев, борющихся за независимую, счастливую жизнь всего пролетариата и трудового крестьянства. Чтобы предотвратить этот разгул пошлости, совершаемый бесчестными людьми, позорящими всех честных революционеров, не удовлетворяющимися светлыми завоеваниями революционного народа, Я именем партизанов всех полков объявляю, что всякие грабежи, разбои и насилия ни в коем случае допущены не будут в данный момент моей ответственности перед революцией и будут мной пресекаться в корне»^[202]. Это заявление было подкреплено угрозой расстрелов, которая незамедлительно стала приводиться в действие. Крутые меры Махно против грабителей дали результат — даже враждебные махновцам мемуаристы признают, что в этот раз нападавшим «не удалось... как следует пограбить города»^[203].

Приведенный выше фрагмент воззвания Махно характерен и еще в одном отношении — он демонстрирует представления Махно об источнике его власти. Это революция и повстанцы. Пока Махно готов отчитываться в своих действиях прежде всего перед армией, а не перед населением. Позднее, когда вновь станут формироваться гражданские структуры движения, положение изменится.

Махно направил большевистские части на подступы к Екатеринославу. Это была ошибка, которая дорого стоила повстанцам. Большевистские отряды были разбавлены большим числом новобранцев и уступали повстанцам в боеспособности. Часть вооруженных рабочих была настроена пропетлюровски и в решающий момент даже ударила в тыл махновцам^[204]. Подошедшие под Новый год свежие петлюровские части прорвали фронт и одним ударом

выбили махновцев из города^{205}. Неудачливым союзникам оставалось лишь обвинять друг друга в поражении. Из Екатеринослава Махно сумел вывести лишь около 200 бойцов^{206}.

Первый опыт взаимодействия с коммунистами оставил у Махно отрицательное впечатление об этой партии: «они не сохраняют позиции, а держатся власти и думают, что за них кто-то будет воевать», — говорил он Чубенко, — «Когда он занял Екатеринослав, совместно с коммунистами, то они не (стремились удержать) город, а старались организовать ревком»^{207}. По воспоминаниям Г. Колоса, Махно «ругал большевиков и говорил, что нужно к черту поразгонять все большевистские штабы», воспринимая их уже как противников в борьбе за повстанчество^{208}.

В. Голованов считает: «Но махновцам в то время Екатеринослав был совсем не нужен. Махно, собственно говоря, и не скрывал, что вся эта затея ему представляется только набегом, чисто военной, тактической операцией по раздобыванию оружия. Удерживать город он не собирался»^{209}.

С этой версией автора «художественного исследования» трудно согласиться. Если бы Махно не собирался удерживать город (как говорил Белашу уже после поражения — мол, не очень-то и хотелось)^{210}, он бы и покинул его до подхода новых сил петлюровцев — для этого было предостаточно времени. Махно вел себя иначе. Он на всякий случай погрузил трофеи в вагон, но принял участие в налаживании местной власти, наведении порядка в городе, организации обороны. Махно собирался действовать в зависимости от обстановки: не получится удержать город, не страшно, получится — еще лучше, можно будет распространить новые свободные отношения на городскую среду. Как показали события 1919 г., Махно понимал — без города его «освобожденный район» существовать не может, крестьяне без рабочих не могут создавать новое общество.

Отступив за Днепр, Махно не допустил гайдамаков на Левый берег. Западная граница махновского района стабилизировалась.

В итоге развития движения к 1919 г. возникло территориальное образование со стабильным ядром, самостоятельной разветвленной социально-политической инфраструктурой, в центре которой стояла военизированная организация анархо-коммунистов и ее лидер Н. Махно. В 1917—1918 гг. лидеры движения приобрели богатый военно-политический опыт. Махно стремился к расширению и равноправному партнерству с другими радикальными движениями — большевиками и левыми эсерами. Однако первый серьезный опыт такого взаимодействия в Екатеринославе был неудачен.

Глава 5. Красное и черное

1. Союзники

Взаимоотношения с центральной советской властью представляют собой наиболее драматичную сторону истории махновского движения. Основу сотрудничества этих двух сил составляла не только совместная борьба с белыми, но и близость лозунгов, образов будущего «без помещиков и капиталистов», самосознание себя как «советских». Разногласия были очевидны, но первоначально обе стороны надеялись на то, что союзник осознает свои ошибки.

Если большевистское руководство возлагало в этом надежды на комплекс воспитательных и реорганизационных мероприятий, то Махно скорее на логику революционного процесса, на сближение авангарда революции с позицией широких трудовых масс, в том числе и крестьянских: «...В этих зеленых, толстых и сочных стебельках растет великая, не подлежащая цифровой оценке помощь революции. Нужно только, чтобы революционные власти поумнели и отказались от многого в своих действиях; иначе ведь население пойдет против революции: иначе население, трудовое население не найдет в завоеваниях революции полного удовлетворения и одним только отказом оказать революции добровольную материальную (в смысле пищи) помощь нанесет ей удар несравненно более сильный, чем какие бы то ни было вооруженные отряды калединской, корниловской и иной контрреволюции»^{211}, — вспоминал Махно о своих надеждах в отношении большевиков. Увы, большевики «не поумнели», и коммунистическая власть столкнулась с крестьянством.

* * *

Первые сведения о махновцах донесла до Красной Армии разведка: «По всей линии оперирует Махно со своими войсками. Войско у него организованное, командный состав подобранный, сознательный. Совсем иное войско там оперирует — добровольцы. Чувствуется страшная ненависть к петлюровцам...»^{212} К этому моменту махновцы контролировали район Орехово — Пологи — Воскресенская — Лозовая. Красное командование стремилось выйти сюда и превратить

действующие здесь партизанские соединения в красные полки.

Между тем махновцы, еще в начале января вобравшие в свой состав несколько тысяч полувооруженных повстанцев Приазовья, страдали от нехватки боеприпасов и винтовок. Несколько дней боев с белыми — и боезапас был израсходован, а повстанцы прижаты к Гуляйполю. Сдавать свою «столицу» они не хотели. 24 января — 4 февраля 1919 г. здесь велись ожесточенные бои с переменным успехом. Лишенные патронов бойцы отбивались от превосходящего их по численности неприятеля в штыковых схватках.

Несмотря на противоречия с большевиками, махновцы в сложившихся условиях были обречены на союз с ними. Единственную возможность достать боеприпасы и оружие давала Красная Армия. Еще в начале января Махно приказывал Чубенко: «Может удастся соединиться с Красной армией, которая по слухам захватила Белгород и перешла в наступление по всему Украинскому фронту. Если будешь иметь с ней встречу, заключи с ней военный союз»^{213}. Махно не дал Чубенко полномочий на ведение каких-либо политических переговоров с красными, и эмиссар «батько» ограничился лишь заявлением о том, что «мы все идем за советскую власть»^{214}.

С севера в район действий Махновцев входила Особая группа красных под командованием Дыбенко. Павел Ефимович Дыбенко представлял собой тот характерный тип революционера, который метался между анархизмом и большевизмом, сочетая свойственное многим анархистам буйство с большевистской авторитарностью. Как и Махно, он вышел из низов, и уже в юности, работая грузчиком, вступил в контакт с революционным подпольем, вернее всего — анархистским (сам Дыбенко позднее пытался представить себя старым большевиком). Но кружок, к которому примкнул Дыбенко в Риге, был не террористическим, а пропагандистским, посему юноша не оказался на каторге, а был призван во флот. Там он связался с большевиками и принялся за пацифистскую пропаганду. Дыбенко к тому же отличался физической силой, что помогло ему приобрести авторитет среди матросов. После начала революции 1917 г. Дыбенко стал депутатом Гельсингфорсского совета, а в мае возглавил Центробалт — организацию матросов Балтийского флота, среди которых были широко распространены не только большевистские, но и анархистские идеи. Эта позиция предопределила дальнейшую карьеру Дыбенко. Большевик во главе Центробалта — большая удача Ленина.

За участие в июльских событиях Дыбенко просидел месяц в Крестах, зато вышел в ореоле революционной славы, которая подкрепилась и участием в боях с немцами у Даго в октябре. Теперь у

большевиков был свой кандидат в морские министры. Блестящему революционеру под стать была не менее яркая подруга — член ЦК большевиков Александра Коллонтай.

Приняв активное участие в организации Октябрьского переворота, Дыбенко вошел в Совнарком.

Как же такой большой человек оказался в приднепровских степях во главе всего лишь дивизии?

Все стало рушиться после того, как в феврале 1918 г. немцы двинулись на Петроград. Отряды моряков во главе с Дыбенко были наголову разбиты. В обстановке острой политической борьбы вокруг Брестского мира Дыбенко оказался «крайним» за поражение и был снят с поста. Дыбенко и Коллонтай продолжали выступать против Брестского мира, и тогда бывшего наркома арестовали. Выйдя на свободу под поручительство жены, Дыбенко сбежал в Самару, где пользовался популярностью у леваков от анархистов до левых эсеров. Накануне бунта леваков в Самаре большевики договорились с Дыбенко о прощении грехов. Самарского Махно из него не получилось. Но и былого доверия партии не было. Пришлось начинать военную карьеру сызнова — на этот раз сухопутную. Командовать подпольщиками, батальоном. Наступление красных на Украину стало шансом — батальон быстро вырос в дивизию — крестьянство поддержало большевиков, о которых сохранило хорошие воспоминания с 1918 г. За месяц Украинский фронт вырос в 3-4 раза. А тут новые перспективы — в дивизию Дыбенко вливаются отряды, каждый из которых может стать армией — бывший петлюровец Григорьев и анархист Махно. Уж с анархистом-то Дыбенко найдет общий язык. А сам — вперед на Крым, где можно создать свою вотчину.

После встречи Чубенко с Дыбенко 26 января махновцам были переданы патроны, позволившие уже 4 февраля перейти в наступление. Под Михайловкой махновцы разбили белых, насчитав около сотни трупов противника. Взяв Орехов и Пологи, 17 февраля махновцы вошли в Бахмут. В это время численность махновцев оценивалась уже в 7000 бойцов^{215}.

Военно-политический союз был скреплен передачей повстанцам нескольких тысяч итальянских винтовок, которые еще сыграют в истории движения свою роковую роль. Махно получил патроны к ним, а также 2 миллиона рублей жалованья бригаде.

19 февраля Особая группа Дыбенко была реорганизована в Первую Заднепровскую украинскую советскую дивизию.

Махновцы вошли в нее в качестве 3-й бригады. В эту же дивизию на правах бригады вошли формирования атамана Никифора

Григорьева, переметнувшегося от петлюровцев. Украинская государственность переживала тяжелые времена. От нее уходила часть войска, крестьяне были недовольны политикой Директории и сочувственно встречали красных.

Красные командиры получили установку наладить хорошие отношения с атаманами. «Дыбенко ему сказал, что он на самом лучшем счету у большевиков коммунистов», — вспоминает Чубенко о встрече комдива с Махно. Вероятно, на встрече Дыбенко пожаловался Махно на анархистов. Последний по окончании встречи назвал их «политическими шарлатанами», которые «набрали авансов у Советской власти и не отчитались», что ухудшает отношения с красными^{216}. Впрочем, к этому времени у Махно накопились и свои противоречия с первой волной городских анархистов, прибывших в район, и претензии коммунистов пали на благодатную почву.

Большевистское оружие позволило вооружить ждавшее своего часа крестьянское пополнение. В результате 3-я бригада 1-й Заднепровской дивизии стала расти как на дрожжах, обгоняя по численности и дивизию, и 2-ю Украинскую армию, в составе которой 3-я бригада сражалась позднее. Если в январе у Махно было около 400 бойцов, то в начале марта — уже 1000, в середине марта 5000, а в конце апреля 15-20 тысяч. Пополнившаяся в результате «добровольной мобилизации», махновская бригада развернула наступление на юг и восток. Первоначально красные командиры относились к формированию махновцев скептически: «Под Бердянском дело — табак. Махно льет слезы и вопит о поддержке»^{217}. Через неделю, однако, пройдя с боями за полтора месяца свыше 100 км, махновцы ворвались в Волноваху и Бердянск. Западный бастион Деникина был ликвидирован.

2. Военная демократия

Война и анархия в сознании обывателя — естественные спутники Смуты. Но для анархистов анархия — организованная свобода, и с войной ей уживаться трудно. Но махновцы все же пытались сочетать свои анархистские идеалы с военной дисциплиной. Получалась своего рода военная демократия.

В конце 1918 г. махновцы подвергли свой район жестокой чистке, убивая офицеров, чиновников Скоропадского, помещиков, некоторых священников и даже консервативных крестьян, порицавших действия повстанцев. На станциях убивали подозрительных пассажиров. Один из свидетелей, инженер М. Филиппов, утверждает: «Вообще трупы

убитых махновцами людей были сильно изуродованы — с отрубленными пальцами, руками, штыковыми ранами в лицо, разрубленными черепами и т. д».8.

В январе 1919 г. Махно предпринял шаги к превращению движения из разрушительного крестьянского восстания в организацию, осуществляющую верховную власть на территории Приазовья. Наведение порядка приводило к конфликтам Махно с некоторыми командирами. По воспоминаниям Чубенко, после одного из налетов Щуся на хутора, Махно дал ему «хорошую нотацию» за убийства зажиточных крестьян. Правда, «Щусь не обращал ни малейшего внимания и сказал, что бил буржуев и будет бить». Однако Махно продолжал настаивать на прекращении безмотивных убийств и произвольных контрибуций с немецких колоний^{218}. Этот конфликт завершился в марте 1919 г., когда в ответ на очередную расправу Щуся над немецкими колонистами Махно арестовал его и обещал в следующий раз расстрелять. Щусь, который еще недавно демонстрировал свою независимость от Махно, теперь уже не мог противостоять «батьке», власть которого в районе к этому времени опиралась уже не только на военную силу. «Щусь давал слово не повторять убийств и клялся в верности Махно», — вспоминает Чубенко^{219}. Впоследствии Махно удавалось поддерживать прочную дисциплину среди командного состава. Так, один из сотрудников Л. Каменева вспоминал о стиле руководства Махно совещанием комсостава во время визита председателя СТО в Гуляйполе: «При малейшем шуме производившему его угрожал: “Выведу!”»^{220}

Поскольку Махно был не обычный атаман, а идейный, первым делом он воссоздал политическую организацию — Союз анархистов, возникший на основе гуляйпольской группы анархо-коммунистов. В Союз вступили многие махновские командиры и прибывшие в район анархисты. Но, заняв относительно устойчивую территорию, Махно решил, что пришло время вернуться к советской системе^{221}.

К этому стремились и повстанцы. Чтобы определить основные принципы устройства новой власти, 23-26 января в Большой Михайловке прошел I съезд советов района (нумерация съездов 1919 г. игнорирует форумы 1917 г.). На съезд собралось около 100 делегатов от действовавших в районе отрядов. Махно на съезде отсутствовал, заседание вел повстанец К. Головка. Делегаты считали своей целью «предупреждение братского кровопролития», но в то же время были

8 Нестор Иванович Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 194-198. В этих сведениях, собранных следственными органами белых, есть немало слухов, пересказанных с чужих слов, но есть и свидетельства очевидцев о жестоких и иногда произвольных убийствах.

готовы «силой оружия отстаивать власть Советов на Украине», потому что «только власть свободно избранных Советов близка нам по духу и стремлениям нашим». В районе должен был быть создан собственный Совет^{222}. Была избрана комиссия для созыва более представительного районного, а по возможности — и уездного съезда.

На II съезд, проходивший в Гуляйполе 12-16 февраля, съехалось уже 245 делегатов. Резолюции съезда созвучны анархистским идеям: «В нашей повстанческой борьбе нам нужна единая братская семья рабочих и крестьян, защищающая землю, правду и волю. Второй районный съезд фронтовиков настойчиво призывает товарищей крестьян и рабочих, чтоб самим на местах без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира строить новое свободное общество без властителей панов, без подчиненных рабов, без богачей, и без бедняков»^{223}. Резко высказывались делегаты съезда против «дармоедов чиновников» с их «насильственными указами».

Реальная власть в районе оставалась в руках Махно и его штаба, который занимался даже культурно-просветительской работой. Но II съезд избрал Военно-революционный совет (ВРС), которому был подконтролен штаб Махно.

ВРС создавался для обеспечения как военных, так и гражданских задач. По воспоминаниям Чубенко «первым делом Реввоенсовет должен уладить вопрос относительно мобилизации, так как такие села, как Гуляйполе или Михайловка добровольно пошли на фронт, а остальные сидели дома и ждали, что им кто-нибудь сделает, то есть завоюет свободу. Реввоенсовет стали выбирать объединенно, так как он являлся необходимым и для армии, и для крестьян (ибо) всякие распоряжения Реввоенсовета должны (были) выполнять крестьяне и красноармейцы, за исключением оперативных заданий»^{224}.

В первый состав ВРС вошли 10 представителей военных и трое — крестьян. Но, учитывая тесную связь повстанцев с крестьянством, это было не столь принципиально. Партийный состав ВРС был лево-социалистическим — 7 анархистов, 3 левых эсера, 2 большевика и один сочувствующий им^{225}. Первым председателем ВРС стал учитель Чернокнижный, а его заместителем (позднее — председателем ВРС) — Коган. Махно удостоился поста почетного председателя^{226}.

Возникшая в махновском районе социально-политическая система позволила поддерживать весьма значительную по тем временам социально-культурную инфраструктуру. Командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко, посетивший район в мае 1919 г., докладывал: «налаживаются детские коммуны, школы, — Гуляйполе —

один из самых культурных центров Новороссии — здесь три средних учебных заведения и т. д. Усилиями Махно открыто десять госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая орудия и выделяются замки к орудиям»^{227}. Детей учили грамоте, занимались военной подготовкой, преимущественно в форме военных игр (подчас весьма жестоких)^{228}. Но основная просветительская работа проводилась не с детьми, а со взрослыми. Культпросвет ВРС, занимавшийся просвещением и агитацией населения, был укомплектован прибывшими в район анархистами и левыми эсерами^{229}. Сохранялась свобода агитации и для других левых партий, но анархисты идеологически доминировали в районе.

Какую роль в движении играли анархисты? Нынешнее стремление реабилитировать Махно иногда приводит к недоразумениям. Так, в достаточно точной с военной точки зрения книге «Комбриг батько Махно» В. Верстюк пишет: «Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в это время Н. Махно выступал приверженцем советской власти. В брошюре, посвященной развенчанию махновщины и анархизма, бывший махновец и анархист Исаак Тепер (Гордеев) дал достаточно точную и объективную характеристику политических взглядов Махно в этот период: “К Гуляйпольской группе анархистов Махно относился весьма неприязненно за их заумное отношение к большевикам... Еще в феврале месяце 1919 г. во время встречи представителя секретариата Якова Алого (Суховольского) с Махно выяснялось, что последний весьма и весьма индифферентно относится к общим заданиям набатовской организации и к позиции, которую они занимали в отношении советской власти. Махно тогда говорил: 'Сначала я революционер, а потом анархист', а иногда он утверждал, что совсем перестал быть анархистом и что все свои действия направляет на укрепление Советской власти и ликвидацию контрреволюции”»^{230}. Неискушенность автора в вопросах анархистской идеологии привела здесь к некритическому восприятию сочинения Тепера, автора чрезвычайно недобросовестного и тенденциозного, выполнявшего социальный заказ своего нового руководства в 1924 г. О качестве оценок Тепера Верстюк мог бы судить по его описанию военной катастрофы июня 1919 г., которое имеет мало общего с документированными фактами^{231}. Достоверны лишь личные конкретные наблюдения Тепера по поводу взаимоотношений анархистов-набатовцев и Махно. Но и здесь необходимы пояснения к двусмысленным замечаниям Тепера. Во-первых, поддержка советской власти вовсе не значит отказа от анархизма. Как мы видели выше, анархисты, в том числе Махно, считали советы формой низовой

самоорганизации масс и ячейкой нового общества. Эту приверженность советам Махно пронес через всю свою жизнь и никогда от нее не отказывался. Отношение же к центральной советской власти, то есть к правительству большевиков, всегда, даже в лучшие периоды их отношений, было окрашено недоверием, о чем говорят документы махновских съездов советов.

Во-вторых, выдвигание на первый план общереволюционных задач еще не означает отказа от анархизма как социально-политической концепции. Махно считал, что пока массы не осознают необходимости борьбы с государственностью, анархическое движение все равно обязано быть с ними: «... когда массы начинают проявлять к нему доверие, оно не должно увлекаться этим доверием и не должно отрываться от различных изгибов первоначально развивающихся событий, хотя бы и не анархических, но революционных, в которых масса развивала свой начальный порыв. Но надо и не пропустить момента, когда с этими изгибами нужно и самим разойтись, и отвести от них трудящиеся массы»^{232}.

В-третьих, скептическое отношение Махно к анархической группе «Набат» слабо связано с его отношением к анархизму. «Набат», объединивший часть городских анархистов Украины в 1918 г., представлял собой лишь одну из анархистских группировок. Ее претензии на руководство махновским движением были безосновательными, что и давал понять на-батовцам Махно.

Многие командиры махновской армии состояли в Союзе анархистов. Такие видные деятели движения как Василевский, Веретельников, Марченко, Гавриленко, Куриленко, Белаш, Вдовиченко и другие были анархистами. Необходимо отличать влияние анархистов на развитие движения от роли пришлых городских анархистов, скептическое отношение к которым сформировалось у махновцев еще в 1918 г. Впрочем, и здесь встречаются немаловажные исключения. Наиболее очевидный пример — товарищ Махно по каторге П. Аршинов (Марин). По свидетельству того же Тепера, «Марин вообще был единственным анархистом (имеются в виду пришлые анархисты — *А.Ш.*), которого Махно искренне уважал и советы которого он беспрекословно принимал... Этому единственному человеку, как я уже выше указал, Махно вообще подчинялся в полном смысле этого слова»^{233}. Таким образом, даже данные, приведенные Тепером, не дают основания говорить об отходе Махно от анархизма.

По утверждению В. Белаша, большое влияние на Махно имел Союз анархистов Гуляйпольского района, возникший во время партизанской войны 1918 г. из анархистов-партизан Гуляйполя, Дибривок (отряд

Щуся) и Новоспасовки^{234}. Это три основных клана командиров взаимодействовали с трениями. Без фигуры Махно и исходящей от него анархистской идеи они вряд ли смогли действовать вместе.

Кто были эти люди, которые шли за Махно, водили в атаку его бойцов и выкручивались из безвыходных ситуаций, спасая дело, а иногда и самого батьку? В большинстве своем они были моложе Махно на несколько лет. Почти все они — бедняки, батраки и рабочие в юности, имели начальное образование (часто неполное), для многих «университетом» стала мировая война. Некоторые дослужились до прапорщика.

Наиболее влиятельные командиры, иногда замещавшие Махно — командир группы в 1920 г. Семен Каретник, Григорий Василевский, а также командир кавалерии Алексей Марченко, командиры корпусов Петр Гавриленко и Александр Калашников — гуляйпольцы, члены группы анархо-коммунистов, как правило примыкавшие к ней еще в 1907 г.

К Гуляйпольской группе анархо-коммунистов относились и такие люди из окружения Махно, как Исидор Лютый, Иван Лепетченко и Алексей Чубенко. Первые двое играли роль его телохранителей, Чубенко получал разные поручения. Впрочем, жесткое разграничение полномочий не всегда существовало, из чего вытекают разночтения в «послужных списках» видных махновцев.

Алексей Владимирович Чубенко (1893-1937?) родился в с. Григорьева Александровского уезда. Из бедняков. Работал машинистом и кузнецом. Анархо-коммунист с 1905 г. В декабре 1918 — марте 1919 гг. — начальник штаба у Махно. Возглавлял различные комиссии, в 1919 г. по поручению Махно вел переговоры с большевиками, французами, петлюровцами. Был и казначеем, и командиром подрывников. Член ВРС. В январе 1920 г. был арестован и отправлен в Бутырку. Затем освобожден, после разрыва отношений с большевиками воевал в отряде Бровы. Но воевать уже не хотелось. С января 1921 г. жил на подпольном положении, в апреле сдался.

Борис Веретельников работал с Махно на заводе, затем уехал в Петроград, где трудился на Путиловском заводе. Был эсером, в 1918 г. стал анархистом, вернулся в Гуляйполе, где приобрел популярность как хороший агитатор. В 1919 г., пока не погиб в бою с деникинцами, был заместителем начальника штаба.

Другая группа командиров происходила из казачьей станицы Новоспасовки, где сформировался отряд Куриленко, влившийся затем в махновскую армию. В эту группу входили три видных командира: Виктор Белаш, Василий Куриленко и Трофим Вдовиченко, а также

командиры полка Лука Бондарец и Филипп Гончаренко.

Виктор Федорович Белаиш (1893-1937) родился в семье бедняка. Анархо-коммунист с дореволюционным стажем. Выдвинулся в качестве командира в 1919 г. Был руководителем оперативной части штаба, а со второй половины 1919 г. — начальником штаба армии. В сентябре 1921 г. взят в плен.

Куриленко Василий Васильевич (1891-1921). Из батраков. Сапожник. Анархо-коммунист с 1910 г. В 1912 г. был призван в армию, служил в кавалерии. В 1917 г. — председатель полкового комитета. В июне 1918 г. возглавил местный повстанческий отряд, а затем — батальон, полк, бригаду (когда Махно переименовал свою бригаду в дивизию), корпус, группу. В сентябре 1919 — апреле 1920 г. служил в красной армии, потом вернулся к Махно. Погиб в бою.

Вдовиченко Трофим Яковлевич (1889-1921) — из батраков, анархо-коммунист с 1910 г. В Первую мировую стал кавалером полного георгиевского банта. Прапорщик. В 1917 г. — председатель полкового комитета. В середине 1918 г. принял участие в партизанском движении, возглавил второй новоспасовский отряд. В сентябре-декабре 1919 г. возглавил второй Азовский корпус махновской армии, в мае 1921 г. — Азовскую группу. Был ранен, взят в плен и расстрелян в ЧК в мае 1921 г.

Особняком стоял лихой кавалерист и партизан *Федор (Феодосии) Щусь* (1893-1921) — матрос из Дибривок. Впрочем, причина тому — не место рождения, а амбициозность Щуся. Он служил на флоте в 1915-1918 гг., и смотрел на крестьян свысока. Авторитет Щуся первоначально был велик — ведь он не ушел с Украины при немецком наступлении и начал партизанить раньше Махно. Но вот при их знакомстве дал слабинку. Махно шаг за шагом укрощал матросика и сделал из него просто одного из своих командиров. Щусь занимал разные командные посты — член штаба, командир кавалерии у Махно и в корпусах. Погиб в бою.

У Махно служило и множество пришлых анархистов — командир (на некоторых этапах — заместитель командира) фронтовой контрразведки (фактически — разведки) Л. Зиньковский был донецким рабочим, организатор железнодорожных войск Михалев-Павленко был питерским анархистом, комендант штаба и командир отряда Макеев — ивановским рабочим^[235].

Лев Николаевич Задов (1893-1938) родился в колонии Веселой в бедной еврейской семье. Работал в доменном цеху в Юзовке. В 1910 г. вступил в анархистскую группу, участвовал в эксках. В 1913 г. приговорен к каторжным работам. После освобождения взял себе

псевдоним Зиньковский. Вступил в красную гвардию, затем в анархистский отряд Макса Черняка. С ним стал участвовать в махновском движении, инициативной группе, контрразведке (решавшей и задачи разведки). Фактически возглавлял контрразведку, по другим данным — корпусную контрразведку (учитывая подвижность структуры махновской армии, Зиньковский мог возглавлять и всю контрразведку-разведку, и действовать с корпусом). В 1921 г. был телохранителем Махно. Ушел с ним за границу. В 1924 г. вернулся. Был принят на работу в НКВД. Во время большого террора расстрелян.

По сути Союз анархистов был ближайшим окружением батьки — организацией командиров, считавших себя анархистами. Большим влиянием пользовались также анархисты группы Макса Черняка, Венгерова и Уралова, приехавшие в район движения в январе 1919 г. Венгеров мог спорить с Махно в присутствии командиров и одерживать победу по частным вопросам^{236}. Нарастание конфликтов с «батькой» и последующие претензии союзников-большевиков к моральному облику этой группы анархистов ослабили влияние группы Венгерова на Махно^{237}.

Аршинов так характеризует первоначальное отношение городского анархизма к Махновскому движению: «Большинство русских анархистов, прошедших теоретическую школу анархизма, пребывало в своих изолированных, никому в то время не нужных кружках, стояло в стороне, допытывалось, что это за движение, как к нему следует отнестись, и бездействовало, утешая себя той мыслью, что движение как будто не чисто анархическое»^{238}. Роль анархистов в революционных событиях в 1917-1918 гг. была более существенной, чем это виделось П. Аршинову. В 1918 г. анархисты издавали 55 газет и журналов, причем некоторые — тиражами в десятки тысяч. Даже по советским оценкам анархистские организации существовали в 130 населенных пунктах, причем крупнейшие из них насчитывали тысячи членов^{239}.

В 1919 г. украинские анархисты сохраняли мессианское отношение к массовым движениям, выраженное, например, в резолюции Елисаветградского съезда «Набата» 2-7 апреля 1919 г.: «История ныне возлагает на нас великую обязанность — подсказать массам этот выход, помочь им в их исканиях, придать их творческой способности то зрение, которого им не достает»^{240}. Автор этой резолюции В. Волин был противником организации анархистами военных восстаний, так как «они приводят к властвованию, то есть к неанархическому финалу»^{241}. Однако он считал, что «когда масса приходит в движение сама, мы

можем помочь найти ей верный путь»^{242}.

Исполнительные органы украинского «Набата» до июня не могли определиться в своем отношении к Махно. В Гуляйполе был направлен один из лидеров организации Иосиф, который вынес из этой поездки скорее отрицательные впечатления: «В ответ на мои расспросы, — вспоминает Волин, — он сказал мне, что сомневаться в личной честности Махно он, правда, не имеет оснований, но что, по его мнению, Махно — человек не сильного и не самостоятельного характера, легко поддающийся дурному влиянию, что в махновской организации и в махновском штабе есть отрицательные личности, которых Махно терпит, и что вообще очаровываться нечем, надо лишь следить за движением, которое, помимо самого Махно может дать здоровые результаты»^{243}. Скепсис Иосифа мог быть вызван как реальной зависимостью Махно от его военного окружения, чье представление об анархизме было весьма примитивно, так и нежеланием комбрига подчиняться влиянию городских набатовцев. Когда Волин лично попытается оказывать влияние на «слабохарактерного» Махно, он обнаружит, что тот вполне может противостоять чужим влияниям, если они противоречат его собственным представлениям.

Из беседы Махно и Иосифа выяснилось, что Махно считает необходимым прибытие в район анархистов, получивших известность в качестве сильных пропагандистов. Махно стремился к тому, чтобы противопоставить анархистскую мысль большевистской и шовинистической агитации. Когда Иосиф упрекнул Махно в том, что на контролируемой им территории сохраняется антисемитизм части населения, комбриг ответил: «А чего же ваши Волины сидят где-то там и не едут сюда работать? Я предоставляю все возможности вести пропаганду и средства — технические приспособления... Сам же я — человек боевой, и занят прежде всего фронтом. Мне некогда заниматься пропагандой»^{244}.

Но Махно чутко следил, чтобы пропагандисты анархии «держались в рамках», не мешая его политике союза с большевиками. Прибывшая в район М. Никифорова, выступила на съезде с докладом о репрессиях большевиков. Нет, Маруся не говорила об ужасах красного террора — удары по «буржуазным классам» ее устраивали. Она была возмущена осуждением ее на шесть месяцев условного наказания. Понятно, что эта речь вызвала у собравшихся возмущение скорее самой Никифоровой, чем большевиками. «Махно в таких случаях любил поддерживать крестьян, — вспоминал Чубенко — а потому заявил съезду, что если Никифорову судили коммунисты, то значит она заслужила этого.

«Наше дело воевать и бить белых, а не разбирать, кто прав, а кто виноват»^{245}. На митинге 1 мая Махно столкнул с трибуны М. Никифорову, обвинявшую большевиков в предательстве революции.

Идеологию движения определяли представления Махно и Аршинова. Махно называет свои взгляды анархо-коммунизмом «бакунинско-кропоткинского толка»^{246}. Махно почти не читал работ Бакунина и Кропоткина и не видел различий между их концепциями. Он формировал свои взгляды почти самостоятельно, принимая лишь то, что, с его точки зрения, соответствовало действительности.

Позднее Махно предлагал следующее государственно-общественное устройство: «Такой строй я мыслил только в форме вольного советского строя, при котором вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями тружеников»^{247}.

В конце 1918 г. к Махно пришла делегация рабочих-железнодорожников. Рабочие, по воспоминаниям Чубенко, «стали спрашивать, как им быть в отношении организации власти. Махно ответил, что нужно организовать совет, который должен быть не зависим ни от кого, то есть свободный совет, независимый ни от каких партий. Тогда они обратились к нему, чтобы он дал им денег, так как у них нет совершенно денег, а деньги им нужны для выплаты рабочим, которые три недели не получают жалованья. Махно, не говоря ни слова, велел дать двадцать тысяч денег, что и было сделано»^{248}.

Этот эпизод показывает, что Махно, выступая за переустройство общества на безгосударственных началах, не отказывался от предоставления социальной помощи, то есть по сути — осуществления задач социального государства. Руководство армии выполняло роль государственных органов. Махно понимал, что «свободные советы» не могут быть независимыми друг от друга. Они своей волей должны создать небольшую надстройку для решения совместных дел (например, оборона от внешних врагов или организация экономической статистики). Эту социально-политическую систему «безгосударственного» (т. е. конфедеративного) общества создаст съезд советов.

Но где гарантия, что новые органы координации не замкнутся на себе, не превратятся в новый источник угнетения? «Наша трудовая община будет иметь всю полноту власти у самой себя и свою волю, свои хозяйственные и иные планы и соображения, будет проводить через свои органы, которые она сама создает, но которые не наделяет никакой властью, а только лишь определенными поручениями»^{249}, — писали Махно и Аршинов в мае 1919 г. С их точки зрения власть

должна быть децентрализована и в территориальном, и в отраслевом отношениях. Объединения трудящихся (и не только сельские, но и городские) могут создавать органы с четкой задачей. Эти органы не имеют права присваивать себе дополнительные полномочия и объединяться в единую систему исполнительной власти. Связь между ними осуществляется через всеильное самоуправление трудящихся — съезды советов.

8 февраля 1919 г. в своем воззвании Махно выдвигал такую задачу: «Строительство истинного Советского строя, при котором Советы, избранные трудящимися, являлись бы слугами народа, исполнителями тех законов, тех порядков, которые напишут сами трудящиеся на всеукраинском трудовом съезде...»^{250} Таким образом, Махно предполагал созыв своего рода учредительного собрания, а возможно и регулярно созываемого представительного органа, который даст советам аналог конституции (основных «порядков»), а возможно и будет принимать законы, в рамках которых может действовать местное самоуправление.

В построениях Махно бросается в глаза нарочитое нежелание регламентировать черты будущего общества. Не в пример многим социальным утопистам прошлого, Махно считает, что общины-советы сами создадут конкретные формы своего существования. Но принципы будущего общества, за которое он выступает, определены достаточно четко.

Выступая за коммунизм, идеологи Махновского движения понимали его совсем не так, как коммунисты-большевики. Но осознание всей глубины этих различий наступит позднее, по итогам трагического опыта попыток союза с красными. Уже в эмиграции Аршинов пытался проникнуть в психологию коммунистов, в логику, которая движет их действиями: «Период разрушения, преодоления сил капиталистического режима закончился, начался период коммунистического строительства, возведение пролетарского здания. Поэтому революция может идти теперь только через органы государства. Продолжение же прежнего состояния страны, когда рабочие продолжают командовать с улицы, с фабрик и заводов, а крестьяне совсем не видят новой власти, пытаюсь наладить свою жизнь независимо от нее, носит в себе опасные последствия, может дезорганизовать государственную роль партии»^{251}. С точки зрения Аршинова за партийным эгоизмом коммунистов маячит классовый эгоизм «новой буржуазии». А отсюда вывод: чтобы революция развивалась не сверху вниз, а снизу вверх, чтобы трудящиеся сами, без опеки сверху создавали новые формы жизни, чуждые эксплуатации,

необходима принципиально беспартийная система. Это, конечно, не значит, что партии следует запретить (махновский район был многопартийным). «Беспартийная» система предполагает, что партии и общественные движения имеют одинаковые возможности влиять на советы, но ни одна организация не может захватить власть в масштабах страны.

Критика партийности звучит и в размышлениях Махно: «Революционные партии при всех своих потугах, подчас колоссальных и достойных уважения, не могут вместить в рамки своих партийных доктрин ширь и глубину жизни трудящихся»^[252].

Махновское движение стало нечастым в истории случаем соединения анархистской теории и практики массовых движений. Это придает ему не только локальное, но и мировое значение. Как пишет В. Чоп, «Махно своей идеологией превратил Украинскую безгосударственность в силу, облагородил ее европейской социальной теорией и повел через ад гражданской войны в боях за крестьянское счастье»^[253]. В. Чоп рассуждает о шансах движения на успех, но его доброжелательная к Махно позиция вызывает гнев у В. Солдатенко, для которого является «загадкой, как можно склоняться... к определенным историческим оправданиям таких явлений, как махновщина...» Директор Института национальной памяти Украины одергивает своего соотечественника: «успех в принципе был невозможен»^[254].

Что бы это значило: «успех в принципе был невозможен»? Успех политического движения всегда относителен. Большевики победили в гражданской войне. Можно ли однозначно присудить им «успех»? А украинскому национальному движению, например — однозначный неуспех? Да еще припечатать — успех украинского национального движения «в принципе был невозможен» (так и делали коммунистические авторы, разоблачая «петлюровщину»). А сегодня вот «ситуация созрела» до украинской независимости. Не в 1917-1920 гг., когда и махновцы, и украинские националисты потерпели поражение, а сейчас. До успеха идей самоуправленческого социализма (вариантом которой был махновский анархизм) ситуация пока не созрела. Пока.

А успех большевиков обернулся для большинства из них сокрушительным поражением при попытке воплотить в жизнь свои идеалы. Но некоторые стороны большевистского проекта воплотились в жизнь — даже ценой уничтожения значительной части большевиков. Абсолютный успех в принципе никогда невозможен, но возможны успехи (а их было немало и у махновского движения). Успех всегда относителен, но часто относительно и поражение.

В. Солдатенко с большой симпатией относится к В. Винниченко, который был марксистом. Можно ли утверждать, что успех Винниченко был в принципе невозможен? Идеалы марксизма так и не были достигнуты, но деятельность Винниченко повлияла на историю Украины. Даже потерпев поражение, украинские национальные социал-демократы достигли частичных успехов — украинская государственность в ее нынешних границах была признана Москвой, что через десятилетия имело большое значение при обретении Украиной независимости. Здесь можно с идеологическим пафосом воскликнуть: «как же можно оправдывать национализм и сепаратизм!» Но научная проблема в другом: какое воздействие оказывала данная политическая сила. Возможно ли было достичь больших успехов? При каких условиях? Как изменилась бы ситуация в этом случае?

Мы будем возвращаться к этим вопросам. Мы увидим, как коммунистический режим, оказавшись в сложной для себя ситуации, был готов терпеть махновскую автономию, которая достигала значительных успехов. Мы увидим, как коммунистический режим висел на волоске, и махновское движение становилось частью альтернатив тому пути, который привел от 1917 г. к 1937 г. и затем к 1991 г. Но только неисправимый фаталист может утверждать, что на этом пути не было развилок.

Значительный земельный фонд, конфискованный у кулаков и помещиков, позволил крестьянам расширить свои наделы. Это давало Махно прочную поддержку населения. Желаящие могли организовывать из своих участков сельскохозяйственные коммуны (крупнейшая из них коммуна имени Розы Люксембург насчитывала 285 человек и засеяла 125 десятин земли)^[255]. Немалое значение придавалось наделению землей малоземельных и пришлых.

Антикулацкая и антипомещичья направленность махновщины привлекли к ней и середняцкие, и бедняцкие слои. Голос бедняков звучит в резолюциях Второго съезда советов Гуляйпольского района (февраль 1919 г.): «Впредь же до разрешения земельного вопроса окончательным образом съезд выносит свое пожелание, чтобы земельные комитеты на местах немедленно взяли на учет все помещичьи, удельные и другие земли и распределяли бы их между безземельными и малоземельными крестьянами, обеспечив и вообще всех граждан посевными материалами»^[256].

Важную роль в движении играли и рабочие. С началом хозяйственного кризиса они хлынули домой и приняли активное участие в событиях. Достаточно сказать, что крупнейшие деятели движения Петр Аршинов, Борис Веретельников, Виктор Белаш, Лев

Задов и сам Махно были в свое время рабочими. Еще 15 декабря 1918 г. общее собрание рабочих по докладу Б. Веретельникова приняло решение о формировании добровольческих отрядов рабочих и о выплате уходящим на фронт пособия в размере полуторамесячной зарплаты^{257}. Однако вскоре лидеры движения стали критически отзываться о рабочих. На митинге по поводу посещения района П. Дыбенко и А. Коллонтай Махно «стал ругать рабочих за то, что никто из рабочих не пошел в прием желающих в армию»^{258}. Еще более обострились отношения с рабочими после конфликтов на предприятиях, оборудование которых махновцы «эвакуировали» в Гуляйполе при сдаче городов белым^{259}.

В конкретной ситуации 1919 г. на первом плане стояли задачи военного выживания. И здесь система низового крестьянского самоуправления давала впечатляющие результаты. Благодаря притоку пополнения численность махновских войск с 400 человек в конце 1918 г. выросла до 55 тысяч в мае (32,2 тысячи не вооружены)^{260}. Для сравнения — Украинская советская республика располагала в это время 117 тысячами вооруженных и 71 тысячей невооруженных бойцов^{261}. Пополнение осуществлялось за счет «добровольной мобилизации». В январе, когда белые перешли в наступление против района, Махно выступил за принудительную мобилизацию. Но на собрании комсостава и членов штаба анархистам Черняку, Венгеру и Уралову удалось убедить большинство в том, что принудительная мобилизация противоречит принципам революции^{262}.

Вопрос о комплектовании войск стал одним из ключевых на II съезде. К этому времени под командованием Щуся был сформирован полк в Большой Михайловке. Однако Щусь, еще не подчинившийся до конца Махно, отказывался выводить его на позиции, поскольку другие села не выставляют бойцов в армию. Как уже говорилось, окончательно удалось подчинить Щуся только в марте 1919 г.

Добровольная мобилизация, объявленная на II съезде, привела к замене полусамостоятельных отрядов организованным ополчением с единым командованием. Теперь махновская бригада делилась на полки (некоторые из них первоначально назывались батальонами). Первоначально было создано три полка (два пехотных во главе с Калашниковым и Зубченко, и один кавалерийский во главе с Чернышом)^{263}. Для бригады достаточно трех полков, но, как мы увидим, у Махно их число будет расти, как будет расти и численность полков.

В соответствии с решениями III съезда советов каждый населенный пункт должен был выставить полк (первоначально 80-300 человек),

который избирает командование и выступает на фронт. Вместе сражались люди, которые давно знали друг друга и доверяли командиру. Деревня, выставившая полк, охотно снабжала его — ведь полк состоял из родственников крестьян. Бойцы, в свою очередь, знали, что отступить на сотню километров — значит, поставить под удар собственные хаты.

Очевидно, что повстанческая армия была призвана ограждать население и общественные структуры от угрозы не только извне, но и изнутри района. Периодические вспышки бандитизма были вообще чрезвычайно характерны для этого периода революции: «В городе грабежи, пьянство, разгул, которые начинают захлестывать армию», — докладывал после занятия Харькова командующий группой войск РККА В. Ауссем^{264}. Другой эпизод: «В конце апреля полк стоял на станции Тетерев, красноармейцы безнаказанно бесчинствовали — грабили, избивали пассажиров, убили несколько евреев»^{265}, — вспоминает Антонов-Овсеенко о походах 9-го полка красных.

Здесь уместно привести фрагмент беседы Наркома Украины А. Затонского с красноармейцами, которых пришлось уговаривать не поворачивать на Киев, чтобы «разделаться с Чекой и Коммунией»: «Наконец один уже пожилой дядько спрашивает: “А чи правда, що Раковский жид, бо кажут, що раньше большевики були, а потим жиди коммуниста Раковского посадили...”

Удостоверяю, что товарищ Раковский самого православного происхождения, что коммунисты — это те же большевики...»^{266} — Этот аргумент помог. Известны многочисленные еврейские погромы с участием РККА^{267}.

Известно, что антисемитизм был характерен и для значительной части белого движения. Если верить Чубенко, атаман Шкуро, пытаясь привлечь Махно на свою сторону, писал ему: «Ведь ты все равно бьешь комиссаров, и мы бьем комиссаров, ты бьешь жидов, и мы бьем жидов, так что нам не из-за чего воевать...»^{268}

Если говорить о революционных войсках, то разгул солдатского бандитизма, принимавшего часто антисемитскую окраску, можно объяснить особой психологической ситуацией, в которой оказался солдат в 1918-1919 годах. Он был силой, на которую опиралась диктатура. Он добывал партиям власть и считал себя вправе в случае чего «навести порядок». Сила порождала ощущение вседозволенности, постоянные перебои в снабжении и выдаче жалования — ощущение «неблагодарности» со стороны властей. И здесь обстановка социальной катастрофы, маргинализации и радикализма способствовала выходу на поверхность темных антисемитских инстинктов, погромных

настроений.

На этом фоне Махновский район представлял собой относительно спокойное образование. Комплектование махновской армии из местных крестьян серьезно препятствовало бандитизму в основной зоне движения. Гражданская война всегда жестока со всех сторон. Жестоки и крестьянские войны.

Махновский район был сравнительно благополучен и в отношении еврейских погромов. Антисемитизм в Приазовье был вообще развит слабее, чем на правобережной Украине. Любые мало-мальски заметные его проявления жестоко карались махновцами. Как уже упоминалось, в махновских войсках сражалась еврейская национальная батарея. Случай же погрома в еврейской колонии Горькой в ночь с 11 на 12 мая повлек за собой тщательное расследование и расстрел виновных. Это событие квалифицировалось докладчиком следственной комиссии Могилей как «бешеный кровавый разгул полусумасшедших людей, потерявших совесть»^{269}. Больше случаев погромов на территории, контролируемой махновской «бригадой», не было.

Махновцы продолжали уничтожать пленных. Белые вешали пленных махновцев, махновцы рубили пленных белых. Взаимная ненависть «мужицкой» и «барской» цивилизаций, расколотых на уровне культурных основ еще со времен Петра I, выплеснулась на поверхность в кровавой резне гражданской войны. Политические силы России не смогли преодолеть это вековое противостояние иначе, и теперь участники трагедии были вынуждены действовать мерами, соответствовавшими унаследованным от предков представлениям о справедливой мести.

Впоследствии эта сторона революции угнетала Махно, и он писал о жестокости гражданской войны: «В этой жестокой борьбе моральные стороны преследуемой нами цели будут неизбежно уродоваться и будут такими уродливыми казаться всем до тех пор, пока связанное с этой целью намечаемое нами дело борьбы не будет признано всем населением своим делом и не начнет развиваться и охраняться непосредственно им самим»^{270}.

В начале 1919 г. анархистом Черняком была организована контрразведка («инициативная группа») при штабе махновцев. В ее первый состав входили Яков Глагзон, Хиля Цинципер, Лев Задов (Зиньковский) и его брат Даниил. Чубенко рассказывал о том, что в Бердянске деятельность контрразведки породила «слухи» о грабежах населения махновцами. Однако на жалобы по поводу контрразведки Махно отвечал: «это на них клеветает буржуазия, так как они с нею борются беспощадно, а потому их хотят скомпрометировать»^{271}.

Методы, которыми шла эта «борьба», повергали жителей города в ужас.

В задачи контрразведки, которая сначала называлась «инициативной группой», входили реквизиции всего необходимого для махновской бригады. Она изымала деньги из банков, имущество складов и магазинов. Эти реквизиции возмущали горожан. Но город в это время тоже вел войну против деревни.

3. Коммунистическая диктатура и крестьянская война

Большинство читающих эти строки живет в городах. Наше мышление — городское, мы привыкли, что город должен быть обеспечен продовольствием. Но нужно понять и наших предков, которые в большинстве своем жили в деревне, пахали и сеяли, и всю свою жизнь были «обязаны». Сначала помещикам и государю, а затем многочисленным городским властям, за которыми стояла масса горожан. И по сию пору даже антикоммунистически настроенные авторы исходят из того, что крестьяне были «обязаны». А значит, важнейшая задача революции — наделение крестьян землей и волей — противупublicная затея. По мнению С.А. Павлюченкова, «в сущности, в первом полугодии 1918 года оказался полностью проведенным в жизнь лозунг “Земля — крестьянам”, и этот лозунг на практике оказался лозунгом голода... Будучи воплощенным в жизнь, лозунг “Земля — крестьянам”, которым революционеры всегда приманивали на свою сторону крестьянство, привел к отказу крестьян от обязанностей по отношению ко всему обществу»^[272]. Вот так — если крестьянин голодает от безземелья — это ничего, это нормально. А стоит ему начать работать на себя — общество в опасности. Ибо общество в понимании либерала и коммуниста — это не большинство людей, а «высшие интересы», созревшие в голове элиты. А элиту надобно хорошо кормить. И обслуживающие ее городские слои — тоже. А ведь город должен обслуживать и крестьянское большинство страны. Крестьянство нуждалось в продукции города и было готово обменивать продовольствие на мануфактуру, металлические и иные промышленные изделия. «Земля — крестьянам!» — лозунг всеобщей сытости для тех, кто производит что-то полезное. Голод вытекал не из стремления крестьян работать на свое благо на своей земле, а из развала промышленности и развязанной в стране гражданской войны, которая, в частности, вылилась в войну города и деревни. Передача земли крестьянам могла стимулировать сельскохозяйственное производство в условиях гражданского мира, сохранения промышленного производства и денежного обращения, автономных общественных

организаций, в том числе кооперативного снабжения. Голод на территории, контролируемой большевиками, стал результатом не передачи земли крестьянам, а растущего насилия над ними, прекращения выполнения городом полезного для деревни производства. Отцами голода были отцы города. Крестьяне с удовольствием давали бы рабочим хлеб, если бы те предоставляли им в обмен промышленные товары. Попытку такого прямого, в обход власти, товарообмена махновцы предприняли в январе-марте 1918 г., но большевиков такая практика не устраивала. Во-первых, в таком случае они теряли контроль над обществом. Во-вторых, промышленность уже не могла полноценно обеспечить интересов крестьян, И без того обессиленная войной, она была развалена национализацией. Рывок к коммунизму был экономически неэффективен, и никакими «обязанностями перед обществом» крестьянину нельзя было доказать, что он должен просто так содержать миллионы «дармоедов».

С началом гражданской войны стала интенсивно формироваться система, получившая позднее название «военный коммунизм». Но эта система не была просто военным режимом (как диктатура белых). За ней стояла идея создания принципиально нового общества.

В соответствии с теорией марксизма, которой придерживались большевики, коммунизм — общество, в котором все люди свободно трудятся на благо всех, имеют равные возможности, безвозмездно обмениваются продуктами своего труда. При коммунизме не существует эксплуатации человека человеком. Теоретически коммунизм мог возникнуть только на высокой стадии экономического развития, превышающей достижения капитализма. В то же время первая стадия коммунизма — социализм — должна была стать результатом социальной революции, разрушающей капитализм. Революция разрушает не только общественный строй, она также приводит и к экономическому упадку, что отдаляет возможность построения коммунизма. Это важное противоречие не было убедительно решено теоретиками социализма вплоть до начала века.

Большевики предприняли радикальные меры по созданию коммунистических отношений в России — стране, экономическое развитие которой отставало от уровня ведущих капиталистических стран, которая находилась в состоянии революции и жесточайшей гражданской войны, распада общественных и экономических связей. В результате создаваемое большевиками общество имело мало общего с социализмом, о котором писали мыслители XIX века, включая Маркса и Энгельса. Но все же политика Ленина имела некоторые общие черты с социалистической идеей Маркса — стремление к ликвидации

рыночных отношений, к прямому управлению всем производством и распределением из единого центра по единому плану.

Политика ускоренной замены рыночных отношений государственным управлением и распределением получила название «военного коммунизма». Создавая его, большевики решали две задачи: создавали основы нового общества, как казалось — принципиально отличного от капитализма, ликвидирующего эксплуатацию человека человеком, и концентрировали в своих руках все ресурсы, необходимые для ведения войны.

Любое сопротивление центральной власти подавлялось, остатки демократии были ликвидированы. В «советской» зоне процесс фактического прекращения власти советов завершился к 1919 г. Местные советы превратились в низовой актив по выполнению решений вышестоящих административных органов и их местных отделений. Даже «Правда» вынуждена была заметить, что лозунг «вся власть советам» сменяется лозунгом «вся власть чрезвычайкам»^[273]. Редактор «Известий» Ю. Стеклов признавал среди своих: «Никогда, даже в злейшие времена царского режима, не было такого бесправия на Руси, которое господствует в коммунистической Советской России, такого забитого положения масс не было. Основное зло заключается в том, что никто из нас не знает, чего можно и чего нельзя. Сплошь и рядом совершающие беззакония затем заявляют, что они думали, что это можно. Террор господствует, мы держимся только террором»^[274]. Чего же удивляться — в стране диктатура, а диктатура по Ленину — это власть, опирающаяся не на закон, а на насилие.

В условиях, когда промышленность была разрушена, и работали разве что предприятия, ремонтировавшие транспорт и вооружения, главным ресурсом была продукция сельского хозяйства, продовольствие. Необходимо было накормить армию, бюрократию и рабочих. При этом большевистская власть была против того, чтобы горожане свободно покупали продовольствие у крестьян, ведь в этом случае преимущества получали более состоятельные люди, сохранившие накопления и имущество, которое можно было обменять на хлеб. Большевистская власть опиралась на наиболее обездоленные слои населения, а также на массу красноармейцев, партийных активистов и новых чиновников. Преимущества при распределении продовольствия должны были получать именно они. Торговля была запрещена, вводилась система «пайков», при которой каждый человек мог получать продовольствие только от государства.

В январе 1919 г. в России был введен новый продовольственный налог — продразверстка. Он превышал возможности крестьянства, но с

его помощью из крестьян удалось выколотить больше хлеба — за первый год продовольственной диктатуры и начала продразверстки (до июня 1919 г.) было собрано 44,6 млн. пудов хлеба, а за второй год (до июня 1920 г.) — 113,9 млн. пудов. Напомним, что только за ноябрь 1917 г. еще не разгромленный продовольственный аппарат Временного правительства собрал 33,7 млн. пудов^{275} — без расстрелов и гражданской войны в деревне.

Куда шло это продовольствие? Значительная его часть просто сгнивала: «Из Сибирской, Самарской и Саратовской губернских организаций, закупающих ненормированные продукты, везут мерзлый картофель и всякие овощи. В то же время станции Самаро-Златоустовской и Волго-Бугульминской железных дорог завалены хлебом в количестве свыше 10 млн. пудов, которые за отсутствием паровозов и вагонов продорганам не удается вывезти в потребляющие районы и которые начинают уже портиться»^{276}.

Тот хлеб «и разные овощи», который удавалось спасти от гниения, в основном шел в войска. Один из крупнейших большевистских исследователей гражданской войны Н. Какурин писал: «В момент полного развития вооруженных сил страны особенно выделилось значение армии как преимущественного потребителя производства страны»^{277}. Армия потребляла 60% рыбы и мяса, 40% хлеба, 100% табака^{278}. Неудивительно, что голодали рабочие и крестьяне.

Там, где крестьянам удавалось обмануть продразверстку, они пытались выменять хлеб на какие-нибудь промтовары у горожан, в том числе и рабочих. Таких «мешочников», заполонивших железные дороги, останавливали и репрессировали заградительные отряды, призванные пресечь неподконтрольный государству продуктообмен. Хлеб не должен уходить в города помимо государства, помимо «львиной доли», принадлежащей армии и бюрократии. Но государство так плохо справлялось со снабжением городов, что иногда вводило послабления, например, разрешалось «полуторопудничество» — провоз до полутора пудов продовольствия. Для полного сходства с дофеодальными обществами большевики установили внеэкономическое принуждение к труду. И в дополнение ко всему этому — всепроникающая террористическая сила чрезвычайных комиссий. Такова была картина дороги, которая, как казалась ее вождям, вела к коммунизму.

Пока шла война, Ленин не обращал внимание на этот парадокс. Его вдохновляло разрушение капитализма, будоражил драматизм военной борьбы. Тем временем разрушение капитализма оборачивалось разрушением индустриальных отношений, без которых модернизация

полуаграрной страны невозможна. А какой коммунизм без современной технологии?

Коммунистический идеал «висел в воздухе», не опираясь на устойчивую производственную базу. Только по окончании гражданской войны Ленин с ужасом осознает, насколько далеко большевики оказались от социализма после рывка в сторону коммунизма.

Система «военного коммунизма» вызвала массовое недовольство рабочих, крестьян и интеллигенции. Советское общество было расколото на радикальных сторонников и противников коммунистов. Сопровождавшие большевистскую революцию разрушения и общественные катаклизмы, отчаяние и невиданные прежде возможности социальной мобильности породили иррациональные надежды на скорую победу коммунизма у значительной части городских слоев. Но еще более широкие массы города и деревни саботировали указания коммунистов, а то и поднимались на борьбу. Не прекращались стачки и крестьянские волнения. Недовольные арестовывались ЧК и могли быть расстреляны. Иногда чекисты и части Красной армии открывали огонь по бунтующим рабочим, несмотря на то, что рабочий класс провозглашался классовой опорой партии большевиков.

Крестьянство составляло большинство населения России, и от его поведения зависел исход гражданской войны и революции. Однако крестьянство не было единой силой. Материальное положение сельских тружеников было различным. Большая часть бедняков поддерживала большевиков и левых эсеров, среднее крестьянство — эсеров, кулачество симпатизировало контрреволюции и отчасти эсерам. Впрочем, прямого соответствия материального положения крестьянина и его политической позиции не было. Зажиточный крестьянин мог сражаться в Красной армии, чтобы отомстить белым за убитых родственников, а религиозный бедняк мог поддержать белых, поскольку они защищали церковь от произвола большевиков.

* * *

Массы, протестовавшие против коммунистической политики, нередко шли под советскими лозунгами, защищая от коммунистов идеи Октябрьской революции. Часть участников крестьянских движений были за власть советов, но против коммунистов и их новых порядков — «коммунии». Другая часть продолжала поддерживать эсеров, тем более, что события доказали правоту их критики большевиков. До осени 1918 г. эти крестьянские выступления не были самостоятельными и

ориентировались на революционную демократию, сражавшуюся с большевиками под руководством Комуча и затем Директории. Но после того, как Колчак покончил с революционно-демократической альтернативой большевизму, крестьянские движения стали действовать на два фронта — и против красных, и против белых.

С этого времени можно говорить о Крестьянской войне 1918-1922 гг. — самой масштабной в истории нашей страны. В отличие от крупных волн крестьянских восстаний (таких как события 1861-1862 гг. и 1928-1932 гг.) крестьянские войны имеют один или несколько постоянных очагов, с которыми государство не может справиться в течение длительного времени — большей части войны. Но война разливается шире этих очагов, вспыхивает множеством более скоротечных, но нередко более массовых восстаний. Махновское движение было наиболее устойчивым очагом этой войны. Но ее география и формы были гораздо шире.

Наиболее массовым было движение дезертиров. Большинство крестьян не желало воевать за «коммунию». Уклоняясь от мобилизации, крестьянские парни уходили в леса и начинали партизанить против коммунистов, создавая отряды «зеленых». Они убивали советских работников, нападали на небольшие отряды красной армии. Сотни тысяч «зеленых» партизанили в Московской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Владимирской, Тверской и др. губерниях, связываясь кто с левыми эсерами, кто с белыми, чтобы получить оружие и боеприпасы. В январе-июле 1919 г. восстания произошли в 124 уездах европейской части России^[279].

Война «зеленых» и красных была жестокой — убийства советских работников перемежались с расстрелами пойманных повстанцев. Но иногда неактивных «зеленых» раскидывали по красным частям и отправляли на фронт — РККА остро нуждалась в солдатах.

Вторым источником потрясений было изъятие хлеба и лошадная повинность. Здесь сильнее всего страдали хлебные и прифронтовые районы Черноземья и Поволжья. Дело было не только в тяжести самой повинности, но и в злоупотреблениях местных коммунистов, которые своевольничали подобно бесконтрольным атаманам. Так, председатель Сенгилеевского уездного комитета РКП(б) по любому поводу отправлял крестьян в «холодную», избивал их, отнимал понравившиеся ему вещи. Его бойцы подражали руководству, и грабеж принимал нестерпимые масштабы. Бойцы продотряда, явившегося в уезд, не были трезвенниками, а напившись, открывали пальбу на улице^[280]. Как видим, карикатуры на Махновское движение были в реальности практикой некоторых коммунистов (белогвардейцы, как мы

обнаружим, были не лучше). «Гуляние» продотряда в селе Новодевичьем кончилось плачевно — 5 марта крестьяне ударили в набат, сбежались да скрутили коммунистов. Председателя Сенгилеевской ЧК убили. Так началось одно из крупнейших в истории гражданской войны восстаний, известное как «Чапанная война» (по названию крестьянской одежды). Она охватила Симбирскую, Пензенскую, Уральскую, Оренбургскую и Казанскую губернии. Только в Сенгилеевском очаге восстания поднялось 25 тыс. крестьян. К ним присоединился пехотный полк в Самаре, но он не сумел овладеть городом.

Потомки пугачевцев взяли Ставрополь на Волге (ныне Тольятти), блокировали Сызрань, угрожали Самаре. 11 марта красные перешли в контрнаступление и 14 марта подавили основные очаги восстания.

В момент наивысшего подъема восстания в нем участвовало 180 тыс. крестьян. Но создать устойчивую организацию повстанцы не смогли, восстание было подавлено. Погибло более 2000 крестьян и несколько сот коммунистов^{281}.

«Чапанная война» отличается от «махновщины» и «антоновщины» большими масштабами, но и скоротечностью. Внезапно начавшись, она вскоре и прекратилась. Крестьяне показали коммунистам опасность своего гнева, четко выдвинули требование прекращения злоупотреблений (и Ленин показал на VIII съезде партии, что понял это). Но и содействовать белым «чапанные» не желали. Их больше устроило бы примирение воюющих сторон на какой-то срединной основе, сохраняющей завоевания Октября (как не вспомнить платформу эсеров, которая еще несколько месяцев назад считалась «белой», а еще раньше получила поддержку крестьян на выборах, и почти тогда же легла в основу большевистского «Декрета о земле»). Крестьяне говорили: «Нам надоела война, почему коммунисты не примирятся с белогвардейцами, мы желаем мира»^{282}.

Объясняя, почему поднялись на борьбу, крестьяне говорили: «мы с радостью прогоняли чехов и встречали власть советов, но когда с нас стали требовать все, мы стали обижаться на Советскую власть...»^{283}

В наказах своим делегатам крестьяне писали, что были вынуждены «восстать не против Советской (власти), но против коммунистических банд с грязным прошлым и настоящим», которые «ставят диктатуру», кооптируют в советы своих приспешников и не считаются с нуждами крестьян, грабят и делают всевозможные «пакости». Они требовали «крестьянского самоуправления», выборов в советы от крестьян, «но не только из одних рабочих и коммунистов»^{284}.

Суммируя мнения крестьян, повстанческий штаб заявлял в своем

воззвании: «Мы объявляем, что Советская власть остается на местах, советы не уничтожаются, но в советах должны быть выборные лица, известные народу — честные, а не те присосавшиеся тираны, которые избивали население плетями, отбирали последнее, выбрасывали иконы и т.п... Да здравствует советская власть на платформе Октябрьской революции»^{285}.

Восставшие выступали за Октябрьскую революцию и советы, но против коммунистов, предвосхищая лозунги Кронштадтского восстания 1921 г.

В воззвании повстанческой комендатуры Ставрополя-на-Волге (ныне Тольятти), который стал центром восстания, также говорилось: «Мы ни на шаг не отступаем от Конституции РСФСР и руководствуемся ею». Восстание направлено против «засилья коммунистов»^{286}. Воззвание подписано комендантом Долининым. Его биография показательна. Алексей Владимирович Долинин родился в семье середняков, воевал на фронтах Мировой войны, дослужился до ротмистра и получил Георгиевский крест. Вернувшись в родное село Ягодное, был избран членом волисполкома и, как человек справедливый, стал народным судьей волости. Руководил отчуждением помещичьих земель. Типичная биография лидера крестьянского восстания в период гражданской войны. Во время «чапанного» восстания стал одним из его лидеров. Поднял односельчан, сформировал отряд, двинулся на Ставрополь. Возглавив комендатуру, созвал совещание делегатов, на котором 9 марта был избран Временный исполком Совета повстанцев. После взятия Ставрополя красными 13 марта сумел скрыться, под вымышленным именем вскоре поступил в Красную армию, воевал против Деникина и поляков, дослужился до начштаба бригады Кубанской кавдивизии. Был ранен, из госпиталя написал заявление во ВЦИК, где признался в участии в восстании и просил его помиловать. В апреле 1920 г. был амнистирован, вернулся в родную деревню, где безо всяких преследований прожил до самой кончины в 1951 г.^{287} Долинин был сторонником революции, и «чапанное восстание» было для него революционным актом, призванным исправить политику Советской власти. Не удивительно, что и в дальнейшем он был на стороне красных.

И лозунги этого восстания, и даже сама биография Долинина, опровергают не только коммунистические, но и белогвардейские мифы о гражданской войне, получившие продолжение в современной историографии. Реальность крестьянских восстаний не оставляет камня на камне, например, от выводов М. Бернштама^{288} об «историческом

единородстве повстанчества и всего народного сопротивления с белым движением». Не выдерживает проверки фактами и мнение Т.В. Осиповой о том, что «крестьянское сопротивление носило, вне всяких сомнений, антисоциалистический характер»^{289}. Лозунг «чапанной войны» «Да здравствует советская власть на платформе Октябрьской революции!» трудно признать антисоциалистическим. Это же касается и других крупнейших очагов крестьянской войны. Махно выступал не только за социализм, но даже за коммунизм, лидеры Тамбовского восстания действовали в русле эсеровских лозунгов. Сама Т.В. Осипова признает значительное влияние на повстанцев эсеров и идеи советов без коммунистического диктата. Справедливости ради укажем на то, что Т.В. Осипова напомнила М. Бернштаму, что крестьянское движение «не поддержало и режим белых»^{290}.

Лишь меньшая часть крестьянского движения поддерживала белых. Прежде всего это касается казаков. В отличие от крестьянских войн прошлого, казаки к началу XX в. превратились в относительно консервативный социальный слой. Во время выступления Каледина казаки в большинстве своем были относительно равнодушны к антибольшевистскому движению. Но в мае 1918 г. началось мощное восстание на Дону, который стал очагом белого движения. После разгрома Краснова возвращения красных на Дон в начале 1919 г., большевики не доверяли казачеству, считая этот слой кулацким и реакционным. На Дону развернулась политика «рассказачивания». Казаков лишили привилегий, права носить оружие. На их земли, которые они получили за военную службу, переселяли иногородних и кавказцев. Эта политика сопровождалась массовыми расстрелами «верхов казачества» и протестующих казаков, изъятием лошадей, хлеба и имущества. Ответом стали восстания. Стремясь с помощью «рассказачивания» укрепить советскую власть на Дону, большевики создали здесь прочный очаг антибольшевистской борьбы.

Весной 1919 г. полыхало Поволжье до Астрахани, Черноземье от Курска до Тамбова, Тверская губерния. И в других уголках Советской России было неспокойно. Ленин на VIII съезде РКП(б) 18-23 марта заявил о курсе на союз с крестьянами и провозгласил лозунг «Не смей командовать!» Впрочем, при сохранении коммунистической диктатуры он имел мало смысла и был прототипом сталинской борьбы с «перегибами». Но на короткое время большевики стали вести себя осторожнее в деревне. До некоторой степени смягчилась политика в отношении социалистических партий. Бумажные уступки не помогали — восстания в Тамбовской, Воронежской и Саратовской губерниях создали угрозу тылам Южного фронта.

Немаловажно, что крестьянская война, одним своим концом ударившая по коммунистам, другим была по белым. Но об этом — ниже.

В большинстве своем крестьяне не ждали Колчака и Деникина как освободителей и не желали помогать «помещикам». Наступление белых заставляло крестьян потерпеть со своими претензиями к большевикам, тем более, что мобилизация и продразверстка вычерпала возможности села, и в коммунистическом наступлении на деревню наступила пауза. С конца лета 1919 г. крестьянская война на советской территории временно идет на спад.

Причина волнообразного характера крестьянской войны — колебание крестьянской стихии между красной и белой угрозами и отсутствие политического руководства движением в центральных регионах России. Коммунисты бдительно следили за тем, чтобы эсеры не сумели восстановить связи с крестьянской массой. К тому же партия эсеров была дезорганизована из-за противоречий по поводу отношения к белым и красным. Авторитет левых эсеров в условиях их расколов на почве отношения к советскому правительству тоже был не велик.

Несмотря на то, что народный идеал советской власти, которая ничего не требует от рабочих и крестьян, а выражает исключительно их интересы, был близок к анархистской доктрине, анархисты не сумели создать влиятельной организации, которая бы установила связи с массами недовольных. Ни одна из групп городских анархистов не смогла найти путь к сердцу крестьян, и причина этого лежала в самих анархистских группах — донельзя радикальных и потому малопонятных практичному крестьянину. Крестьянские вожаки, включая Махно, с недоверием относились к городским политикам.

Махно, сохранявший собственное политическое лицо, и здесь оказывается зеркалом крестьянского движения — с его попытками жить при коммунистах, протестами против их политики, восстанием и неприятием белых. На примере Махновского движения хорошо видно, что крестьянское движение⁹ было самостоятельной силой в гражданской войне, которая, однако, не сторонилась союзов и компромиссов ради собственных интересов.

Но на Украине, где власть коммунистов была восстановлена только в начале 1919 г., подъем крестьянской войны начался с некоторым запозданием по сравнению с центральными районами России. Зато крестьянское движение здесь имело лучшие возможности для

⁹ Под Крестьянским движением понимается, конечно, не повстанчество, состоящее из одних крестьян — как мы видели, в него вовлекались представители разных социальных слоев. Но крестьянство не только преобладало количественно, но и определяло задачи движения.

самостоятельной организации.

4. Советская Украина и кочующая Директория

На Украину вошла Красная армия, которая тут же получила поддержку не только коммунистов, но и значительной части украинского крестьянства, считавшего большевиков сторонниками раздела помещичьей земли и борцами с немецкой оккупацией. В декабре 1918 г. из нейтральной зоны выступил отряд левого эсера Юрия Саблина, который занял Купянск и Волчанск. Был создан ревком, включавший левых эсеров, максималистов и анархистов. Этот левацкий район вскоре был занят частями РККА, а ревком разогнан. Не получалось у левых эсеров создать «свой» район.

Сразу после денонсации Брестского мира большевистское руководство стало готовить наступление на Украину. Но сил не хватало — ведь нужно было действовать сразу на многих направлениях, прежде занятых немцами и казаками. 23 ноября Ю. Пятаков взывал из Курска Сталину: «Считая Вашей обязанностью объяснить Ильичу всю недопустимость создавшегося положения. Перед всеми мы берем на себя колоссальные обязательства. Сил нам никаких не дают. Если считаете украинскую борьбу важной, надо сделать выводы. Нам не только не дают сил, берут отсюда. Положение отчаянное. Нужно же действительно серьезно отнестись к делу. Скажите Вацетису, пусть даст сил, оружие, обмундирование, иначе катастрофа неизбежна»^[291]. Но центр рассчитывал обойтись малыми силами. Достаточно вставить детонатор, и Украина взорвется сама.

28 ноября Ю. Пятаков возглавил созданное в Судже Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. Но ему было непросто сработаться с лидером восточно-украинских большевиков Артемом, и вскоре правительство возглавил Х. Раковский. Формально правящей партией на советской территории была созданная в июле 1918 г. Коммунистическая партия (большевиков) Украины, но фактически она была филиалом РКП(б). Всеукраинский ЦИК (ВУЦИК) Советов был сформирован на двухпартийной основе — на 90 большевиков приходилось 10 боротьбистов (украинских левых эсеров), которые также активно участвовали в организации восстаний.

4 января 1919 г. был создан Украинский фронт во главе с Антоновым-Овсеенко, который начал двигаться на юг, стремясь занять Донбасс и вести там борьбу с белыми. Правобережную Украину пока не планировалось занимать^[292]. Если бы Украинская республика была устойчива, большевики вели бы сражения с белыми, а УНР осталась бы

в стороне. Но волна восстаний против Директории отклонили ось наступления Украинского фронта далеко на запад.

1-2 января у Казачьей Лопани 2 украинская советская дивизия разбила силы Болбочана, тем более, что в Харькове развернулось восстание, а лево-эсеровский полк под командованием Саблина обошел противника с тыла. Помощником командира этого полка был известный левый эсер Д. Попов, видный участник восстания в Москве. В июле 1919 г. он примкнет к Махно и станет одним из его командиров.

16 января Директория объявила войну России. В тот же день Болбочан сдал Полтаву. Попытка Петлюры отбить город оказалась неудачной. Фронт УНР рушился из-за многочисленных восстаний, перехода атаманов на сторону Советской власти. Красные развернули наступление в сторону Киева и Одессы.

В условиях советского натиска Директория отправила миссии одновременно в Советскую Россию (С. Мазуренко) и к командованию войск Антанты в Одессе (генерал А. Греков).

Переговоры с миссией Мазуренко начались 17 января, на следующий день после формального объявления войны России. Советскую делегацию возглавлял Мануильский. Мазуренко пытался достичь соглашения за счет атаманины: «Происшедшие в последнее время убийства большевиков в Киеве — дело рук военных властей, и Директория не имеет к ним никакого отношения»^[293]. По существу, Мазуренко искал соглашения между левым крылом Директории и большевиками. Мануильский предложил «посредничество» РСФСР для достижения перемирия между Директорией и УССР при условии созыва на Украине Съезда советов на принципах, принятых в России, и участия войск УНР в войне против Антанты и белых (вскоре часть армии УНР и так перешла на сторону советов). 1 февраля советская сторона несколько смягчила условия: «1. признание Директорией принципа власти Советов на Украине; 2. признание нейтралитета Украины с активной его защитой против всякого иностранного вмешательства, нарушающего этот нейтралитет; 3. совместная борьба против контрреволюции и 4. перемирие на время мирных переговоров»^[294]. Это позволяло более вольно трактовать принципы организации советов и вести войну украинскими силами против Антанты и белых только на украинской территории. Мазуренко согласился на эти условия.

Директории стало известно об этом 9 февраля, уже после падения Киева. Винниченко предложил трактовать это положение в том смысле, как он предлагал еще в ноябре-декабре — провозгласив свою советскую власть. Однако в условиях советского наступления, краха

фронта УНР Москва вряд ли могла бы принять такую трактовку. Петлюра считал, что продолжать переговоры нет смысла.

6 февраля красные вошли в Киев. А. Гольденвейзер рассказывает о периоде киевской жизни после бегства гайдамаков и до прихода красных: «Период этот продолжался целую неделю. За это время все население убедилось в том, что отсутствие правительства тоже есть форма государственного строя, при том, пожалуй, не самая худшая государственная форма. Царило совершенное спокойствие, магазины были открыты, базары торговали, извозчики ездили»^[295]. Анархия — мать порядка.

Директория решила ставить на Антанту. 15 декабря в Одессе высадился 15-тысячный англо-французский экспедиционный корпус. Затем лидирующее место в интервенции на Украине заняла Франция, так как Британии была выделена сфера влияния восточнее — от Дона до Средней Азии. К французам присоединились греки, сербы и другие контингенты Антанты. Командующий французской дивизией генерал д'Ансельм потребовал от войск УНР очистить Одессу и прилегающие территории, что и было сделано. 7 февраля генерал д'Ансельм и его начальник генштаба Фрейденберг провозгласили, что «Франция и союзники не забыли усилий, которые Россия сделала в начале войны, и теперь они пришли в Россию с целью дать всем благонадежным элементам и патриотам возможность восстановить в стране порядок, уже давно уничтоженный ужасами гражданской войны»^[296]. Патриоты России — это не украинские националисты. Антанта и не собиралась теперь поддерживать Директорию, делая ставку на белое движение.

Под прикрытием интервентов в Одессе была создана белая военная администрация во главе с генералом А. Гришиным-Алмазовым. И стала формироваться новая белая «Южно-русская» армия под командованием генерала А. Шварца. Но дело продвигалось медленно, так как офицерство предпочитало уезжать или за границу, или в район действий Добровольческой армии.

В приказе Ансельма говорилось, что «Франция и ее союзники пришли в Россию, чтобы дать возможность всем факторам доброй воли и патриотизма восстановить порядок в стране»^[297]. Стало ясно, что французское командование считает Украину частью России, а за Директорией может признать разве что статус одного из российских «факторов доброй воли».

Французы выставили политические условия на переговорах с представителями УНР: устранение представителей левых партий из Директории, передача контроля над железными дорогами и финансами Украины, проведение аграрной реформы только на принципах

вознаграждения собственника. В начале февраля Директория отвергла это грубое вмешательство в дела непризнанного государства, но переговоры продолжила. От имени директории их вел С. Остапенко, который призывал Антанту признать УНР и помочь в отражении агрессии большевиков. Того же добивалась и украинская делегация на Парижской конференции, впрочем безуспешно.

В условиях наступления Красной армии и развала фронта Антанта оставалась последней надеждой на спасение для лидеров УНР. 9 февраля УСДРП отозвала своих представителей из Директории, надеясь таким образом облегчить достижение соглашения с Антантой. Винниченко вышел из Директории и вскоре уехал за границу. «И даже после этого В.К. Винниченко не изменил убеждению, что соглашение Украины с большевистской Россией на советской основе — наиболее приемлемый, желаемый, если вообще не единственный и, притом, принципиальный, вовсе не ситуативный, конъюнктурный вариант развития украинско-российских отношений, общего революционного прогресса. Потому, пребывая в эмиграции, он, с провозглашением Венгерской советской республики весной 1919 года, направился по приглашению Бела Куна в Будапешт для переговоров о возможности создания “советского пояса” — Россия — Украина — Венгрия и, возможно, далее — Бавария. Логической основой взаимодействия в рамках такого пояса нетрудно предположить, лежали бы все те же федералистские принципы»^[298], — пишет историк В.Ф. Солдатенко.

Новую Директорию возглавил С. Петлюра, который вышел из УСДРП, чтобы не ассоциироваться с социализмом. Таким образом, Петлюра разорвал со своим социалистическим прошлым и занял лидирующую позицию в стремительно сокращавшейся УНР. По решению своей партии из Директории вышел эсер Ф. Швец. В правительство согласились войти социалисты-федералисты (слово «социализм» в их названии было чистой условностью), социалисты-самостийники и народные республиканцы. Режим Директории стал обычной национал-авторитарной политической силой. Правда, поиску внешней опоры это не помогло — Антанта предпочла поддерживать Колчака и Деникина, выступавших за единую и неделимую Россию. Отряды гайдамаков один за другим переходили на сторону большевиков — левые идеи были на Украине популярнее, чем правый национализм.

13 февраля поредевшая Директория назначила премьер-министром С. Остапенко. Теперь ему были и карты в руки, чтобы достичь соглашения с французами. Но надежды на Антанту оказались иллюзией. Единственное, чего достигла украинская делегация в Одессе

— подписание 18 февраля соглашения о создании федерации снизу с такими же представителями Дона, Кубани и Белорусской народной республики. Но представители Антанты отвергли эту идею.

После эвакуации войск Антанты из Одессы переговоры с делегацией УНР продолжались уже в Париже. Отдел по русским делам МИД не лишал украинцев надежд, оговаривая возможную помощь прекращением борьбы с Польшей и Деникиным. Конкретную помощь должна была обеспечить делегация Антанты, которая так и не прибыла в район, где кочевала Директория. Представители Франции и США на Парижской мирной конференции не принимали всерьез существование украинского народа и исходили из перспективы существования «единой и неделимой» России в этом регионе.

Тем временем повстанцы, выступившие против немецкой оккупации и гетманата, и частично поддержавшие Директорию, теперь разворачивали фронт против нее, в поддержку Советской идеи, отвергнутой Директорией несмотря на усилия Винниченко. Популярность идеи Советской власти и связанных с ней радикальных социальных преобразований обеспечила быстрое продвижение красных на Украине. Повстанческие отряды вливались в Украинский фронт красных, становясь основой для развертывания сначала бригад, а затем и дивизий. Махно был не единственным примером этого.

В 1-ю Заднепровскую дивизию под командованием П. Дыбенко вошли и формирования Н. Махно и атамана Н. Григорьева, до этого служившего и гетману, и Петлюре.

Во время Мировой войны Никифор Григорьев стал прапорщиком и георгиевским кавалером. В 1918 г. участвовал в создании украинской армии, служил и Центральной раде, и гетману, при котором стал полковником. Но господство немцев на Украине не устраивало Григорьева, как и большинство украинцев. По указанию Петлюры он ушел со службы гетману и вскоре поднял восстание в Херсонщине, где и партизанил до ухода немцев.

В декабре 1918 г. атаман контролировал почти всю Херсонщину, но порты Украины заняли силы Антанты, раздосадовав Григорьева. Григорьевцы продолжали нападать на французов и греков уже тогда, когда Директория добивалась признания Антантой. В то время как Директория эволюционировала вправо от социал-демократии, Григорьев стал симпатизировать украинским левым эсерам. Но главным для него оставался украинский национализм, который сочетался с антиимпериализмом — теперь антиантантовским.

Когда на Украину вошла Красная армия, Григорьев в январе 1919 г. объявил себя сторонником советской власти. Отряды Григорьева вошли

в ту же Первую Заднепровскую дивизию, что и Махно. Бригада Григорьева быстро выросла до нескольких тысяч бойцов — смесь советской и национальной идей оказалась популярной на Правобережье. 10 марта Григорьев разгромил французов, греков и белогвардейцев и взял Херсон. Затем интервенты потеряли Никополь, Григорьев разбил их у Березовки и двинулся на Одессу. Надо признать, что антантовские солдаты сражались неохотно на этой непонятной «войне после войны». В Париже шли дебаты о скорейшем возвращении контингента домой, и удары советских войск очень способствовали победе партии мира. 8 апреля Григорьев с триумфом вошел в только что оставленную интервентами Одессу. Там ему достались огромные запасы снаряжения, часть которого он раздал крестьянам, что еще сильнее подняло его популярность.

Волна советских войск, продвигавшаяся по Украине, была рыхлой и разнородной, и к тому же плохо вооруженной. Командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко сообщал: «У Махно четыре очереди на одну винтовку, у Григорьева три, у Дыбенко две...»^{299} К тому же часть сил приходилось отдавать Южному фронту для борьбы с деникинцами.

15 марта Петлюра внезапно перешел в наступление, взял Коростень и подошел к Киеву на 50 км. Гайдамаки заняли Житомир. Однако на других участках фронта красные продолжали наступать, и 18 марта 1 Украинская дивизия Н. Щорса вошла в Винницу, а 20 марта — в Жмеринку. 26 марта Петлюра был разбит на реке Тетерев и отступил. 21 марта командование отрезанного красными Юго-западного фронта УНР (атаманы Волох и др.) провозгласили переход на советскую платформу.

После исхода интервентов из Одессы отступившие в Ровно остатки Директории (Петлюра и А. Макаренко), 9 апреля назначили премьер-министром Б. Мартоса, который сформировал более левое правительство УНР. Однако члены Директории А. Андриевский и Е. Петрушевич, опиравшиеся на Западно-украинскую народную республику (ЗУНР), не признали правительство Мартоса, и де факто УНР раскололась. Связанный с Андриевским атаман В. Оскилко 29 апреля поднял мятеж против Петлюры и Мартоса в Ровно, арестовал членов правительства и провозгласил себя головным атаманом. ЗУНР не помог Оскилко, его мятеж провалился, но и фронт УНР был окончательно развален. Отставив Ровно, Директория продолжила кочевать на запад. Как шутили тогда, «В вагоне Директория, а под вагоном ее территория». Директора вывели 13 мая из своего состава Андриевского, избрав 9 мая председателем Директории Петлюру.

Разложение режима Директории высвободило шовинистические инстинкты атаманщины. В феврале-марте погромы охватили Балту, Проскуров и другие населенные пункты. 27 мая Директория приняла закон о создании Особой следственной комиссии по расследованию погромов. Но существенных последствий эта мера не имела, так как комиссия не могла арестовать петлюровских командиров, творивших произвол против евреев. Петлюре осталось только обвинять в провоцировании погромов... большевиков. Якобы, «враги нашего государства — большевики расстреливали, насиловали женщин и детей, учиняли погромы еврейского населения, забирали последние материальные средства к жизни»^{300}. А теперь погромную агитацию ведут их провокаторы. А вот «рыцарское войско, которое несет всем нациям Украины братство, равенство и свободу, не должно спокойно слушать всяких пройдох и провокаторов, жаждущих человеческого мяса. Также оно не может быть причастно к тяжелой участи евреев»^{301}.

Восстание Григорьева спасло УНР, ослабив натиск большевиков, зато 14 мая польская армия под командованием Галлера двинулась на Волынь. Силы УНР спасло тогда от полного разгрома только то, что в конце мая поляки столкнулись у Радзивилова с красными. Директория уехала в ЗУНР, в Тернополь. Но поляки 2 июня заняли и Тернополь, и Петлюре и его начальнику штаба В. Тютюнику пришлось прорываться в сторону красных на Проскуров. В этот момент вся территория УНР, включая ЗУНР, сократилась до полосы в 10-20 км. в районе станций Богдановка и Волочиск на западном берегу реки Збруч. Если бы Директория с ее армией не смогла пробиться на восток за Збруч, то она оказалась бы во власти поляков на несколько месяцев раньше — уже в июне 1919 г. Но 3 июня петлюровцы все же пробились на восточный берег. Красные, ослабленные в условиях наступления Деникина, не удержали переправу через Збруч, оставили Проскуров, что позволило Директории вернуться 6 июня в Каменец-Подольский.

Поляков тоже отвлекли дела на западе, и украинцы 9 июня взяли Чертков и 15 июня — Тернополь. Но дальнейшее наступление на Львов обернулось катастрофой. Пилсудский, заручившийся согласием Антанты на занятие всей Галиции, разбил украинскую галицийскую армию 28 июня, и 17 июля она покинула Галицию.

После того, как почти вся территория Украины была занята Красной армией, здесь был установлен режим «военного коммунизма». 1 июня УССР вошла в военно-политический союз советских республик с общими вооруженными силами и управлением экономикой. Но фактически промышленность Украины была сразу же подчинена

общероссийскому центру. На восстановление промышленности было направлено 125 миллионов рублей, но в условиях обесценивания денег и военных действий это не помогло поднять производство.

Нарком государственного контроля Украины А. Иоффе писал Ленину весьма откровенно: «советская бюрократия живет весьма недурно, а рабочим, ввиду отсутствия и недостатка денежных знаков, жалование даже толком не выплачивается; все барские особняки и хорошие буржуазные квартиры заняты советскими учреждениями или советскими чиновниками, причем выселяют часто и пролетариат; о вселении рабочих в буржуазные квартиры много говорят, но мало делают...»^{302}

Главной задачей была заготовка хлеба и вывоз его в промышленные центры России. 13 апреля на Украине была введена продразверстка. Средняк обязан был сдавать 180 кг. хлеба с десятины, а кулак (к которым отнесли крестьян с наделами свыше 10 десятин) — по 400 кг. Бедняки от продразверстки освобождались и привлекались к поискам спрятанного хлеба. Формально продовольствие крестьянам оплачивалось, но по ценам, которые были в 10-20 раз ниже, чем у мешочников. Однако регионы, контролировавшиеся повстанческими командирами, выпадали из сферы действия продразверстки. Изъятие хлеба саботировали и некоторые советы и даже коммунистические парторганизации. В итоге удалось добыть лишь 8 миллионов пудов вместо 140 миллионов запланированных. В первом квартале 1919 г. с Украины было отправлено 300 тысяч пудов хлеба, а в обмен направлено из России 15 708 тысяч аршин тканей и другие товары. Однако к июлю удалось заготовить уже 8,5 млн. пудов и еще 4 млн. пудов других продуктов. 2 миллиона пудов хлеба были отправлены в Москву и Петроград.

Крестьянство было разочаровано — коммунисты не только изымали хлеб, но и стали проводить «кадетскую» земельную политику, отказавшись передать селянам обширные земли сахарных заводов, которые были превращены в совхозы. Обострились и национальные противоречия, которые стали отражением социальных. Новая бюрократия в большинстве своем формировалась из городских слоев, то есть прежде всего из русских и евреев. Крестьянские восстания весны 1919 г. как правило были направлены не против советской власти, а против коммунистов, и как правило были антисемитскими.

В апреле под Киевом восстал атаман Зеленый (Д. Терпило), что было опасным сигналом — перешедшие на сторону красных атаманы на самом деле — лишь попутчики коммунистического режима. Зеленый собрал около 12 тысяч бойцов, возникло еще несколько

многотысячных повстанческих очагов. Вскоре Киевская, Черниговская и Полтавская губернии были охвачены восстаниями, а коммунисты контролировали города и относительно — железные дороги.

1 апреля восстали матросы Николаева. Эти события стали прообразом Кронштадтского восстания 1921 г. Митинг и совет избрали начальником гарнизона матроса Проскуренко, а комендантом — матроса-анархиста Евграфова. Восставшие выпустили газету «Свободное слово красного моряка», в которой утверждали: «власти советской, собственно говоря, нет, нет власти рабочих и крестьян... Если бы Советская власть была бы лучше, была бы настоящая, не было бы столько врагов у Советской России»^{303}. Восставшие требовали «действительной власти советов, уничтожения комиссародержавия», всеобщих выборов в советы в условиях восстановленных политических свобод, включая свободу агитации, признания всех партий, «стоящих на платформе советской власти», ликвидации ЧК, сокращения числа чиновников, выборности ответственных работников, коренного изменения продовольственной политики^{304}. Эти требования были предельно близки к идеологии и практике махновского движения. С Николаевским восстанием не удалось справиться вплоть до мая.

5. «Добро пожаловать» или «Руки прочь»?

Большие опасения коммунистов вызывал район, занятый бригадой Махно. Так, например, в докладе заведующего александровским агитпросветом на съезде заведующих уездными агитпросветами Екатеринославской губернии 1 апреля 1919 г. (то есть в период официально «теплых» отношений между махновцами и красными) говорилось: «Александровский уезд является прифронтовой полосой, в районе его, а именно в с. Гуляйполе, расположен штаб “батьки” Махно, тот район представляет собой особое государство в государстве. Вокруг этого знаменитого штаба сконцентрировались все силы левых эсеров, анархистов, отъявленных бандитов и преступников-рецидивистов»^{305}.

Махновцы не собирались просто сидеть в глухом углу Советской России, они принялись демонстрировать ей свое понимание революции. Махновцы захватили у белых эшелон с 90 тысячами пудов хлеба и отправили его голодающим рабочим Москвы и Петрограда с таким сопроводительным письмом: «Гуляйпольское революционное крестьянство, а также крестьянство всех прилегающих областей, командный состав и повстанческие крестьянские отряды имени Махно, Гуляйпольский Совдеп, Революционный полевой штаб Махно постановили имеющиеся у нас девяносто вагонов муки, добытой в бою

с добровольческими бандами, как военная добыча, поднести в подарок московским, петроградским революционным крестьянам и рабочим. Повстанческие крестьяне названного района и все их вожаки протягивают свою товарищескую руку и приветствуют своих революционных товарищей, Совнаркомы и Совдепы. Просим оповестить население»^{306}. Посылка хлеба, таким образом, рассматривалась махновцами как важная пропагандистская акция. Письмо составлялось как политическая программа, призванная кратко описать политическую систему махновцев, показать демократизм принятия решений, социальные приоритеты (даже применительно к Москве и Петрограду крестьянство ставится на первое место). Характерно и то, что махновцы приветствуют не Совнарком, а «Совнаркомы».

Экономическое сотрудничество с пропагандистским уклоном продолжилось и позднее. Махновцы и большевистские органы начали налаживать продуктообмен с Донбассом^{307}. Для Махновского движения это позволяло не только решить конкретные хозяйственные задачи, но и продолжить строительство предусмотренных программой движения горизонтальных хозяйственных связей. Но чтобы обмениваться хлебом или хотя бы банально торговать им, нужно было сначала получить продовольствие в свои руки. Крестьяне кормили махновских бойцов, но не более. И тогда махновские снабженцы принялись перехватывать продовольствие, заготовленное красными продовольственными органами для Донбасса. Большевики отбирали хлеб у крестьян, а махновские командиры отбирали этот хлеб у большевиков. Такие операции стали предметом специального расследования Высшей военной инспекции РККА, которое, однако не успело завершиться до катастрофы Украинского и Южного фронтов в июне. Расследование выявило, что продовольствие перехватывали не только махновцы, но и другие советские и военные начальники^{308}.

При этом введение продовольственной разверстки, безудержный рост бюрократического аппарата, поглощавшего и разбазаривавшего значительную часть изъятого у крестьян хлеба, запрет партий и организаций, даже поддерживающих советскую власть, факты произвола со стороны ЧК — все это вызывало возмущение в махновском районе.

Махновская армия представляла инородное тело в РККА, и не удивительно, что уже в феврале Л. Троцкий потребовал ее преобразования по образу и подобию других красных частей. Похоже, нарком еще не понимал, что имеет дело со своеобразным военно-политическим формированием, которое не подчиняется

Совнаркому и представляет собой «государство в государстве». Реакция Махно на «поползновения» Троцкого была резкой: «Самодержавец Троцкий приказал разоружить созданную самим крестьянством Повстанческую армию на Украине, ибо он хорошо понимает, что пока у крестьян есть своя армия, защищающая их интересы, ему никогда не удастся заставить плясать под свою дудку Украинский трудовой народ. Повстанческая армия, не желая проливать братской крови, избегая столкновения с красноармейцами, но подчиняясь только воле трудящихся, будет стоять на страже интересов трудящихся и сложит оружие только по приказанию свободного трудового Всеукраинского съезда, на котором сами трудящиеся выразят свою волю»^{309}.

Таким образом Махно изложил формулу отношений движения с большевизмом: критиковать, но избегать столкновений с «братским» движением, служить средством защиты крестьян от большевистской власти и добиваться созыва неподконтрольного коммунистам крестьянского съезда, который станет верховной властью на Украине (в дела России махновцы не вмешиваются). Таким образом, Махно в 1919 г. относил свой район к Украине, что позволяло ему получить еще один «щит» от московского центра — ссылку на самостоятельность Украины. Однако мы увидим, что в махновском отношении к украинской самостоятельности не было стремления к разрыву отношений с Россией, а Ленин воспринимался как основной партнер по союзу, к которому следовало апеллировать в случае конфликта.

Махно не исключал, что такой конфликт скоро разразится. Поскольку большевики не позволят созвать крестьянский съезд, он «должен быть тайным и в тайном месте»^{310}. Таким «тайным местом» вполне могло стать Гуляйполе.

Воззвание Махно от 8 февраля также полно критических выпадов в адрес коммунистов и персонально Троцкого: «Комиссародержавцы хотят видеть в трудящихся только “человеческий материал”, как выразился на съезде Троцкий, только пушечное мясо, которое можно бросать против кого угодно, но которому ни в коем случае нельзя дать право самим, без помощи коммунистов создать свою трудовую жизнь, свои порядки... Повстанческая армия борется за истинные советы, а не за чрезвычайки и комиссародержавие»^{311}.

На II съезде советов района в феврале 1919 г. большевикам пришлось нелегко. Член президиума съезда, будущий председатель ВРС анархист Черно книжный говорил: «Пока Временное правительство Украины сидело в Москве и Курске, трудящиеся сами освободили свою территорию от врага... Мы, беспартийные повстанцы,

которые восстали против всех наших угнетателей. Мы не потерпим нового порабощения какой-либо пришлой партией». Большевик Карпенко возражал, что за партией большевиков идет большинство трудового народа, но с места ему кричали: «А кто избрал Временное Украинские большевистское правительство — народ или партия большевиков?» Когда Карпенко пытался убедить делегатов, что коммунисты не хотят быть опекунами народа, ему возражали: «А зачем они присылают нам комиссародержавцев?»^{312}

Выступая с докладом на съезде 14 февраля, Махно говорил: «Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: “Добро пожаловать, дорогие друзья!” Но если они идут сюда с целью монополизировать Украину — мы скажем им: “Руки прочь!” Мы сами умеем поднять на высоту освобождение трудового крестьянства, сами сумеем устроить себе новую жизнь — где не будет панов, рабов, угнетенных и угнетателей»^{313}.

Приехавший в район известный анархист Барон возмущался на съезде: «Большевики, бывшие до Октябрьского переворота революционерами, — теперь расстреливают всякого истинного революционера, кто мыслит не так, как им желательно». Левый эсер Костин присоединялся к анархистской критике: «Ваша задача, товарищи, следить за тем, чтобы здесь, на Украине, строились свободно избранные, а не партийные, однобокие большевистские Советы»^{314}.

Резолюция съезда гласила: «Нами не избранные, но правительством назначенные политические и разные другие комиссары наблюдают за каждым шагом Местных советов и беспощадно расправляются с теми товарищами из крестьян и рабочих, которые выступают на защиту народной свободы против представителей центральной власти. Именуящее себя рабоче-крестьянским, правительство России и Украины слепо идет на поводу у партии коммунистов большевиков, которые в узких интересах своей партии ведут гнусную непримиримую травлю других революционных организаций.

Прикрываясь лозунгом “диктатуры пролетариата”, коммунисты большевики объявили монополию на революцию для своей партии, считая всех инакомыслящих контрреволюционерами... Мы призываем товарищей рабочих и крестьян не поручать освобождение трудящихся какой бы то ни было партии, какой бы то ни было центральной власти: освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся»^{315}.

Откровенно антибольшевистский и в принципе антипартийный характер резолюций в феврале не вызвал особых «нареканий» командования — союз с махновцами только завязывался, и на их

«демократические шалости» смотрели сквозь пальцы. Тем более, что бригада стремительно наступала.

Но в апреле, когда фронт стабилизировался, большевиками был взят курс на ликвидацию особого положения махновского района. Скоро стало ясно, что задача эта непростая. Махно принял присланного Дыбенко начальника штаба — левого эсера Н. Озерова и 11 комиссаров-коммунистов (Петров, Колосов, Ткач, Чубенко, Чумак, Янкушенко, Минский, Тюрин и др.)^[316]. В некоторых полках было до четырех политкомиссаров-коммунистов, то есть по комиссару на несколько десятков бойцов^[317]. Но к политической власти Махно их не допустил.

В. Белаш вспоминал:

«— Это черт знает что, — говорил Махно комиссару (большевику) Петрову, приехавшему вместе с Озеровым. — Ведь говорил, предупреждал и, кажется, договорились; вы обещали распустить свои организации: Чеку, продкомиссии, партийные комитеты, военкоматы, а теперь снова принялись! И поверь, товарищ Петров, плохое дело будет, если не прекратите. Оставьте нас, не трогайте крестьян, не опекайте рабочих — все будет хорошо. Предоставьте в этих уездах нам свободу анархо-коммунистического строительства; делайте за пределами их все эксперименты, мы не будем нападать, только оставьте нас, не мешайтесь в наши семейные дела!

— Товарищ Махно, ведь, мы договорились, загляните в договор и увидите, что мы с вами в военном союзе. Занятая территория нами и вами принадлежит и вам, и нам: без нашей помощи вы бы ее не заняли. А коль так, мы и работаем вместе. Мы не виноваты, что рабочие не хотят жить без власти и по своему почину формируют свои организации, свою Чеку от налетов ваших партизан...— говорил Петров.

— Я не так, как вы, понимаю союз, — перебил Махно.

Вместе мы бьем Деникина, но цели у нас разные... Они (комиссары — А.Ш.) у нас, как бы ваши представители для координации совместных действий, но не властелинами над командирами, избранными самой массой...

Летучее собрание было солидарно с официальным заявлением Махно»^[318]. Конечно, махновцы не были столь наивны, чтобы считать ЧК органом рабочих масс, и агитация Петрова не имела успеха.

Последующие события только нагнетали напряженность в отношениях между сторонами. Попытка Дыбенко распустить часть махновских формирований вызвала в Орехове вспышку волнений. Подчиненный Махно батяка Правда грозил уездным властям

разгромом. Власти восприняли угрозу буквально: «Существует опасение, что мятеж может охватить весь район, занятый войсками Махно, и сам Махно против своей воли может быть вовлечен в эту авантюру»^{319}, — телеграфировал командующий группой Анатолий Скачко.

Вскоре, однако, стало ясно, что угрозы батьки Правды не выходили за рамки митинговой риторики, а сам инцидент был быстро исчерпан. Впоследствии Антонов-Овсеенко докладывал Х. Раковскому об «ореховском бунте»: «История с наступлением на Александровск — как выяснилось из рассказа Дыбенко и Махно — курьезный вздор...»^{320}

* * *

В середине марта бригада Махно подошла к Мариуполю. Белые выслали навстречу махновцам отряд с двумя гаубицами, чем сделали батьке подарок — эту артиллерию он захватил 19 марта. 22 марта под Мариуполь прибыл начдив Дыбенко и руководил сражением вместе с Махно. На подступах к городу махновцев встретил шквальный огонь — со стороны как белых позиций, так и французской эскадры. Это задержало наступление, но полки Куриленко и Тахтамышева все равно пошли в атаку 27 марта. Чем сидеть под огнем — нужно пробежать опасную зону и тем сэкономить жизни. Они пересекли открытое пространство степи и просочились на улицы. Наступление поддерживал бронепоезд «Спартак». С тыла, от заводов, по белым стали палить рабочие. Потеряв 18 человек убитыми и 172 ранеными, махновцы взяли позиции противника, вышли к порту, где заперлись белые. Здесь были сосредоточены огромные запасы угля, которые французы пытались погрузить на суда. 29 марта под угрозой обстрела с бронепоезда они покинули город. Французы не хотели умирать в новой войне. Потери белых в боях за Мариуполь составили 250 человек. В порту махновцы захватили более 3 миллионов пудов угля. Часть его вывезли в Гуляйполе, часть в РСФСР, но из-за конфликтов махновцев и большевиков в мае часть угля отгрузить не удалось, и она все же досталась белым, которые заняли Мариуполь в июне.

В начале апреля махновская бригада в оперативном отношении была подчинена Южному фронту, так как действовала против деникинцев. Бригада численностью в 9-10 тыс. человек (не считая невооруженного резерва) действовала на двух направлениях. Левый фланг в составе 6 и 9 полков наступал на Кутейниково, правый фланг в составе 7 и 8 полков был нацелен на Таганрог. Теперь полки составляли

1500-2500 бойцов. Помимо полков действовали отдельный кавалерийский отряд, гарнизоны занятых городов, эскадроны охраны побережья, греческий батальон^{321}. Против махновцев на участке Мариуполь — Волноваха по данным разведки красных действовали; конная кубанская дивизия (2000 сабель), черкесская кавалерийская дивизия (1700 сабель), пехотная дивизия корпуса Шкуро (1700 штыков), казачья кавалерийская дивизия (800 сабель), батальон Самурского полка (350 штыков), Волчья сотня Шкуро (350 сабель) — всего около 7000 человек, но со значительным перевесом кавалерии^{322}.

Боевые действия против белых шли с переменным успехом. В конце марта махновцы попытались перерезать дорогу Луганск — Таганрог у Кутейниково, но контрудар деникинцев от Горбачево-Михайловки и Мос-пино заставил вернуться на линию Луганско-Мариупольской дороги. Перегруппировав силы, белые 13 апреля перешли в наступление на Мариуполь. Основные силы махновцев были в этот момент заняты в боях под Еленовкой, на северном участке фронта. Мощным ударом на Волно-ваху противник отсек основные силы махновцев от Мариуполя и 14 апреля вышел к Мангушу, в глубоком тылу Мариупольского направления и 17 апреля занял его. Под угрозой оказался штаб Махно. Но полностью окружить южное крыло 3-й бригады не удалось — оно оттянулось за Мангуш, оставив обстреливаемый с моря Мариуполь. С помощью батальона интернационалистов удалось восстановить фронт у Волновахи. Это, пожалуй, единственный эпизод, когда РККА всерьез выручила махновцев. Северный же сосед 3-й бригады — 9-я дивизия 13-й армии — не раз покидал позиции в решающий момент, оголяя фронт. Это вызвало у махновцев скептическое отношение ко всей централистки организованной Красной Армии.

Серьезный конфликт между махновцами и красным командованием разворачивался вокруг вопроса о снабжении. Пополнять боеприпасы за счет противника, как раньше, было уже не так-то просто. Теперь махновцы практически целиком зависели в снабжении боеприпасами от красных. 4-24 апреля махновцам было передано 330 тыс. французских, 911 тыс. русских, 540 тыс. австрийских, 226 тыс. немецких, 445 тыс. итальянских патронов, при чем после 19 апреля количество поставленных патронов снизилось^{323}. Беда еще заключалась в том, что красные в феврале передали махновцам итальянские винтовки, к которым подходили только итальянские патроны. Это произошло не случайно, что признал Реввоенсовет 2-й Украинской армии: «Еще при образовании бригады Махно командармом 2-й были даны ей

итальянские винтовки с тем расчетом, чтобы в случае надобности имелась возможность оставить их без патронов»^{324}. С апреля эта угроза становилась все более реальной.

Тяжелые бои, ничтожность подкреплений и перебои в снабжении все более выматывали бригаду. Вот что телеграфировал командующий 2-й Украинской армией Скачко: «Противопоставить противнику нечего, ибо 3-я бригада Махно, находясь непрерывно более трех месяцев в боях, получая только жалкие крохи обмундирования и имея в придачу таких ненадежных соседей, как 9-я дивизия, совершенно истощилась, и можно считать 3-ю бригаду временно совершенно вышедшей из строя»^{325}. В эти апрельские дни казалось, что махновская бригада разбита.

Бойцы были измотаны, но бригада, подобно Антею, питалась от своей земли. Местные жители сменяли старых бойцов и со свежими силами бросались в бой. Возможно, этим объяснялось военное чудо, которое произошло под Мариуполем в конце апреля. Еще 19 апреля командующий 2-й армией Скачко телеграфировал: «Немедленно высылайте смену 3-й бригаде, ибо люди покинут фронт. С итальянками без патронов и без пулеметов против десятков пулеметов противника люди не в состоянии устоять»^{326}. Но уже 20 апреля махновцы перешли в контрнаступление и взяли Мангуш. 22 апреля белые контратаковали Мангуш, но на следующий день он снова оказался в руках махновцев. Тогда же они отбили Волноваху. После этого белой группировке в районе Мариуполя уже не удалось удержаться. 27 апреля Мариуполь был взят махновцами, фронт стабилизировался^{327}.

Давая общую оценку боеспособности махновских частей, Антонов-Овсеенко писал: «прежде всего факты свидетельствуют, что утверждения о слабости самого заразного места — района Гуляйполя, Бердянск — неверны. Наоборот, именно этот угол оказался наиболее жизненным из всего Южного фронта (сводки за апрель-май). И это не потому, конечно, что здесь мы были лучше в военном отношении организованы и обучены, а потому, что войска здесь защищали непосредственно свои очаги»^{328}.

Но проблема боеприпасов решена не была. В середине мая штаб Махно сообщал: «Отсутствие налаженной и срочной доставки патронов заставило оставить многие позиции и приостановить наступление. Кроме того, части совершенно не имеют патронов, и, продвинувшись вперед, находятся в угрожающем положении на случай серьезных контрнаступлений противника. Мы свой долг исполнили, но высшие органы задерживают питание армии патронами»^{329}. То, что махновцев оставили фактически безоружными перед лицом врага, имело под

собой множество «объективных» причин. Административно-бюрократический централизм военно-коммунистической системы совершенно закупоривал каналы снабжения: «В отношении продовольственного снабжения царила страшная неразбериха, ведомственная сутолока и межведомственная война»^{330}, — вспоминал командующий Украинским фронтом. Начальник снабжения фронта докладывал: «До настоящего времени органы снабжения Украины и России войскам фронта почти ничего не давали... Так как начснабдивам приходится пойти через инстанции пока они доберутся до комиссий, и раз комиссии не подчинены начснабдивам, то и обращения их к комиссиям остаются воплем в пустыне»^{331}. «Несостоятельность работы Наркомпрода создала “самоснабжение армии” (читай — “конфискации и грабежи”)^{332}, говорилось в отчете о деятельности Народного комиссариата по военным делам Украины за март-май 1919 г.

При том, что и красноармейские части снабжались плохо, до строптивых махновцев, естественно, вообще мало что доходило. Снабжению препятствовало и переподчинение бригады Южному фронту, предпринятое из географических соображений (Дыбенко прорвался в Крым и потерял непосредственную связь с махновцами). Махновскому начштаба Озерову приходилось вымаливать патроны у Дыбенко через бывшего анархиста, а теперь большевика С. Дыбеца: «Дыбенко моему рапорту вряд ли поверит. Ты же теперь — большевик. Добавь от себя несколько слов. Подтверди мою бумагу»^{333}.

Споры вокруг трофеев между красными и махновцами были обычным делом. В Бердянске объединенный ревком конфисковал у «спекулянтов» кожу на двадцать вагонов. Махновцы «отспорили» себе 12. Член ревкома от большевиков С. Дыбец рассказывал много лет спустя, что ему удалось попросту украсть махновские вагоны, отправив их не в том направлении. А потом большевики на этом основании постоянно обвиняли махновцев в бесхозяйственности — потеряли вагоны с кожей: «Когда у нас опять пытались отобрать какие-нибудь запасы, мы неизменно отвечали:

— Ну, это опять — кожа. Лучше мы сами вас снабдим»^{334}. Для большевиков было принципиально важным монополизировать снабжение в своих руках.

6. Разрыв

Развитие первого союза Махновского движения и центрального Советского правительства входило в полосу кризиса.

Дело было даже не в Махно, а в общем кризисе военного коммунизма на Украине. Крестьянство и даже рабочие были разочарованы произволом, продразверсткой и совхозами.

В условиях множащихся восстаний большевики не были расположены к тому, чтобы мириться с самостоятельностью махновцев. Еще 6 апреля «Известия» положительно отозвались о Махно, но 25 апреля в Харьковских «Известиях» появилась статья «Долой махновщину», в которой говорилось: «Повстанческое движение крестьянства случайно попало под руководство Махно и его “Военно-революционного штаба”, в котором нашли себе пристанище и бесшабашно анархистские, и бело-левоэсеровские, и другие остатки “бывших” революционных партий, которые разложились. Попав под руководство таких элементов, движение значительно утратило силу, успехи, связанные с его подъемом, не могли быть закреплены анархичностью действий...Безобразиям, которые происходят в “царстве” Махно, нужно положить конец»^{335}.

10 апреля махновцы собрались на свой III районный съезд в Гуляйполе. На него съехались делегаты уже 72 волостей Александровского, Мариупольского, Бердянского, Бахмутского и Павлоградского уезда и частей махновской бригады.

Делегаты с гордостью писали в своей резолюции, что провели съезд «без давления какой бы то ни было политической партии». Делегаты были настроены резко критически к «захвату власти политической партией коммунистов-большевиков», «проводящей свою преступную по отношению к социальной революции и трудящимся массам политику». Съезд протестовал «против реакционных приемов большевистской власти, проводимых комиссарами и агентами чрезвычай, расстреливающих крестьян, рабочих и повстанцев под всякими предлогами...»^{336}.

Съезд выдвинул также демократическую программу: «Мы требуем немедленного удаления всех назначенных лиц на всевозможные военные и гражданские ответственные посты; протестуем против всякой системы назначенчества, т. к. их действия носят характер полной измены социальной революции. Мы требуем проведения правильного и свободного выборного начала...

Мы требуем социализации земли, фабрик и заводов...

Мы требуем изменения в корне продовольственной политики, замены реквизиционного отряда правильной системой товарообмена между городом и деревней и насаждения широкой сети обществ потребителей и кооперативов и полного упразднения частной торговли...

Требуем полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т. е. партиям и группам, и неприкосновенности личности работников партий, революционных организаций и вообще трудового народа»^{337}.

Начдив Дыбенко прислал Махно телеграмму: «Всякие съезды, созванные от имени распущенного согласно сего приказа Гуляйпольского военно-революционного штаба, считаются явно контрреволюционными, и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона»^{338}.

Делегаты ответили комдиву и официальной резолюцией протеста, и письмом, которое по стилю напоминало письмо казаков турецкому султану. После насмешливых разъяснений относительно истории движения и его съездов делегаты пишут: «Вы, “товарищ” Дыбенко, как видно, молоды в революционном движении на Украине. Ну что же, познакомим вас с ним, а вы, познакомившись, быть может, исправитесь немного». Намекая на слабость позиции РКП(б) в Приазовье, махновцы продолжают: «если большевистская идея будет иметь успех, то военно-революционный совет, с точки зрения большевиков, организация явно контрреволюционная, заменится другой, “более революционной” большевистской организацией. А покамест не мешайте нам, не насилуйте нас»^{339}.

15 апреля член РВС Южного фронта Г. Сокольников, проконсультировавшись с РВС Украинского фронта, предложил Троцкому устранить Махно от командования^{340}.

Одновременно в район, контролировавшийся махновцами, попали процитированные выше харьковские «Известия» со статьей, которая особенно возмутила Махно. 29 апреля он приказал задержать часть комиссаров, решив, что большевики готовят нападение на махновцев: «Пусть и большевики у нас посидят, как сидят в казематах Чека наши», — говорил он Белашу, ссылаясь на решение Союза анархистов и «Набата»^{341}. В тех полках, где комиссары смогли наладить нормальные отношения с комсоставом и бойцами, это указание было проигнорировано^{342}. Другие комиссары побежали из района. В зоне расположения красных частей они столкнулись с командующим Украинским фронтом В. Антоновым-Овсеенко. Тут же к комфронту пришло приглашение Махно посетить Гуляйполе. Командующий направился в самое «логово мятежников».

* * *

Владимир Алексеевич Антонов-Овсеенко сталкивался с

анархизмом не впервые, и не в последний раз. В революционном движении он участвовал с 1901 г., когда еще учился в пехотном училище. Во время Первой русской революции В. Овсеенко участвовал в вооруженных столкновениях в Польше и Севастополе, был схвачен и приговорен к смертной казни. Ее заменили 20 годами каторги, с которой, он (уже под псевдонимом Антонов) бежал и оказался в эмиграции, где занялся журналистикой, был близок к меньшевикам. Но в 1914 г. заявил о солидарности с большевиками по вопросу о войне, и в мае 1917 г. вступил в большевистскую партию в Петрограде. Антонов-Овсеенко проявил хорошие организаторские способности, ладил и с солдатской, и с матросской вольницей. Стал секретарем Петроградского военно-революционного комитета, был одним из руководителей восстания в Петрограде. Брал Зимний. Именно он арестовал Временное правительство. В своей революционной деятельности Антонов-Овсеенко часто сотрудничал с анархистами. Вплоть до 30-х гг. Антонов-Овсеенко с симпатией относился к «честным анархистам», тепло отзывался в своих мемуарах даже о Махно. Последний раз Антонов-Овсеенко сотрудничал с анархистами, будучи советским консулом в Барселоне в разгар Испанской гражданской войны в 1936-1937 гг. А в 1919 г. Антонов-Овсеенко отвечал за Украинский фронт и понимал, что без согласия с Махно этот фронт может рухнуть.

Интересно, что одновременно с визитом Антонова-Овсеенко в махновский штаб красные пытались выяснить точное расположение махновских частей — вероятно, для удара по ним. Но нападение было невозможно, пока в гостях у Махно был Антонов-Овсеенко. Вот запись телефонных переговоров махновского и красного штабов:

«Бишиле: Прошу сообщить, у вас ли сейчас комфронт Антонов и не известно ли, когда он выедет?

Богословский: Вы мне уже надоели (Очевидно, это далеко не первый звонок из штаба красных за время пребывания Антонова-Овсеенко в штабе Махно. — *А.Ш.*), против моего окна сидит, с батькой Махно беседует.

Бишиле: А не известно ли, когда он выедет?

Богословский: Тогда сам сообщу».

Затем дежурный секретарь Бишиле связался с начальником штаба 3-й бригады Веретельниковым.

«Веретельников: У аппарата начштаба Веретельников, что нужно?

Бишиле: У аппарата дежурный секретарь Бишиле. Прошу дать сейчас же самые точные сведения о расположении частей вашей бригады.

Веретельников: Я не могу сказать, не нахожу возможным передать это без “маяка”.

Бишиле: Мне приказано получить сведения во что бы то ни стало и уклончивые ответы в расчет не принимать. Так как в противном случае вы будете подлежать суду военного трибунала как не...

Веретельников: Не нахожу нужным отвечать такому дураку, как вы, который требует сведений без шифра.

Бишиле: Прежде всего долг вежливости требует выслушать человека до конца, а потом уже выводить свои глубокие умозаключения. К вам уже...

Веретельников: Ваш долг вежливости не велит вам пугать меня, я уже пуган».

Угроза трибуналом не помогла заставить анархиста нарушить порядок передачи секретной информации.

Бишиле не сдавался, информация нужна «во что бы то ни стало» и немедленно. Поэтому он идет на откровенную ложь:

«Бишиле: К вам уже десятки раз обращались с подобными просьбами и всегда получали ответы подобно вашему: мы, мол, сейчас без шифра дать не можем, зашифруем и пришлем, но несмотря на это, мы ни разу сведений не получали».

Это не соответствует действительности. С 11 по 28 апреля, в период боев за Волноваху и Мариуполь, штаб 2-й армии получил 18 сообщений о расположении 3-й бригады. На момент затишья после успешных для бригады действий согласно переданному в штаб донесению она занимала позицию Доля — Еленовка — Александровское — Ново-Николаевское — Игнатьевка — Павлополь — Мариуполь^{343}. Бишиле и стоящее за ним руководство интересуют передвижения бригады за последние два дня, хотя на фронте спокойно. Впрочем, секретарь и сам уже понял все неудобство своего положения и начал говорить нечто маловразумительное:

«Желая предупредить подобный случай, я хотел поставить вас в известность о последствиях, дабы получить наконец от вас сведения, не в зашифрованном виде я от вас потребовал, так как сам отлично понимаю, что сведения должны быть зашифрованы. В следующий раз не выводите такие быстрые заключения, так как сами окажетесь на этом положении...»

Итог этих переговоров подвел Веретельников: «Сведения будут шифрованной телеграммой, а по аппарату мы не можем дать таких сведений»^{344}.

Между тем более важные переговоры проходили 29 апреля между Махно и Антоновым-Овсеенко. Прибыв в Гуляйполе, командующий, к

удивлению своему, был встречен почетным караулом и дружным «Ура!». После краткой инспекции, в ходе которой командующий фронтом обнаружил, что «Махно и его штаб живет крайне скромно; бандитизма незаметно»^{345}, Антонов-Овсеенко провел с комбригом беседу. Она помогла урегулировать возникшие недоразумения. «Преследования политкомиссаров? Изгнание их?! Ничего подобного! Только нам надо бойцов, а не болтунов. Никто их не гнал, сами поутикали... Конечно, у нас много идейных противников ваших, так давайте спорить», — говорил Махно командующему^{346}. После этих переговоров Махно принял комиссаров назад, но командующий признавал, что «наши политработники в частях Махно слабы, трусливы и не могут противостоять... вредным элементам»^{347}.

В ходе разговора Антонов-Овсеенко пришел к выводу, что «сам Махно, главные его боевые работники и его полки проникнуты желанием сломить контрреволюционное казачество и офицерство»^{348}.

Махно даже осудил наиболее резкие положения резолюций съезда советов района, обещал препятствовать выборности комсостава, которого (видимо, ввиду заразительности примера) так опасались в соседних частях РККА. Тем более, что командиры уже были выбраны, и менять их в это время никто не собирался. По утверждению Махно, и органы самоуправления (полковые комитеты) в повстанческой армии были «сведены на роль хозяйственных комиссий»^{349}. Неприятие большевиками солдатского самоуправления было вызвано тем, что они привыкли видеть в нем рычаг разложения армии, коим сами пользовались в 1917г. К тому же самоуправление в армии препятствовало использованию крестьян в шинелях против крестьян в чапанах.

Но, пойдя на некоторые уступки, батяка выдвинул новую, принципиально важную идею, которая могла бы примирить две стратегии революции: «До решительной победы над белыми должен быть установлен революционный фронт, и он (Махно — А.Ш.) стремится не допускать междоусобиц между различными элементами этого революционного фронта»^{350}. Это уже не рассуждение об укреплении тактического союза (по типу «кто кого переиграет»), и не предложение простой коалиции. Открывалась возможность сосуществования в рамках системы советской власти различных революционных политических течений. Они опирались бы не на добрую волю сильного партнера, а на собственные силы, в том числе и военные, строили бы новое общество в соответствии со своими принципами и волей местного населения, решали бы вопросы общего значения путем диалога, а не приказа.

Идея «единого революционного фронта против контрреволюции» была доложена Антоновым-Овсеенко Раковскому и Подвойскому^{351}. Идея оказалась на редкость жизнеспособной, потому что давала реальное решение одной из основных проблем революционного процесса — проблемы монополизма власти. Идея единого фронта революционных сил будет использоваться в политике Коминтерна, с новой силой возродится в форме Народного Фронта 30-х гг. и окажет большое воздействие на ход Испанской революции.

Махно добивался также освобождения украинских анархистов из заключения Чека^{352}, но решение этого вопроса было отложено. Были ликвидированы большевистские военные комендатуры на территории района^{353}. Антонов-Овсеенко добился также поставки необходимых махновцам медикаментов, денежных средств и даже некоторого количества оружия^{354}. 1 мая бригада была выведена из подчинения дивизии Дыбенко и подчинена формирующейся 7 дивизии, которая так и не стала реальным формированием. Фактически не только 7 дивизия, но и вся 2 армия состояли из бригады Махно и нескольких полков, значительно уступавших ей по численности. В политсводке Украинского фронта за 6-7 мая была упомянута «7 стрелковая дивизионная бригада Махно»^{355}. Это неточное наименование во всяком случае характеризовало спокойное отношение штаба Украинского фронта к переформированию бригады в дивизию в этот момент.

4-5 мая махновский район посетил член Политбюро ЦК РКП(б) и член Президиума ВЦИК РСФСР Лев Каменев. Несмотря на внешние признаки единства, он требовал ликвидировать политические органы движения и прежде всего ВРС. Стало ясно, что идея революционного фронта не пришлась ко двору. После посещения Махно Каменев публично заявил, что «все слухи о сепаратистских и антисоветских планах бригады повстанцев тов. Махно ни на чем не основаны». Но в действительности Каменев был настроен иначе. В послании Ленину он сообщал: «полагаю, что Махно не решится сейчас же поддержать Григорьева, но почва для выступления там вполне подготовлена»^{356}.

* * *

Новый повод к нарастанию взаимного недоверия подал атаман Григорьев, поднявший 6 мая мятеж на правобережной Украине. Накануне мятежа Григорьева уполномоченный ЦК КП(б)У Я. Гамарник докладывал, что обстановка у Григорьева гораздо благополучнее, чем у Махно^{357}.

Еще бы — сам Григорьев! Победитель Антанты, Советское командование предложило Григорьеву план вторжения в Румынию. Учитывая, что боеспособность румынской армии была невелика, Советские войска могли в 1919 г. вторгнуться в Европу, соединиться с Венгерской красной армией и с Юга войти в раздираемую гражданской войной Германию. Головокружительная перспектива для мировой революции. И на острие главного удара — Григорьев. Есть от чего заболеть «звездной болезнью». Но большевики не доверяли националисту Григорьеву, при штабе которого агитировали украинские левые эсеры — боротьбисты. Лучше всего было бы «сплавить» его в Румынию. Григорьев постепенно становился враждебным большевистской политике. Он видел бедствия крестьянства и злоупотребления большевистских комиссаров. Взгляды Григорьева были националистическими, и он считал, что во всем виноваты евреи, пробравшиеся в большевистское руководство. Настроения в григорьевском лагере были классическим вариантом явления, которое А. Грациози назвал «стихийным национал-социализмом»¹⁰. Григорьев колебался — то ли взяться защищать неньку Украину от большевиков, то ли стать новым Наполеоном в борьбе с Антантой. Нарком просвещения В. Затонский удивлялся, почему задумавший мятеж Григорьев принимал у себя Антонова-Овсеенко «и дал ему спокойно уехать, не рискнувши и не догадавшись захватить в плен или пристрелить его»^{358}. Но в том-то и дело, что Григорьев ни на что еще не решился. Он стоял перед выбором.

7 мая Григорьев получил приказ атаковать румынскую армию, занявшую Бессарабию. Но еще 4 мая григорьевцы начали погромы евреев и комиссаров. Командование требовало от Григорьева немедленно «прекратить безобразия». Атаман встал перед тяжелым выбором: или продолжать идти вместе с большевиками, против которых уже выступила часть его армии, или сохранить единство армии, присоединившись к восстанию против большевиков, которым он тоже не сочувствовал. Преодолев колебания, он решил быть со своими солдатами. 8 мая был издан «Универсал» Григорьева, который призывает к восстанию и созданию новой советской республики на Украине путем переизбрания всех советов на основе системы национального представительства — украинцам 80%, евреям — 5%, остальным — 15%.^{359} В.Ф. Солдатенко даже упрекает Григорьева в

¹⁰ Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918-1919 годы. М., 1997. Справедливо подметив на Украине раннефашистские тенденции, А. Грациози увлекается, проводя прямые параллели с позднейшим нацизмом — прежде всего в жестокостях антисемитизма. Но антисемитизм не является сущностью нацизма и отличает не только это явление. Радикальный национализм и безо всякого «социализма» склонен к ксенофобии и этническим чисткам.

«отрицании всякой государственности вообще», дабы подтвердить свою мысль о близости взглядов Григорьева и Махно. Но В.Ф. Солдатенко не приводит каких-то заявлений Григорьева, которые бы отрицали государственность. Напротив, Григорьев прямо говорил о необходимости создать новое правительство^[360].

Но то теория, а на практике григорьевцы массами убивали евреев и русских. 16 тыс. григорьевцев стали наступать по расходящимся направлениям, что распылило и без того небольшие силы, но расширило охват восстания почти на все правобережье (севернее уже с апреля партизанил Зеленый и другие атаманы). Восставшие заняли Александрию, Кременчуг, Черкассы, Умань, Елисаветград, Екатеринослав, вплотную приблизившись к территории «Махновии».

Красным пришлось срочно перебрасывать силы на образовавшийся «григорьевский фронт». На их стороне действовали и анархисты — в частности бронепоезд матроса Железняк. А вот часть войск, направленных против Григорьева, стала митинговать — не следует ли присоединиться к атаману.

14-15 мая красные перешли в контрнаступление от Киева, Одессы и Полтавы, громя распыленные силы Григорьева. В ночь на 22 мая на станцию Александрия, где базировался штаб Григорьева и его резервы, ворвался красный бронепоезд имени Руднева и устроил там полный разгром^[361].

Во второй половине мая от григорьевцев были очищены все взятые ими города. Можно согласиться с биографом Н. Григорьева В. Савченко в том, что «Григорьев оказался бездарным фельдфебелем, не умевшим ни спланировать военную операцию, ни предвидеть последствия своих действий и к тому же постоянно находившимся в состоянии антисемитского ража»^[362]. Главная угроза григорьевского восстания заключалась в том, что к нему присоединялись состоявшие из украинцев красные части. Больше всего большевики в этот момент боялись, что «детонирует» Махно.

Телеграмма Каменева к Махно по поводу выступления Григорьева выдает явное недоверие к «батько»: «Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный момент — или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров — Вашу, Аршинова, Веретельникова и др. Каменев №277»^[363].

Попытка Каменева, воспользовавшись экстремальной ситуацией, заставить Махно беспрекословно довериться центральным властям, успехом не увенчалась — батка ответил довольно двусмысленно: «Честь и достоинство революционера заставляют нас оставаться верными революции и народу, и распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас оставить фронт»^{364}.

12 мая Махно собрал «военный съезд», то есть совещание командного состава, представителей частей и политического руководства движения, дабы решить вопрос об отношении к Григорьевскому выступлению.

По воспоминаниям В. Белаша Махно говорил: «Большевистское правительство Украины опекает трудящихся. Оно наложило свою руку на все богатство страны и распоряжается им, как собственностью государства. Партийная бюрократия, этот вновь вернувшийся на нашу шею дворянский привилегированный класс — тиранит народ. Они издеваются над крестьянами, узурпируют права рабочих, свободно не дают дышать повстанчеству. Издевательство над нами и григорьевцами большевистского командования, тирания Чека против анархических и эсеровских организаций — все говорит за возврат к прошлой деспотии»^{365}.

Несмотря на то, что Махно в своей речи провел аналогию между григорьевским и своим движениями, оснований для разрыва с красными у него было недостаточно, а визиты Антонова-Овсеенко и Каменева давали некоторые надежды на сохранение союза. Совещание решило «оружием протестовать против Григорьева немедленно» и «сохранить дружественные связи с большевиками». Это же совещание «под шумок» приняло решение развернуть бригаду в дивизию и начать (в соответствии с договоренностью Махно и Антонова-Овсеенко) переговоры с советским правительством о предоставлении автономии Мариупольскому, Бердянскому, Мелитопольскому, Александровскому, Павлоградскому и Бахмутскому уездам — то есть махновскому району и его ближайшей периферии^{366}.

Одновременно с этим Махно послал в район мятежа своих эмиссаров для прояснения положения. Это было воспринято как попытка наладить союз с Григорьевым, «лазутчики» были задержаны большевиками, что оттянуло окончательное определение махновцами своего отношения к Григорьеву до конца мая. Эмиссары Махно были вскоре отпущены и сумели ознакомиться с результатами григорьевских налетов — трупами жертв еврейских погромов. Одновременно к Махно попало воззвание Григорьева, которое было расценено им как шовинистическое.

В своем воззвании «Кто такой Григорьев» Махно пишет об «Универсале» восставшего комдива: «Братья! Разве вы не слышите в этих словах мрачного призыва к еврейскому погрому! Разве вы не чувствуете стремление атамана Григорьева порвать живую братскую связь революции Украины с революцией России? ...Мы уверены, что здоровое чутье революционера подскажет им (пошедшим за Григорьевым бойцам. — А.Ш.), что Григорьев обманул их, и они уйдут от него вновь под знамена революции»^{367}.

Однако Махно не был бы собой, если бы снова не встал в «третью» позицию: «Мы должны сказать, что причины, создавшие все движение Григорьева, заключаются не только в самом Григорьеве... Всякое сопротивление, протест и даже самостоятельное начинание душились чрезвычайными комиссиями... Это создало в массах озлобление, протест и враждебное настроение к существующему порядку. Этим воспользовался Григорьев в своей аванюре.., требуем к ответу коммунистическую партию за Григорьевское движение»^{368}. Еще более категорична была анархистская пресса района: «Ни для кого не секрет, — писал Я. Алы в газете “Набат”, — что вся деятельность большевистской партии направлена лишь на то, чтобы удерживать в руках своей партии власть и не давать другим течениям возможность проповедовать свои идеи...» Комиссары «своей неумелостью, своим властным духом восстановили повстанцев против большевиков и дали черносотенцам козырь в руки... Только неумелая и антиреволюционная политика большевистской власти могла дать возможность Григорьеву и его компании использовать недовольство масс и повести их на черное, предательское дело»^{369}.

* * *

Выступление Махно против Григорьева уже не могло изменить позицию большевистского руководства в отношении повстанцев. Поводом к новому резкому обострению отношений стало развертывание 3-й бригады в дивизию. Парадоксальная ситуация, когда бригада составляла большую часть армии, мешала и соответствующему снабжению, и взаимодействию командования с огромной «бригадой», и управлению ее частями. Предварительная договоренность о преобразовании бригады в дивизию была достигнута еще с Антоновым-Овсеенко. 9 мая заместитель наркомвоена Украины Межлаук телеграфировал в штаб 2 армии: «против переформирования бригады Махно в дивизию препятствий не имею»^{370}. Скачко одобрил переформирование. Правда, на следующий день в беседе по прямому

проводу со Скачко Межлаук взял свое согласие назад^{371}.

«Военный съезд» 12 мая провозгласил переформирование 3-й бригады в 1-ю повстанческую дивизию под командованием Махно. 16 мая РВС объявил, в соответствии с предыдущими договоренностями, о ее преобразовании в 1-ю Повстанческую дивизию. Это решение было еще относительно скромным. Мотивируя его, заместитель начальника штаба махновцев В. Белаш утверждал: «наши силы достигают 50 000 бойцов, и участок, нами занимаемый, длиннее участка 13 кр. армии или 8-й... По штату Красной армии мы имеем право на Армию...» Скачко оценивал численность дивизии Махно 20 мая в 20 тыс. штыков и 2 тыс. сабель^{372}. По махновским данным 23 тысячи бойцов были вооружены, остальные находились в резерве^{373}. Полки «бригады» сами имели структуру и численность бригад. Так, бригада Куриленко в составе «бригады» Махно имела 7300 штыков, 300 сабель и пулеметную команду в 250 бойцов^{374}.

В это время махновцы наступали, заняв Кутейниково в тылу белых. Однако над новой дивизией, которая фактически составляла собой всю 2-ю армию, сгущались тучи. За пределами «Махновии» о ней стали распространяться самые ужасные слухи, которые пришлось опровергать комиссару Петрову в послании наркомвоену Украины: «У вас носят нелепые слухи. Якобы т. Колосов и все политкомы, находящиеся в войсковых частях т. Махно, расстреляны. Считаю нравственным долгом заявить через посредство вас в печати, что это явная провокация, исходящая, как видно, от контрреволюционеров, пользующихся случаем Григорьевской авантюры столкнуть советские круги с т. Махно и войсковыми частями»^{375}. Петров пытался убедить руководство, что новая дивизия и дальше будет служить советской власти: «Настроение очень хорошее, массовые наплывы добровольцев в ряды крестьянской армии... Есть дефекты, но они постепенно сглаживаются и должны постепенно отойти в область предания для будущей истории»^{376}. Но отношение к махновцам определялось уже не представлениями об их боеспособности. Махно все более расценивался как потенциальный противник, а противник тем лучше, чем слабее.

22 мая прибывший на Украину Троцкий по согласованию с РВС Южного фронта телеграфировал: «произвести радикальный перелом в строении и поведении войск Махно, истребовав для этого из Козлова (штаб Южного фронта — *А.Ш.*) необходимое число политработников и командирского состава. Если в двухнедельный срок окажется невозможным произвести этот перелом, то РВС 2-й Армии должен войти с рапортом об открытом сопротивлении Махно. Развертывать

непокорную, недисциплинированную бригаду в дивизию под тем же командованием есть либо предательство, либо сумасшествие. Во всяком случае, подготовка новой Григорьевщины»^{377}.

25 мая на заседании Совета рабоче-крестьянской обороны Украины под председательством Х. Раковского обсуждался вопрос «Махновщина и ее ликвидация». Было решено «ликвидировать Махно» силами полка^{378}.

Причиной активизации действий против Махно несомненно был страх повторения григорьевщины. Большевикам казалось, что неизбежный мятеж Махно развалит фронт также, как Григорьев по существу взорвал выстраивавшийся фронт против Румынии. Большевистские умы не учитывали то, что фронт уже разваливается по другим причинам, и действия против Махно могут попросту открыть дорогу Деникину на Украину.

26 мая в адрес РВС 2-й армии пришла сердитая телеграмма командующего Южным фронтом Гиттиса, педантичного офицера с дореволюционным стажем: «Утверждение сверху самочинно создавшейся дивизии реввоенсовет признает шагом назад в намеченной линии поведения и потому считает невозможным»^{379}. 27 мая заместитель наркома военных сил УССР В. Межлаук докладывал наркому Н. Подвойскому: «Неприятие своевременных мер обещает повторение Григорьевской авантюры, которая будет опасна ввиду огромной популярности Махно среди крестьянства и красноармейцев»^{380}. Теперь популярность союзных движений среди местного населения становилась источником смертельной угрозы для большевистского режима. В ходе наращивания антикрестьянской политики (особенно — после введения продразверстки на Украине в апреле) коммунисты стали воспринимать союзника как большую опасность, чем военный противник.

Узнав о намерениях командования, Махно 28 мая заявил, что готов сложить с себя полномочия: «Я больше сделаю в будущем в низах народа для революции — я ухожу»^{381}. Но штаб махновской дивизии постановил:

«1) настоятельно предложить т. Махно остаться при своих обязанностях и полномочиях, которые т. Махно пытался было сложить с себя; 2) все силы махновцев преобразовать в самостоятельную повстанческую армию, поручив руководство этой армии т. Махно. Армия является в оперативном отношении подчиненной Южному Фронту, поскольку оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта»^{382}. В ответ на этот шаг РВС Южного фронта принял решение об аресте Махно и предании его

суду ревтрибунала.

* * *

Об этом было объявлено, когда сам Южный фронт начал разваливаться. Чтобы понять ситуацию в войсках, противостоящих Деникину, обратимся к состоянию соседней с махновцами 13-й армии. Вот что докладывал командир одного из ее полков: «Довожу до сведения, красноармейцы категорически заявляют, что мы дольше действовать не можем, потому что мы во-первых голодные, во-вторых босые, раздетые, нас насекомые заели, потому что мы с первого восстания нашей организации до сих пор не получили ничего.

Просим вас принять самые энергичные меры, если не будет смены, то мы самовольно бросаем указанные нам позиции и следуем в тыл»^{383}. Угрозами дело не заканчивалось: «Дезорганизованные части дезертировали с фронта, шайками бродили в прифронтовой полосе, грабя и убивая друг друга, устраивали охоты и облавы на комсостав и комиссаров»^{384}.

24 мая белые совершили прорыв в центре Южного фронта на участке 9-й армии и ринулись навстречу казачьему восстанию с центром в станице Вешенской. Тыл красных, разъедаемый восстаниями, дезертирством, холодной враждебностью уставших от продразверстки крестьян, не выдержал. Голодные, босые, плохо вооруженные армии начали бросать позиции.

Один из первых ударов был нанесен по стыку махновцев и 13-й Красной Армии. 19 мая, в разгар конфликтов между союзниками, кавалерия Шкуро прорвала фронт. Соседняя 9-я дивизия РККА оказать сопротивления не смогла. Махновцы противопоставили конной массе белых атаку со штыками наперевес — патронов не было. Легко отбив наскок этих «копьемосцев», Шкуро не решился все же углубляться в махновский район и развернулся во фланг и тыл 13-й армии, которая стала разваливаться. Но Махно держал фронт. 21 мая он еще был в Волновахе^{385}. В это время под его командой сражались 1-й ударный полк, 3-й резервный полк, 5, 7, 8, 9 полки, два мариупольских полка, 1 донской кавалерийский полк, три отдельных батальона, автоотряд, артиллерийский дивизион, отдельный эскадрон^{386}. Еще два полка Махно отдал в Крым Дыбенко.

Прекращение распрей в этот трагический момент еще могло спасти положение хотя бы на этом участке фронта. Махно призывал к восстановлению единства: «Необходима сплоченность, единение. Только при общем усилии и сознании, при общем понимании нашей

борьбы и наших общих интересов, за которые мы боремся, мы спасем революцию... Бросьте, товарищи, всякие партийные разногласия, они вас погубят»^{387}.

31 мая ВРС объявил о созыве IV съезда советов района. Предлагалось выбрать на собраниях трудящихся по одному делегату от 3 тысяч населения, причем с равной долей представительства от рабочих и крестьян. Военные части и партии могли послать по одному представителю от подразделения (полк, дивизион, штаб, уездный комитет). ВРС постановлял: «посылаемых делегатов на съезд снабжать наказами для более точного выражения подлинной воли крестьян и рабочих...»^{388} Повестка дня съезда была заурядной и практически повторяла вопросы, которые рассматривали предыдущие съезды^{389}.

Центр расценил решение о созыве нового «несанкционированного» съезда как очередную контрреволюционную вылазку. Возможно, паническая реакция на созыв съезда была связана с опасениями того, что Махно провозгласит на нем независимую республику^{390}. Настораживала и разосланная накануне из штаба дивизии телеграмма «ко всем партизанам и сторонникам выборного начала, чтобы они явились со всем своим имуществом, в какой (бы) части красной армии (ни) находились»^{391}.

3 июня командующий Южным фронтом В. Гиттис отдал приказ о начале ликвидации «махновщины» и об аресте Махно^{392}. 4 июня Реввоенсовет Украины постановил: «Означенный съезд целиком направлен против Советской власти на Украине и против организации Южного фронта, в состав которого входит бригада Махно. Результатом съезда может быть только безобразный мятеж в духе григорьевского и открытие фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно неизменно отступает в силу неспособности, преступности и предательства своих командиров»^{393}. Созыв съезда, конечно, не мог быть причиной выступления большевиков против Махно — ведь это был отнюдь не первый такой съезд. Просто красное командование считало, что настал подходящий момент для разгрома «махновщины».

Командование недооценивало серьезности положения. Казалось, что наступление белых — эпизод, с которым легко удастся справиться.

2 июня предреввоенсовета Л. Троцкий дал такой «анализ» махновского движения: «Поскобли махновца — найдешь григорьевца. А чаще всего скоблить-то не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак и мелкий спекулянт откровенно торчит наружу»^{394}. Троцкий рисует такую картину: «Никакого намека на порядок и дисциплину в этой армии не найти. Никакой организации снабжения... Сражается эта “армия” тоже по вдохновению. Никаких

приказов она не выполняет. Отдельные группы наступают, когда могут, т. е. когда нет серьезного сопротивления, а при первом крепком толчке неприятеля бросаются в рассыпную, сдавая малочисленному врагу станции, города и военное имущество»^{395}. Так при активном участии Троцкого оттачивались методы коммунистической агитации, основанные на шельмовании противника. Когда эти методы обернутся против Троцкого, он назовет их «сталинской школой фальсификаций». Вывод Троцкого категоричен: «с этим анархо-кулацким развратом пора кончить, кончить твердо, раз навсегда, так, чтобы никому больше понятно не было!»^{396}. Сказано — сделано, 3 июня Троцкий издает приказ о ликвидации махновщины:

«1. Первейшей задачей 2-й Украинской армии является разрушение военной организации махновцев, причем эта задача должна быть разрешена не позже 15 июня.

2. С этой целью при содействии Реввоенсовета 2-й Украинской армии открывается немедленно широкая агитация против махновщины с целью подготовить общественное мнение армии и рабочих масс к полной ликвидации “армии” Махно»^{397}. Решение Предреввоенсовета удивительно — в момент начавшегося генерального наступления открытого врага он ставит задачу разрушения военной структуры союзника. Но в том-то и дело, что махновцы казались опасней деникинцев.

Выполнение этой задачи возлагалось на нового командующего 2-й Украинской Армией (переименована в 14-ю армию) К. Ворошилова (А. Скачко, предлагавший нормализовать отношения с Махно, был смещен с поста^{398}). Вот мнение нового командарма: «Момент ликвидации этого гнойника самый удобный. Наша беда — отсутствие регулярных частей, которыми нужно занять махновский фронт и ликвидировать остатки банд. Полное отсутствие снаряжения, вооружения и даже продовольствия в 14-й армии лишает возможности сколачивать на месте из рабочих надежные батальоны. Состояние фронта требует экстренных мер. Нужно хоть одну регулярную дивизию для очищения всего Донбасса»^{399}. Одну дивизию для очищения Донбасса. В этот момент белые дивизии выбивали целые армии из последних донецких городов. Особо благоприятствовал выполнению плана Троцкого и Ворошилова новый натиск белых на махновские позиции. Разгромив 13-ю, 8-ю, 9-ю, 20-ю и 18-ю армии, белые обратились к «Повстанческой армии им. тов. Махно». «Махно еще держался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия»^{400}. По справедливому замечанию В. Голованова, «когда выяснилось, что опасность отнюдь не в махновщине, что никакого мятежа нет, а есть провал фронта, за

который придется отвечать лично и по всей строгости военного времени, Махно сначала захотели заставить сражаться, а потом просто стали валить на него, что ни попадя — чтоб виноватым вышел “чужой”»^{401}. В условиях, когда все силы махновцев были брошены на фронт, сопротивляться натиску красных частей с тыла было невозможно. Махно заявил об уходе в отставку, призвав своих бойцов сражаться под началом красного командования.

Любопытно, что по утверждению жены Махно Галины Кузьменко, 4 июня Ворошилов встретился с Махно и произвел акт награждения его орденом Красного знамени^{402}. Это плохо вяжется с ситуацией, но Махно и Ворошилов действительно встречались в начале июня. Махно мог быть представлен к недавно изобретенному ордену раньше, а Ворошилов, уже думавший о разгроме махновщины, мог произвести награждение в порядке рутины, «задабривания» или усыпления бдительности. Впрочем, документальных подтверждений награждения нет.

6 июня Махно направил телеграмму Ленину, Троцкому, Каменеву и Ворошилову, в которой говорилось: «Пока я чувствую себя революционером, считаю своим долгом, не считаясь ни с какой несправедливостью, обличающей меня в нечестности к нашему общему делу Революции, предложить немедленно же прислать хорошего военного руководителя, который ознакомившись при мне на месте с делом, мог бы принять от меня командование дивизией. Считаю, что должен сделать это (как) революционер, ответственный за всякий несчастный шаг по отношению к Революции и народу, когда его обличают в созыве съездов и подготовке какого-то выступления против Советской Республики»^{403},

Получив эту телеграмму, Троцкий сообщил свое мнение Ворошилову и Межлауку: «Было бы величайшей ошибкой идти на какой бы то ни было компромисс, т. е. принимать какое-либо посредничество, идти на какие бы то ни было уступки. Капитуляцию Махно нужно записать на приход, а дальше действовать со всей энергией в борьбе с Махновщиной»^{404}.

9 июня собралось совещание штаба дивизии, ВРС и Союза анархистов. Было выдвинуто три варианта действий: уйти за Днепр на соединение с Григорьевым; сдать части красным и уйти в подполье на территории, занятой Деникиным; продолжать сражаться с белыми, игнорируя действия большевиков: «пусть Чека расстреливает, но мы из фронта никуда не уйдем»^{405}.

Махно остановился на втором варианте. В тот же день он отправил телеграмму Ленину, Каменеву, Зиновьеву, Троцкому, Ворошилову

(телеграмма дошла по адресам, 10 июня с ней ознакомился Ленин^{406}). В ней он подвел итог своим взаимоотношениям с коммунистическим режимом. Он высказал свое мнение о причинах *крушения* союза махновцев и центральной советской власти:

«Я считаю неотъемлемым революцией завоеванным правом рабочих и крестьян самим устраивать съезды для обсуждения и решения как частных, так и необходимых дел своих. Поэтому запрещать такие съезды центральной властью, объявлять их незаконными (приказ № 1824) есть прямое, наглядное нарушение прав трудящихся.

Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что Центральная государственная власть считает все повстанчество несовместимым с своей государственной деятельностью. Попутно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мною и всю вражду к повстанцам переносит на меня...

Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центральной власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления... Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления, считаю уход мой с занимаемого поста.

Думаю, что после этого центральная власть перестанет подозревать меня, а также все революционное повстанчество в противосоветском заговоре и серьезно по революционному отнесется к повстанчеству на Украине, как живому, активному детищу массовой социальной революции, а не как к враждебному стану...» Махно покидает командование частями, потому что «Центральная власть считает повстанчество связанным со мною, и существующая вражда и неприязнь центральной власти к повстанчеству переносится главным образом на меня». Но поскольку корни конфликта лежат гораздо глубже персонального противостояния, последствия большевистской политики в отношении восставшего крестьянства проявятся и после ухода Махно. На это обращает внимание и он сам:

Политика большевиков «с фатальной неизбежностью ведет к кровавым событиям в середине трудового народа, созданию среди трудящихся особенного внутреннего фронта, обе враждующие стороны которого будут состоять только из трудящихся и революционеров»^{407}.

Махно не вспоминает о том, что этот «особенный внутренний фронт» уже возник с началом широкомасштабной гражданской войны в России в 1918 г. Ведь в Комуче тоже лидировали революционеры. Но батя по-прежнему считает всех противников советской власти (в своем понимании этого словосочетания) врагами трудящихся.

Письмо Махно — признание крушения его политической стратегии этого периода и в то же время — свидетельство политической мудрости. Не в пример многим военным лидерам того времени из антибольшевистского стана, Махно понимал, что коммунистическая партия смогла мобилизовать на свою сторону радикальные массы России, и противостоять этой силе, пока сильно белое движение — значит помогать реакции. Махно и сам был частью этих радикальных масс, и он стремился вплоть до победы над белым движением идти вместе с большевиками, лишь сохраняя автономию своего района, защищая его от неприемлемых для крестьян мер большевиков и проводя демократическую корректировку их курса. Но коммунистическая партия не собиралась принимать такие «правила игры», и даже перед лицом военной угрозы белых нанесла по союзнику разрушительный удар, который дорого стоил не только махновцам, но и самим большевикам.

Даже теперь Махно все еще не решался выступить против большевизма. В это время он рассчитывал поднять восстание в тылу у белых, «потому что коммунисты не сумеют»^[408].

Тем временем белые вторглись в район Гуляйполя. Почти безоружный заслон под командованием Веретельникова poleg на подступах к «столице» движения. Бои в районе Гуляйполя продолжались с 9 по 15 июня.

Некоторое время с небольшим отрядом Махно еще сражался бок о бок с красными частями, но узнав 15 июня о приказе арестовать его, ушел на восток. «Надо выйти из перекрестного огня, отдохнуть, пополниться и отомстить за старую обиду»^[409], — говорил он своим командирам.

После прибытия в Александровск 20 июня 1919 г. Махно отказался оборонять город от белых, если не будет отменено решение о его аресте. 21 июня 1919 г. отряд Махно переправился на правобережье Днепра.

Войска некоторое время находились под командой начальника штаба Озерова, но, узнав о кампании против махновского движения, и он обратился с прошением об отставке: «Я беспрерывно нахожусь в повстанческих войсках, здоровье мое совершенно расшаталось, передайте т. Ворошилову, чтобы он выслал мне заместителя и меня как

инвалида, получившего 53 раны, уволил бы в отставку для лечения. Ибо при создавшемся положении, когда выбиваешься из сил для того, чтобы сделать полезное дело, рискуя ежеминутно быть объявленным (вне закона), что слишком скверно отзывается на здоровье и без того расстроенном»^[410].

Яков Васильевич Озеров действительно был человеком заслуженным. В 1907 г., будучи штабс-капитаном, он вступил в группу максималистов. Эмигрировал. Вернувшись в Россию в 1917 г., стал помощником военкома на Северном Кавказе, левым эсером. Отличился в боях с белыми, в этой обстановке большевики считали его за своего. Потому и послали к Махно. Но затем выяснилось, что Озеров по взглядам близок Махно, а не коммунистам. Собственно, перед большинством левых эсеров вставал выбор между более последовательными позициями — коммунистической, эсеровской и анархистской. Озеров продолжал командовать частью махновцев, сражавшихся с белыми. Когда ситуация на время стабилизировалась, он был арестован ЧК и 2 августа расстрелян.

Летом 1919 г. коммунисты открыли «сезон охоты» на повстанческих командиров. Красное командование уже смирилось с оставлением Украины и теперь боялось (как и летом 1918 г.) «заразить вольницей» Россию. В этом сошлись оба враждующих клана красного командования — сторонники и Троцкого, и Сталина-Ворошилова. При загадочных обстоятельствах и возможно от руки «своих» погибли такие легендарные командиры, как А. Железняк, Н. Щорс, В. Боженко. Был арестован Ф. Миронов, но в условиях катастрофически менявшейся ситуации его пока предпочли помиловать. Миронова, как и другого легендарного кавалерийского полководца Б. Думенко, расстреляют на другом этапе гражданской войны. В ночь на 16 июня семь членов махновского штаба (часть — левые эсеры), были расстреляны по приговору ревтрибунала. Этот расстрел окончательно сделал Махно врагом партии большевиков. Но арестовать его было уже нельзя.

Глава 6.

Белый натиск и крестьянская война

Узнав о расстреле членов своего штаба, Махно начал партизанскую войну в тылу красных. Батько старался держаться подальше от фронтовых тылов, чтобы в то же время не очень мешать обороне против Деникина. О взглядах Махно того времени поведал

красноармеец П.С. Кудло. Его свидетельство следует воспринимать с поправкой на язык этого солдата: «Советская власть не права тем, что есть чрезвычайки, комиссары, и это все я презираю... Советская власть допустила до того, что нет патронов, снарядов и что, вследствие этого, приходится отступать». Махно обвиняет коммунистов в сознательном вывозе снаряжения «в Совдепию» или сдаче его белым. Стратегические планы Махно предусматривают установление контроля над большой территорией, на которой можно наладить более слаженную, чем до сих пор, хозяйственную систему. В изложении красноармейца это звучит так: «Граждане, когда у нас будет Донецкий бассейн, тогда у нас будет мануфактура и вообще все, что нужно для существования крестьянина... Когда мы завоюем Малую Азию — у нас будет хлопок, когда завоюем Баку, будет у нас нефть»^[411]. Эти наполеоновские, на первый взгляд, планы связаны скорее не с военными проектами (Махно не любит отрываться от родных мест), а с надеждами на мировую революцию, когда трудящиеся «завоюют» свои страны и наладят связи с украинским крестьянством. Махно надеялся на восстановление временного союза с большевиками. По воспоминаниям прибывшего в его армию анархиста В. Волина (он возглавил новый ВРС), батько говорил: «Главный наш враг, товарищи крестьяне — Деникин. Коммунисты — все-таки революционеры». Но добавлял: «С ними мы сумеем посчитаться потом».^[412]

1. Три силы

Одной из характерных черт Махновского движения является категорическое неприятие союза с белыми. Почему бы, воюя с красными, не вступить в союз теперь с белыми? Такие мысли посещали Григорьева. Но Махно был теснее связан с крестьянской почвой, и его неприятие белых было делом принципа. Несмотря на то, что некоторые крестьянские отряды переходили на сторону белых, популярность крестьянского вождя могла сохраняться только при условии, если он отмежевывался от белых режимов. Крестьянская масса воспринимала реставрацию старой России как большее зло. Коммунисты отступили от идеалов революции, давшей крестьянам землю, но их безобразия — явление временное, вызванное обстановкой войны и смуты. А вот если победят белые, то землю точно отберут. Не сразу, так потом. Коммунистические начальники — это выбившиеся в люди «свои», люди, говорящие народным языком. Наиболее «вредных» из них нужно убивать, но в принципе начальники и должны быть «из наших». Белое руководство — это прежняя царская элита, даже если оно и выступает

за республику. С победой белых вернутся и помещики, и урядники, и вся унижительная система сословного неравенства, при которой они жили испокон. Попробовав жить иначе, крестьянство уже не хотело возврата. Если с большевиками у крестьян возникли социальные противоречия, то с белыми помимо социального существовал и более глубокий социально-культурный конфликт. Это был раскол между народом и элитой, заложенный на уровне мировосприятия еще во времена Российской империи. Две культуры, существовавшие в России со времен Петра, к 1917 г. так и не срослись. Вся культура белого движения — будь то погоны офицеров и стиль газет — все сигнализировало: с победой белых вернутся прежние порядки, прежние опостылевшие иерархия и элита, прежняя эпоха.

Много веков крестьянство жаждало земли и воли. Февраль дал волю, Октябрь — землю. Пока антибольшевистский лагерь возглавляли эсеры, симпатии крестьян были скорее на стороне последних, но и особенно активно сражаться не хотелось. И большевики, и демократы гарантировали земельный передел. Большевики были хуже, так как более жестко реквизируют продовольствие, лошадей, проводили мобилизации.

Но постепенно на территории Комуча, которая стала центром сопротивления большевизму, происходил процесс перехода к авторитарному режиму. Милитаризация жизни, рост влияния офицерства, усиление консервативных социально-политических группировок привели к передаче власти от Комуча к Директории — либерально-социалистической коалиции, подобной Временному правительству. В ночь на 18 ноября 1918 г. военные свергли и ее, передав власть адмиралу Колчаку.

Революция в Сибири продолжалась, хотя и была придавлена. Диктатура, которую возглавили военные и партия российского либерализма — кадеты, начала с повторения «подвига» большевиков — разгона остатков Учредительного собрания — Съезда членов Учредительного собрания, в которое преобразовался Комуч. Это странное на первый взгляд сходство между большевиками и либералами объяснимо: и те, и другие, сделав своим лозунгом свободу и демократию, были в то же время уверены в том, что достичь их можно через собственную диктатуру и ограничение гражданских свобод. В результате, как только демократия вступила в противоречие с их курсом, большевики и кадеты пошли на ее уничтожение, возмущаясь по ходу дела «узкопартийными» интересами, получивших больше голосов избирателей социалистов. Эти события лишний раз подтверждают, что сами по себе «либеральные» лозунги вполне могут

сочетаться с крайне авторитарным режимом.

Свержение Директории коренным образом изменило характер борьбы в ходе гражданской войны. Первоначально на полях сражений столкнулись принципы Февральской революции и Октябрьского переворота, революционная демократия и авторитарный коммунизм.

После падения Директории и разгона депутатов Учредительного собрания главной силой, противостоящей коммунистам, стало Белое движение. На этом основании его вожди считали себя принципиальной альтернативой большевизму и удивлялись, почему население не разделяет этой их уверенности. «Пойдет ли народ за нами или по-прежнему останется инертным и пассивным между двумя набегающими волнами, между двумя враждебными станами»^{413}, — рассуждал Антон Деникин.

Но народ не был пассивен. Перед лицом наступления Деникина (как перед этим Колчака) крестьяне повалили в повстанческие отряды на белой территории и даже в Красную армию. Народ, уже выказавший свою враждебность коммунистам, не считал белых спасителями.

Революционная демократия, включавшая и эсеров разных направлений, и анархистов, противостояла коммунистам-марксистам в принципе. Одни строили общество экономического централизма, другие боролись за общество, построенное на основе самоуправления. Какое место занимали белые в этом противостоянии?

Белое движение установило открытую диктатуру и в этом отношении не отличалось от большевиков. В указаниях А. Деникина Особому совещанию при главнокомандующем говорилось: «Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить, всякое противодействие власти — и справа, и слева — карать... Суровыми мерами за бунт, руководство анархическими течениями, спекуляцию, грабеж, взяточничество, дезертирство и прочие смертные грехи — не пугать только, но и осуществлять их... Смертная казнь — наиболее соответственное наказание»^{414}. В условиях широкого распространения таких «грехов», как лидерство в «анархических» (то есть левых) течениях, спекуляция (то есть торговля по «завышенным» ценам) и дезертирство — это программа массового террора.

Но и те слои населения, которые готовы были пожертвовать завоеваниями революции ради восстановления порядка и прекращения смуты, тоже быстро разочаровывались в белых. Действуя под лозунгами порядка и законности, белые были не меньшими грабителями, чем большевики, их офицеры и солдаты творили произвол, пороли крестьян шомполами и расстреливали людей без особенных разбирательств.

Занимая города, белые начинали методичный подсчет жертв красного террора, тщательно описывали наиболее яркие примеры: «в Харькове специализировались на скальпировании и “снятии перчаток”»^{415}, — повествует А. Деникин о зверствах ЧК. Но когда белые отступили, красным было чем ответить. Вот только одно свидетельство: «Настроение населения Украины в большинстве на стороне Советской власти. Возмутительные действия деникинцев... изменили население в сторону Советской власти лучше всякой агитации. Так, например, в Екатеринославе, помимо массы расстрелов и грабежей и пр., выделяется следующий случай: бедная семья, у которой в рядах армии сын коммунист, подвергается деникинцами ограблению, избиению, а затем ужасному наказанию. Отрубают руки и ноги, и вот даже у грудного ребенка были отрублены руки и ноги. Эта беспомощная семья, эти пять кусков живого, мяса, не могущие без посторонней помощи передвинуться и даже поест, принимаются на социальное обеспечение республики»^{416}.

Зверства творили солдаты всех сил гражданской войны. Но для белых их зверства были приговором. Никто, кроме них, не ставил в центр своей агитации восстановление «законности». Та часть населения, которая надеялась на белых, ждала от них именно законности, как от большевиков ждали земли и социальной справедливости, от Махно — воли и защиты крестьянских интересов. Явив вместо законности грабежи и зверства, белые показали населению, что от них нет никакой пользы, кроме вреда.

Порассуждав о бандитской сущности всех своих противников, даже Деникин признает: «набегающая волна казачьих и добровольческих войск оставляла грязную муть в образе насилий, грабежей и еврейских погромов»^{417}.

Ничем не лучше были и колчаковцы. При подавлении крестьянских выступлений А. Колчак рекомендовал своим подчиненным уничтожать (то есть казнить) «агитаторов и смутьянов» (такая расплывчатая формулировка позволяла ставить к стенке любого недовольного новой властью), брать заложников, которых расстреливать, а их дома сжигать, если местные жители дают властям неверные сведения. Колчак предлагает брать пример с японцев, которые сжигают деревни, «поддерживающие» повстанцев^{418}.

После того, как флер «законности» слетал, социально-политическое лицо белых определялось стремлением к возвращению «законных» привилегий старой элиты. Для крестьян это означало, что у них отрежут землю в пользу помещиков или возьмут за нее выкуп. Такая перспектива делала крестьян потенциальными партизанами.

Методы взаимоотношений белых с крестьянами диктовались логикой военного остервенения и быстро сравнивались в жестокости с красными. Но у белых были и отличия, и не в их пользу. Характеризуя эволюцию белого движения, один из его идеологов В. Шульгин пишет: «Почти что святые» и начали это белое дело, но что же из него вышло? Боже мой!.. Начатое «почти святыми», оно попало в руки «почти бандитов»... Деревне за убийство было приказано доставить к одиннадцати часам утра «контрибуцию» — столько-то коров и т. д. Контрибуция не явилась, и ровно в одиннадцать открылась бомбардировка.

— Мы, — как немцы, сказано, сделано... Огонь!..

Кого убило? Какую Маруську, Евдоху, Галку, Приску, Оксану? Чьих сирот сделало навеки непримиримыми, жаждущими мщения... «бандитами»?...

Мы так же относимся к «жидам», как они к «буржуям». Они кричат: «Смерть буржуям», а мы отвечаем: «Бей жидов»^[419]. Шульгин вспоминает о разговоре с офицером перед «профилактическим» обстрелом крестьянской деревни: «Ведь как большевики действуют, они ведь не церемонятся, батенька... — Это мы миндальничаем... Что там с этими бандитами разговаривать?»^[420]

И белые не церемонились, доставляя народу выбор между офицерской и пролетарской диктатурами. Крестьяне в 1919-1920 гг. из двух зол предпочли второе.

В случае гипотетической победы Белого движения развитие нашей страны пошло бы, конечно, не так, как это случилось в Советскую эпоху. В этом смысле альтернатива была, и как показывает опыт Европы, это была альтернатива между коммунизмом и фашизмом. В 20-30-е гг. Европа и Северная Америка шли к индустриальной системе социального государства. Это развитие могло идти трем путями — коммунистическим, нацистско-фашистским и социал-либеральным (включая сюда и варианты, предлагавшиеся демократическими социалистами). В России последний из этих путей в обход тоталитаризма открывала победа тех или иных социалистов, кроме коммунистов. Две первые возможности вели по тоталитарному пути. Коммунистический путь нам известен. «Белый» путь уже в период гражданской войны заметно коричневел, как коричневели и другие диктаторские режимы Европы в первой трети XX века. Фашистские тенденции контрреволюционного авторитаризма по мере дальнейшей модернизации имеют тенденцию к усилению.

Коренное отличие фашистского варианта тоталитаризма от коммунистического ~ консолидация общества на основе национальных,

а не социальных приоритетов, сохранение старой правящей и имущественной элиты. Это не лучшим образом согласуется с задачами модернизации и интеграции возбужденных масс в новый социальный порядок. Национал-авторитарная контрреволюция в Европе была жизнеспособна либо при условии изначальной слабости революционного движения, либо при массивной поддержке извне. Российская революция была одной из мощнейших за всю историю мира, а поддержка Антанты своих белых союзников — неуверенной и недостаточной для такой большой страны, как Россия. Так что белых могли спасти только грубые просчеты революционеров.

2. Начало сибирской «махновщины»

Для того, чтобы реализовать свои преимущества, большевикам требовалось время. Офицеры с юности учились искусству войны, а красным командирам все приходилось постигать на ходу, как Махно. Белая диктатура не заигрывала с народной стихией, а коммунистам приходилось маневрировать между требованиями дисциплины и демократическим настроением народной стихии. Наконец, на стороне белых все таки была помощь Антанты. Несколько раз судьба революции висела на волоске.

В мае 1919 г. белое движение достигло больших успехов. Мобилизовав в свою армию сотни тысяч крестьян, Колчак наступал к Волге, а Юденич шел на Петроград. Но Деникин в это время только накапливал силы. В июне 1919 г. Колчак потерпел поражение и отступил за Урал. Оказалось, что организаторы ноябрьского переворота 1918 г. — неважные полководцы. К тому же в тылу у белых разгорались крестьянские восстания, в организации которых сотрудничали эсеры, большевики и анархисты.

География крестьянской войны 1918-1922 гг. не ограничивается советской территорией. Белые пришли на Украину, и крестьянские восстания вспыхнули с новой силой.

Другое пространство крестьянской войны — Сибирь. Летом 1918 г. красным здесь пришлось тяжело. Крестьянство холодно относилось к ним. Война шла также, как на Украине в 1918 г. — прежде всего вдоль железнодорожного полотна. Отряды коммунистов и анархистов откатывались под натиском чехословаков, белоказаков и их союзников из местного населения. Красным и черным оставалось только обвинять в неудачах друг друга. В действительности эти дни полны примеров как мужества и большевиков, и анархистов, и левых эсеров, так и мародерства, трусости и разгильдяйства, оплаченного жизнями. И тоже

без различия партийной принадлежности. Что ни эпизод этого времени, так разрушение стереотипов о том, что борьба с разложением исходила от партии коммунистов. Так, анархист Каландаришвили расстрелял другого популярного анархистского командира Лаврова за дезертирство. В Чите восстали казаки, но мятеж был подавлен анархистами и левыми эсерами. Коммунисты решили арестовать анархистов, которые, по их версии, готовили заговор и сеяли разложение, но в ответственный момент командующий войсками Центросибири коммунист П. Голиков оказался мертвецки пьян. Анархисты из отряда Пережогина захватили золото советского правительства Центросибири, обвиняя его в том, что оно готово отдать золотой запас белым. Красные обвинили их в грабеже. Но Пережогин в Благовещенске стал формировать с помощью этих средств дивизион с артиллерией и пулеметами (с согласия Амурского совнаркома), но тут он был застрелен красными. Даже прокоммунистический автор А.А. Штырбул признает, что в красном Благовещенске «разложение касалось не только анархистских отрядов. Оно в те дни было практически всеобщим»^[421]. Тем временем Каландаришвили, по-анархически не подчинившись приказу отступить на восток, прорвался на запад, где под Иркутском зимой перешел к партизанской войне в районе реки Китой, наведываясь и на Транссиб.

Нестор Каландаришвили («Дедушка») был бывшим эсером, удачливым боевиком еще во времена Первой русской революции, скрывшимся от преследований в Сибири. В 1917 г. он создал в Иркутске военную организацию при Совете, принял активное участие в декабрьских боях 1917 г. В итоге под его командованием оказался кавалерийский дивизион в несколько сот сабель, постепенно принявший отчетливую анархистскую окраску. Помимо иркутских анархистов в него вошли черемховские шахтеры, социализировавшие свои копи и торговавшие углем в пользу коллективов, а также большинство революционеров-кавказцев этих мест.

К осени 1918 г. стало очевидно, что за советскую власть в Сибири теперь можно бороться только партизанскими методами. Репрессивная политика белых и не оставляла революционерам иного пути, кроме ухода в тайгу или глухое подполье. Полтора десятка отрядов имели «черную» окраску. Но влияние анархизма было шире. Поскольку режим «военного коммунизма» не успел утвердиться в Сибири, то граница между большевизмом и анархизмом здесь была размыта. Партизанские атаманы могли сочувствовать и большевистским лозунгам, понимаемым анархически, и анархистским, понимаемым полубольшевистски. Главная задача была проста: «бить гадов» —

засевших в городах «золотопогонников», «помещиков» и их «прихлебателей».

Если летом 1918 г. крестьяне наблюдали перипетии гражданской войны скорее равнодушно, то к зиме их настроения стали меняться. 6 июля 1918 г. Сибирское правительство издало постановление о возвращении владельцам их имений. Затем радетели законности принялись за реквизиции. Последовали мобилизация и сбор податей за несколько лет — та же продразверстка.

Зимой 1918-1919 гг. в тайге стали действовать партизанские «шайки», как называла их белая пресса, Петра Лубкова (Мариинский уезд), Василия Шевелева и Ивана Новоселова (Кузнецкий уезд), Григория Рогова (Барнаульский уезд), Ивана Третьяка (Горный Алтай) и др. Эти отряды бродили по тайге, то соединяясь, то расходясь, нападали на небольшие воинские команды, убивали чиновников, отбирали продовольствие у кулаков и торговцев, раздавая населению. «Что скрывать, — пишет современный анархист И. Подшивалов, — были среди партизанских вожаков люди с явной примесью уголовщины, и некоторые из них называли себя анархистами... Но не они определяли облик сибирского партизанского движения. Тысячи и тысячи рабочих и крестьян сражались под черными знаменами за вольную жизнь и свободный труд, но имена их забыты потомками»^[422].

Вспыхивали восстания, в которых коммунисты, анархисты и левые эсеры действовали вместе. Повстанцев рассеивали, и они уходили в тайгу, где пополняли свои ряды. Крестьяне поддерживали партизан.

В марте 1919 г. вспыхнуло Кустанайское восстание, которое фактически возглавил анархист А. Жилев. Он прорвался к красным в районе Актюбинска. Вскоре разгорелся конфликт между Жилевым и комфронта Астраханцевым. В столкновении Астраханцев был ранен, а Жилев арестован и 18 августа расстрелян.

Удачнее складывалась судьба Каландаришвили — он позднее оказался в составе Красной армии. Летом — зимой 1919 г. отряд Каландаришвили вырос с 500 до 2000 бойцов и, установив связи с коммунистами, подошел к Иркутску.

Между Кузнецком и Барнаулом, в Причерноморском крае, наибольшее влияние в 1919 г. имел отряд Г. Рогова. Он был умелым командиром с богатым военным опытом — еще в японскую войну получил три Георгия и дослужился до фельдфебеля. С началом восстания чехословацкого корпуса Рогов с оружием в руках защищал советскую власть. Большевики не доверяли Рогову, их командир М. Ворожцов соперничал с ним, обвинял роговцев в недисциплинированности и разложении. Он то вступал со своими людьми в роговский отряд, то

создавал свою «дивизию» (после прихода Красной армии этому «комдиву» доверили батальон). В июле-октябре 1919 г. Рогов разгромил несколько гарнизонов белых. Когда он осадил Сорокино, белые упорно отбивались. Тут из тайги пришел отряд Новоселова. Новоселов был идейным анархо-коммунистом. Вернувшись с фронта в 1918 г., он создал коммуну «Анархия», которая теперь была разорена белыми. Что же, не дали поработать плугом, возьмем в руки шашку.

Ворожцов позднее докладывал: «Новоселов же с первых дней прибытия к нам стал проводить анархию, взял под свое влияние Рогова и других членов нашего ревкома, и наш отряд стал разлагаться»^[423]. В действительности отряд разлагаться не стал, и «анархия» помогла: роговцы и новоселовцы взяли Сорокино. Один из роговских партизан вспоминал: «Как боец, Новоселов был храбрый малый, боец довольно решительный и, надо отдать справедливость, имел стратегические соображения, может быть лучше, чем кто-нибудь из нас»^[424]. Новоселовцы на марше шли под черным знаменем с надписью «Анархия — мать порядка» и распевали «марш анархистов»:

*Возьмемте дворцы и разрушим кумиры,
Сбивайте оковы, срывайте порфиры:
Довольно покорной и рабской любви!
Мы горе народа потопим в крови.
Восстала, проснулась Народная воля
На стоны Коммуны, на зов Ровашоля,
На крики о мести погибших людей
Под гнетом буржуев, под гнетом цепей...*

Новоселов выступал за ликвидацию всяких органов власти, кроме местного самоуправления, которое само создаст «трудовые федерации». Работники самостоятельно будут обмениваться продуктами без посредников и без денег. Новоселов выступал даже против советов, чем отличался от большинства анархистских командиров, включая и Махно. Рогов колебался, то поддерживая Новоселова, то идею советов.

Армия Рогова выросла до 10 тысяч бойцов, контролируя Причумышье и правый берег Оби^[425].

Партизанскую армию Роговановоселова иногда называют «Сибирской махновщиной». По масштабам армия Рогова сопоставима с махновской (хотя и не в лучшие для Махно времена). Но между ними есть одно важное отличие — Рогов, Новоселов и их товарищи из Федерации алтайской анархистов уделяли гораздо меньше внимания

созидательным, конструктивным задачам анархистского движения, чем махновцы. Роговцы лучше понимали, чего они не хотят, чем то, к чему стремятся. Махновский опыт позволял лучше понять, как может быть устроено некапиталистическое общество, построенное без коммунистической диктатуры.

Партизанское движение было постоянной головной болью белых, отвлекало силы. Это обеспечивало красным командирам численный перевес. В августе 1919 г. РККА вышла на Тобол. Но сил для наступления на всех фронтах у Красной армии не хватало. Да и командный состав оставлял желать лучшего. В сентябре Тухачевский потерпел поражение за Тоболом, и наступление против Колчака затормозилось.

Еще хуже была ситуация на Украине, где разразилась настоящая катастрофа.

3. Исход

Когда красные в июне ударили в тыл Махно, прорыв фронта Деникиным казался неприятным эпизодом. Откатившись за Днепр, 14 армия Ворошилова, казалось, могла чувствовать себя вполне уверенно, так как имела двойной перевес над деникинцами на своем фронте. Если бы не деморализация махновцев после расправы над их командирами и отстранением Махно, можно было бы не просто дать отпор белым, но и перейти в контрнаступление. Однако Ворошилов оказался неважным полководцем. Он пропустил удар на Екатеринослав. Собственно, Деникин и не планировал такой дерзкой операции, как форсирование Днепра, но Шкуро «по собственной инициативе»^[426] 28 июня прорвался через мост и взял город. Белые оказались на правом берегу Днепра. В результате 14 армия была рассечена. Одна ее часть продолжила отход к Полтаве и дальше Чернигову, а другая оказалась в окружении на Херсонщине.

25 июня пал Харьков. 31 августа белые вошли в Киев и развернули наступление в центральные области России. На Украине были проведены мобилизации, которые увеличили деникинскую армию более чем вдвое — с 64 до 150 тысяч.

Деникин, сосредоточив превосходящие силы на направлении главного удара, упорно продвигался к Москве. Бои с переменным успехом шли уже под Орлом. Но для решающего удара Деникину не хватило сил — у него в тылу «второй фронт» открыла крестьянская армия Махно.

10 июля Махно неудачно атаковал находившийся в руках красных Елисаветград. На следующий день махновцы встретили остатки отрядов Григорьева. Первая же встреча не оставила сомнений в намерениях Григорьева: «Когда Григорьев так сказал... есть ли у вас жида, то кто-то ответил, что есть. Он заявил: “Так будем бить”», — вспоминает Чубенко^{427}. Сойдясь на необходимости сражаться с коммунистами и петлюровцами, атаманы не поладили в вопросе о белых: «Махно говорил, что будем Деникина бить. Григорьев тут уперся и стал говорить, что если он говорил: “Будем бить коммунистов и петлюровцев”, то потому, что он уже видел, кто они такие, а Деникина он еще не видел, а потому бить его не собирается»^{428}. Махно возражал осторожно, лишь выразив свое небольшое несогласие с григорьевским «Универсалом». Поведение Махно разъяснилось на заседании штаба, который решал вопрос об отношении к Григорьеву: «Но Махно стал говорить, что во что бы то ни стало нужно соединиться, так как мы еще не знаем, что у него за люди, и что расстрелять Григорьева мы всегда успеем. Нужно забрать его людей: те — невинные жертвы, так что во что бы то ни стало нужно соединиться»^{429}. Махно удалось убедить штаб — нужда в людях была ясна всем, а перспектива будущей ликвидации Григорьева успокаивала противников компромисса с погромщиком.

В соответствии с соглашением двух лидеров Григорьев был объявлен командиром, а Махно — председателем Реввоенсовета Повстанческой армии. Начальником штаба стал брат Махно Григорий.

Однако быстро стало ясно, что союз с Григорьевым дискредитирует махновцев. 27 июля в селе Сентово, когда Григорьев оказался в окружении махновских командиров, Чубенко, по предварительному уговору с ними, обрушился на Григорьева с критикой. «Сначала я ему сказал, что он поощряет буржуазию: когда брал сено у кулаков, то платил за это деньги, а когда брал у бедняков и те приходили просить, так как это у них последняя надежда, то он их выгонял... Затем я ему напомнил, как он расстрелял махновца за то, что он у попа вырвал лук и выругал попа»^{430}. Характерно, что Григорьев расстреливает за оскорбление священника, а Махно — за оскорбление евреев.

Главное, в чем обвиняли Григорьева махновские командиры, — то, что он отказался наступать на белых, занявших Плетеный Ташлык. Атаман пытался спорить, но, поняв, к чему клонится дело, выхватил оружие. Однако махновцы уже держали пистолеты наготове —

Григорьев был убит.

Казалось, Махно выполнил свой план в отношении Григорьева и григорьевцев. Они были разоружены и после соответствующей агитационной работы включены в махновский отряд. С сознанием выполненного долга Махно отправил с ближайшей станции телеграмму: «Всем, всем, всем. Копия — Москва, Кремль. Нами убит известный атаман Григорьев. Подпись — Махно»^{431}. Одновременно с посылкой телеграммы, предназначенной для Кремля, Махно выпустил воззвание по поводу убийства Григорьева, в котором говорилось: «Имеем надежду, что после этого не будет кому санкционировать еврейские погромы... А честно повстать трудовому народу против... как Деникина,, так и против большевиков-коммунистов, вводящих диктатуру»^{432}.

5 августа Махно издал приказ №1 по Революционной повстанческой армии Украины (махновцев), в котором говорилось: «Каждый революционный повстанец должен помнить, что как его личными, так и общенародными врагами являются лица богатого буржуазного класса, независимо от того, русские ли они, евреи, украинцы и т. д. Врагами трудового народа являются также те, кто охраняет несправедливый буржуазный порядок, т. е. советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайных комиссий, разъезжающие по городам и селам и истязующие трудовой народ, не желающий подчиниться их произвольной диктатуре. Представителей таких карательных отрядов, чрезвычайных комиссий и других органов народного порабощения и угнетения каждый повстанец обязан задерживать и препровождать в штаб армии, а при сопротивлении — расстреливать на месте. За насилия же над мирными тружениками, к какой бы национальности они ни принадлежали, виновных постигнет позорная смерть, недостойная революционного повстанца»^{433}.

Недоверие григорьевцев и махновцев сохранялось, и вскоре большинство григорьевцев покинуло махновский отряд. Но к этому времени у Махно появилось новое пополнение.

Тем временем части РККА, состоящие из бывших махновцев, продолжали отступать на правобережье Украины. Теперь махновцы составляли основу 58 дивизии РККА. Решение большевистского руководства об эвакуации советских войск на север означало для махновцев окончательный отрыв от родных мест, бесповоротную интеграцию в РККА. Махно связался со своими бывшими командирами Калашниковым, Дерменджи и Будановым и приказал «арестовать всех политкомов и ненадежных командиров и передать их всех в распоряжение временно замещающего меня начальника боевого

участка т. Калашникова (Большевицкий начальник участка Кочергин также был арестован махновцами. — *А.Ш.*), а самим, избрав нужных командиров, перейти в контрнаступление против заседающих деникинских дивизий, не щадя на этом пути решительного действия ни одного врага революции, если бы такие оказались даже из рядов бедноты».^{434}

Махновский переворот в войсках прошел относительно безболезненно — части не забыли своего командира, «Собрав вокруг себя боевое ядро, махновцы неожиданно налетают на штаб 58-й дивизии, арестовывают командиров и комиссаров и объявляют войну как Деникину, так и Советской власти»^{435}. В Николаеве восстали пять бронепоездов, командиры которых стремились перейти к Махно. Но большевикам удалось взорвать эту технику^{436}.

По справедливому замечанию В. Голованова, «советские историки именно этого не хотят замечать — что бунт 58-й дивизии случился из-за желания драться с белыми, отвоевать свои очаги»^{437}.

«Ваши командиры и политкомы, — говорил Махно своим прежним бойцам, — вас продали Деникину, единственно, кто может вас вывести на верный путь, это я — Махно»^{438}. В результате махновского переворота в частях РККА, произошедшего в районе Нового Буга, к Махно перешли 4 бригады с артиллерией, кавалерией и бронепоездом. После их соединения с Махно в районе Добровеличковки 30 августа общая численность махновцев составила около 15 тысяч человек^{439}.

1 сентября на собрании командиров в с. Добровеличковке Махно провозгласил создание «Революционной повстанческой армии Украины». Был избран новый Военно-революционный совет во главе с Лащенко^{440}. Вскоре пост председателя ВРС занял известный анархист Волин.

Почти месяц махновцы сражались в районе Елисаветграда. Выбив красных из Помощной и Вознесенска, Махно получил от них предложение пойти на переговоры. Ответ был неутешительным для большевиков: «Вы обманули Украину, а главное — расстреляли моих товарищей в Гуляйполе, ваши остатки все равно перейдут ко мне, и посему я с вами со всеми, в особенности с ответственными работниками, поступлю также, как вы с моими товарищами в Гуляйполе, а затем будем разговаривать о совместных действиях»^{441}. Вопреки этим угрозам, Махно тогда не расстреливал попавших в его руки красных командиров, а агитировал их: «Вы узурпаторы, душителю воли народной... Вы бежите от Деникина, я же разобью его в пух и прах...»^{442}

Красные бойцы сотнями уходили к Махно, не желая покидать

Украину. Командиры красных частей тоже колебались. Как вспоминал Иона Якир, командующий Южной группой красных, «трудно было предположить в первую минуту, как поведут себя некоторые командиры-“вожаки”, если будет приказ двигаться на север»^[443]. Что уж говорить о рядовых бойцах. Так что главной задачей коммунистов Южной группы было удержать бойцов от контактов, даже боевых, с махновцами. Как вспоминал В. Затонский, на вопрос к командирам, готовы ли они драться с Махно, те отвечали: «Ни, с Махно не буде, сами думают, как бы к Махно уйти»^[444].

На этом дороги Махно и РККА разошлись, Махно отступил на запад, большевики — на север. В начале сентября произошла последняя встреча с частями РККА — с выходящей из окружения группой Якира. Махновцы отсекли от нее небольшую часть и предложили ей объединиться. Большинство красноармейцев согласилось, и махновская армия обогатилась коммунистическим «стальным» полком под командованием Полонского.

В конце сентября положение махновцев стало критическим. Превосходящие силы деникинцев прогнали их через всю Украину и вытеснили их в район Умани, где укрепились петлюровцы.

4. Петлюра между молотом и наковальней

В условиях крушения большевистского движения на Украине и конфликта с Польшей, за спиной которой стояла Антанта, Директория вынуждена была искать опору внутри Украины — то есть в повстанческом движении. А это предопределяло новый левый курс ее политики. 9 июня в Черном острове представители Директории договорились с представителями Всеукраинского ревкома, где преобладали эсеры и социал-демократы, что на местах будут создаваться трудовые советы (как и было решено в январе 1919 г.), но теперь — с полноценными властными полномочиями. Идея советов без коммунистов была в это время популярна на Украине, разочаровавшейся в «коммунии», но не в первоначальных идеях Октября. При этом продолжали действовать и решения Директории о созыве парламента. Представители Всеукраинского ревкома Д. Одрин и Т. Черкасский вошли в правительство Мартоса.

Новое полевение курса Директории вызвало протесты со стороны социалистов-федералистов и других правых партий, но за ними в условиях середины 1919 г. не было реальной силы. Зато вооруженная сила — галицийская армия — оставалась в подчинении более правых руководителей Западной области УНР (бывшей ЗУНР). 9 июня

Петрушевич был провозглашен ее диктатором. Этот акт не был признан Директорией и еще сильнее углубил раскол двух центров власти УНР. 4 июля Петрушевич был выведен из состава Директории.

В условиях, когда красные, несмотря на угрозу со стороны белых, стали теснить петлюровцев, галицийская армия, разорвав перемирие, принялась сызнова воевать с поляками, которые в конце июня опять побили галичан. 15 июля галицийская армия отступила к востоку от реки Збруч, оставив территорию ЗУНР. Двум «половинкам» УНР снова нужно было мириться. Причем примирение было достигнуто на условиях потерпевших военное поражение галичан — ведь Петлюра сочувствовал именно их правому курсу. 12 августа Директория приняла декларацию, в которой левая риторика уже отсутствовала, власть в УНР должна была опираться на весь народ и все слои общества, политическая программа основывалась на парламентаризме. Мартос ушел в отставку, и новое более правое правительство 27 августа возглавил И. Мазепа. В него вошел социалист-федералист И. Огиенко. Петрушевич вернулся в состав Директории,

В условиях развала фронта красных в августе объединенная украинская армия представляла внушительную силу — около 80 тысяч бойцов. Она заняла Жмеринку и Винницу и стала развивать успех на Киев и Одессу. Петлюра надеялся, что белые ограничатся наступлением на левобережье Днепра, и с ними можно будет договориться.

12 августа Деникин выступил с обращением, которое не оставляло у украинских националистов никаких иллюзий по поводу его отношения к украинской идее: «Стремление отторгнуть от России малорусскую ветвь русского народа не оставлено и поныне. Былые ставленники немцев — Петлюра и его соратники, положившие начало расчленению России, продолжают теперь совершать свое злое дело создания самостоятельной Украинской державы и борьбы против возрождения единой России»^[445]. Украинский язык в государственных школах допускался только в начальных классах.

30 августа украинцы под командованием галицийца А. Кравса заняли Киев, но ненадолго. К Киеву подошли белые части Н. Бредова, который потребовал от украинских войск очистить Киев, что и было сделано. Это был сильнейший удар по авторитету УНР. 6 сентября Петлюра писал: «Прошу президента Петрушевича повлиять на галицийских тыловых командиров, которые неосмотрительно обсуждают не имеющую оснований тему контакта с Деникиным, тем самым разлагая общественность и армию. Безосновательность ее ярко подтверждает манифест Деникина населению “Малороссии”, в котором

он называет нашу власть предательской и предрекает борьбу с нами под лозунгом единой и неделимой России»^[446].

24 сентября Директория объявила войну деникинцам. 7 октября она направила державам Антанты воззвание, в котором говорилось: «Генерал Деникин, взяв за основу реакционные законы старого времени, беспощадно уничтожает украинскую культуру, лишает нас права и возможности учиться в украинской школе, запрещает пользоваться украинским языком в церкви, закрывает наши культурные учреждения, запрещает украинские книги...» Это, впрочем, не мешало Директории искать союза с деникинцами против коммунистов, и не их вина, что Деникин от этой помощи отказался. Впрочем, Антанта практически проигнорировала жалобу украинских националистов на Деникина.

После контакта с махновцами судьба снова развела петлюровцев с ними в разные стороны. Украинская народная республика агонизировала,

В середине октября петлюровцы потерпели поражение от деникинцев и к тому же страдали от тифа. 10 ноября белые взяли Жмеринку. 6 ноября командующий галицийской армией М. Тарнавский подписал с Деникиным соглашение о переходе украинских войск в подчинение белым. Петрушевич было отменил это соглашение и отдал Тарнавского под суд, но уже 12 ноября выяснилось, что его возмутила форма, а не содержание. 16 ноября руководство 30 УНР эмигрировало, а командующий галицийской армией в Одессе О. Микитка подтвердил соглашение с Деникиным. 16 ноября поляки заняли Каменец-Подольский — формально как союзники УНР. Директория, опять оставшаяся почти без территории, переехала в Проскуров и здесь 15 ноября передала всю власть Петлюре. 22 ноября белые ворвались в Проскуров, и Петлюра вынужден был бежать в последний оплот — Староконстантинов (его белые захватили 2 декабря).

Инструктируя главу чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Польше А. Ливицкого, С. Петлюра писал 30 октября; «Никогда не забывайте, что Великая Россия, да еще такая — черной масти, как деникинская, — для нас неприемлема, и мы должны искать союзников нашей позиции относительно Деникина. В связи с этим комбинация союза против России: Польша — Украина — Латвия — Литва — Эстония совершенно приемлема для нас. Когда с помощью Польши мы получим оружие,, военная удача тогда перейдет на нашу сторону, а это приблизит возможность вступления в такой союз Кубани, Грузии и Азербайджана, реализуя таким образом систему коалиции Балтийско-Черноморских государств»^[447]. Поляки, правда, не

торопились делиться оружием, их смущали восстания украинцев против поляков на Волыни.

Выступая на политическом совещании 26 ноября — по сути с прощальной речью, С. Петлюра заявил: «Мы вступили на арену истории тогда, когда весь мир не знал, что такое Украина. Никто не хотел ее признавать как самостоятельное государство, никто не считал наш народ отдельной нацией. Только борьбой, упорной и бескомпромиссной, мы показали миру, что Украина есть, что ее народ живет и борется за свое право, за свою свободу и государственную независимость... Давайте признаем без гордости и без лишней скромности, что во время двухлетней нашей борьбы мы создали украинскую нацию, которая и далее будет активно бороться за свои права, за право самостоятельно и независимо от кого бы то ни было хозяйничать на своей земле»^[448]. Таким образом, с точки зрения лидера украинских националистов, украинская нация возникла лишь в огне революции и гражданской войны.

2 декабря делегацией УНР была подписана Варшавская декларация, по которой украинская делегация признавала границей Збруч и таким образом отказывалась в пользу Польши от восточной Галиции. Более того, предполагалось, что отдельное соглашение защитит польских собственников от аграрной реформы на Украине. Декларацию осудил Украинский национальный совет. Петлюра оказался в изоляции на политической сцене УНР, но это было не важно, потому что сама эта сцена оказалась на территории, контролируемой поляками или в эмиграции.

5 декабря Петлюра выехал в Варшаву. Диктатор ЗУНР Е. Петрушевич уехал в Вену, где 20 декабря 1919 г. официально денонсировал Акт соборности от 22 января 1919 г.

На территории, занятой поляками, Петлюру ждало разочарование. Украинцы были разоружены и частично интернированы в лагеря, В январе 1920 г. Петлюра жаловался Пилсудскому: «Даже горячие сторонники политики продолжения сближения Украины и Польши жалуются теперь на то, что отмеченная декларация (Варшавская декларация от 2 декабря 1919 г. — *А.Ш.*) остается мертвым словом в сравнении с суровой, далекой от этого слова действительности»^[449]. Несмотря на это Петлюра продолжил сближение в Польшей, поглощавшей украинские территории и воспринимавшей украинского союзника только на условиях его полной марионеточности.

6 декабря остатки петлюровских войск во главе с М. Омеляновичем-Павленко начали партизанский рейд по тылам Деникина («Первый зимний поход»). 24 декабря отряд

Омельяновича-Павленко занял Винницу, но находившиеся рядом силы галицийской армии не присоединились к нему, продолжая хранить верность Деникину. 31 декабря петлюровцы вошли в Умань. Вскоре тыл белых превратился в тыл красных, где петлюровцы рейдировали до 6 мая 1920 г., когда соединились с поляками.

Петлюровцам не за что было любить Махно, но в середине 1919 г. Деникин был большей угрозой. Продвижение махновцев сковывал обоз с ранеными. В этих условиях Махно идет на временный союз с Петлюрой, который тоже воевал с деникинцами. Передав «союзнику» обоз с ранеными (впоследствии Петлюра бросит их на произвол белых, нарушив договоренность с Махно), махновцы развернулись и атаковали преследовавшие их части Добровольческой армии.

5. Второй фронт

В июле-августе 1919 г. белая армия продвигалась на просторах России и Украины к Москве и Киеву. Красный фронт рушился, и восстановить его прочность не удавалось. Офицеры вглядывались в горизонт. Еще несколько победоносных сражений, и Москва колокольным звоном встретит своих освободителей. Развесив на фонарях схваченных на месте преступления большевиков, контрреволюционная Россия отпразднует победу, и жизнь покатится, как встарь. Быдло будет загнано в стойло и займется обслуживанием элиты. Вернутся времена милых ресторанных вечеров с цыганами, образцового порядка под присмотром городских, парадов под триколорами пред очами Государя (ну, или в порядке уступки моде XX века — Президента).

На фланге деникинского похода на Москву группировка генерала Слащева решала несложную задачу — добить остатки Южной группы красных, банды Махно и по возможности украинского националиста Петлюры, путающегося под ногами Российской государственности. После того, как белые лихим налетом вышибли красных из Екатеринослава и тем самым преодолели преграду Днепра, зачистка Украины казалась делом решенным. Но, когда в начале сентября белые вошли в район, где собрал свои силы Махно, возникли трудности. 6 сентября махновцы нанесли контрудар под Помощной. Они двигались со всех сторон, и нестройная толпа перед самой атакой превратилась в плотный строй. Белые отбились, но выяснилось, что Махно в это время обошел их позиции и захватил обоз с боеприпасами. Именно это ему и было нужно.

Недовольный Слащев подтянул дополнительные силы и

постановил окружить Махно. Двинулись вперед, но тут стало известно, что махновцы опять обошли белых, разгромили оставшиеся в Помощной силы и взяли эту стратегически важную станцию. При появлении свежих сил Слащева Махно отвел своих бойцов.

22 сентября Слащев отдал приказ покончить с Махно в районе Умани. Сколько можно тратить время на эту банду! Конечно, махновцы многочисленны, но ведь это — сброд, и дисциплинированные силы Добровольческой армии превосходят бандитов по своей боеспособности. Ведь гонят же они красных! Части Слащева разошлись в разные стороны, чтобы загнать зверя. Симферопольский полк белых занял Перегоновку. Ловушка захлопнулась. Но махновцев это не смутило. Они нашли щель между отрядом генерала Склярова и Симферопольским полком, просочились, заняли господствующую высоту и переправу через реку Ятрань. Отряд генерала Склярова, не подозревая об успехах Махно, вошел в Умань и принялся ждать, когда ему загонят «дичь». «Дичь» тем временем сама загоняла охотников. Симферопольский полк был вынужден оставить Перегоновку, еще не подозревая, что это начало конца.

26 сентября раздался страшный грохот — махновцы подорвали имевшийся у них запас мин, которые все равно было тяжело тащить с собой. Это был и сигнал, и «психическая атака». Кавалерия и пехотная масса ринулись на белых, поддержанные множеством пулеметов на тачанках. Деникинцы не выдержали и стали искать спасения на высотах, открыв тем самым махновцам путь к ключевым переправам и развилкам дорог. Ночью махновцы были уже везде, кавалерия преследовала отходивших и бегущих. Белые закреплялись на высотах, но махновцы наседали. Утром 27 сентября махновская кавалерийская масса смяла порядки Литовского батальона и порубала тех, кто не успел разбежаться. Эта грозная сила двигалась к реке Синюхе, отрезая путь отступления еще шести ротам белых. Побросав пулеметы, белые шли к реке по пашне, время от времени давая залпы по наседающей кавалерии. Сзади напирала пехота, но у махновцев опять кончились патроны. Их предстояло снова добыть в бою. Подкатив орудия, махновцы стали расстреливать прижатые к реке боевые порядки. Их командир капитан Гаттенбергер, поняв, что разгром неизбежен, застрелился. Перебив оставшихся белых, махновцы двинулись на Умань и выбили оттуда силы Склярова^[450]. Полки Слащева были разбиты по частям, деникинский фронт прорван на фланге. Махновская армия, погрузившись на тачанки, двинулась по глубоким тылам Деникина.

Внезапный удар, нанесенный махновцами под Перегоновкой 26-27

сентября, был сокрушительным. Три полка противника были разгромлены и почти полностью вырублены. «Никто из нас не знал, что в этот момент великая Россия проиграла войну»^{451}, — философски напишет потом один из белых офицеров, участвовавших в этих событиях.

Махновская армия ворвалась в тылы деникинцев и двинулась через всю Украину тремя колоннами в сторону Гуляйпольского района. Они обрастали крестьянами и повстанцами, остававшимися в тылу Деникина.

Белаш предложил послать несколько отрядов на север, но Махно одернул его, «упрекая в распылении армии на отряды». Волин поддержал Бе-лаша, утверждая, что такие отряды станут «будуирующим фактором третьей анархической революции на Украине»^{452}, но Махно стоял на своем — ему нужна была освобожденная территория, где можно будет начать организацию новой жизни.

Другая сторона осеннего рейда через Украину — крупнейшая вспышка классового террора махновцев. «Помещики, кулаки, урядники, священники, старшины, припрятавшиеся офицеры — все падали жертвами на пути движения махновцев»^{453}, — не без гордости пишет П. Аршинов. Часто махновцы руководствовались в своем терроризме настроениями местных крестьян, которые обвиняли того или иного представителя «господствующих классов». В случае, свидетелем которого был В. Волин, крестьяне обвиняли священника в провокации расстрела односельчан, и никто из присутствующих не захотел заступиться^{454}. «Везде крупные помещики и кулаки уничтожались в больших количествах. Этот факт в достаточной степени демонстрирует ложность распространяемого большевиками мифа о так называемом “кулацком” характере Махновского движения», — рассказывает В. Волин^{455}. В некотором отношении зажиточные крестьяне оказывались заложниками идеологических построений радикальных партий, в соответствии с которыми снисхождение к «кулакам» было признаком недостаточной революционности. Но и крестьянство не склонно было защищать «мироедов».

5 октября махновцы захватили Кичкасский мост и перешли через Днепр. Они вернулись в свой район, разлившись по нему широкой лавиной. 6-14 октября в руках махновцев оказались Мелитополь, Бердянск и Мариуполь. В Бердянске белые пытались уплыть на пароходах, но махновская артиллерия потопила их. Под угрозой оказалась ставка Деникина в Таганроге. Инфраструктура Добровольческой армии была изрядно потрепана, что затормозило деникинское наступление на север, к Москве. «Это восстание,

принявшее такие широкие размеры, расстроило наш тыл и ослабило наш фронт в наиболее трудное для него время»^{456}, — признавал А. Деникин. С фронта срочно пришлось перебрасывать части Шкуро, чтобы локализовать быстро расширяющуюся зону, контролируемую махновцами. 18 октября генерал Май-Маевский, лично занявшийся неожиданной проблемой Махно, отбил Мариуполь. Начались затяжные бои вокруг Гуляйполя. В центре «Доброволии» образовалась дыра «Махновии».

6. Взрыв горкома

В это же время неожиданный удар от махновцев получили и большевики. Когда стало известно о расстреле части махновского штаба большевиками, Махно собрал на станции Большой Токмак совещание, о котором мы знаем из показаний Льва Задова (Зиньковского), данных после возвращения в СССР. В июне 1919 г. Задов был членом контрразведки. На совещании присутствовал прибывший из Москвы анархист Казимир Ковалевич, который предложил развернуть в столице активные анархистские действия, включающие террористические акты против красного руководства. «Махно одобрил, снабдил группу деньгами»^{457}.

Ковалевич был секретарем Московской федерации анархистов. После апрельского разгрома он 6 мая 1918 г. поставил вопрос об изменении методов работы Федерации анархистов. Вероятно, Ковалевич предлагал усилить подпольную составляющую работы (это обсуждение было закрытым)^{458}. Радикальный противник большевиков, Ковалевич не нашел понимания у большинства секретарей федерации. Но весной 1919 г. ему удалось найти общий язык с анархистом Витольдом Бжостеком (мужем М. Никифоровой), затем уехавшим к Махно. Ковалевич тоже отправился на Украину, и в Харькове нашел сторонников, вернувшись с ним в Москву. После июньской катастрофы Москву отправились махновские контрразведчики Я. Глагзон и Х. Цинципер, несколько бойцов и анархистов, включая М. Никифорову. Похоже, Маруся добралась только до Харькова, после чего, встретившись с Бжостеком, повернула с ним в деникинские тылы. Они были схвачены белыми и казнены в Севастополе. В Харькове и затем в Москве группа расширилась за счет анархистов и левых эсеров. Наряду с махновцами и Ковалевичем костяк группы составили люди анархистского боевика Петра Соболева, товарища Бжостека^{459}.

Обстановка располагала леваков к самым решительным действиям.

Коммунистический режим оставил перед ними несложную альтернативу — либо культурничество, отвлеченные теоретические рассуждения и лекции, либо отправка в Красную армию с беспрекословным подчинением воинской дисциплине. Большинство анархистов, которые не ушли на фронт в первые месяцы гражданской войны, считали Красную армию карательной силой.

Часть анархистов заявляла, что в условиях белой угрозы нужно мириться с большевистским режимом, так как он все же продвигает общество к коммунизму, пусть и несовершенному. Такая позиция преобладала на съезде анархо-синдикалистов в августе 1918 г., который провозгласил советы переходной формой к коммунизму^[460]. Таков же был взгляд и анархо-коммунистов, собравшихся в декабре 1918 г. на съезд, организованный сторонниками члена ВЦИК Аполлона Карелина. Он говорил: «Только мы и коммунисты-большевики являемся в наше время реальной силой в борьбе с контрреволюционным движением. Этим и создается необходимость нашего товарищеского отношения к ним»^[461]. Так считал и Махно до июня 1919 г. После расстрела махновских командиров его позиция изменилась, совпав с мнением Ковалевича. Раз анархисты — самостоятельная сила — это нужно доказать не только на Украине, но и в Москве, где анархисты были разбиты в апреле 1918 г.

Часть анархистов предпочитала пока пропагандировать анархический идеал (впрочем, одного из лидеров пропагандистского крыла Льва Черного большевики все же расстреляют в 1921 г.). Часть, не очень-то интересующая теорией, вела полуподпольный образ жизни в ожидании «дела». Прибывшие в Москву махновские боевики и товарищи Ковалевича создали группу «Анархистов подполья» числом около 30 человек и принялись «ставить дело». Соболев возглавил боевую группу и организовал переброску взрывчатки из Брянска.

Ковалевич, который «давно мечтал о поднятии массового движения рабочих против комиссаров за октябрьские завоевания, безвластные советы и конфедерацию труда»^[462], возглавил «литературную группу» и развернул пропаганду среди рабочих. Листовки «Анархистов подполья» проникнуты ненавистью к режиму, который предал идеалы Октябрьской революции, фактически разогнал советы и установил «рабовладельческий строй»: «Отняв у рабочих все октябрьские завоевания, Совнарком пошел войной на непокорную деревню»^[463]. ««Комиссар и взятка!» — вот лозунг Совнаркомовской братии»^[464].

Листовки печатали в типографии, где работали меньшевики. За эти услуги нужно было платить. Деньги Махно подходили к концу. Вместе с максималистами и левыми эсерами «анархисты подполья» в

августесентябре провели несколько удачных эксков. С деньгами наладилось, хотя часть из них левые эсеры присвоили себе. В их крыле партии это вызвало скандал. Экстремисты были исключены из партии. Зато в кругу анархистов подпольщиков большой авторитет приобрел левый эсер Донат Черепанов — участник Октябрьского переворота и Июльского восстания левых эсеров, сторонник самой решительной борьбы с большевиками. Недавно он был исключен из партии, но исключения не признавал. Идеино Черепанов перешел на позиции синдикализма, так что от анархистов мало отличался. Сотрудничество «анархистов подполья» с изгоями из партии левых эсеров было закреплено созданием совместного «Всероссийского Повстанческого Комитета Революционный партизан». В его штаб вошли Ковалевич и Черепанов.

«Анархисты подполья» не очень-то скрывались, спорили с анархистами-пропагандистами о необходимости «реального дела», но большевикам было не до них — к Москве приближался Деникин.

Между собой «революционные партизаны» обсуждали, где и как нанести террористический удар по большевикам — отомстить за махновских командиров и дезорганизовать власть. Споры шли бурные — покушаться ли на Ленина, или он — честный революционер. Тогда — ударить по ЧК. Нет, она подчиняется партии. Значит — нужно бить по партии. И потом теракт должен стать еще и сигналом к рабочим, чтобы выступить против большевиков. Соболев, подражая народовольцу Халтурину, намеревался устроить взрыв резиденции врага — Кремля, но для этого нужно было слишком много взрывчатки, и он ее методично накапливал. Обсуждали, не взорвать ли что-то во время Октябрьских торжеств,...

Терроризм — обычное оружие в арсенале политической борьбы того времени, тем более — в обстановке гражданской войны, когда политический противник был в то же время и военным. Но террорист террористу рознь. Для одних террористов убийство — ремесло. Профессиональные киллеры шлифуют квалификацию и не выбирают цели — это дело начальника, хозяина или клиента. Заказчик знает, зачем нужно уничтожить цель, а дело исполнителя — сделать дело. Ему все равно, кого убивать — политиков, бизнесменов, случайных прохожих, детей в школе... Ничего личного — только бизнес. Для других террористов — теракт — результат их идейного выбора. Они могут быть дилетантами в этом деле, но такие террористы сами решают, где и почему должен быть нанесен удар. Террорист-идеалист при этом как правило плохо разбирается в перипетиях политической борьбы. Он не вхож в коридоры, где принимаются решения. Он целится

в символы власти, не зная, каков ее механизм, кто придет на место убитого и каково будет изменение политического курса в результате теракта. Потому большинство терактов, совершенных из идейных соображений, ведет совсем не к тем результатам, которые планировались. Народовольцы хотели вызвать революцию, а спровоцировали реакцию. Выстрел Николаева в Кирова стал поводом для волны террора. Поджог рейхстага леваком-антифашистом Ван дер Люббе только укрепил режим Гитлера.

Анархисты подполья хотели вернуть страну к идеалам Октябрьской революции, но не знали, куда бить. Ложной была сама посылка — с помощью взрывов нельзя сделать страну свободней. Можно дезорганизовать противника, и если бы на Москву наступал Махно, взрывы можно было бы рассматривать как чисто военную операцию — тогда были бы понятны и цели — военные объекты. «Анархисты подполья» обвиняли большевиков в том, что они собираются сдать Москву Деникину в то время, как анархистские партизаны наступают на белых на Украине и в Сибири. Подпольщикам казалось, что падение большевиков в Москве только улучшит перспективы революции, но реальная ситуация была иной. Махно и большевики могли разбить Деникина только вместе. Дезорганизация коммунистического руководства в момент натиска Деникина давал белым шансы на победу. Захватив Москву, белые получали бы господствующую стратегическую позицию в гражданской войне.

Анархисты подполья стремились «снова воскресить революционный порыв». Нужно разогнать Совнарком, уничтожить чрезвычайки. Нужно «вернуть то, что было в Октябре»¹⁴⁶⁵. Это было бы понятно в 1921 г., когда белая угроза миновала. Но «бунт и восстание» в 1919 г. могли дезорганизовать тыл красных также, как Махно дезорганизовал тыл белых. Деникин, которому «анархисты подполья» совсем не сочувствовали, объективно мог выиграть от мести Махно большевикам, которую были готовы осуществить «Анархисты подполья». Но невольно они стали инструментом мести еще одного человека...

Пока цель так и не выбрали. Ждали какого-то хорошего повода для акции. Основные запасы динамита хранились на даче в Красково, но кое-что было заначено и по квартирам. Пропаганда оставалась основным направлением работы. Выпустили листовку о махновцах, другие листовки и газету «Анархия».

25 сентября к Соболеву зашел Черепанов, который предложил «цель». Он говорил, что в Московском горкоме коммунистов сегодня состоится заседание, где коммунистическая верхушка будет обсуждать

меры сдачи Москвы Деникину и одновременно — террора против левой оппозиции. На самом деле Черепанов был не в курсе, что там будет за совещание, но он хорошо знал здание горкома в Леонтьевском переулке — до разгрома левых эсеров там располагался их горком. Проходя мимо здания, где все было знакомо, он только распалаял свое чувство мести к партии, которая предала революцию, установила свою диктатуру вместо диктатуры трудящихся классов и, что немаловажно, отобрала это здание. Так не достанься же оно никому.

Черепанов поделился идеей взрыва горкома с Соболевым, и ему она понравилась. Со своими ребятами он снарядил полуторапудовую динамитно-пироксилиновую бомбу. При этом они даже не посоветовались с остальной частью группы. П. Соболев, А. Попов (Барановский), М. Гречаников, Я. Глагзон, левый эсер Н. Николаев и Черепанов отправились к зданию горкома. Черепанов показал, где можно хорошо перелезть через ограду, чтобы подойти к окну зала заседаний. После этого он, сделав дело, удалился. Соболев с помощью остальных приблизился к окну, запалил фитиль, и бросил ящик с бомбой в окно.

Между тем 25 сентября в МГК в здании происходило совещание по вопросам пропаганды. Из важных персон присутствовали Н. Бухарин, Л. Преображенский, А. Мясников, М. Ольминский и Е. Ярославский. Они инструктировали низовой пропагандистский актив и лекторов по вопросам текущего момента и организации пропаганды, мобилизации сочувствующих на борьбу с Деникиным. Рутинные вопросы этого времени. После основных докладов часть присутствующих стала выходить из зала. Как раз в момент этой сумятицы в окно с шипением влетел ящик. Секретарь МГК РКП(б) Владимир Загорский бросился к бомбе, чтобы что-то предпринять. В этот момент раздался взрыв. Обрушило заднюю стену и крышу. Погибло 12 человек, включая В. Загорского, было ранено 55 большевиков, включая Бухарина, Ольминского, Ярославского и Мясникова (они были ранены легко). Большинство погибших и раненых были низовыми работниками, что вызвало разочарование террористов — такого результата они не ждали.

Позднее, уже после ареста, Черепанов говорил Дзержинскому: «Конечно, только нужно сожалеть о том, что жертвами взрыва были не видные партийные работники и никто из более крупных не пострадал. Этот акт, по нашему мнению, должен был революционизировать массы и указать путь, по которому должны идти настоящие революционеры: путь террора и ударов по голове насильников.

На замечание, что при взрыве пострадало много незначительных работников, укажу, что ваша чрезвычайка в этом отношении не

лучше»^[466]. Это было самоутешение. Вряд ли «анархисты подполья» хотели начать свою войну в Москве с удара по лекторам и районным организаторам. Но что сделано, то сделано, и Ковалевич берется за перо, чтобы обосновать теракт и обещать большевикам новые неприятности: «Первый акт совершен, за ним последуют сотни других актов, если палачи революции своевременно сами не разбегутся»^[467]. В листовках «анархистов подполья» утверждалось, что в горкоме собралась «верхушка» коммунистов, которая планировала новые репрессии против рабочих.

Взрыв способствовал поднятию авторитета большевиков. Были устроены торжественные похороны жертв взрыва. ЧК произвела массовые расстрелы «заложников буржуазии». Считалось, что взрыв — дело рук белых, рвавшихся к Москве. Но тут появились листовки «анархистов подполья», в которых говорилось, что 25 сентября большевики в горкоме обсуждали меры «борьбы с бунтующим народом» и за это поплатились. Нужно «стереть с лица земли строй комиссародержавия» и установить «вольную федерацию трудящихся и угнетенных масс». Листовка, подписанная Всероссийским повстанческим комитетом революционных партизан, прямо говорила, что взрыв горкома — это месть за расстрел махновских командиров. Почувствовав силу после взрыва горкома, анархисты угрожают: «посмотрим, кто кого распорет».

Это было жутко — новый враг, невидимый и непримиримый. Махновское нашествие на Москву. Сколько их, этих метальщиков динамита, что они еще взорвут? Целый месяц их не удавалось обнаружить. Новых актов не следовало — видимо, разочарованные первым опытом, «революционные партизаны» дебатировали, каким должен быть новый удар. Время от времени появлялись листовки с новыми обвинениями против коммунистов и угрозами. 23 октября, в канун второй годовщины Октября, «анархисты подполья» выпустили газету «Анархия», в которой говорилось: «Взрыв в Леонтьевском переулке — это очевидное начало новой фазы борьбы революционных элементов с красными политическими авантюристами»^[468]. Полемизируя с большевиками и их союзниками, Ковалевич показывает неплохое знание анархистской теории, почти цитируя полемику Бакунина против Маркса: рабочий класс не находится у власти, в органах власти — лишь отдельные рабочие, но и «они теперь лишь бывшие рабочие, оторванные от своего класса. Угнетенные по существу не могут быть у власти, если же власть называет себя “пролетарской”, то это даже худший обман... Я верю, что у вас лично, субъективно могут быть хорошие намерения, но объективно, по

существо, вы представители класса чиновничьей бюрократии...»^[469]

Как и махновцы, воюя с коммунистами, анархисты подполья обращаются к их совести, субъективной честности. Вы же служите деспотическому эксплуататорскому классу!

Критикуя режим, Ковалевич не мог объяснить: каким образом динамитная борьба может покончить с «новым рабовладельческим строем», установленным коммунистами, и заменить его «вольной конфедерацией»?

ЧК взялось за дело серьезно. Обложили все известные квартиры леваков — анархистов, максималистов, левых эсеров.

3 ноября на одной из квартир был арестован участник организации М. Тямин. Сначала он отнекивался, но потом, спасая жизнь, «запел», рассказал о даче в Красково, где базировались подпольщики. ЧК окружило дачу, где находились Глаззон, изготовитель бомб В. Азов и еще четыре анархиста. Подпольщики отстреливались, но прорваться не могли. Внезапно дача взлетела на воздух. Кто принял самоубийственное решение, навсегда останется тайной. С дачи спасся только Попов, который вышел «по нужде» и заметил чекистов.

Засады приносили богатый урожай. На проваленных явках были застигнуты Ковалевич и Соболев, они отстреливались, кидали гранаты, но были убиты. Затем были арестованы Попов, Цинципер, Гречаников, Николаев, печатник Павел Исаев, издававший газету, боевики Домбровский, Хлебныйский, подпольщик Восходов. Все они были расстреляны. Уже в 1920 г. был арестован Черепанов. Его отправили в тюрьму. Часть группы не была арестована и скрылась из Москвы, но за исключением Черепанова это были второстепенные активисты.

Так или иначе, Махно отомстил за свой штаб. Но ценой этой мести стали новая компрометация городского анархизма и невозможность создания дееспособного подполья анархистов в столице. Взрыв горкома партии привел к тому, что подполье было выкорчевано. В дальнейшем Махно имел дело с союзниками только на Украине.

7. Махновский район в тылу белых

Оправившись от первого удара махновцев, деникинцы отбили прибрежные города и развернулись на Гуляйполе. Против повстанцев действовали 2 Терская дивизия Шкуро, 3 армейский крымский корпус Слащева, 4 сводная дивизия и тыловые части — всего около 60 тыс. солдат.

«Операции против Махно были чрезвычайно трудными. Особенно хорошо действовала конница Махно, бывшая первое время почти

неуловимой, часто нападала на наши обозы, появлялась в тылу и т. п. Вообще же махновские “войска” отличаются от большевиков своей боеспособностью и стойкостью»^{470}, — рассказывал начальник штаба 4-й дивизии слащевцев полковник Дубего.

Белые стремились отбить у махновцев Александровск. Но в этот момент Махно готовил невероятный по дерзости ход. «В Екатеринославе 25 октября был базарный день, — вспоминал один из членов Екатеринославского губкома РКП(б). — Со стороны степи в город вкатилось много подвод, нагруженных овощами и особенно капустой. Часа в 4 дня с верхнего базара начался оглушительный пулеметный бой, оказалось, что под капустой на подводах были пулеметы, а продавцы овощей составляли передовой отряд махновцев; за этим отрядом последовала целая армия, пришедшая со стороны степи, откуда деникинцы нападения не ждали»^{471}.¹¹ Оказывается, Махно с ударной группой прошел по правому берегу Днепра, что позволило ему ударить в тыл деникинцам и взять крупный город.

По воспоминаниям Р. Кургана, «махновцы пробыли в городе 8 дней. За эту неделю население отдохнуло от постоянного страха и напряжения, в котором оно пребывало при добровольцах. Ни одного грабежа, ни одного убийства, кроме расстрелов захваченных офицеров, за это время в городе не было»^{472}.

Конечно, махновская армия не была застрахована от грабежей, что признается и в документах за подписью Махно. Но характерно, что эти документы посвящены борьбе с грабежами: «Революционным повстанцам вменить в обязанность прекратить всякую самочинную конфискацию лошадей, бричек и проч. предметов... Командиры и революционеры-повстанцы должны обратить серьезное внимание на грабежи и в корне пресечь таковые».^{473}

* * *

8 ноября белые начали штурм Александровска. На подступах к городу развернулось встречное сражение. Из рук в руки переходил и стратегически важный Кичкасский мост. Окрестности Александровска покрылись сотнями порубанных, пострелянных людей. И город, и мост остались за махновцами. Махно понимал, что если белые подтянут подкрепления, то он может оказаться здесь в ловушке. Его коньком была маневренная, а не позиционная война. Повстанцы без боя

¹¹ По данным В. Белаша это событие произошло 28 октября. Но Белаш не всегда точен, и в данном случае вероятно ошибается — дата 25 октября подтверждается и источниками белых: см. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. с.241.

оставили Александровск, переправились на правый берег, чтобы перенести свою главную базу в Екатеринослав — более крупный город. Надо же такому случиться, что и Слащев во время этого затишья совершил бросок на Екатеринослав. Внезапным налетом белые прорвались через Екатеринославский мост и заняли город силами 1 Туземной дивизии (около 7000 штыков и сабель). Судьба ее была печальна. Подошедшая армия махновцев численностью около 11 тысяч бойцов первым делом отбила мост, отрезав белых в городе от основных сил. Кто не сумел переплыть Днепр или спастись бегством на север, были убиты. 11 ноября Екатеринослав на месяц (вплоть до 19 декабря) перешел в руки махновцев. 17 ноября начался обстрел города с белых бронепоездов. 19 ноября Чубенко взорвал мост через Днепр.

В начале ноября махновцы вели бои в районе Екатеринослава, Александровска, Большого Токмака, Полог, Орехова, Гуляйполя и Бердянска^{474}. Хотя на сплошной фронт сил не было ни у одной из сторон, чтобы удерживать такой большой район в сердцевине деникинской территории, махновцам необходимы были значительные силы.

После возвращения в родной район армия махновцев начинает быстро расти за счет добровольной мобилизации. Махновская армия пополнялась и за счет отрядов, переходивших под анархистские знамена из-под желто-блакитных — из бывших петлюровцев была сформирована «Вольно-Казачья Повстанческая группа Екатеринославщины» под командованием Гладченко. Обсуждался также вопрос о союзе с махновцами петлюровских отрядов, не сменивших идеологическую ориентацию, но здесь Махно был непреклонен. Белаш вспоминал: «...УНР — наш классовый враг. Ни одной винтовки я не позволю выпустить из армии для этого империалистического вассала», — кричал Махно на эсеров»^{475}. Под общим командованием Махно действовали самостоятельные отряды Шубы и Мятажа.

По данным начштаба Белаша махновская армия в это время достигает численности от 40 до 110 тысяч человек^{476} (последняя цифра — явное преувеличение). Она была разделена на 4 корпуса — Донской (командир Калашников), Азовский (Вдовиченко), Екатеринославский (Гавриленко), Крымский (Павловский). Четверть сил махновцев составляла кавалерия. Грозным оружием была тысяча пулеметных тачанок.

Штаб армии в это время превратился в разветвленную структуру с оперативной и административной частью и многочисленными отделами-инспекторатами. Инспектором кавалерии был Долженко,

артиллерии — Морозов, артиллерийского снабжения — Данилов, продовольственного снабжения — Серегин, подрывного дела — Чубенко, связи — матрос с «Потемкина» Дерменджи.

Многотысячную армию нужно было снабжать. Отдел снабжения штаба располагал полевыми структурами в армии и окружным заготовительным аппаратом. За ноябрь (на зависть большевикам) удалось заготовить 3,5 миллионов пудов зерна и муки, что позволило установить в войсках хорошее продовольственное довольствие. Заготовки осуществлялись за счет пожертвований, постоев, реквизиций у зажиточных слоев (как и у большевиков — в союзе с бедняками), закупок и трофеев^{477}. С грабежами Махно по-прежнему жестоко боролся. Молодой в то время коммунист Е. Орлов вспоминал: «Нет, грабежей не было. Был приказ: за грабежи — расстрел. Я как-то раз шел из дома и неподалеку от штаба Махно смотрю: два трупа лежат, народ толпится. Что такое? Да вот, — говорят — сам Махно расстрелял за грабежи...»^{478}.

Главной опорой махновцев в освобожденном ими районе по-прежнему оставалась среднее крестьянство, объединенное самоуправляемыми советами. Вообще влиянием в деревнях левобережья кроме махновцев пользовались только эсеры. Об этом сообщала подпольная коммунистическая группа Яши-Домье-Бакова, добавляя: «к “большевикам” относятся сочувственно, к коммунистам — отрицательно»^{479}. Крестьяне хорошо помнили различие в политике партии Ленина в 1917 — начале 1918 г. и в 1919 г. «Махно развивает усиленную агитацию, — продолжали подпольщики, — противопоставить ей свою агитацию не можем в виду отсутствия агитационных сил».^{480}

Сельские сходы принимали резолюции в поддержку махновцев: «Только батяно Махно и его армия могут установить настоящую справедливую жизнь и уничтожить всех врагов крестьян; поэтому все честные селяне должны идти в армию Махно, посылать сыновей, оказывать помощь продовольствием, лошадьми и всем, что потребно храбрым повстанцам»^{481}. Эта резолюция напоминает нам и о механизме «добровольной мобилизации», который вновь ложится в основу комплектования махновской армии. Собрание граждан Никольской волости постановило, например, 2 ноября 1919 г.: «Собрание, обсудив разыгравшиеся на Украине события повстанческого движения против угнетателей — добровольческой деникинской армии, которая проводит террор, убийства, грабежи, насилия над жителями и поджоги их домов и даже целых сел, и желая прийти на помощь повстанческому движению для изгнания

насильников из Украины и добытая народу земли и воли и полного порядка (Как не вспомнить известный лозунг о том, что анархия — мать порядка — *А.Ш.*) — постановило: объявить добровольную мобилизацию немедленно по Никопольской волости мужскому населению в возрасте от 18 до 25 лет, которым немедленно выступить на фронт повстанцев, а от 25 до 45 лет оставить дома и поручить им самообрану в селах. В связи с этим организовать комиссию для оказания всякой помощи неимущим мобилизованным ушедшим на фронт... Командировать в Екатеринослав 3-х человек для получения указания и командировки человека из штаба повстанческой армии для формирования полка на месте. Просить также штаб о выдаче и оружия для самообраны»^[482]. Этот фрагмент подробно раскрывает механизм мобилизации и самообраны в махновском районе.

Позднее съезд организаций трудящихся и повстанцев в Александровске принял резолюцию о добровольной мобилизации: «Съезд, отрицая в принципе регулярную армию, построенную на началах принудительной мобилизации..., в виду тяжелого положения на фронте..., постановляет... провести на территории, освобожденной повстанческой армией (махновцев), добровольную уравнительную мобилизацию за 30 лет, то есть от 19-48 лет... Формирование производится по территориальному признаку (по селам, волостям, уездам) с выборным командным составом, хозяйственно-судебными органами при частях, начиная от полков»^[483]. Для проведения мобилизации была создана агитационная комиссия.

Белаш вспоминал о том, как проходила мобилизация: «аппарат отдела формирования собирает общество на “деловой” митинг, где рисует военную и политическую обстановку, призывая дать свое согласие на мобилизацию известных классов населения. Обыкновенно, население давало свое согласие и заносило его в протокол...»^[484]

Интересно, что «добровольная мобилизация» была осуждена многими городскими анархистами, увидевшими в ней покушение на свободу. Орган Петроградской федерации анархо-синдикалистов «Вольный труд» писал: «Из двух одно: или она была добровольная, и тогда не при чем принудительный набор, или она была принудительной, и тогда незачем было прикрываться флагом добровольности»^[485]. Сами махновцы решали это противоречие с помощью морального давления общины: раз мир добровольно решил мобилизовываться — будь добр, иди воевать вместе с соседями. Смысл «добровольной мобилизации» заключался не в праве индивидуального выбора — служить или нет (принцип профессиональной армии), а в согласии населения и в самоорганизации вооруженных сил. Бойцы

избирали своих командиров. Командный состав от комполка и выше назначался по представлению подчиненных на собраниях комсостава корпуса или армии^{486}. Выборность комсостава давала бойцам стимул проявлять инициативу (можно быстро выбиться в командиры), а начальникам — заботиться о бойцах.

Необходимость координации развернувшегося процесса мобилизации, потребность в решении других неотложных вопросов — все это требовало создания политических органов, организации власти. Здесь перед махновцами встали две возможности: установление обычной для того времени военной диктатуры либо дополнение военной власти гражданскими органами, опирающимися на крестьянское самоуправление. Первый путь поддерживала военная группировка, состоявшая из большинства старых командиров, входивших в Союз анархистов. Она выступала даже за ликвидацию ВРС^{487}. Часть командиров, идейные анархисты во главе с Волиным и Иосифом, а также общественные организации района выступали за второй вариант. Между военной группировкой и ВРС сложились напряженные отношения, тем более, что Волин (по крайней мере, по его словам) выступал против «антисемитских настроений, разгула и пьянства части комсостава»^{488}. Однако Махно не собирался отказываться от своих политических идей под давлением военного крыла движения. Он поддержал идею созыва съезда крестьян, рабочих и повстанцев, который должен был укрепить обратную связь между махновским движением и населением.

* * *

10 октября культпросвет ВРС созвал собрание с участием рабочих, на котором была принята резолюция о необходимости созыва в ближайшее время съезда «рабочих и крестьян города Александровска и ближайших окрестных сел» не позднее 14 октября. Однако эта инициатива была раскритикована профсоюзами, которые обратили внимание на отсутствие единых норм представительства и краткость срока созыва съезда, что не позволяло воспользоваться демократическими процедурами. Собрание, организованное культпросветом, было названо в ответе профсоюзов «частным совещанием»^{489}. Несмотря на возмущение Волина, руководство движения пошло навстречу рабочим, и сроки съезда были перенесены. Впрочем, как вспоминает Волин, «никакой избирательной кампании не было»^{490}, делегаты избирались организациями трудящихся и повстанческими частями.

Съезд, открывшийся 28 октября 1919 г. в Александровске, по замыслу созвавшего его Военно-революционного совета, носил предварительный характер. По сообщению члена Александровского комитета КПУ С. Новицкого выборы были неравноправными. Но если в большевистской зоне рабочим предоставлялись привилегии, то в махновском районе их представительство, напротив, было умалено: «Выбор делегатов на съезд по местам от крестьян происходил небольшими сходами, один делегат от небольшого села, а в других селах уже были сельские советы, которые являлись от совета по одному представителю. Рабочие же могли послать одного представителя от каждого профессионального союза»^[491]. Эта непривычная для большевиков практика незначительно искажала реальную социальную расстановку в махновском районе, где количество крестьян значительно превосходило число рабочих. В итоге съезд состоял из 217 делегатов от крестьян, 37 — от рабочих и 17 — от воинских частей, а также из членов ВРС. Были представлены Александровский, Бердянский, Мариупольский, Мелитопольский и Ореховский уезды^[492]. Участники съезда, названного «первым беспартийным на всем земном шаре»^[493], должны были решить вопросы, не терпящие отлагательства и принять политическую декларацию. Основные же вопросы социально-политического устройства следовало решать большому съезду, созыв которого могла подготовить созданная Александровским съездом комиссия.

Для того, чтобы провести на съезде свои решения, ВРС пришлось немало потрудиться — форум был многопартийным: кроме анархистов и беспартийных в его работе активно участвовали меньшевики, эсеры, левые эсеры и коммунисты. Последние провели на съезд несколько человек, в том числе члена уездного комитета С. Новицкого^[494] и агента белых (о чем большевики, конечно, не знали) А. Орлова^[495].

Чтобы держать ход съезда под своим контролем, ВРС занял места в президиуме, допуская в этом смысле лишь ограниченную демократию. Представитель ВРС Волин предлагал:

«Либо назначить в президиум съезда президиум Военно-революционного совета, созвавшего съезд по военным вопросам момента, либо избрать из состава съезда особый президиум Военно-революционного совета и пополнить его тремя делегатами»^[496]. Естественно, что такая странная демократия вызвала первые уколы оппозиции: «Вы нам говорите, что советы могут организовать безвластие, и что мы можем жить при таких советах, а сами этому не следуете. А вы кто? Не власть? Председательствуете, даете слово ораторам, приказываете не шуметь, а захотите — и не

дадите слова»^{497}. Представитель социалистов обвинял анархистов в навязывании своего ведущего и стремлении к манипулированию делегатами^{498}.

Много лет спустя Волин так увязывал свою политическую практику и антиавторитарные теоретические принципы: «Принимая на себя инициативу по созыву регионального трудового съезда, махновцы брались за очень деликатную задачу. Они хотели придать важный импульс активности населения, который был необходим, похвален и понятен. Но с другой стороны, они должны были избежать навязывания себя съезду и населению, они должны были избежать появления диктаторства... Я объявил делегатам, что моя роль будет строго ограничена техническим ведением съезда...»^{499} Впрочем, справедливости ради надо отметить, что предположение критиков о том, что кто-то может не получить слова, носило гипотетический характер, ибо махновцы вели съезд относительно «либерально» (левые эсеры требовали даже более решительного и авторитарного ведения^{500}). Это давало оппозиции немало возможностей.

Прежде всего вспыхнула полемика по порядку дня. Позиция ВРС была следующей: «Совет считает этот съезд неправомочным решать крупные вопросы общественного и хозяйственного строительства, подлежащие предварительному обсуждению на местах и решению широкого, тщательно организованного съезда, созываемого самими рабочими и крестьянами. Некоторые же находят, что данный съезд должен вырешить также целый ряд крупных экономических вопросов и, затем, создать центральный руководящий орган (“голову”), который провел бы решения съезда в жизнь»^{501}.

Как видим, «некоторые» стремились к созданию гражданских органов власти, что угрожало позициям ВРС. Инерция власти, следовательно, затягивала и анархистов. Сам Махно так определял свое отношение к власти: «Мы — военное командование, наше дело — бить кадетов, а гражданскую власть, раз уж без власти обойтись не можете, создайте себе сами»^{502}. Один из делегатов предложил прежде повестки обсудить содержание термина «буржуазия», которым делегаты обозначали враждебные им силы «справа» (вероятно, автор этого предложения опасался расширительного толкования термина). Это предложение было воспринято делегатами как решение «заболтать» съезд: «Что за птица этот делегат? Кто его послал? Если после всего, что произошло, он не знает, что такое буржуазия, то они сделали плохой выбор, послав его сюда!»^{503} Большинство съезда поддержало махновцев. П. Аршинов, уже отсутствовавший в это время в районе, несколько сгущая краски, пишет об этом: «В первый день

представители политических партий пытались внести в общую работу съезда дух раздора, но тут же были осуждены всем съездом»^{504}.

Принятая в результате повестка дня отражала позицию ВРС, но оставляла богатые возможности для представителей партий выразить свою позицию по самым важным вопросам. Она содержала следующие пункты:

«1. Текущий момент

а) общее политическое положение

б) военное положение

2. Доклады с мест

3. Организация военных повстанческих сил (мобилизация, вооружение, повстанческие районы и распределение повстанческих сил, самооборона и бандитизм)

4. Организация снабжения повстанческой армии

5. Создание съездом комиссии из крестьян, рабочих и повстанцев для созыва дальнейших съездов (местных и областного) в целях начала общественно-хозяйственного строительства

6. Разные вопросы»^{505}.

Как и следовало ожидать, основная дискуссия развернулась по вопросу о политическом положении. С докладом выступил В. Волин, который «указал, что коммунисты-большевики не смогли удержаться на Украине через своих комиссаров, чрезвычай и власти, и по его убеждению крестьяне и рабочие Украины сами смогут построить себе жизнь без политических партий и власти. А затем была предложена резолюция о провозглашении третьей крестьянской революции на Украине», — докладывал С. Новицкий^{506}.

На съезде была оглашена Декларация ВРС, которую должен был принять более представительный съезд. По словам Махно, «проект декларации повстанцев-махновцев есть поспешный плод работы нашей Гуляйпольской группы анархо-коммунистов...» Текст был отредактирован Волиным^{507}.

Руководители движения в этом манифесте обещают после победы «Третьей революции» оставить руководящие посты: «Мы... растворимся в миллионных рядах восставшего народа и приступим рука об руку с ним к свободному строительству истинно новой жизни»^{508}. Но условием этого должна стать победа безвластия, ожидавшаяся в ближайшем будущем: «Решительное столкновение между идеей вольной безвластной организации... и идеей политической власти, таким образом, неизбежно»^{509}.

Вслед за абстрактными декларациями следует конкретная программа насущных преобразований. В области сельского хозяйства:

«Задача восстановления и необходимого быстрого усовершенствования нашего отсталого и разрушенного сельского хозяйства требует, чтобы способы и пути нового землеустройства были предоставлены совершенно свободному и естественному решению и движению всего трудового крестьянства»^{510}. Это предполагало передачу земельных излишков местному обществу, ликвидацию совхозов, отмену декрета о национализации земли. «Вся земля, по мере изъятия ее из рук частных собственников, должна поступать не во владение государства, а в ведение и распоряжение тех, кто на ней трудится»^{511}. Крестьяне на местах сами должны решить, как им распорядиться землей. Кулачество будет естественным путем втянуто в общую организацию сельского хозяйства, после изъятия от земельных излишков, разумеется.

Аналогичный подход виден и в решении рабочего вопроса: «Возможно лишь одно верное и справедливое разрешение рабочего вопроса: все средства, материалы и орудия труда, производства, транспорта и сношения... должны поступить в полное ведение и распоряжение не государства — этого нового хозяина и эксплуататора, пользующегося наемным трудом и угнетающего рабочих не меньше, чем отдельные предприниматели, — но свободных рабочих союзов и организаций, естественно и свободно же снизу объединяющихся между собою и с крестьянскими организациями при посредстве экономических советов»^{512}. Далее следует идея координации самоуправляющихся предприятий и хозяйств, которая должна быстро привести к слиянию общества воедино: «Необходим один трудовой союз, одна рабоче-крестьянская семья»^{513}. Эта анархо-коммунистическая идея сближает махновцев с современными им левыми политическими течениями — почти все они ожидают скорейшего воплощения своих идеалов. Идеалы эти были привлекательны, но практическое значение имели все же конкретные пути к свободе и справедливости, понимаемые так по-разному.

В своей Декларации махновский штаб не преминул обрушиться на те методы, которые избрала для достижения идеала коммунизма РКП(б). Первоначально предложенные партией большевиков «общие лозунги совпали с инстинктивными стремлениями трудящихся масс, которые и поддержали ее в решительный момент»^{514}. Здесь имеется в виду близость программы большевиков до их прихода к власти к идеям анархо-коммунизма. «Но уже очень скоро начинает делаться ясным, что эта партия и эта власть, подобно всякой партии и всякой власти, будучи абсолютно бессильной в деле осуществления великих задач социальной революции, в то же время парализует свободную творческую деятельность самих трудовых масс... Прибирая к своим

рукам (формально — к рукам государства) всю хозяйственную и общественную жизнь, неизбежно создавая новые политические и экономические привилегии, эта партия и эта власть убивают в корне социальную революцию»^{515}.

Обсуждение проекта Декларации началось уже в Александровске. Предложение закрепить в ней принцип вольных советов как суверенных органов самоуправления вызвало возражения со стороны части рабочей делегации и отдельных крестьян: «А как же будет безвластие? Если между двумя нашими селами сломается мост, то кто же будет исправлять? Так как ни наше село, ни другое не захочет его исправлять (странное предположение, если учесть, что вопросом ремонта мостов занималось местное самоуправление. — *А.Ш.*), а потому будет некому, то мы останемся без моста и не будем ездить в город»^{516}. Предположение о том, что крестьяне останутся без моста, будучи не в силах сами договориться о том, как его отремонтировать, видимо, не возымело действия на съезд. Большинство крестьянских и повстанческих делегатов высказывалось за идею вольных советов, В то же время в своей декларации махновцы лишней раз подчеркнули, что речь идет не о ненужности какой бы то ни было координации, а лишь о перемещении власти вниз, ближе к людям: «В целях широкого объединения и взаимной связи все эти организации — производственные, профессиональные, распределительные, транспортные и другие — естественно создают снизу вверх объединяющие их органы в виде экономических советов, выполняющих техническую задачу регулирования общественно-хозяйственной жизни в широком масштабе»^{517}.

Единственная альтернатива советской системе была предложена меньшевистско-эсеровской частью рабочей делегации, выступившей за Учредительное собрание. Лозунг Учредительного собрания лежал в основе программ умеренных социалистических партий, но лозунг новых парламентских выборов был провозглашен и главным военным противником махновцев — Деникиным. Неожиданное проявление на съезде «деникинской пропаганды» вызвало чрезвычайно острую реакцию со стороны Махно. Выступая 30 октября он произнес колоритную речь, все сильнее распаляясь: «Не скрываясь от вас, я смею сказать, что здесь, на данном собрании, где собрались в первый раз крестьяне и рабочие, чтобы свободно высказаться и обменяться мнениями, а также решить судьбу свою и сказать в последний раз, что жить или умереть, что здесь ведется подпольная агитация со стороны меньшевиков, на которую я смею указать лично, что здесь не место политическим шарлатанам, которые сеют между крестьянами и

рабочими недовольство друг к другу, натравливая одного на другого. И еще раз повторяю, что выйдите все подлые агитаторы и покажите себя свободному народу, который не желает всяких навязываний и диктатов! Скажите честно — не врите, и объявите, кто вы такие, не надо же быть двуличными и прикрываться. Вы скажите ясно, что вы — эсеры, вы навязываете народу власть и диктуете, как им жить. И скажите, что вы не боретесь за освобождение трудящихся, а только сеете свои нахальные диктаты. Что вы думаете — чтобы опять прикрываться за чужими спинами и выезжать на них? Я вас, шарлатанов, хорошо знаю. Так выйдите и не мешайте строить жизнь так, как хотят вольные крестьяне и рабочие. Вы — Поповы, Мухины, Крыловы-Мартыновы, а также прихвостни вашей партии: уйдите, уйдите же отсюда, не мешайте строить то, что подсказывает каждому трудящемуся сама жизнь. Проклятье вам, что вы подлецы и контрреволюционеры! Вы не смеете носить имя честного революционера, вы его недостойны!

...Крестьяне и рабочие, и вы, трудовая интеллигенция! Идите на защиту и подавление контрреволюции. Не давайте пощады всяким эксплуататорам и кровопийцам, политическим шарлатанам, которые не напились еще вашей крови. Гоните их вон, чтобы не было их в свободной стране, где люд хочет свободно жить, дышать и строить себе жизнь, как он хочет!»^{518}

В ответ делегат Боголюбова заявила, «что нанесенное оскорбление командующим армией для них больно, так как они — такие же рабочие, как и все, и присланы на съезд от рабочих, то смеют сказать, что они, рабочие, видят одно — что со стороны командующего армией подозрение падает на всех рабочих, что они вынуждены уйти из зала собрания и сказать своим, кто их делегировал, что этот съезд не для крестьян, рабочих и повстанцев, а только для крестьян и повстанцев»^{519}. После этого 18 из 30 делегатов от рабочих покинули съезд. Хотя в зал быстро доставили других рабочих, и Махно объяснял, что заклеил вовсе не всех рабочих, а только «шарлатанов» из партий, было положено начало конфликту между махновцами и рабочими крупной промышленности, находившимися под влиянием социал-демократов.

Отношение к махновцам в промышленных центрах в октябре 1919 г. было разное. По воспоминаниям профактивиста Щапа, в совете профсоюзов разгорелась дискуссия об отношении к махновцам. Одна часть профработников «искала возможности “делового” разграничения сфер влияния между союзниками и повстанцами»^{520}. Коммунисты предлагали создать претендующий на власть Совет рабочих депутатов и оценивать махновцев по отношению к нему. Это, естественно, не

устраивало меньшевиков, тем более, что они изначально были настроены в отношении махновцев непримиримо: «Махновцы не власть, а банда, с которой ни о чем нельзя и не следует говорить; они скоро уйдут, а после них неизвестно, что будет»^{521}. Но махновцы не ушли, а принялись создавать относительно демократическую власть.

Военные вопросы повестки дня съезда не вызвали серьезных возражений у делегатов. Необходимость обороны от деникинцев понимали все, а относительно мягкий порядок добровольной мобилизации и снабжения армии серьезных возражений не вызывал. «Содержание армии по резолюции съезда должно было покоиться на добровольных взносах крестьян, на военных трофеях и на реквизициях у богатого сословия»^{522}. За последнее никто заступаться не собирался.

«Разные» вопросы обсуждались более остро — делегаты говорили о произволе контрразведки махновцев: «Мы не хотим вмешиваться в чисто военные вопросы, но наш долг — противостоять злоупотреблениям и эксцессам, если они в действительности существуют, поскольку они могут повернуть население против нашего движения». Была создана комиссия по контролю за контрразведкой. Впрочем, влияние этой комиссии было не велико^{523}.

Второй вопрос, вызвавший интерес делегатов вне повестки дня — пьянство. В качестве «ответчика» делегаты вызвали коменданта Александровска Клейна, который выпустил строгое воззвание против пьянства, но вскоре напился сам. Показательны объяснения Клейна: «Товарищи, я не прав. Я это понимаю... Я — боец, фронтовик, солдат. Я — не бюрократ. Я не знаю, почему, несмотря на мои протесты, они назначили меня на эту работу коменданта города. Как у коменданта, у меня нет других дел, кроме как сидеть за столом и подписывать бумаги. Это — не для меня! Мне нужно действие, открытый воздух, фронт, товарищи. Я здесь до смерти натерпелся. Вот почему я вчера напился. Товарищи, я хочу искупить мою ошибку. Для этого нужно, чтобы вы сказали, чтобы меня послали на фронт. Там я могу принести настоящую пользу»^{524}. Съезд принял решение о запрещении пьянства^{525}, которое, впрочем, практически не выполнялось.

На съезде прошли довыборы в ВРС. Коммунист Новицкий, также избранный в ВРС, утверждал, что вскоре под его влияние перешло большинство членов этого органа^{526}. Но «коммунистическое подполье» в ВРС почти никак себя не проявило, что заставляет заподозрить представителя коммунистов в преувеличении своего влияния. По данным Белаша ВРС на 42,5% состоял из анархистов (85 человек — в том числе все командиры и начальники военных управлений), на 10,5% — из левых эсеров (21 человек — командиры и

делегаты от сел), 2% — большевики (4 человека — от рабочих и военных), 35% беспартийных крестьян (70 человек) и 10% — беспартийных рабочих (20 человек). Меншевики, народники, эсеры и националисты в ВРС не пошли^{527}.

Отношения военных и ВРС оставалось напряженным. Волин вспоминает, что «Реввоенсовет и часть командного состава были на ножах; и между ними стоял и Махно, и я»^{528}. Махно тоже имел свои претензии к ВРС — «Совет ничего не делает», а некоторые его члены присвоили деньги и сбежали. Поэтому 20 ноября Махно потребовал передать деньги одному надежному человеку, а он уже будет выдавать ВРС на социальные и другие нужды. Волин оправдывался, что ВРС работает, принимает решения, но они не выполняются^{529}. Жалобы Волина на безвластность ВРС касались прежде всего политических проблем, в частности — контроля над контрразведкой. В области социально-экономической политики решения ВРС были более весомы — он регулировал цены на военные закупки, выдачу средств нуждающимся, продолжительность труда медперсонала, разбирал конфликты между командирами и населением^{530}.

Продолжался и конфликт с меньшевистскими профсоюзами, который начался на съезде. Резкая отповедь Махно сторонникам «учредилки» дала меньшевикам повод расширить фронт оппозиции. 1 ноября собралась конференция части завкомов Александровска, которая приняла следующую резолюцию: «Обсудив допущенные 30 октября выпады против рабочего класса и его представителей, делегированных рабочими организациями, и обращая внимание съезда, что эти выпады становятся систематическим явлением со времени занятия города повстанцами... подчеркиваем, что с рабочими организациями, уцелевшими от разгрома, опираясь на грубую военную силу, совершенно не желают считаться». Упоминание грубой военной силы было связано с кратковременными арестами некоторых рабочих активистов. Меншевики пытались своим уходом лишить съезд в Александровске полномочий рабоче-крестьянского. «Делегаты рабочих могут вернуться в состав съезда только в том случае, если общее собрание публично снимет с рабочей делегации брошенное ей оскорбление... В отсутствие рабочих делегатов съезд явится не рабоче-крестьянским, а только крестьянским, и постановления его не смогут иметь для рабочих г. Александровска никакой моральной ответственности»^{531}. Но в составе съезда оставалась почти половина рабочей делегации, которая поддержала Махно вместе со всем съездом, спокойно закончившим работу 2 ноября. Чувствуя за собой эту поддержку, Махно уже 1 ноября обрушился на оппозицию, но не

грубой военной силой, а статьей «Иначе быть не может»: «Допустимо ли, чтобы рабочие города Александровска и его окружений, в лице своих делегатов — меньшевиков и правых эсеров, — на свободном деловом рабоче-крестьянском и повстанческом съезде держали оппозицию деникинской учредилки?» Созыв конференции ФЗК Махно называет просто «закулисным предательством», воскрешая в памяти весну 1919 г., когда Дыбенко называл контрреволюцией махновский съезд.

В отличие от большевиков, Махно, правда, никому не грозил расстрелом, но тучи над оппозицией сгустились. Взывая к рабочим, батяка вопрошал: «Правда ли, что эти ублюдки буржуазии вами уполномочены, чтобы, прикрываясь именем вашей пролетарской чести, на свободных деловых съездах призывать к старому идолу — учредилке?»^{532}. Часто во время гражданской войны за такими эпитетами следовали аресты и расстрелы. Но ничего этого не случилось — меньшевики продолжали свою работу в рамках махновской многопартийности, проводили на профсоюзных конференциях резолюции о преждевременности социалистической революции.

Конфликт на съезде был всего лишь болезнью роста многопартийной системы в махновской «республике», в дальнейшем руководство движения было более терпимо к «реформистам». Напряженность в отношениях между махновцами и рабочими организациями не означает также, что рабочие находились под влиянием большевиков — их ораторов они иногда даже стаскивали с трибуны^{533}. После того, как Махно выделил на нужды страховой больничной кассы 1 миллион рублей, отношение к нему стало меняться. Теперь махновцы воспринимались как власть. Рабочие привыкли к тому, что либо предприниматель, либо государство должны платить им зарплату и организовывать производство: «Некоторые заводские комитеты пытались выяснить в штабе и в “военно-революционном совете”, будет ли выплачено жалование рабочим и когда...», — вспоминает Щап^{534}. В ответ на аналогичный запрос железнодорожников Махно отвечал: «В целях скорейшего восстановления нормального железнодорожного движения в освобожденном нами районе, а также исходя из принципа устройства свободной жизни самими рабочими и крестьянскими организациями и их объединениями, предлагаю товарищам железнодорожным рабочим и служащим энергично организовать и наладить самим движение, устанавливая в вознаграждение за свой труд достаточную плату с пассажиров и грузов, кроме военных, организуя свою кассу на товарищеских и справедливых началах и входя в самые тесные

сношения с рабочими организациями, крестьянскими обществами и повстанческими частями»^{535}. Итак, Махно предлагал рабочим перейти на режим полного самоуправления и самокупаемости. При этом на них накладывалась повинность обслуживать армию за умеренную плату.

Первоначально железнодорожники поддержали новую организацию труда: «Они создали железнодорожный комитет, взяли железные дороги района... в свое ведение, разработали план движения поездов, перевозки пассажиров, системы оплаты и т. д».^{536} — пишет П. Аршинов. Но нежелание Махно платить за все возрастающий объем военных работ ставил транспортников и металлистов на грань разорения, тем более, что состояние дорог было, по словам В. Белаша, «плачевным». Попытки «за любую цену» заставить рабочих ремонтировать мосты, не удалось — не было материалов, рабочие крупных заводов разбрелись^{537}.

Положение рабочих было бедственным. Основными видами конкурентоспособной продукции было продовольствие и зажигалки. Кормилось большинство из 2-3 тысяч рабочих района с огородов и мелкой торговли. Рабочие районы превращались в очаги уголовной преступности^{538}. Помощь безработным оказывалась по двум каналам — через профсоюзы — рабочим, входящим в эти организации, и через собес — беднякам, не организованным в профсоюзы^{539}. Комиссии помощи бедным 29 ноября было ассигновано 5 миллионов рублей, а профсоюзам — 10 миллионов, за которые они должны были отчитаться. Комментируя эти решения, В. Белаш писал: «Это, говорят, махновская банда, умеющая грабить, убивать, насиловать?.. Это варвары диких южных степей, не имеющие в душе теплого уголка?..»^{540}.

В отличие от рабочих крупных производств, которые не могли развернуть производство из-за отсутствия сырья и рынков сбыта (и то, и другое было отрезано фронтами), сапожники, пищевики, рабочие по коже и другие труженики небольших производств, ориентированных непосредственно на индивидуального потребителя, быстро встроились в предложенный махновцами «рыночный социализм» (махновские идеологи не считали возникшую экономическую модель чем-то законченным). В этих отраслях снижалась безработица (работники по коже смогли ее и вовсе ликвидировать)^{541} — постепенно расширялись масштабы обобществления производства — в начале декабря, например, пищевая промышленность полностью перешла в руки рабочих^{542}. В то же время в районе сохранялся и частный сектор в промышленности. Так, даже в Гуляйполе на заводе сохранялась

прежняя администрация, которая вела постоянные переговоры с профсоюзом. Труд рабочих оплачивался мукой с близлежащей мельницы, отношения с которой были установлены профсоюзом^{543}.

Несмотря на то, что заводчанам раздали оружие для самообороны, махновцы то и дело «реквизировали» все необходимое им прямо в цехах. Впрочем, они расхищали остановившееся производство вместе с самими рабочими, отчаявшимися хоть что-то заработать на фабрике. Но от общероссийского экономического развала состояние района выгодно отличалось благополучным положением в сельском хозяйстве и связанной с ним легкой промышленности.

Рыночное преуспевание легкой промышленности даже вызывало критику со стороны махновской прессы. Так газета «Повстанец» писала в анонимной статье: «Вот уж поистине, кто хорошо живет, это сапожники — никакая дороговизна им нипочем. Малейшее повышение цен на рынке перекладывается на заказчика»^{544}. Возникла необходимость в урегулировании денежного рынка. Пока распределительные механизмы будущего еще не были налажены, необходимо было жить в условиях товарно-денежных отношений. Но каких — в городе ходили «керенки», «совзнаки», казначейские билеты Деникина, Петлюры, Скоропадского и т. д. Это обстоятельство, однако, не смущало, а воодушевляло махновских «экономистов». «Путь к свободе» писал, например: «Разве нельзя людям разрешить финансовый вопрос, когда денежные знаки имеются в громадном числе?»^{545} Следуя этой наивной логике, махновцы разрешили хождение любых денег. Возможно, это согласовывалось с анархо-коммунистическими планами Махно об отмирании денег посредством их обесценивания. Впрочем, рынок не был парализован, в Екатеринославе буйным цветом расцвело кооперативное движение. «Совзнаки», правда, принимал только кооператив «Продовольствие и культура».

В распоряжении махновского штаба и финансовой комиссии ВРС на 15 октября находилось 9-10 миллиардов рублей бумажных денег различной стоимости. При этом «золотой запас» (включая драгоценности) составлял 15 миллионов старых рублей^{546}. В результате активной социальной и внешней политики «Махновии» к 1 декабря махновская «касса» сократилась до 5 миллиардов рублей и 2 миллионов золотого фонда^{547}.

Каждому пришедшему махновский «собес» выдавал по 300 рублей^{548}. Эти деньги брали с «буржуазии». Очевидец событий М. Гутман вспоминает: «Махно наложил на зажиточную часть населения 25 миллионов контрибуции... и забрал из банков деньги, которые деникинцы не успели вывезти». С Александровска Махно взял 12 млн.

контрибуции^{549}. Контрибуция и конфискованный капитал сортировался: «Махно не аннулировал никаких денег и брал контрибуцию как советскими, так и донскими. Впрочем, ВРС предпочитал оставлять у себя донские, поэтому населению раздавали совденьги»^{550}. Такая сортировка объясняется просто — на донские деньги можно было приобрести оружие и боеприпасы. Население тоже оказалось не в накладе — через месяц пришли красные, и сов-знаки не пропали.

Работы по ремонту орудий махновцы также оплачивали совзнака-ми^{551}, что не всегда нравилось рабочим. Немалую роль в этих конфликтах сыграла позиция и самих рабочих. Махновцы просто не могли сойтись с ними в ценах^{552}.

Армия — одна из основных потребительниц транспортных услуг, равно как и услуг металлистов. Но Махно не стал «вытягивать» крупное производство посредством своеобразного «военно-промышленного комплекса», когда заводы кормились бы преимущественно от обслуживания бронетехники. Это увеличило бы затраты на армию и вызвало бы недовольство крестьян, обеспечивавших повстанцев безвозмездно. Желая поставить всех в равные условия, Махно возмущался, когда рабочие требовали слишком высокую, по его мнению, плату за услуги: «Сволочи, шкурники и вымогатели, пытающиеся на крови и героизме моих бойцов строить собственное благополучие»^{553}.

В это время и Волин склоняется к мысли, что «рабочие сейчас в силу ряда условий не деятельны, робки и не революционны, и успех третьей революции зависит теперь, главным образом, от крестьянства»^{554}.

Витриной махновского района должен был стать Екатеринослав — один из крупнейших городов Украины. Приступая к операции по его освобождению, махновцы выпустили декларацию, в которой говорилось: «Это будет город, освобожденный повстанцами-махновцами от всякой власти. Это будет город, в котором под защитой революционных повстанцев должна будет закипеть вольная жизнь, должна будет начать строиться свободная организация рабочих в единении с крестьянами и повстанцами... Ни одного убийства, ни одного грабежа, ни одного насилия, ни одного сомнительного обыска... Вопрос нашего поведения в занимаемых местностях есть вопрос жизни и смерти всего нашего движения»^{555}. Взаимоотношения Екатеринослава и остального района, занятого махновцами, должно было послужить моделью для всей страны (с поправкой на гражданскую войну, конечно).

К моменту занятия города повстанцами витрина была уже изрядно побита и в прямом, и в переносном смысле. Господство деникинской армии совершенно разорило город. Вот воспоминания антибольшевистски и антимахновски настроенного журналиста З. Арбатова о пребывании в Екатеринославе Добровольческой армии Деникина: «Вся богатейшая торговая часть города, все лучшие магазины были разграблены, тротуары были засыпаны осколками стекла разбитых магазинных окон, железные шторы носили следы ломов, а по улицам конно и пеше бродили казаки, таща на плечах мешки, наполненные всякими товарами... Контрреволюция развивала свою деятельность до безграничного дикого произвола, тюрьмы были переполнены арестованными, а осевшие в городе казаки открыто продолжали грабеж»^{556}. Это наследство «рыцарей собственности и порядка» усугублялось еще и тем, что на протяжении месяца, когда город находился в руках махновцев, он беспрерывно подвергался обстрелу и оставался на положении прифронтного. К тому же, как уже приходилось говорить, Екатеринославская промышленность была отрезана от смежников. Только с поправкой на эти обстоятельства можно говорить, что в Екатеринославе осуществлялся опыт создания нового общества.

8. По законам военного времени

Каждую из проходящих в Екатеринослав армий жители оценивали прежде всего по грабежам. На общем фоне гражданской войны меры Махно против грабителей можно признать удовлетворительными. По свидетельству того же Гутмана, «такого повального грабежа, как при добровольцах, при махновцах не было. Большое впечатление произвела на население собственноручная расправа Махно с несколькими грабителями, пойманными на базаре; он тут же расстрелял их из револьвера»^{557}. Характерно, что, вопреки своей прежней практике, махновцы перестали освобождать из тюрем всех заключенных, ограничиваясь только политическими. Уголовникам пришлось сидеть дальше^{558}. Даже в деле организованного снабжения со складов махновцы «знали меру». Так, когда заведующий складами Я. Идашкин заявил Махно, что если конфисковать содержимое складов, то пострадает население, махновцы не тронули их, а Идашкина за смелость даже одарили шубой^{559}.

Проблема грабежей связана не с отсутствием дисциплины в махновской армии, а с деятельностью самого мрачного органа в махновской системе власти — контрразведки: «Но, конечно, грабежей

было немало под обычным предлогом поисков спрятанного оружия. Один вид грабежа проводился с ведома и разрешения самого Махно; он касался квартир деникинских офицеров: не успевшие уйти из города и спрятавшиеся офицеры были все перебиты, а квартиры офицеров дочиста разграблены»^{560}. Здесь необходима поправка — Махно давал санкцию не на грабежи, конечно, а на расправу с офицерами. Иногда Махно призывал и к уничтожению «буржуев»^{561}.

В своих показаниях ревтрибуналу 14-й армии руководитель ВРС Волин утверждал: «...ко мне приходили целые вереницы людей с жалобами, что заставляло меня постоянно вмешиваться в дела контрразведки и обращаться к Махно и в контрразведку. Но боевая обстановка и задача культурно-просветительской работы мешали мне глубже вникнуть в злоупотребления, по словам жалобщиков, контрразведки»^{562}.

Волин скромничает. Ему удавалось освобождать от наказания коммунистов^{563}. Несмотря на то, что Волин по характеру своей деятельности постоянно сносился с этим ведомством, он в итоге констатировал: «По поводу злоупотреблений, чинимых контрразведкой армии Махно и начальником ее Зиньковским, я ничего не знаю»^{564}. Но хотя о конкретных злоупотреблениях он не знал, в своих показаниях ЧК Волин говорил, что для него «контрразведка была ужасом, и я делал все возможное, чтобы прекратить чинимое ею»^{565}.

Ясно одно — контрразведка оказалась фактически бесконтрольной. Махно и его штаб были заняты вопросами обороны и разъезжали по фронту. Волин и ВРС углубились в просветительские и экономические вопросы, судя по всему, просто не желая связываться с контрразведкой. Сам Махно признает, что ей были предоставлены фактически неограниченные полномочия: «За этой работой контрразведочные органы были уполномочены на обыски в любом доме, расположенном в зоне военного положения и почему-либо заподозренном, а также на аресты и опросы людей, в особенности, когда таковые указываются населением»^{566}. Естественно, что такой порядок создавал идеальные условия для доносительства, злоупотреблений и произвола.

Александровский съезд создал комиссию «в целях разъяснения и улаживания всякого рода нареканий и недоразумений между населением (и повстанцами), с одной стороны и контрразведывательными органами, с другой»^{567}, но реальных следов ее деятельности видно не было. Упоминание «контрразведочных органов» во множественном числе не случайно. В это время контрразведка была организована при корпусах наряду с отдельной структурой в тылу (во главе с Л. Голиком), которая занималась прежде

всего Екатеринославом.

Позднее Махно признавал: «На пути деятельности контрразведочных органов махновской армии бывали иногда ошибки, за которые приходилось болеть душой, краснеть, извиняясь перед оскорбленными»^{568}. Но контрразведка не очень боялась недовольствия командующего и тем более протестов разнообразных общественных организаций: «Ну так передайте своим рабочим, — уже совершенно грозно выкрикнул он, — что они как отсиживались на своих заводах, так пусть и отсиживаются, и в наши дела пусть не вмешиваются! А если будут вмешиваться в наши дела, то мы их посадим на место», — вспоминает профсоюзный активист об общении совета профсоюзов с представителем контрразведки по поводу одного ареста^{569}.

Несмотря на произвол и бесконтрольность, давление общественности и руководящих махновских органов не давали машине террора развернуться так, как это происходило на территориях, занятых белыми и красными. Заняв впоследствии Екатеринослав, деникинцы, по своему обыкновению, занялись подсчетом количества жертв внесудебных органов противника. Удалось обнаружить около 70 тел^{570}. Подобные масштабы целенаправленного террора не оправдывают его, но, оценивая это явление, необходимо помнить о том, что такое террор гражданской войны. Мы уже приводили воспоминания З. Арбатова о пребывании белых в Екатеринославе. А вот воспоминания этого журналиста о месяце красного террора, организованного руководителем ВЧК Валявкой в Бкатеринославе в мае 1919 г.: «ночами Валявка непрерывно и торопливо расстреливал содержащихся в ЧК. Выпуская человек по 10-16 в небольшой, специальным забором огороженный двор, Валявка с 2-3 товарищами выходил на середину двора и открывал стрельбу по этим совершенно беззащитным людям. Крики их разносились в тихие майские ночи, а частые револьверные выстрелы умолкали только к рассвету... Страшной тайной остались сотни имен тех людей, которых озверелый Валявка отправил на тот свет»^{571}. До такого махновцам было далеко.

«Важно подчеркнуть следующее обстоятельство: — комментирует М. Маллет, — все специальные заявления по поводу контрразведки касаются городов — Бердянска, Екатеринослава, Александровска, Никополя. Ни одно из них не затрагивает сельской местности... Часто делаются сравнения с ЧК и деникинской секретной полицией. Некоторые махновские убийства были также жестоки, как и убийства, осуществленные их врагами, но нельзя сказать, что первые осуществлялись с той же методической жестокостью, что и

последние»^{572}.

Общая численность людей, сотрудничавших с махновской контрразведкой, составляла около 5 тысяч человек. Такая разветвленная сеть и способности руководителей приводили к тому, что, по словам Белаша, «политические заговоры на восстание разоблачались в своей массе прежде, чем они вполне созревали». Белаш писал свои воспоминания под контролем ОГПУ, и был вынужден добавить о провокациях контрразведки в некоторых случаях^{573}. Однако характерно, что в махновском районе действительно не удался ни один мятеж или переворот, которыми так богата история гражданской войны.

Репрессивная система махновцев действовала и против командиров, которые самовольно накладывали «контрибуцию на буржуазию в личных целях». Например, 15 октября за это был расстрелян начальник штаба бригады Богданов^{574}.

Эффективно действовала контрразведка и в качестве разведывательного органа — ее подпольная сеть раскинулась от Одессы до Новороссийска, информируя махновцев о передвижениях частей, состоянии деникинского тыла и доставляя другую необходимую информацию^{575}.

Извечная проблема диктатур и войн: хочешь предотвращать заговоры и иметь полную информацию о противнике — поощряй спецслужбы. Но спецслужбы имеют собственные интересы и, действуя в секрете, могут оказаться бесконтрольными, прибегать к провокации. «Махновия» особенно остро столкнулась с этой проблемой в «деле Полонского» — расстреле группы коммунистов в начале декабря 1919 г. Чтобы разобраться в этом деле, необходимо сначала осветить взаимоотношения махновского руководства с оппозиционными партиями.

* * *

Все социалистические партии действовали легально (кадеты считались партией Деникина).

4-го ноября ВРС принял решение об относительной свободе печати в районе: «1. Всем, без исключения, социалистическим, политическим партиям, организациям и течениям предоставляется полнейшая свобода распространять свои взгляды, идеи, учения и мнения, как устно, так и печатно. Никакие ограничения свободы социалистического слова и социалистической печати не допустимы, и никакие преследования в этом направлении не должны иметь места.

Примечание: 1. Сообщения военного характера допускаются к опубликованию лишь при условии получения их из редакции главного органа революционной повстанческой армии «Путь к Свободе», или в Революционном Телеграфном Агентстве (Ретаг).

2. Предоставляя всем социалистическим партиям и организациям полнейшую свободу своих идей, военное командование Повстанческой Армии в то же время предупреждает все партии, что ПОДГОТОВКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И НАВЯЗЫВАНИЕ ИМИ ТРУДОВОМУ НАРОДУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ, ничего общего со свободой распространения своих идей не имея, РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПОВСТАНЧЕСТВОМ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ допущено не будет»^{576}.

На самом деле пресса Екатеринослава кто во что горазд — и за власть, и против. Выходили коммунистическая «Звезда», резко критиковавшая каждый шаг махновцев, правозсеровская «Народовластие» и левозсеровская «Знамя восстания». Активно действовали анархисты, выпускавшие официальные газеты «Путь к свободе» («Шлях до волі») и «Повстанец» — соответственно органы штаба и культпросвета ВРС. На местах издавались газеты «Вольный Бердянск», «Вольный Александровск», «Вольное Гуляй-поле», «Вольный Мелитополь» и т. д.

Дела большевиков в условиях этого плюрализма были не блестящи — меньшевики укрепляли свое влияние среди рабочих, в ущерб большевикам^{577}. Но неудачи на ниве борьбы за пролетариат не смущали коммунистов — главным направлением их деятельности оставалась «борьба за войско» — эта сила понадобится, когда в район придут красные. Бывший член Екатеринославской комсомольской организации вспоминает: «При махновцах работалось легче. Была “полулегальная” работа... Наш союз принялся горячо за разбрасывание листовок среди махновских отрядов»^{578}. Свобода агитации есть свобода агитации, хотя содержание большевистских материалов не могло не раздражать руководителей движения: «Революционное значение повстанчества исчерпывается постольку, поскольку вместо власти рабоче-крестьянских советов оно выдвигает... власть кучки представителей военного командования, власть всякого рода штабов, комендантов и прочее и прочее», — писала газета «Звезда». «Нужно утвердить железный революционный порядок. Установить строжайшую революционную дисциплину. Положить предел бесшабашной, безвластной анархии и бессмысленной несогласованности действий, единственным результатом которой может быть только усиление контрреволюционных элементов... Идея безвластия, обеспечивающая имущим слоям деревни свободу от

всякого давления со стороны пролетариата и союзной ему крестьянской бедноты, как нельзя более пришлась по вкусу деревенским кулакам и прижималам. Анархическая система организации промышленности также не могла не найти сторонников в отсталости и не вполне дожившей даже до степени капиталистической организации деревни», — писал в «Звезде» П. Горенев^{579}.

Махно было обидно читать подобные строки, и иногда он был готов перейти к репрессиям^{580}. Но как политическая система движения, так и личные качества командарма удерживали его от ударов по прессе. Она не закрывалась, хотя иногда тиражи конфисковывались как клеветнические. Анархистские издания азартно полемизировали со «Звездой». Махновские патрули спокойно относились к распространителям коммунистических материалов^{581}.

Другое, отнюдь не агитационное направление большевистской работы вызывало гораздо большие опасения у контрразведки, которая занималась, конечно, не только злоупотреблениями. Коммунисты образовали подпольный губревком, который собирал разведывательную информацию о махновской армии^{582}. Подпольные коммунистические организации (а ведь партия не запрещена) были организованы в пехотных и артиллерийских частях махновцев^{583}. Они ждали своего часа, и этот час настал в декабре, когда появление РККА стало вопросом дней. Главной опорой коммунистов в грядущих действиях был «стальной полк», присоединившийся к махновцам в августе. Командование им оставалось в руках коммуниста Полонского и его окружения. Полонский не афишировал свою тесную связь с коммунистами, хотя, как вспоминает Е. Орлов, фактически руководил ими, ставил задачу внедряться в махновские части, «расчленять армейскую массу»^{584}. Подрывная работа Полонского и руководимых им коммунистов несла «Махновии» непосредственную угрозу, «расчленение» не могло не снижать обороноспособность армии и была чревата коммунистическим переворотом. Однако контрразведка не дремала.

В самом конце ноября Полонской, его адъютант Семенченко, бывший председатель ревтрибунала при Екатеринославском полку Вайнер и жена (или сожительница) Полонского приехали с фронта в Екатеринослав. Здесь он провел заседание подпольного губкома и сделал доклад о подготовке перевода махновских частей в красную армию. На заседании присутствовал незнакомый человек, представившийся эмиссаром ЦК КП(б)У^{585}.

На следующий день Полонский на встрече с Махно был арестован (возможно — сразу убит). Его спутники были также арестованы. По

делу были привлечены также несколько командиров полка. Следствие выдвинуло несколько обвинений. Во-первых, махновцы «заметили, что Полонский окружил себя партийными коммунистами большевиками, что-то тайное выработывает, противное повстанчеству»^{586}. За этой невнятной формулировкой можно усмотреть только факт конспиративных собраний коммунистов, который подтверждается существованием их подпольных органов. Во-вторых, «его окружают коммунистические палачи, распинавшие махновскую дивизию в мае и июне месяцах 1919 г.»^{587}. Здесь речь идет о Вай-нере, бывшем председателе ревтрибунала, не имевшем, кстати, прямого отношения к расправам над махновцами в первой половине 1919 г.

Наиболее серьезным пунктом обвинения явились документы, захваченные у направлявшегося на север Семенченко. В этих письмах, адресованных красному командованию, говорилось, что несмотря на переименование полка в повстанческий, его командиры «все такие же как были, ждем сами знаете чего»^{588}. Против Полонского свидетельствовал и один из командиров Огаркин, пользовавшийся его доверием. Благодаря Огаркину контрразведка была в курсе подпольной работы коммунистов^{589}.

Окружение Полонского и связанный с ним подпольный губком сигнализировали коммунистическому руководству, что готовы поддержать Красную армию против Махно. Контрразведка добилась также показаний о подготовке покушения на Махно, но достоверность их сейчас уже нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. По версии начальника тыловой контрразведки Голика Полонский планировал угостить Махно отравленным коньяком на вечеринке в честь приезда жены^{590}.

Ввиду опасности большевистского переворота и нового натиска деникинцев на Екатеринослав, обвиняемые были расстреляны 2 декабря. ВРС голосовал против расстрела без суда. На его заседании Голик заявил о необходимости расстреливать всех коммунистов, на что получил ответ: «если вы их будете расстреливать, то армия расстреляет вас»^{591}. Против расстрела выступали также анархисты-идеологи и часть командиров — вернувшийся в район Аршинов, Волин, Алый, Чубенко и возможно Белаш. Но большинство командиров на совместном заседании ВРС и комсостава 2 декабря настояло на расстреле^{592}. Командиры всерьез опасались большевистского переворота в частях в случае приближения красной армии к махновскому району. ВРС создал комиссию по дополнительному расследованию этого дела в составе Белаша, Уралова и Волина^{593}, но вскоре обстановка в районе резко изменилась, и отчитываться этой

комиссии стало не перед кем.

* * *

Репрессивная система была лишь одним из элементов махновской администрации. Большой властью на местах обладали коменданты, командиры частей. Попытка «ввести» безвластие, декларированная Волиным на Александровском съезде и в приведенных выше документах, разумеется, не удалась. Район представлял собой прифронтовую зону, был изолирован от страны и насквозь военизирован. В таких условиях речь могла идти лишь о более или менее жесткой форме военного режима. Приведенные выше факты показывают, что на общем фоне гражданской войны махновцы сумели создать относительно демократический режим, хотя и не без авторитаризма, репрессий и злоупотреблений. Главной опорой диктаторских тенденций в махновщине явился социальный слой «людей войны», своего рода «преторианской гвардии», зародившейся, как уже говорилось, еще в 1918 г. Возникновению социального слоя, кормящегося войной и не имеющего другого занятия, кроме войны, — универсальное явление, сопровождающее любой длительный военный катаклизм.

Советский исследователь махновского движения М. Кубанин писал об этом: «За время империалистической войны и нескольких революций и контрреволюционных переворотов, на Украине образовался широкий кадр людей, выходцев из крестьянства, которые потеряли связь с деревней и в нее возвращаться не могли или не хотели»^[594]. Добавим, что в эту среду входили и выходцы из других социальных слоев, включая рабочий класс и интеллигенцию. Вечные бойцы войны и революции не умели жить в мире, они разжигали классовую войну в 1918 г., они ждали окончания нэпа и в 20-е гг., заполнив собой клетки партийной, государственной и общественной бюрократии, они поддержали сталинский перелом.

Во время гражданской войны они были главным горючим материалом военной конфронтации, но и главным строительным материалом диктатур, новой государственности. Не избежала их влияния и «Махновия».

Этой тенденции в махновском районе противостояли многопартийная система, свобода информации, сильное местное и производственное самоуправление. Во многих деревнях были выбраны советы, в других местах их роль играл сход. Крестьянское самоуправление опиралось на вооруженную самооборону.

Вооружались и рабочие. В районе разворачивалась культурно-просветительская работа анархистов и меньшевиков: читались лекции, проводились дискуссии, шло обучение грамоте. Театральная секция культпросвета организовывала театральные постановки и танцы, руководила оркестрами, существовавшими в полках и ротах^{595}.

В районе продолжали действовать профсоюзы, которые вели переговоры об условиях труда и оплаты с администрацией предприятий^{596}. В профсоюзы входило 60-70% рабочих^{597}. Набатовцы пытались создать синдикалистские профсоюзы (производственные корпорации, полностью контролирующее производство и обмен), но рабочие предпочли более привычные формы организации. Попытки анархо-коммунистов создать городскую коммуну (экономический совет), способную выполнять подобные синдикатам функции, также столкнулась с сопротивлением рабочих, представители которых (видимо, меньшевики) поговаривали о необходимости вернуться к традиционной городской управе и думе. В городах по воспоминаниям Белаша, создавались ««советы вольных городов», управляющие собою на основе личных симпатий и свободного договора»^{598}.

В Екатеринославе проходили многолюдные политические собрания, в которых участвовали представители различных идеологических направлений. Так 27 ноября в конференции по вопросу «О ближайших задачах экономического строительства» участвовало более 2500 человек. Конференция обсуждала практические шаги по созыву долгожданного «широкого съезда», решение о котором было принято еще в Александровске^{599}.

«Махновия» воспринимала себя как часть мировой революции. Махно по каналам «Набата» направлял значительную часть золотого запаса армии на помощь анархистским организациям России, Украины, Польши, Грузии, Румынии, Австрии, Франции, Италии и Испании^{600}. Несмотря на то, что часть средств терялась в руках недобросовестных лиц, примкнувших к анархистскому движению, эти деньги способствовали расширению анархистской прессы.

От этих средств сохранился остаток — по утверждению Белаша махновцы спрятали в Дибривках небольшой клад, который затем породил легенду о сокровищах батьки Махно. Однако не стоит обольщаться — речь может идти о компактном объеме, который может легко унести один человек. В 1924 г. за ценностями Махно послал Лепетченко, но он был арестован ОГПУ. Ценности, однако, не попали в руки «чекистов». Еще прежде их изъясил Пантелей Каретников,

участвовавший в попытках восстановить анархистское подполье в первой половине 20-х гг.^{601} Так что махновские «сокровища» пошли на организационные нужды анархистов, да только не намного их хватило.

А зимой 1919 г. махновцам еще предстояло испытать удар новой, неожиданно пришедшей силы. До Екатеринославщины докатилась волна эпидемии тифа. В обстановке гражданской войны ни о какой организованной борьбе с эпидемией говорить не приходилось. В армии болело 11 тысяч бойцов^{602}. «Повстанчество превратилось в громаднейший обоз больных...»^{603}, — сообщал С. Новицкий.

А тут еще на Екатеринослав обрушилась масса отступавших деникинцев, которым махновцы не давали обороняться от наседавшей с севера РККА. Слащев наконец сумел сконцентрировать достаточные силы для удара и рассек махновский фронт. В середине декабря вокруг Екатеринослава разгорелись ожесточенные бои. З. Арбатов вспоминает об отступлении махновцев из Екатеринослава 19 декабря; «Пушки были сняты и галопом увезены, редкая цепь самых преданных Махно людей сдерживала натиск неизвестного противника, и когда силы ослабели, махновцы вскочили на поджидавших их коней и бешено умчались из города»^{604}. «Последним ушел Махно, и минут 10 спустя по той же самой Садовой, по которой, оставляя город, с трудом сдерживая горячего коня, спокойно проехал Махно, показались верховые с офицерскими погонами на плечах»^{605}. Махновцы пытались контратаковать, но сил у них оставалось мало. Перевешав на деревьях оставленных махновцами тифозных больных и разграбив все, что еще можно было, слащовцы оставили город. Вскоре в Екатеринослав вошла Красная армия.

Отступив из Екатеринослава, Махно с основными силами армии отошел в Александровск. Волин покинул движение под предлогом необходимости вести агитацию в Криворожском районе. Он заболел тифом и попал в руки красных. Вскоре заболел и Махно.

Таким образом завершился период существования махновского района в тылу деникинской армии. В этот период сохранялись основные черты режима и его политики, которые наблюдались уже в первой половине 1919 г. В силу военных обстоятельств махновцы получили дополнительные возможности для социального эксперимента в городах. В результате возник своеобразный «рыночный социализм», который удовлетворял интересам части рабочих и большинства крестьян. Социально-политические противоречия разрешались в рамках многопартийной системы, сдерживавшей неизбежное в условиях гражданской войны нарастание авторитаризма. При всех недостатках,

эта система обеспечила относительно эффективное решение военных и социальных проблем, насколько это было возможно в условиях войны и изоляции от других регионов страны.

Глава 7. Своя игра

В сентябре войска Деникина взяли Курск, и в начале октября развернулось сражение за Орел. Как писали И.И. Вацетис и Н.Е. Какурин, «Пока обе стороны в упорных боях оспаривали друг у друга каждую пядь пространства на орловском направлении, созрели и разрешились победой крупные события в Воронежском районе, а именно, 19 октября произошло первое столкновение Добровольческой донской конницы с конным корпусом Буденного, окончившееся в пользу Красной конницы. Противник пытался быстро совершить перегруппировку для нанесения решительного удара конному корпусу, но в это время сказались партизанские действия в глубоком тылу белых, что заставило их выделить часть сил для ликвидации этих отрядов, а тем временем наступил общий кризис генерального сражения, благоприятный для красного оружия»^{606}. Этими партизанскими действиями, обеспечившими перелом в сражениях под Орлом и Воронежем, были прежде всего рейд Махно и создание повстанческого района вокруг Александровска, Екатеринослава и Гуляйполя. Благодаря действиям махновцев деникинская территория превратилась в гнилой орех. Проломив его оболочку под Воронежем, Красная армия неудержимо устремилась на юг.

Белая армия отходила, в отчаянии расстреливая оставшиеся снаряды по крестьянским хатам. Махно не без оснований считал, что во многом крушение белого движения — заслуга его повстанческой армии: «Золотопогонники чуть было не вошли в Москву, и если бы не повстанцы, то над революционной Россией уже давно развевался бы трехцветный самодержавный флаг»^{607}.

Но благодарности не было. И декабря 1919 г. Реввоенсовет республики издал приказ Южному фронту «О мерах преодоления партизанства», В нем говорилось: «Армии Южфронта все больше входят в область украинского партизанства. Практическая политика в отношении партизанства и добровольчества получает огромное значение: от нее зависит не только наша победа над Деникиным, но и вся дальнейшая судьба Советского режима на Украине. Необходимо

немедленно же принять ряд мер, которые исключили бы возможность повторения всех явлений, которые погубили Советскую Украину в прошлый раз»^{608}. Что же погубило Советскую Украину в 1919 г.? Неужели prodразверстка, игнорирование национального фактора, произвол коммунистических чиновников и ВЧК, низкая боеспособность регулярных частей РККА? Нет, с точки зрения Л. Троцкого и С. Каменева, подписавших документ, всему виной заражение Красной армии партизанщиной, которое теперь следует предотвратить любой ценой.

Для этого «необходимо прежде всего обезопасить Красные полки, передвигающиеся по Украине, от заражения партизанством и Махновщиной. С этой целью:

а) вести широкую устную и печатную агитацию, выясняющую преимущество правильной Армии над повстанческими отрядами, используя примеры прошлого для выяснения предательской роли Махновцев и Махновщины.

б) очищать вступающие в Украину части от недисциплинированных и склонных к партизанству комиссаров, командиров и членов коммунистических ячеек»^{609}. Пока рубились с белыми на подступах к Курску и Орлу, они были хороши, но теперь все меняется — на заразной украинской почве армия может выйти из-под контроля. Да и частично разойтись, вместо того, чтобы идти дальше на Кавказ и на Крым:

«в) Принять все необходимые меры к тому, чтобы красноармейцы украинского происхождения не имели возможности уходить из частей в свои села, тем более с оружием»^{610}.

Пунктом 2 приказа запрещалось принимать в красные части добровольцев — всех требовалось переправлять в тыловые части.

К ликвидации партизанских отрядов следовало готовиться заранее, о чем говорилось в п. 3: «Особому отделу совместно с Политотделом выслать в район действия повстанцев значительное число своих агентов из надежных, преданных и тактичных работников. Этим товарищам войти в состав партизанских отрядов для того, чтобы изнутри ознакомиться всесторонне с характером каждого отряда и взаимоотношением в нем разных групп и лиц. Этим агентам со всей необходимой осторожностью вести в партизанском отряде агитацию, поясняющую преимущество регулярных частей над отрядами».

Повстанцы не должны были действовать против белых совместно с красными: «4. Принять за твердое правило, что партизанский отряд перестает быть боевой частью после того, как он оказался по сию сторону линии неприятельского фронта и входит в непосредственное

соприкосновение с нашими частями. С этого момента он становится только материалом для переработки, с каковой целью отводится в наш тыл и передается управлению формирования (негодные элементы изгоняются, командный состав обновляется, вводится необходимое число коммунистов, обучение происходит с необходимой энергией). Отдельным, наиболее боевым отрядам может быть предоставлено право проникнуть в тыл противника. Ни в каком случае партизанским отрядам, как таковым, не может быть предоставлено право сражаться в рядах Красной армии»^{611}.

В отношении разоружаемых повстанцев должна была проводиться политика кнута и пряника. Никакого снабжения повстанцев до полного подчинения. Хороших парней, готовых подчиняться, следовало награждать боевыми подарками, а если особенно отличились в борьбе с белыми — то и орденами Красного знамени. А «негодные элементы должны исключаться из частей, переводиться в штрафные роты, в тыловое ополчение или передаются в руки военных трибуналов» (п.5). Не подчиняющихся — карать в 24 часа, разоружая силами надежных частей (п.6.)^{612}. Легко написать, трудно сделать.

Сложность — в самом украинском крестьянстве: «Ввиду того, что партизанские отряды в Украине легко возникают и исчезают, растворяясь в месте вооруженного крестьянского населения, основным условием успеха борьбы с партизанством является БЕЗУСЛОВНОЕ и ПОГОЛОВНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ». С помощью оплаты сданного оружия и штрафов за несданное, агитации и обысков, круговой поруки, заложничества и расстрела виновников^{613}.

Мотивируя суровое отношение к партизанам в докладе VII съезду советов, Троцкий утверждал: «Исключительно быстрый темп наших неудач на Украине объясняется теми же причинами, что и темп наших успехов: крайней неустойчивостью украинской почвы... И если мы позволим украинскому партизанству застояться в надежде, что из него сложится украинская армия, мы во второй раз погубим Советскую Украину — на этот раз надолго». Это касается не только украинского партизанства, но и партизан Северного Кавказа и Сибири. Но в первую очередь — махновцев, которые после поражения Деникина станут «смертельной опасностью для рабоче-крестьянского государства»^{614}. Никакого чувства благодарности к махновцам за помощь против Деникина быть не может.

1. От Алтая до Амура

Разработанный на основании махновского опыта приказ 11 декабря был распространен и на Сибирь, где, по словам члена Сибревкома В. Косарева, «дело пахло Украиной», так как среди партизан много анархистов и эсеров¹².

В Сибири отношение коммунистов к партизанам диктовалось украинским опытом. «Опыт прошлого свидетельствует, что партизанские отряды, включая в себя очень часто элемент не только чисто идейных бойцов, но зачастую ничего общего с ним не имеющий... оказались в моральном отношении вредными, а в военном — малоустойчивыми»^{615}, — инструктировал начальник полевого штаба Реввоенсовета республики начальника штаба 5 армии. Поэтому партизаны (несмотря на «выгодные отличия сибирских партизан от южных»^{616}) могут служить в красной армии только после переформирования — не со своими прежними боевыми товарищами.

В ноябре красные взяли Омск и двинулись вглубь Сибири, взаимодействуя с партизанами. Партизанские отряды перешли в наступление. Рогов взял Кузнецк, где устроил «чистку гадам» — расстреливались офицеры, «буржуи» и чиновники — всего до 400 человек. Разрушались церкви.

В декабре вспыхнули восстания в Томске и Иркутске. Коммунисты, анархисты и эсеры сражались плечом к плечу. Правда, в ожидании прихода РККА некоторые коммунистические командиры стали «втихаря» расстреливать анархистов, но пока это было скорее исключение.

Тем временем 4 января 1920 г. Нестор Каландаришвили подошел к Иркутску. Власть в городе взял эсеро-меньшевистский Политцентр, который арестовал Колчака, Политцентр договорился с большевиками о создании буферного государства в Сибири. Правда, эта договоренность продержалась 4 дня. На город шли каппелевцы, и перед этой угрозой 21 января, опираясь на партизан и красногвардейцев, власть взял большевистско-левоэсеровский ревком. 7 февраля Колчак был расстрелян. Каландаришвили вошел в Иркутск и принял участие в обороне города, затем преследовал каппелевцев на восток. Их остатки отошли на территорию «буферной» Дальневосточной республики. Красная армия заняла Сибирь.

Когда победа была одержана, партизанские командиры, сражавшиеся против Колчака, с удивлением выслушали приказ —

¹² Сибирская Вандея. Т.1. 1919-1920. С.64. Название сборника следует за большевистской традицией, объявляющей выступления против компартии реакционными, контрреволюционными (Вандейские повстанцы, как известно, выступали с монархических позиций). Но сибирские повстанцы в большинстве своем выступали против коммунистического правительства с революционных, просоветских позиций, и «Вандеей» никак не являлись.

оружие сдать, бойцов передать в красные части, самим получить новые назначения, не связанные с непосредственным командованием войсками. Затем начались аресты. За решеткой оказались Г. Рогов, И. Новоселов, П. Лубков, А. Кравченко, Е. Мамонтов, И. Третьяк.

Рогова арестовали 25 декабря за грабежи церквей, учиненные его бойцами. Учитывая отношение коммунистов к Церкви, это был скорее повод. В приказе по гарнизону Барнаула говорилось, что Рогов своими действиями «восстановил против себя трудовое крестьянство Сибири»^{617}. Но в том же приказе признается, что это не совсем так — крестьяне Причумышья собирают съезды в защиту своего героя. Против Рогова выступали крестьяне прежде всего тех районов, которые были заняты роговцами в последний период борьбы, когда он уже не вполне контролировал свою разросшуюся армию.

В заключении Рогова избивали, требуя, чтобы он покаялся за разграбление Кузнецка. Правда, при дальнейшем разбирательстве выяснилось, что слухи о грабежах в Кузнецке «преувеличены».

Новоселов бежал. Он не собирался сдаваться и, как пересказывали крестьяне, говорил: «Всякая власть есть гнет, и Советская власть тоже гнет. Пусть кто хочет, топчется с ней на одном месте, а мы весной сделаем восстание, будем резать ревкомы и ячейки... Революция не кончена, мы на полпути не остановимся»^{618}.

Ветераны борьбы с Колчаком роптали: за что боролись! Лихие командиры сидят в подвалах ЧК, на командные должности назначаются бывшие колчаковцы. Пришла подразверстка — поборы в пользу дармоедского города, а там «засели гады» — те же чиновники, что работали и на Колчака. Комиссары получают богатые пайки, а народ вот-вот начнет голодать. В Усть-Каменогорске и Семипалатинске прошли волнения бойцов-мамонтовцев. Их урезонили, но обстановка продолжала накаляться.

* * *

Война продолжалась восточнее — за Байкалом вплоть до Тихого океана. И здесь судьба партизан была трагичной. Они считали, что противостоят японцам и белым. Однако главная опасность крылась среди «своих». Ярким примером этого стала судьба командарма-анархиста Тряпицына.

Яков Иванович Тряпицын родился в семье ремесленника в Великом Устюге. Далее следует уже знакомая нам биография, которая роднит многих лидеров времен Гражданской войны — Мирная война, два Георгия, чин прапорщика, участие в Октябрьском перевороте в составе

Кексгольмского полка. Таковы многие повстанческие командиры, но не Махно. Он из другого корня — революционеров с дореволюционным стажем. Георгиевские кавалеры менее искушены политически, что дорого будет стоить Тряпицыну. Но и он много повидал в первые годы революции, служил в красной гвардии, попал в Иркутск, здесь был арестован белыми, бежал в Приморье, вступил в партизанский отряд Г. Шевченко, потом с небольшой группой стал действовать самостоятельно. Также начинал и Новоселов,

К осени 1919 г. японцы и казаки атамана Калмыкова нанесли партизанам сокрушительное поражение. Остатки партизан и подпольщиков 2 ноября собрались в с. Анастасьевке Хабаровского уезда. Тряпицын предложил двигаться по Амуру, где можно поднять новых бойцов, создать обширную советскую территорию. С ним пошло только 19 человек, Тряпицын произнес речь: «Сегодня мы начинаем поход по Амуру, имея целью восстановление Советской власти. Вперед, за власть Советов!»^{619}. Им предстояло пройти 700 километров. Такое мог позволить себе разве что Махно. Но он со своей армией двигался на тачанках. Тряпицын — пешком, по сугробам и болотам. Ему было легче только в одном отношении — половину пути противник не замечал его микроскопической армии. Но вскоре отряд стал вполне реальной силой. Тряпицын убеждал таежников и крестьян, что нет жизни лучше, чем при советской власти — их собственной, ими выбранной из своих односельчан. Но чтобы отстоять эту жизнь, нужно победить белых карателей и японских империалистов, которые собираются покорить Дальний Восток. Как и на Украине во время немецкой оккупации, революционные задачи переплетались с национально-освободительной борьбой.

Тряпицын воевал «не по правилам». Стремясь избежать лишнего кровопролития, он часто являлся к аванпостам казаков и договаривался о сдаче ими сел без боя. Зато если уж разворачивались бои, то партизаны проявляли невиданную маневренность. «Применение маневренных, подвижных отрядов лыжников партизанами Приамурья было своеобразным вкладом в военное искусство»^{620}.

В конце ноября, пройдя за три недели более полпути, около 100 партизан заняли Циммермановку Тут Тряпицын передал командование своему командиру Н. Бузину-Бичу, а сам с несколькими людьми ушел в тайгу. Создав один отряд, он пошел создавать второй, считая, что Бузин справится за него. Бузин и справился, разбив отряд белых, атаковавший Циммермановку. Белые сосредоточились в Мариинке, возникла патовая ситуация. Но тут в тылу белых на Амур из тайги вышел Тряпицын с отрядом в 100-200 бойцов. После этого белым не оставалось ничего, как

уходить к океану, очистив Амур. По дороге часть белых разбежалась и перешла на сторону партизан. Под новый год 1300 партизан Тряпицына вышли к Николаевску-на-Амуре, занятому белогвардейцами и японцами (около 500 бойцов). В нескольких боях в январе 1920 г. партизаны побили японцев и обложили Николаевск. 19 января была провозглашена Красная армия Николаевского фронта во главе с Тряпицыным. Бузин-Бич стал заместителем командарма. В комсоставе были коммунисты, анархисты и эсеры-максималисты.

27 января белые казнили парламентариев Тряпицына. Бои закипели с новой силой. Когда положение интервентов стало безнадежным, они заявили, что готовы придерживаться нейтралитета. 29 февраля красные вошли в Николаевск-на-Амуре. Здесь были установлены порядки, мало отличавшиеся от других городов, занятых красными. Тряпицын считал, что в зоне военных действий говорить об установлении анархии не приходится. Исполком Совета занялся организацией снабжения населения и... сбором экспонатов для краеведческого музея. Власть в Николаевске была многопартийной — было создано Бюро левых советских партий, в которое входили большевики, анархисты и максималисты. Была установлена твердая дисциплина, наказания за пьянство и мародерство — вплоть до расстрела. В своей равнодушии к человеческой личности (в том числе и своей) Тряпицын был истинным сыном своей эпохи. Но когда позднее ему приписывали массовый террор, доказательств не приводилось.

Авторы, следующие за коммунистической традицией описания этих событий, некритически ссылаются на «крайне неустойчивые политические позиции»^[621] Тряпицына, но не объясняют, в чем состояла эта «неустойчивость». Тряпицын был анархистом и сторонником советов. Его разногласия с коммунистами касались либо задач, которые придется решать после войны, либо тактических вопросов, прежде всего темы «буфера».

В это время по инициативе РКП(б) началось формирование «буфера» между Советской Россией и Японией, каковым должна была стать формально независимая Дальневосточная республика (ДВР). Это была уступка, аналогичная Бресту, и Дальний Восток, таким образом, стал аналогом Украины.

ДВР должна была строиться на многопартийной основе. Гражданская война в Приморье на время прекратилась, партизанские отряды вошли в города и сосуществовали с остатками белых сил. Для коммунистов многопартийность была вынужденным возвращением к началу 1918 г. Казалось, что такая система власти удовлетворит государства, господствующие на Тихом океане, и Советская Россия

будет спасена от необходимости воевать на два фронта. Японцы рассматривали сложившуюся ситуацию через призму задачи укрепиться на Дальнем Востоке. «Буфер» под контролем левых сил их не устраивал, им нужно было марионеточное прояпонское правительство.

Особенно японцев интересовал Сахалин, северная часть которого принадлежала России, и его административная столица — расположенный на материке Николаевск-на-Амуре. «Выманив» партизан в города, японцы завершали подготовку к удару по красным на Дальнем Востоке. 7 марта японский флот подошел к Сахалину. В ночь на 12 марта японцы внезапно напали на армию Тряпицына, вероломно нарушив соглашение о нейтралитете. Из-за применения японцами зажигательных ракет в деревянном Николаевске возникли пожары. Тряпицын был дважды ранен в ногу. В этой обстановке командир Рогозин расстрелял заключенных тюрьмы.

Натиск японцев удалось отбить, к 15 марта их батальон был уничтожен. В плен попали 128 японцев, в основном — обслуживающий персонал оккупационных сил, в том числе женщины из публичного дома. Здесь историки обычно сообщают, что «пленных японцев по приказу Тряпицына расстреляли»^[622]. Однако это произошло далеко не сразу, а через полтора месяца, в новых условиях.

После этого инцидента Тряпицын по радио стал выступать против перемирия с японцами, предупреждая, что они могут нарушить его в любой момент и устроить резню. Тряпицын выступал и против идеи «буфера», который дает возможность белым готовить вероломное нападение вместе с японцами. «Злопыхатели много времени спустя будут обвинять уже мертвого Тряпицына в подстрекательстве к войне с Японией. К сожалению, апрельские события подтвердили правоту Тряпицына и его штаба»^[623], — комментирует историк Г. Левкин. Предупреждения Тряпицына вызвали у лидеров коммунистов раздражение — ведь и в РКП(б) на Дальнем Востоке было немало противников как «буфера», так и переговоров с японцами, которые могли оказаться ловушкой. Агитация Тряпицына могла «сорвать игру».

Тряпицын не убедил лидеров приморских большевиков. Многим из них это будет стоить жизни. «Игру» сорвали японцы. В ночь на 5 апреля, в разгар переговоров о выводе японских войск с Дальнего Востока, японцы начали резню красных на Дальнем Востоке — Николаевск был только репетицией. Погибло более 7000 человек, в том числе лидер приморских партизан Сергей Лазо,

22 апреля, выстраивая армию ДВР после первого японского удара, главком Генрих Эйхе назначил Тряпицына командующим Охотским

фронтом, в зону ответственности которого входил и Хабаровск. Это показывает, что красное командование рассчитывало, что именно армия Тряпицына, как лучше всего сохранившаяся после удара японцев, будет наступать на Хабаровск.

Но японцы не были намерены отдавать Тряпицыну инициативу и высадились под Николаевском. Естественный путь отступления для него был в сторону Хабаровска, но тогда на Амуре армия Тряпицына была бы зажата с двух сторон — от Хабаровска шли японские канонерки с десантом. Комфронта находит остроумное решение — отступить на реку Амгунь, впадающую в Амур. Таким образом, фронт красных располагался близ Николаевска, сковывая японцев, тыл располагался в селе Керби — достаточно далеко от Николаевска и от моря, что исключало его быстрый захват японцами. Но в случае поражения Охотского фронта все равно оставалась возможность отступить на занятый красными Благовещенск. Во всех отношениях удачная позиция, если бы речь шла только о войне с Японией.

В канун отступления из Николаевска обострились конфликты среди партизан. По доносу командира Биценко были арестованы комиссар горных дел И. Будрин, председатель Николаевского горсовета Б. Любатович и их «сообщники», обвинявшиеся в подготовке переворота. За неповиновение боевым приказам был арестован также партизанский командир Г. Мизин. Тряпицын и другие члены трибунала поверили Биценко, арестованные были приговорены к тюремному заключению, но перед эвакуацией все заключенные были расстреляны. Позднее, уже после гибели Тряпицына, выяснилось, что Биценко — провокатор белых. Этот инцидент сыграл трагическую роль в судьбе самого Тряпицына — он считал, что разоблачил заговорщиков, и с тыла ему ничего не угрожает.

Чтобы не дать японцам возможности создать в Николаевске удобную базу, Тряпицын приказал 1 июня сжечь город, эвакуировав население в Керби. Такое поведение в стиле 1812 г. значительно снизило ценность Николаевска для японцев. Шокирующее воздействие на Японию произвело другое решение Тряпицына — перед отходом из города захваченные в плен подданные Японии были расстреляны. Страна восходящего солнца была шокирована, Северная экспедиция повернулась к ней жутким лицом террора. Тряпицын поступил с японцами (правда, не совсем уж мирными, учитывая, что они в большинстве своем прибыли для обеспечения агрессии и участвовали в боях) также, как японцы привыкли поступать с русским населением Дальнего Востока. Так, 22 марта 1919 г. японцы сожгли село Ивановка вместе с 257 жителями¹⁶²⁴. И это — только один из случаев.

Характерно, что Колчак призывал своих командиров брать пример с японцев в этом вопросе. Так что действия Тряпицына были обыденностью Гражданской войны. В дальнейшем японцы использовали факт расстрела японских подданных в дипломатических целях. На это было несложно отвечать — японцы действовали еще хуже. Но дипломаты ДВР некоторое время с уважением относились к этой претензии Японии, что ставило их в нелегкое положение. Почему? Мы еще вернемся к этому вопросу.

Население отправилось в Керби на пароходах, а армия отходила по болотистой местности и измоталась. Обострились конфликты. Тряпицын расстрелял одного партизана за то, что тот съел неприкосновенный запас шоколада. Второй участник этого «пира» сбежал в Керби, где стал рассказывать, что Тряпицын сеет террор по Амгуни. В Керби было много недовольных Тряпицыным — эвакуированные жители не могли простить ему сгоревшего имущества, бойцы отряда сахалинцев, среди которых было много бывших каторжников, были недовольны наведением дисциплины...

Тем временем командир И. Андреев не выполнил приказ об атаке против японцев. Андреев был белым офицером, в феврале 1920 г. перешедшим к Тряпицыну во время штурма Николаевска — чтобы не погибнуть. Теперь Тряпицын приказал его арестовать за невыполнение боевого приказа и отправил для этого командира отряда сахалинцев С. Бачеева. Но тот не стал арестовывать Андреева, а предложил вместе выступить против террора Тряпицына. Тряпицын со своей гражданской женой и по совместительству начальником штаба Н. Лебедевой (эсеркой-максималисткой) в это время на катере отправился в Удинск. Он оказался вдали от основных сил своей армии. Тут его 1 июля и настигли заговорщики. Тряпицын, Лебедева, а затем и другие командиры армии, находившиеся в тылу, были арестованы. Но что делать дальше? Ведь командиров, арестовавших Тряпицына, могли обвинить в мятеже. Тут и возник остроумный план имитировать судебную расправу над Тряпицыным и таким образом заручиться поддержкой красного командования, которое и так относилось к анархисту с недоверием.

«Суд» состоял из 103 жителей Николаевска, эвакуированных в Керби, жителей этого села, которые судили о конфликте по слухам, и командиров-врагов Тряпицына. Защищать Тряпицына никто не решился — можно было присоединиться к «подсудимым».

Этот «суд линча»¹⁶²⁵¹ 9 июля приговорил к расстрелу Я. Тряпицына, Н. Лебедеву (ей не было предъявлено конкретных обвинений, не спасло ее и то, что она была беременна), председателя

Сахалинского облисполкома Ф. Железина (коммунист, к которому у партизан-сахалинцев было много претензий за стремление навести порядок в полууголовной вольнице) и еще 4 командиров (из них два коммуниста, анархист и беспартийный).

В приговоре говорилось, что осужденные виновны в «беспричинных арестах и расстрелах», в давлении на органы советской власти, уничтожении «около половины населения Сахалинской области». Последнее — явное преувеличение. Сахалинские большевики тогда не выделялись на общем фоне какими-то особыми зверствами и геноцидом. Из «беспричинных» расстрелов конкретно удалось назвать только два имени (а ведь в Керби присутствовали жители Николаевска, которые могли бы увеличить список, если бы Тряпицын действительно «лютовал») — Будрин и Мизин. Их гибель, как и расстрел их подельников при отступлении из Николаевска — безусловно трагедия, но, увы, обычная в условиях гражданской войны. Такие ошибки в других ситуациях не считались основанием для расстрела. Главное обвинение, в основании которого не было никаких фактов, заключалось в «активном выступлении против РСФСР»^[626]. Оно-то и должно было примирить советское командование с убийством Тряпицына.

Состав расстрелянных опровергает миф о том, что в результате переворота власть «захватили коммунисты»^[627]. Это был раскол среди партизан, в результате которого пострадали и коммунисты, а среди победителей были и белые (Андреев, возглавивший новый штаб армии, затем служил японцам, жил на Сахалине, и перед эвакуацией оккупантов эмигрировал в США)^[628]. Потом были новые расстрелы, для которых набирали новых «судей» — старые постепенно разбежались. Тем не менее, большинство арестованных тряпицынцев пришлось распустить, и они потом сражались на стороне красных.

Но когда расправа свершилась, конференция приморских коммунистов 11 июля поддержала ее. Это было сделано по дипломатическим соображениям — чтобы добиться компромисса с японцами, которых обидел Тряпицын. В дальнейшем дипломатия ДВР признавала, что Тряпицын поступил неправомерно, но ДВР за него ответственности не несет, и он был примерно наказан. Японцы, напротив, доказывали, что раз преступление имеет место, то нужна и компенсация — в виде концессий и других уступок. Только после ликвидации ДВР комедия закончилась, и СССР уже никаких претензий не признавал. Однако Тряпицын так и остался «преступником», казненным по закону. Ведь эта история стала компроматом на анархизм.

Казнь командующего вызвала замешательство и среди преданных

Тряпицыну командиров. Анархист Рогозин двинулся мстить. Фронт был деморализован и разваливался. Бузин-Бич колебался. Командующий амурским фронтом Шилов приказал ему перехватить Рогозина. Бузину угрожали объявлением вне закона как сообщнику Тряпицына. Последнего спасти было нельзя. Поколебавшись, Бузин встретил Рогозина и уничтожил его, тем самым спасая себя. Остатки развалившегося Охотского фронта разошлись по разным партизанским отрядам и полкам армии ДВР.

Если бы не июльский переворот, Тряпицын мог стать красным генералом и даже вступить в РКП(б) как Каландаришвили в 1921 г. А мог бы и не стать, не вступить. И тогда коммунисты получили бы на Дальнем Востоке новую махновщину. Это был бы выбор Тряпицына, и коммунисты вздохнули с облегчением, когда противники коммунистического радикализма в Керби сами выполнили грязную работу. Обвинить Тряпицына во всех смертных грехах гражданской войны было легко — он был радикальным анархо-коммунистом, и у него не было ясного понимания, как должна выглядеть политика сегодняшнего дня, более демократичная, чем политика коммунистов. Мы еще вернемся к этой трагедии анархо-коммунистов, жертвовавших анархией в пользу коммунизма.

В этом отношении Махно, более тесно связанный с местным населением, чем дальневосточные кочевники-партизаны, выгодно отличался прагматизмом своей политики и, соответственно, пользовался любовью не только своих партизан-ветеранов, но и населения. Такой фокус, как с Тряпицыным, с Махно проделать было нельзя.

2. Снова вне закона

Под новый 1920 г. в район действий махновского движения входила Красная Армия. Красные рассматривали махновцев как военного противника. Даже когда махновские командиры вступали в переговоры с РККА о присоединении к ней, это заканчивалось расстрелами. 29 декабря 45 дивизия Якира вышла в махновский район.

Несмотря на то, что реальная военная сила Махно значительно ослабла (армия была поражена тифом), красное командование продолжало опасаться башки и решило пойти на «военную хитрость» — сделать вид, будто не было расстрела махновского штаба красными, приказа предать его суду военного трибунала, «дела Полонского». Это устраивало и Махно. 5 января его армия вошла в Александровск. Вскоре туда же прибыли красные (В. Волковинский утверждает, что

город первоначально заняли красные, и в нем установилось «двоевластие», но это противоречит воспоминаниям командовавшего ими Ф. Левинзона^{629}). Начались переговоры комбрига Ф. Левинзона с С. Каретниковым. «Главное, что отделяло, по мнению Каретникова, нас от махновцев и крестьянства, аграрная политика соввласти и то, что во главе Красной армии стояли руководители — те же самые офицеры, с которыми Махно, по его словам, ведет борьбу не на жизнь, а на смерть», — вспоминал Левинзон. «На политические темы мы с вами говорить не будем, — подытожил Каретников. — Об этом сговорится наш Реввоенсовет с вашим Реввоенсоветом. Со стратегической стороны мы готовы занять определенный участок, ибо враг у нас один».^{630}

В это время, 7 января, Махно предложил для обсуждения текст программы движения в новых условиях — Декларации Революционной повстанческой армии (махновской). Документ интересен тем, что в его разработке не участвовали Аршинов и Волин, Он сохраняет анархистскую и, более того, синдикалистскую ориентацию. Махно считал, что основные вопросы жизни народа должен решить всеукраинский съезд: «Этот съезд покажет и решит все основные вопросы жизни рабочих и крестьян». До этого съезда армия отменяет все деникинские установления. «Меры коммунистического правительства, которые идут против рабочих и крестьян также отменяются». Таким образом, если деникинские порядки ликвидировались полностью, то в отношении коммунистического правительства предлагался режим частичного подчинения. Какие меры коммунистов обращены «на пользу трудящихся», предлагалось решать собраниям рабочих и крестьян. В документе усилена синдикалистская составляющая анархизма: фабрики «становятся собственностью всего рабочего класса через посредство профсоюзов и стремятся объединить всю индустрию в единый организм».^{631} Сохраняются требования вольных советов, соблюдения гражданских свобод, ликвидации ЧК^{632}. Возможно, Махно считал эти требования приемлемыми для коммунистов хотя бы в местном масштабе, но это было не так.

Тем временем комбриг Левинзон предлагал внезапным ударом «“покончить” с верхушкой махновской армии»^{633}, но комдив Якир понимал, что из этой авантюры скорее всего ничего не выйдет, и предпочел другую тактику. Как ни в чем не бывало, командарм 14 армии Уборевич отдает 6 января Махно приказ — немедленно выступить на Польский фронт по маршруту Александрия — Борисполь — Бровары — Чернигов — Ковель. Идея этого приказа принадлежала Сталину^{634}. Четкое указание маршрута движения не случайно — командирам РККА нужно было знать пункты, на которых можно будет

разоружить остатки больной махновской армии.

Впрочем, большевики сами не очень верили в успех этой операции, уж слишком грубым был замысел: «Приказ является известным политическим маневром, и только, мы меньше всего надеемся на положительные результаты в смысле его выполнения Махно»^{635}. Через сутки, 9-го января, не дожидаясь ответа Махно, Всеукраинский ревком объявил его вне закона. Красные напали на штаб Махно в Александровске, но он сумел 10 января уйти в Гуляйполе. На совещании комсостава в Гуляйполе 11 января решали, как быть дальше.

«Было решено: предоставить повстанцам месячный отпуск... — вспоминал начштаба махновцев Белаш. — Со стороны Екатеринослава в Никополь вошел один советский полк, он занял город и начал разоружать тифозных махновцев... В самом же городе находилось 15 с лишним тысяч тифозных повстанцев.

Наши командиры подвергались расстрелу, будь они больные или здоровые»^{636}.

«Красная армия, вместо своей прямой задачи — преследования отступающего Деникина, сейчас занята повстанчеством, — комментировал события Куриленко, с июля 1919 г. сражавшийся в Красной армии, а теперь вернувшийся к махновцам. — Я думаю, что она своими действиями заново организует его: это неизбежно. Создается положение, при котором террор и насилие над махновцами и населением только увеличат сопротивление»^{637}.

Несмотря на разрыв с красными, махновские командиры продолжали обсуждать возможность возобновления союза. За это выступали Куриленко, Долженко, Миронов (брат красного командарма Ф. Миронова). Последний считал: «Надо повстанцев сохранить для более позднего времени: мы еще покажем себя! Упрекать в советской службе не следует, ибо это не порок. Чем больше наших товарищей будет на этой службе, тем легче нам удастся изнутри двинуть 3-ю анархическую революцию»^{638}. Не исключено, что в проведении такой тактики Миронов рассчитывал на поддержку брата — беспартийного большевика, добившегося больших успехов на службе в РККА, но уже бунтовавшего в 1919 г.

Иван Долженко, в принципе возражая против такой «инфильтрации» и критикуя политику Махно конца 1919 г., считал необходимым перейти к конструктивной работе в рамках большевистского режима: «Взорвать Советскую власть значит продлить борьбу внутри пролетарских групп города и деревни... Бряцать оружием и входить во властнические организации с целью взорвать их изнутри было бы весьма позорно и недостойно. С ними

надо примириться раз и навсегда. Священной обязанностью теперь надо считать вопрос организации свободных коммун в советских условиях. В этом мы имеем достаточно опыта и должны показать деревне, насколько эффективно нужно устроить коллективную жизнь. Пусть даже эти коммуны будут нести бремя государственных налогов, подчиняясь власти... Надо проповедовать коллективизм, которому большевики выдали вексель чуть ли не неприкосновенности и массу привилегий. Мы должны оружие сдать в музей революции и организовать хоть сколько-нибудь свободных коммун, повторяю, в советских условиях»^{639}. Представление о том, что большевики позволят махновцам организовывать автономные небольшевистские коммуны, было, конечно, весьма наивно. Долженко подвергся за свое «капитулянтство» резкой критике и позднее пересмотрел свою точку зрения: «Как можно организовать коммуну, когда носа не показывай, когда за тобой, как за зайцем, охотятся красные стрелки... Бряцать оружием сейчас нехорошо. Но что нам делать, когда нас лишают самого дорогого — жизни... нас убивают! По-моему село надо подчинить политической и экономической самозащите, надо организовать сопротивление»^{640}. Эта позиция и возобладала, но готовность вернуться к союзу с красными в более благоприятных условиях у большинства командиров осталась. Они поняли невозможность победы над большевиками, пока не началось антиавторитарное движение по всей стране.

22 января 1920 г. Махно ответил на требования большевиков: «Повстанческая армия, имея перед собой не заслуги перед революцией, а только честно исполняя до сих пор свой долг тружеников, считает предложение со стороны советских войск о разоружении плодом печальных недоразумений, оскорбляющих повстанческую армию». Махно заявил о готовности «идти рука об руку» с РККА, сохраняя самостоятельность^{641}. В это время более двух дивизий красных уже развернули боевые операции против остатков махновцев еще сохранивших боеспособность после эпидемии.

Большевики рассчитывали на быстрый успех, учитывая настроения населения. Оно приветствовало Красную армию как освободительницу от белых. Красные, как и Махно, выступали за советскую власть, Продразверстка была почти неизвестна на Украине (введена здесь лишь в апреле 1919 г., всего за два месяца до падения власти большевиков), поэтому господство деникинцев представлялось много более тягостным, чем предстоящая большевистская власть. «Настроение в уезде определено в пользу советской власти. Наряду с этим есть и махновское течение. Присылка красных политработников может

разбить их и достигнуть желаемых результатов. Крестьяне требуют компенсации взамен вывозимого хлеба, в первую очередь кузнечного угля для починки сельскохозяйственных орудий»^{642}, — гласит разведсводка за 25 января.

Но компенсация не приходила. Большевистская власть привычно забирала хлеб в центр, а на протесты отвечала репрессиями. В районе укреплялись чрезвычайные комиссии, милицейская система и даже отмененные уже в России комбеды (комнезамы). В первой половине февраля сквозь мажорный тон начинают пробиваться и критические нотки: «Заметно недовольство продовольственной политикой, указывалось на низкую цену на хлеб, на низкие нормы, оставляемые для хозяйства...»^{643}

3. «Мирная передышка» и советско-польская война

Казалось, что после победы над основными армиями белых большевики могут отказаться от крайностей политики «военного коммунизма», перейти к более демократическому курсу, отменить продовольственную разверстку, прекратить террор ЧК, восстановить полномочия советов. Но этого не было сделано. Даже солдаты не могли вернуться домой — из них были сформированы трудовые армии. В этих армиях сохранялась военная дисциплина, но они должны были не воевать, а работать.

Режим «военного коммунизма» сохранился — он не был временной вынужденной мерой. Коммунисты воспринимали разрушение рыночных отношений в ходе войны как прямую дорогу к послекапиталистическому обществу — коммунизму. Им не приходило в голову, что от недоразвитого капитализма можно двигаться не только вперед, но и назад. Общество-армия, кормящееся от дани с крестьян — картина, более соответствующая древности, чем современности. Но история не выносит как резких прорывов в будущее, так и резких откатов в прошлое. В стране продолжали жить люди, привыкшие к тому уровню развития цивилизации, до которого дошла Россия в начале века. Возникшее в ходе Гражданской войны общество, напоминавшее его энтузиастам коммунизм, а критикам — одичание, вызывало отторжение большинства населения. Крестьяне, не в пример древней азиатской покорности, саботировали действия новой власти, соглашаясь «подмогнуть» красным, только попробовав белых шомполов. «Буржуазная интеллигенция» нашла себе место в «пролетарских» учреждениях, в большинстве своем не сочувствуя коммунистическим идеям. Торговцы, озираясь, нарушали

всевозможные государственные монополии, торговали на Сенной и Сухаревской площадях столиц, не говоря уж о других городах. И даже низовка грозной «чеки» крышевала эту торговлю за толику малую. Все при «военном коммунизме» было основано на полутонах и размытых границах между «можно и нельзя», которые передвигались в зависимости от очередного поворота дискуссий в руководстве РКП(б).

Сохранение «военного коммунизма» без острой военной необходимости вызывало широкое недовольство крестьян. То и дело вспыхивали крестьянские восстания. В январе-феврале 1920 г. «вилочное» восстание охватило пространства Казанской, Уфимской и Самарской губерний. Началось оно с издевательств продотряда над крестьянами в селе Новая Елань, но быстро вовлекло сотни тысяч крестьян. Те ждали только сигнала. Пришлось стягивать силы 10 тысяч красноармейцев. Несколько сот человек погибло с каждой из сторон.

Снова стало расти влияние партий эсеров и меньшевиков, которые после отказа от вооруженной борьбы с большевиками смогли действовать полулегально. Их активистов все равно арестовывали, но прекратить агитацию социалистов за демократию не удавалось.

Усиливалось недовольство коммунистами среди рабочих — весной выросло представительство меньшевиков в советах, на рабочей конференции в Киеве в феврале 1920 г. прошла меньшевистская резолюция.

Тогда большевики решили ударить по многопартийности на Украине. Весной 1920 г. развернулись репрессии против эсеров, левых эсеров и меньшевиков. 20-23 марта над последними был проведен судебный процесс. Меньшевиков осудили за сотрудничество с деникинцами (ведь при белых они продолжали работать в профсоюзах). Украинские эсеры, несмотря на преследования, продолжали действовать легально до 1921 г.

В марте 1920 г. в КП(б)У в полном составе вступили члены прежде оппозиционной Коммунистической партии Украины (образовавшейся в августе 1919 г. в результате слияния боротьбистов и незалежных социал-демократов). Это была существенная прибавка — на 15 тысяч украинских большевиков приходилось 4 тысячи национал-коммунистов.

Им было, чем заняться. Казалось — гражданская война вот-вот кончится, на повестку выходят задачи мирного строительства — перехода от «военного коммунизма» к коммунизму. Началось восстановление предприятий Донбасса, разоренных войной, восстановление железнодорожной сети. На Украине была создана трудовая армия в 30 тысяч человек.

Эта милитаризация труда остро критиковалась даже частью делегатов IV конференции КП(б)У в марте 1920 г. Впрочем, в ноябре 1920 г. V конференцию КП(б)У качнуло в другую сторону, и она выступила за коллективизацию сельского хозяйства. Коммунизм маячил за горизонтом, но единства мнений о путях к нему не было даже в компартии.

«Мирная передышка» длилась недолго. Советская Россия продолжала оставаться в состоянии войны с соседями и не скрывала намерений перенести мировой пожар на их территорию. Лидеры коммунистической партии не переставали повторять, что вот-вот может начаться новый подъем мировой революции, что крушение капиталистического мирового порядка уже началось, и советской республике предстоит стать плацдармом для новых революционных походов в Европу и Азию. Многие участники гражданской войны воспринимали такую перспективу с воодушевлением. Даже восставшие против коммунистов сибирские партизаны вели переговоры о возвращении в армию, чтобы воевать против беляков и японцев. Махновцы в конце 1920 г. будут обсуждать возможность уйти к Кемалю в Турцию, чтобы бить империалистов. За долгие годы войны миллионы людей отвыкли от мирного труда и умели только воевать.

Не дремали и противники советской революции. Несмотря на настойчивые предложения мира со стороны Советской России, Польша завершала подготовку к наступлению на Киев. Союзником поляков в этом походе стали петлюровские части. В связи с подписанием украино-польского договора Петлюра заявлял 19 апреля 1920 г.: «теперь украинская армия будет сражаться не одна, а вместе с армией дружественной нам Польской республики против красных империалистов, угрожающих также и свободной жизни польского народа, а после окончания борьбы с большевиками польские войска будут немедленно отведены в рубежи своей Республики»^[644]. Пилсудский также обещал, что когда «на рубежах встанут отряды украинского народа, способные защитить эту страну от новой агрессии, — польский солдат вернется домой»^[645]. Весь предыдущий опыт украино-польских отношений ставил эти обещания под сомнение (во всяком случае, пока существовало сильное Российское государство, можно было сомневаться в способности украинцев самостоятельно противостоять ему). Тем более, что Пилсудский в 1920-1921 гг. «еще не отказывался от объединения в рамках федерации Польши, Украины и Белоруссии, а в случае благоприятных условий — Литвы»^[646]. Но Петлюра сделал свой выбор и 21 апреля подписал договор, признававший польскую границу 1772 года. Таким образом, Украина

была разделена, и западная ее часть отходила к Польше с согласия лидера УНР. В 1921 г. он писал: «Когда я в апреле 1920 г. заключал соглашение с поляками, моей целью было начать значимым политическим актом упорную борьбу со склонностями и тенденциями в нашем обществе к политическим соглашениям и договорам с Москвой, которую я считаю историческим и вечным врагом нашим»^{647}. Впрочем, цена этим историческим рассуждениям была невелика — ведь и к полякам у украинцев было много исторических претензий. Но в отношении поляков Петлюра был куда как более гибок. Мол, поляки — неважные колонизаторы, и их попытка сделать своими Воынь и Полесье «не будет иметь никаких последствий»^{648}.

Говоря о национальных задачах украинского народа, Петлюра утверждал: «Наша национальная сокровищница содержит в себе такое множество непостижимого и еще неразвитого, что мы должны будем еще долгие века работать над развитием этих богатств»^{649}. Развитием богатств украинской культуры займется уже УССР.

25 апреля 1920 г. польские войска генерала Пилсудского вторглись на Украину. Вместе с польской армией действовали две украинские дивизии, а затем еще и «армия Зимнего похода». 6 мая поляки вошли в Киев.

5 июня РККА перешла в контрнаступление. 1-я Конная армия прорвала фронт, и поляки стали стремительно отходить. Красная армия вошла на территорию этнической Польши. Был создан Временный революционный комитет всей Польши (Польревком) — коммунистическое правительство «советской Польши» во главе с Ю. Мархлевским. В него вошел и такой видный советский поляк, как Феликс Дзержинский. Красные войска приближались к Варшаве, командующий западным фронтом Михаил Тухачевский надеялся развернуть наступление через Варшаву на Берлин — в самое сердце капиталистической Европы. В Германии большевики ожидали получить поддержку немецких коммунистов, которые потерпели поражение в 1919 г., но не были разгромлены полностью. Но поляки не захотели жить в условиях экспортированного из России «коммунизма» и пополняли армию Пилсудского.

16 августа Пилсудский перешел силами 4 армии в контрнаступление на Седлец во фланг Западному фронту Тухачевского. Юго-западный фронт, занятый штурмом Львова, не оказал поддержку войскам Тухачевского. Только 18 августа Тухачевский признал поражение и отдал приказ об отходе. Его фланг в этот момент был смят. Одновременно 3 армия поляков прорвалась на Брест-Литовск.

Воспользовавшись отступлением советских войск по всему фронту,

армия УНР перешла в наступление и вместе с поляками заняла Тернополь и Проскуров.

12 октября в Риге было заключено советско-польское соглашение о перемирии. Силы УНР, находившиеся восточнее демаркационной линии за Збручем, попытались сопротивляться Красной армии, но были разбиты. 14 ноября правительство УНР во главе с А. Ливицким оставило Каменец-Подольский, переехав в Польшу. 21 ноября остатки украинской армии отошли за Збруч и были интернированы поляками.

18 марта 1921 г. был заключен советско-польский Рижский мир, по которому Западная Украина до реки Збруч отходила к Польше. Стороны обязались не поддерживать враждебных действий друг против друга, так что Петлюра формально перешел на нелегальное положение (что не мешало ему в 1921-1922 гг. готовить налеты на советскую территорию).

4. Огни восстаний

Война с Польшей и другие нужды «военного коммунизма» требовали ресурсов — отсюда новый нажим продразверстки, новые реквизиции — новый рост поддержки повстанчества крестьянами.

19-25 августа вспыхнуло восстание крестьян Тамбовской губернии. Оно было поддержано отрядом партизанившего здесь Александра Антонова. Он родился в 1889 г. в семье служащего, закончил Кирсановское городское трехклассное училище. В 1907 г. вступил в Партию социалистов-революционеров (первоначально входил в группу «независимых» эсеров), участвовал в экспроприациях, подготовке террористических актов. В 1909 г. арестован, в 1910 г. приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением. Как видим, начало биографии у Махно и Антонова было похожим. Освобожденный в 1917 в результате Февральской революции, Антонов работал в городской милиции Тамбова, в октябре 1917 г. был назначен начальником милиции Кирсановского уезда. Примыкал к левым социалистам-революционерам, в феврале 1918 разоружил части чехословацкого корпуса, но советским властям сдал не все, а создал запасы оружия. В августе 1918 г. было объявлено о раскрытии антисоветского заговора в уезде, после чего Антонов перешел на нелегальное положение. В 1919 г. создал из бывших милиционеров вооруженный отряд, базировавшийся в Кирсановских лесах.

Характерно, что в 1917 г. Тамбовщина была одним из очагов выступлений крестьян, которые, не желая дожидаться Учредительного собрания, самочинно захватывали помещичьи земли и уничтожали

усадеб. Теперь на Тамбовщине развернулась жестокая вендетта — коммунисты расстреливали крестьян и разоряли деревни, крестьяне жестоко убивали всех, кто служил коммунистической власти.

Повстанцы предприняли наступление на Тамбов и были остановлены только в 15 км. от него. Они громили станции железной дороги, парализуя отправку конфискованного у крестьян хлеба. Поступление хлеба из губернии практически прекратилось. Почти вся Тамбовская губерния, кроме городов, крупных станций и укрепленных совхозов, контролировалась повстанцами.

14 ноября 1920 г. на совещании повстанческих командиров было провозглашено создание единой Партизанской армии Тамбовского края во главе с Главным оперативным штабом, руководителем которого был избран А. Антонов. Командующим армией был назначен М. Токмаков (в январе 1921 г. возглавил 2-ю армию повстанцев)^{650}. По советским данным, в декабре 1920 г. наиболее крупной группировкой восставших в 1000 пеших и 1000 конных бойцов командовал сам Антонов. Отдельно действовал конный отряд Токмакова в 500 всадников. Существовало еще две крупные группировки по 1500 бойцов под командованием Богуславского и Селянского^{651}.

Политическим органом движения был Союз трудового крестьянства (СТК). Идея создания таких союзов была выдвинута партией эсеров еще в мае. Но эсеры не рассчитывали, что Союзы вступят в жестокую вооруженную борьбу с режимом — ПСР была временно легальна и призывала к ненасильственному давлению на власть. Лидеры ПСР рассчитывали, что в результате возникнет массовое общероссийское движение, способное позднее свергнуть большевиков. Но пока они выступали против «голой партизанщины».

Тамбовские эсеры приняли активное участие в восстании, убеждали делегатов общероссийской конференции ПСР поддержать выступление^{652}. Но партия не отказалась от решения о прекращении вооруженной борьбы с большевиками. В то же время конференция заявила о «неизбежности в будущем возобновления партией вооруженной борьбы с большевиками»^{653}. Это будущее так и не наступило.

После волны арестов повстанцы создали новые губернские органы ПСР (председатель губкома Г. Плужников) и СТК (председатель М. Токмаков, затем И. Ишин). Тамбовский губернский СТК выступал за свержение власти большевиков насильственным путем и созыв Учредительного собрания. До созыва собрания власть на местах должна была устанавливаться союзами и партиями, участвовавшими в борьбе. Эта власть должна была восстановить гражданские свободы, провести

закон о социализации земли в редакции Учредительного собрания, провести частичную денационализацию при сохранении государственного регулирования производства и цен, восстановить рабочий контроль^[654]. В СТК совместно действовали как члены ПСР, так и левые эсеры. Поэтому программным требованием некоторых СТК помимо социализации земли было не Учредительное собрание, а созыв Всероссийских съездов трудящихся, которые могли бы определить форму государственного устройства^[655].

Еще левее были взгляды повстанческого движения, вспыхнувшего в это время в Сибири, где в мае 1920 г. была введена продразверстка. Здесь наиболее крупное восстание возглавил анархист Новоселов, Сбежав из ЧК, он развернул агитацию против коммунистического режима, доказывая, что коммунисты восстанавливают буржуазную диктатуру. Новоселов создал Федерацию алтайских анархистов (ФАА), ядром которой стали партизанские командиры армии Рогова, но активисты и агенты были в селах и даже окрестных городах, включая и органы власти. ФАА критиковала политику большевиков и за диктатуру «военного коммунизма», и за компромисс с теми слоями, которые прежде служили Колчаку. Коммунисты создают новую правящую касту, и она должна быть разгромлена. ФАА выступала за «самоуправление самого народа на местах». Новоселовцы не требовали свободы торговли, а протестовали против любого вмешательства власти в отношении крестьян и рабочих: «в дела деревни никто не должен ввязываться, кроме вас самих, также и в дела фабрик и заводов тоже самое никто не имеет права ввязываться, кроме самих рабочих, так как каждый труженик должен быть хозяином своего труда, дабы заставить дармоедов трудиться»^[656]. Каждая группа трудящихся должна быть полным хозяином продуктов своего труда и распоряжаться ими по своему усмотрению. Как и Махно, Новоселов выступал за продуктообмен между рабочими и крестьянами, что в конкретных условиях первой четверти века означало свободную торговлю. Выступая перед крестьянами, Новоселов говорил: «Не надо губпродкомов. Гноят хлеб, мясо. Сами будем делать обмен. Мы рабочим — хлеб и мясо, они — мануфактуру и прочее. Не надо регулярной армии — каждому винтовку»^[657].

Новоселовская агитация была тем успешнее, поскольку прославленные партизанские командиры сидели в подвалах ЧК. Коммунисты запоздало поняли угрозу, и отпустили командиров. Особенно пострадал товарищ и командир Новоселова Рогов — в тюрьме он заразился тифом и тяжело болел. После выхода из тюрьмы он призвал крестьян создавать «коммуны без участия белоручек и

кулаков» и готовиться «в нужный момент» выступить, чтобы «добывать истинную свободу»^{658}. Формально он поддерживал советскую власть, но между своими говорил, что он — за советы без коммунистов.

1 мая в центре партизанского края, родном селе Рогова Жуланиха состоялся торжественный митинг, посвященный перезахоронению жертв колчаковского террора. На митинг сошлось около тысячи бывших партизан и многотысячные толпы крестьян. Пришел и Новоселов под черным флагом. Анархисты выступили с речами: «Разве мы за это воевали? Революция не кончена!» Коммунисты не смогли их переспорить и ретировались. Новоселов стал формировать отряд повстанцев. 3 мая тысячная армия Новоселова перешла в наступление, громя советы и милицейские участки. Повстанцами были взяты Тогул и Уксанай. В их листовках говорилось: «Враги революции Вам наговаривают, что из Тайги якобы движутся беляки и хотят Вас поработить — но это ложь. В Тайге белых нет, они все уже покраснели и сидят по городам в Законодательных учреждениях и издают для Вас суровые законы. В Тайге же Ваши братья крестьяне и рабочие, которых преследуют одинаково, что Николай, Керенский, Колчак и Власть Совета, именующая себя Народной властью. Власть, именующая себя народной, идет на соглашение с буржуазией и угнетает рабочего и крестьянина. Вот почему и выступили рабочие и крестьяне — открыто выступили против лжи и несправедливости»^{659}. Коммунисты признавали, что «во всем чувствуется сеть раскинутой организации»^{660}. Армия Новоселова росла и контролировала партизанский Причерный край между Барнаулом и Кузнецком. В ней появился Рогов. Он был неактивен — то ли колебался, то ли просто болел. Воззвания повстанцев выходили за подписью Новоселова, Рогова и других командиров. Коммунисты называли восстание «роговщиной»¹³.

Лидеры повстанцев утверждали: «Всякая власть, как бы она себя не называла, она всегда угнетает, убивает, приказывает Вам убивать Вас же самих, Ваших братьев по делу, таких же угнетенных тружеников... Довольно дармоедов кормить своим потом и кровью. Довольно всех возможных разверсток и налогов... Долой тиранов и угнетателей... Да здравствует свободная личность!»^{661} Коммунисты противопоставили этой агитации угрозу со стороны Польши и Японии, которым

¹³ Степень участия Рогова в «роговщине» вызывает споры. В.Т. Шуклецов считает, что имела место «Роговщина без Рогова», и он фактически не участвовал в восстании. А.А. Штырбул полагает, что участие Рогова было, хотя реальное руководство осуществлял Новоселов. См. [http:// irbis.asu.ru/docs/altai/history](http://irbis.asu.ru/docs/altai/history); Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. С.85-87.

содействует Рогов, недовольство крестьян гонениями интеллигенции и Церкви, которые устроили роговцы. Но между собой коммунисты сравнивали роговщину с пугачевщиной^{662}.

Сначала это была «странная война» — по обе стороны баррикад были вчерашние товарищи по антиколчаковской борьбе. Им не хотелось стрелять друг в друга. Отряды повстанцев и карателей маневрировали, и больше всего страдали работники советских учреждений. Затем бои стали идти с большим ожесточением. Новоселовцы разделились на множество отрядов, сам Новоселов 6 июня направился с небольшой группой в сторону Кузнецка для создания новых отрядов. 12-14 июня Рогов потерпел поражение, и часть его отряда разошлась. 20 июня в столкновении с красными Рогов был ранен, погибла его жена. 3 июля раненого Рогова выдал коммунистам кулак села Евдокимово. В начавшейся перестрелке Рогов был то ли убит, то ли застрелился. После этого Сиббюро ЦК РКП(б) сочло, что «движение Рогова можно считать ликвидированным»^{663}. И напрасно — ведь это не было «движение Рогова», и его гибель не привела к спаду повстанчества. Новоселов разбил красных у Сычевки. Только в августе Новоселов попал в засаду и был разгромлен. Но он ушел в Кузнецкий уезд, откуда силами в 400 человек снова начал атаковать красных. 5 сентября Новоселов опять был разбит у Бирюлей, недалеко от Гурьевского завода. Тогда он ушел в тайгу. Кавалерийский эскадрон Шаркова охотился за ним до октября, но безуспешно. Новоселов где-то зазимовал, затаился.

Одновременно с восстанием анархистов против коммунистов партизанили и другие командиры — в Алейском уезде (степной Алтай) за советскую власть и против коммунистов поднялись мамонтовцы во главе с бывшим комиссаром полка Ф. Плотниковым. В июле, соединившись с восставшим казачеством, повстанцы численностью около 5000 человек, угрожали Павлодару (Плотников стал уже начальником штаба при главкоме повстанцев Шишкине). Красное командование называло повстанцев «черными», подчеркивая тем самым, что они не белые. Плотников издавал приказы, запрещающие сдавать продразверстку, возвращал уже собранный большевиками хлеб крестьянам. В августе, не сумев овладеть Павлодаром, повстанцы отошли к горам. В Горном Алтае они партизанили до октября, когда Плотников погиб. Но мелкие отряды продолжали партизанить здесь и в дальнейшем.

В сентябре в Мариинском уезде восстал П. Лубков. Выступив на митинге на станции Тайга, анархисты получили поддержку окрестных крестьян, провели мобилизацию. Лубков возглавил отряд в 3 тыс.

бойцов, 22 сентября перерезал Транссиб и предложил большевикам отменить продразверстку. Лубковцы раздавали крестьянам и бедноте хлеб, который отнимали и у коммунистов, и у кулаков. Коммунисты отвергли предложение Лубкова о переговорах и разгромили его. С небольшим отрядом сторонников он ушел в тайгу.

В июле 1920 г. в Сибири против коммунистов сражалось 21 тыс. партизан. В августе их число даже выросло до 23 тыс., после чего стало падать — до 9 тыс. в начале ноября. Но это могло быть и сезонным явлением.

Особенно опасными для коммунистического режима были связи между красными воинскими частями и возмущенной деревней. Оттуда шли в армию письма о произволе продотрядовцев, о надвигающемся голоде, о жестокостях ЧК. Солдаты волновались, командиры мрачнели и о чем-то переговаривались поодаль от комиссаров и чекистов.

В июле 1920 г. командование попыталось снять с поста командира формирующейся в Саратовской губернии 2-й Туркестанской дивизии А. Сапожкова, бывшего левого эсера, известного заступничеством за крестьян. Солдаты заступились за своего командира, и 13 июля началось восстание.

В своем воззвании сапожковцы провозгласили, что отстаивают завоевания революции от «засевших» в государственных органах буржуазных спецов, «золотопогонников» и «лжекоммунистов». Они эксплуатируют «крестьян-тружеников», Сапожковцы выступали также против продразверстки за «вольную торговлю»^{664}. Сапожковская «1-я армия Правды», обрастая крестьянами, двинулась из Бузулука на Уральск и Новоузенъ. При этом Сапожков выступал за советскую власть и даже Коммунистический интернационал, но утверждал, что «власти тружеников-крестьян давно уже не существует»^{665}. Восстание Сапожкова не на шутку перепугало правительство — создав прочную базу на Южном Урале, он мог перенести движение в Сибирь. Крайне опасен был прецедент восстания в Красной армии под социалистическим лозунгами. В телеграмме Саратовскому и Уральскому руководству Ленин приказывал: «пресекать в корне всякое проявление сочувствия и тем более содействия местного населения Сапожкову, используя всю полноту революционной власти; в тех случаях, где содействие имело место, потребовать выдачу виновных главарей; от селений, лежащих на пути следования отрядов Сапожкова, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия»^{666}. Тем не менее Сапожкова поддержали крестьянские отряды от Самарской до Царицынской и Оренбургской губерний. 5 сентября Сапожков погиб в бою, его армия распалась (хотя последние отряды

сапожковцев партизанили до 1922 г.). Волнения в разных концах страны грозили новым витком Гражданской войны.

5. Революционное бродило

На Украине возвращение продразверстки и введение комбедов способствовали возрождению махновского движения. После выздоровления Махно, с начала февраля 1920 г. махновцы возобновили боевые действия против красных. Махновское движение вновь набирало силу. Бывшие повстанцы опять готовы были поддержать Махно, которого теперь зовут все больше не «батя», а «малой». Он по-прежнему верен идее вольного советского строя: «Мы сражались и будем сражаться за действительно неограниченную свободу, за вольный строй... — говорится в махновской листовке. — Если тебя твои комиссары гонят на нас, не стреляй, а присылай своих делегатов и узнавай, кто мы... Не верь комиссарам... Мы боремся за вольную жизнь без насильников-комиссаров, чекистов... Бросайте винтовки и переходите в братские объятия махновцев»^[667]. И переходили.

С местным населением красные вели себя грубо, воскрешая недавние картины господства белых. В то же время набранные из крестьян красноармейцы не проявляли энтузиазма в борьбе с махновцами: «Красноармейцы не очень сильно протестовали и быстро сдавали оружие, начальники же защищались до последнего, пока их не убили», — говорится в «дневнике жены Махно»^[668]. У командиров были основания отбиваться до последнего. К этому времени махновцы начали уничтожать всех носителей власти — командиров, чекистов, руководителей продразверстки, милиционеров, коммунистов, председателей комбедов.

Крестьяне снова пошли к Махно. Его мобильный отряд в случае необходимости обрастал многотысячной армией, которая внезапно нападала даже на крупные соединения красных. В феврале 1920 г. махновцы отбивались от частей трех дивизий (общей численностью около 20 тыс.). 21 февраля махновцы снова захватили Гуляйполе. 1 марта после небольшого рейда по округе Махно опять застал в Гуляйполе красных и разгромил их. «Пленных же, предупредив, чтобы в третий раз не попадались в Гуляйполе, ибо живыми не отпустят, распустили»^[669].

Конечно, не всегда махновцы были столь добродушны. Красный и махновский терроры сплетались в единую вендетту: «Прибывши в Раздоры, узнали, что здесь красные отомстили невинным раздорцам за то, что нами было убито здесь пять коммунистов, — они расстреляли

председателя, старосту, писаря и трех партизанов»^{670}. «Кавалерия бросилась в село, пехота осталась далеко сзади. Вскоре нам сказали, что наши захватили человек сорок. Мы въехали в село и на дороге увидели кучку людей, которые сидели, а некоторые и стояли, и раздевались. Вокруг них крутились и на лошадях, и пешие, наши хлопцы. Это были пленные. Их раздевали для расстрела»^{671}. Интересна реакция населения на казнь членов карательного отряда: «Селяне стояли и смотрели. Смотрели и радовались. Они рассказывали, как эти дни этот отряд хозяйничал в их селе. Пьяные разъезжают по селам, требуют, чтобы им готовили лучшие блюда, бьют нагайками селян, бьют, и говорить не дают»^{672}. Описание безобразий махновцев в Гуляйполе 7 марта более невинно.

В махновской армии поддерживалась дисциплина, достаточная для ведения эффективных боевых действий. Типичными провинностями считались самовольная расправа с пленными, раздевание убитых, подмена лошадей, самовольные отлучки. Типичными наказаниями, в зависимости от вины — спешивание, изгнание, расстрел. Наказания накладывались после обсуждения бойцами, по резолюциям частей^{673}. Однако нервное напряжение махновцы иногда снимали и алкоголем. Аршинов одобрительно пишет о готовности Махно выпить с бойцами, а Галина Кузьменко пишет о загуле мужа с осуждением (его психологический срыв в начале марта был связан с гибелью брата и тяжелым положением отряда)^{674}.

29 мая 1920 г. в с. Александровке был создан Совет Революционных повстанцев Украины (махновцев), в который вошли Махно, начальник штаба В.Ф. Белаш, командиры Калашников, Куриленко и Каретников. Этот СРПУ, который иногда назывался также Революционным военным советом или Военно-революционным советом армии^{675}, стал высшим политическим органом движения. На этот раз Совет имел реальную власть, так как в него входили авторитетные командиры. Позднее в СРПУ были кооптированы Аршинов и Попов, активный участник левоэсеровского выступления в Москве в 1918 г., с 1919 г. — анархист. При СРПУ были созданы три отдела — оперативный (Махно, Калашников, Белаш), в подчинении которого находились штабы частей; организационный (Куриленко, Каретников), занимавшийся штатами и административно-хозяйственным контролем, и культурно-просветительский, который осенью возглавил Аршинов. Орготделу подчинялась также Комиссия противомохновских дел (Каретников, Попов, Кузьменко)^{676}, созданная после разоблачения

попытки убить Махно в июне 1920 г.¹⁴ Комиссия выносила решения на основе опросов жителей: «Арестовали по доносу трех человек, но греки стали их горячо отстаивать, и мы их освободили»^{677}. Конечно, такие суды-митинги с убеждением и оправданием подсудимых были редкостью, но сами оправдания по результату опросов населения — довольно типичны, что признает даже такой пристрастный свидетель, как И. Тепер^{678}. Желаящих красноармейцев принимали в махновскую армию. В боевой обстановке пленных красноармейцев раздевали в целях снабжения махновских отрядов и для лишения противника боеспособности. Иногда, в озлоблении от неудач, в отместку пленным расстреливали^{679}. Махновцы иногда преследовали и бывших повстанцев, решивших воспользоваться большевистскими амнистиями^{680}.

Счет расстрелянных махновцами шел на десятки человек в месяц. Сам Махно признавал: «Да, мы агентов по продразверстке убивали, да, мы председателей комнезамов кое-где по пути расстреливали, как расстреливали мы также и только кое-где милиционеров... Следовательно, поскольку мы боролись с большевистской системой власти, мы боролись и с ее носителями, с агентами этих носителей и со всей их вооруженной защитой»^{681}.

Фактически в районе существовало двоевластие. Органы и большевистской, и махновской властей действовали на подпольном положении. Местные большевистские органы докладывали: «Положение в Александровском уезде неблагоприятное. Вследствие постоянной угрозы Махно в некоторых волостях ревкомы работают нелегально. Были случаи убийств комиссаров, красноармейцев и разоружения воинских частей. Анархизм свил здесь крепкое гнездо и проявляется во всех волостях за исключением десяти (из сорока трех)... Количество “батек” и атаманов в некоторых местах превышает количество волостей, но все они ориентируются на Махно»^{682}.

В число носителей власти Махно включал членов комитетов бедноты, хотя прежде поддерживал бедняков. Причина этого — функции, которые возлагала на комнезамы власть. Комитеты должны были помогать выявлению запасов хлеба и оружия у крестьян и быть опорой власти в деревне. За это они получали часть хлеба. Махно разослал председателям комнезамов такого рода послания: «Рекомендую немедленно упразднить комитет незаможных селян, ибо это есть грязь»^{683}. Тех, кто не выполнял эту «рекомендацию»,

¹⁴ Покушение сорвалось 20 июня, так как один из заговорщиков Ф. Глушенко выдал другого — Я. Костюхина. Оба были казнены на следующий день.

махновцы уничтожали. Не удивительно, что весной 1920 г. на I Всеукраинском съезде комнезаможей из 165 волостей Екатеринославской губернии были представлены только 26^[684]. Влияние комнезамов в махновском районе было символическим. Они могли отчитаться только за 134 отобранных у крестьян винтовки на всю Екатеринославскую губернию (в Харьковской губернии этот показатель составил 1918 винтовок, в Полтавской — 1002, в Одесской — 27 050)^[685].

За «преступления этой части бедноты другая, не пошедшая за большевизмом-ленинизмом часть бедноты должна была быть беспощадна к ней, — объясняет Махно свое отношение к комбедам, — беднота, как класс трудящихся, должна не только уметь сохранить силы своих рядов, но и уважать, и защищать в них принципы жизни — и в первую очередь из них принцип свободы и равенства мнений»^[686]. Махновцы требовали равенства мнений от большевиков, но не распространяли его на белых.

3 апреля ушедшего в отставку командующего Вооруженными силами Юга России Деникина сменил генерал П. Врангель. Он отвел остатки белой армии в Крым, реорганизовал их в Русскую армию и готовился к новому наступлению на Украине. К этому времени руководители отступившей в Крым части белого движения начинали понимать, что они ведут борьбу не с мифической анархией, а с четко организованной и упорядоченной силой большевизма. В борьбе с этой грозной силой необходимо было объединиться со всеми антибольшевистскими движениями. Представитель штаба Врангеля при Крымской группе полковник Нога докладывал: «После Юшуньских боев противник отступил от Перекопского перешейка на север, и мы почти потеряли с ним связь; объяснение этого: на Украине в тылу красных поднялось восстание крестьян во главе с Махно, есть много и других партизанских отрядов, которые не дают покоя красным. И генерал Шиллинг, и генерал Слащов смотрят на эти явления весьма доброжелательно, но, не зная, как на это смотрит Ставка, конечно, мер по контакту с восставшим Махно и другими, естественно, не принимают... По-моему, сейчас настолько серьезный момент, что нашим девизом должно быть: “Кто против красных — все с нами”»^[687]. Белый режим в Крыму предпринял несколько попыток установить контакт с Махно. Но когда врангелевские посланцы попадали к нему, Махно приказывал их казнить, чтобы крестьянская масса не заподозрила его в контактах с «помещиками».

Гораздо больший успех имела другая попытка заполучить Махно в союзники. В апреле 1920 г. анархистская группа «Набат» на своем

совещании пришла к выводу, что необходимо превратить махновское движение в орудие осуществления своих идей. К Махно была направлена делегация в составе анархистов А. Барона, А. Суховольского и И. Тепера с предложением «прекратить бессмысленные и бесцельные переходы с одного места на другое» и основать постоянную безвластную территорию^[688]. Несмотря на бесцеремонный тон этого «указания» и его безграмотность с военной точки зрения, батька любезно принял делегацию набатовцев, прибывшую 12 июня в район военных действий. Махно с 1919 г. относился к «Набату» как к «своей» организации. Возникла идея распространить движение на другие территории с опорой на ячейки «Набата», разбросанные по Украине.

Между тем, сам «Набат» планировал полностью подчинить движение своему влиянию и в случае необходимости даже заменить Махно на кого-нибудь другого: «Самый острый вопрос, который встал перед ними (Имеются в виду набатовцы; уместнее было бы написать “нами”, так как автор этих строк Тепер принимал живейшее участие в заговоре. — А.Ш.), выражался в том, чтобы путем усиления и расширения политического кругозора многих командиров настолько поднять их авторитет в общей массе повстанцев, чтобы значительно ослабить и уменьшить безграничную власть самого Махно, а в лучшем случае заменить его кем-нибудь другим»^[689]. После ранения Махно в конце августа Барон попытался поставить командиров под контроль Совета повстанцев. Однако выяснилось, что «кругозор» махновских командиров вовсе не был таким «узким», как рассчитывали набатовцы. В состоявшейся дискуссии махновцы выступали «на равных» с городскими анархистами.

Выступая от лица махновцев, Долженко так характеризовал социальные корни большевизма: «Расширение по Марксу правительственной деятельности в настоящее время усиливает ряды коммунистической партии, как упражнение укрепляет тело человека. Это верно. Но расширение функций государства, как вы знаете, увеличивает силу бюрократии, партийной или административной... которая является особой группой... Большевики стали отщепенцами, хотя они и выдвигают лозунги пролетариата. Государство стало хозяином орудий производства и блажителем индустриального пролетариата, которого фактически у нас нет. Это маленькая группа, во имя которой издаются законы, и которая, вместе с партией, является особой группировкой над пролетариатом»^[690]. Необходима «третья революция» — свержение власти бюрократии. Концепция «третьей революции» означала разрыв с идеей «революционного фронта».

Большевики раскололи «революционный фронт». Теперь махновцам приходится воевать с той частью трудящихся, которая шла за большевизмом. Впрочем, как показывают последующие события, идея «революционного фронта» также осталась в их арсенале. Если раньше махновцы стремились сначала в союзе с красными разгромить белых, а потом вступить в борьбу с большевиками за массы, то теперь, несмотря на сохранение белой угрозы, на первый план они ставят антибольшевистские задачи «третьей революции».

Оценивая перспективы «третьей революции», Долженко не сводит ее к успехам махновской армии: «Мы двигатели 3-й революции и создатели новых лозунгов, мы среди борющихся классов являемся как бы центральным, революционным бродилом, которое приводит в движение угнетенное многомиллионное крестьянство... Наше революционное бродило, приводящее в движение крестьянские группы, не способно дать определенное направление этому движению. Нас мало для того, чтобы приступить к созидательной работе, да и глупо теперь, когда не закончена разрушительная работа, за это браться.

Занятие района не может уничтожить власть... Третью революцию может создать народ, но, ни в коем случае, наша армия»^[691]. Таким образом махновцы доказывали набатовцам, что занятие постоянного района не является самоцелью (движение уже имело подобный опыт). В сложившихся условиях тотальной войны социальное строительство все равно невозможно. Для победы движения необходимо его распространение на всю страну. И здесь махновцы рассчитывали не на военную победу, а на социальные организации в городах, способные выбить из-под большевиков хотя бы часть социальной опоры: «Сохранив профессиональные союзы и экономико-хозяйственные организации, мы должны вести неустанную борьбу за счастье неимущего класса. Октябрьская революция создала целую сеть таких организаций. Нам только надо очистить их от политического влияния большевиков, и тогда они станут нашими, социалистическими»^[692]. Таким образом, махновские идеологи показали, что они не замыкаются на партизанских методах борьбы и признают важную роль синдикализма в победе революции. Но здесь ключевую роль должны сыграть городские анархисты: «И вот, мы будем бродить по селам, будируя сознание крестьянства, а вы уходите на заводы и также будите уснувшие страсти рабочих, выдвигая их прямую задачу — социализацию орудий производства... Не согласны на этом поприще вместе работать — мы с вами порываем связи навсегда и будем считать вас, как обособленную группировку в анархическом организме»^[693].

Такая стратегия противоречила планам набатовцев — их влияние в

городах было недостаточно для развертывания влиятельного синдикалистского движения. «Вначале Барон возражал, — вспоминал Белаш о ходе дискуссии. — Но под конец признал, что необходимо городским анархическим организациям влиться в профсоюзы, добиваясь советской трибуны, что махновщина должна остаться центральным, революционным бродилом на селе. В отношении политического руководства махновщиной и организации чуть ли не анархической партии с руководящими тенденциями, он высказал уверенность, что, рано или поздно, мы к этому сами придем»^{694}. Таким образом набатовцы, взяв на себя ответственность за активизацию движения в городах, продолжали настаивать на подчинении Махновского движения более широкой политической организации. Итог попыток пришедших анархистов возглавить движение подвел сам Махно: «Ваше дело культурничать, и баста»^{695}. После этого Барон покинул район военных действий. «Набат» на несколько месяцев отмежевался от махновского движения.

Кстати, объем культурной работы в махновском движении был по-прежнему велик, и кадры культработников были нужны. В задачи культпросвета входило участие в судебных мероприятиях, активная агитация на крестьянских митингах, а также просветительская работа. Так, например, в «Дневнике жены Махно», рядом с описанием сцены пьянства есть и такая запись: «11 марта вечером был спектакль, посвященный памяти Т.Г. Шевченко. Наших там было много. Все прошло хорошо»^{696}.

Махно не собирался подчиняться набатовцам. Но это не значит, что он все решал сам. Перед боевыми операциями он советовался не только со своим ближайшим окружением, но и с бойцами: «Много наших хлопцев стояли за то, чтобы дать бой, но много было и против. Врагов было значительно больше, да и в нашу задачу не входило давать, пока еще, бои красным, если на это нет жгучей необходимости»^{697}. Такие совещания не снижали, а повышали боеспособность армии Махно — бойцы лучше понимали смысл операции и сражались с большим воодушевлением. В комплектовании командного состава назначенчество продолжало сочетаться с выборностью^{698}.

Махно опирался на сеть военных организаций, готовых в любой момент поддержать основную мобильную группу. Исследователь военного искусства Махно Н. Ефимов пишет: «Это были крестьяне, вооруженные винтовками или каким-либо другим оружием. Они не уходили с Махно, а оставались в том или другом своем селе или волости и представляли ячейку, которая занималась охранением своего района... Вот если явится в ее район продорган советской власти,

какой-либо реквизитор или разведывательная часть, желающая получить сведения о махновцах, то дело этой ячейки их уничтожить и сообщить о расположении красноармейских частей, расквартированных в их районе, главному отряду. Когда политический момент был удачен для Махно, то эти ячейки разбухали, принимали в свои ряды добровольцев и все время ими пополнялись»^{699}.

Благодаря этой корневой сети махновская армия и снабжалась. Махновцы заранее сообщали крестьянам несколько мест, где для них должен быть готов ужин. Если махновцы нуждались в лошадях, то отбирали их преимущественно у тех хозяев, которые имели свыше трех лошадей^{700}. Крестьяне хранили боеприпасы махновцев и ухаживали за ранеными. Сила этой корневой системы имела и обратную сторону — армия Махно резко ослабевала за пределами своего района.

За пределами махновского района в первой половине 1920 г. на Украине действовало еще несколько анархистских отрядов размером поменьше. ЧК относили к анархистской ориентации отряды С. Коцюра (3000 бойцов, Киевская губерния), Несмеянова (200 бойцов, Киевская губерния), Склера (800 бойцов, Херсонская губерния, взаимодействовал с Махно), Бровы (300 бойцов, Полтавская губерния, начштабом у него в конце года был Чубенко), Двигун (200 сабель, Херсонская губерния).

В июне операции махновской армии против тылов Южного фронта были успешны. Было разбито несколько полков красных, тыл 13-й армии оказался в критическом положении. Красные были бессильны сделать что-нибудь. Им оставалось только обстреливать махновские митинги из артиллерии. И вдруг Махно уходит из района.

Причиной стало весенне-летнее наступление Врангеля. Махно увидел, что, разгромив тылы красных, он облегчил успех белой армии. Почувствовав силу, белые приступили к репрессиям: «Противник забирает скот и хлеб. Проводит насильственную мобилизацию по 41 год. Уклоняющихся порют и расстреливают»^{701}, — гласит разведсводка 42-й дивизии. Естественно, махновцы не желали способствовать такой политике. В то же время на этот раз белые действовали методом «кнута и пряника», закрепляя за крестьянами помещичью землю. Не ясно, было ли это известно Махно, но попытка безусловных врагов — белых — заигрывать с крестьянами, тоже не могла его радовать. 27 июня Махно писал в приказе своим войскам: «В интересах нашей армии уйти на время из пределов бело-красных позиций, дав им возможность сражаться до тех пор, пока мы не соберемся со своими силами»^{702}.

Пока Красная армия сдерживала натиск поляков на Украину и готовилась к походу на Варшаву, потенциальный коммунистический руководитель Польши Дзержинский был занят не менее важным делом — ЦК поручило ему изловить Махно. С мая Дзержинский формирует на Украине систему войск внутренней охраны (ВОХР) ВЧК. В июне он пишет жене: «Я не хотел бы вернуться в Москву раньше, чем мы обезвредим Махно. Мне трудно с ним справиться, ибо он действует конницей, а у меня нет кавалерии»^{703}. Дзержинский просит кавалерию и у Ленина. Ему дали конницу. По дороге на польский фронт в районе действий Махно пришлось задержаться 1 конной армии. К тому же, маневровые отряды ВОХР на треть состояли из конницы. Они шаг за шагом сжимали кольцо вокруг Махно, который дерзко занял Гуляйполе, словно поджидая там красных. Красное командование считало, что неплохо осведомлено о планах махновцев — ведь крестьяне тесно связаны с «бандитами», и, прикинувшись махновцами, разведка могла узнать, где махновцы готовят атаку. Но потом выяснилось, как докладывали сводки: «Политика махновского штаба — подготовить удар не в том направлении, в котором распространяет слух население, а в обратном»^{704}.

Дзержинский разработал план охоты: одна группа красных занимает прочные позиции у Гришино — Селидово, а две другие наносят удар в районе Гуляйполя и гонят зверя на засаду. Но только охотники протрубили в рог, зверь махнул хвостом, да и ушел от них в неизвестном направлении. Вновь он объявился уже севернее и 17 июля занял Изюм.

Это было начало грандиозного рейда Махно по тылам Красной армии, перед которым меркнет даже знаменитый рейд белоказаков Мамонтова в 1919 г. Махновцы с боями пройдут более 700 км и добьются того, что красные будут искать с ними мира.

Несколько отрядов под общим командованием Махно численностью по 250-1000 бойцов шли в районы, где махновцев прежде не видели, где красные чувствовали себя уверенно. По пути махновцы раздавали крестьянам хлеб из продовольственных складов (своего рода продрозверстка наоборот), громили инфраструктуру военного коммунизма. Авторитет Махно рос теперь уже не только в его родном районе.

Обогнув Полтаву с севера, Махно занял 9 августа Зеньков и 16 августа Миргород, угрожал столице Советской Украины Харькову. Пришлось срочно стягивать туда силы красных. Но Махно, погромив

коммунистические учреждения и тыловые склады, раздав запасы населению, нырнул в леса близ Славянска.

29 августа Махно был серьезно ранен в бою под Петровкой — ему раздробило ногу. 3 сентября махновцы взяли Старобельск, что было крупной неприятностью для красных — здесь были сосредоточены крупные запасы продовольствия и оружия. Все попало в руки батьки. Его армия выросла до 5-6 тысяч (не считая отрядов, оставшихся в районе Гуляйполя). Армия продолжает двигаться на восток, на Дон. Что-то гонит ее от родных мест. 10-12 сентября разгорелось ожесточенное сражение под Миллерово, где Махно поджидал ВОХР. Махновцы захватили и вывели из строя бронепоезд красных. Вечером махновцы — 300 всадников и пехота на 500 подводах при 45 пулеметах — ворвались в Миллерово. Красные были разбиты. Утром партизанская армия двинулась дальше на восток^{705}.

Но казаки встретили Махно прохладно. Наиболее активные враги советской власти уже ушли к белым, казачество было обескровлено предыдущей борьбой. О Махно доносились лишь смутные слухи. Ну его — как пришел, так и уйдет. Казаки настороженно провожали взглядом махновскую армию. Как сообщало Донецкое губчека, «притока казаков к бандам Махно не наблюдалось»^{706}.

Дойдя до Морозовской, махновцы развернулись на Старобельск. Их угнетала ситуация, при которой, приближаясь к красному фронту с тыла, они косвенно помогали белым. А врангелевцы наступали как раз на его район, на Гуляйполе.

В это время врангелевцы заняли Гуляйполе. Махно решил, что единственным способом освобождения его столицы может быть союз с красными против Врангеля. И большевикам, и махновцам нужна была передышка в жестокой войне «внутри революционного фронта». Обе стороны не оставляли надежду, что противник после всего пережитого может «поумнеть». На заседании РСПУ против союза с большевиками выступило большинство гражданских анархистов, за — большая часть комсостава^{707}.

Уже в конце августа атаман Савонов, контактировавший с Махно, обратился по телефону к начальнику тыла И. Локатошу с предложением перейти на сторону красных, чтобы отправиться на фронт против белых. Но Локатош с солдатской прямоотой предложил бунтовщику сдаться. Естественно, «зондаж» провалился, и Махно продолжал еще целый месяц громить красные тылы, пока Врангель продвигался на просторах Таврии.

27 сентября расположившиеся в Беловодске махновцы передали красным предложение о союзе. 28-29 сентября шли переговоры по

прямому проводу между секретарем СРПУ Д. Поповым, начштаба В. Белашем и председателем ЧК Украины В. Манцевым.

От имени Махно и других членов СРПУ были выдвинуты такие условия перемирия: «В настоящий, требующий от революции напряжений всех сил момент мы в интересах трудящихся, в интересах революций, обращаясь к вам, именуя себя революционерами, требуем — первое, предоставления нам участка против Врангеля; второе — (о) немедленном освобождении всех махновцев и анархистов; третье, созыва Всеукраинского съезда крестьян и рабочих, на котором сами труженики смогут нести свой общий трудовой язык и общность трудовых»^{708} интересов.

Уполномоченный на переговоры Раковским Манцев ответил, что политические вопросы обсуждать не будет, освобождение заключенных махновцев зависит от «вашего дальнейшего поведения», и предлагает махновцам принять командование и дисциплину Красной армии. На это Попов возмущенно ответил: «Кого? Генерала Брусилова?»^{709} В ответ на это полемическое замечание Манцев пригрозил прервать переговоры, тем более, что Брусилов не командует Красной армией. Манцев потребовал от своих собеседников проконсультироваться с Махно. После перерыва Попов и Белаш передали Манцеву предварительные, более скромные требования:

«а) Сохранение установленного ранее внутреннего строительства и распорядка в нашей армии, отказа в настаивании по проведению основ строительства, применяемых в регулярных частях Красной армии.

б) Немедленного отвода красных частей от указанного нами центра гор. Старобельска на указанное расстояние.

в) Освобождение арестованных махновцев и анархистов и в первую очередь т. Волина»^{710}.

Старобельск был нужен махновцам для того, чтобы разместить в больницах раненых и передохнуть.

На этом и согласились. 29 сентября красным частям было приказано прекратить огонь.

6. Последний союз

1 октября Махно в обращении к действующим на Украине повстанцам призвал их прекратить боевые действия против большевиков. «Оставаясь безучастными зрителями, — говорилось в нем, — украинские повстанцы помогли бы воцарению на Украине либо исторического врага — польского пана, либо опять царской власти, возглавляемой германским бароном»^{711}. На следующий день

махновцы перебазируются в Старобельск.

2 октября в Харькове было подписано соглашение красных и махновцев. Его подписали командующий Южным фронтом М. Фрунзе, члены РВС фронта Б. Кун, С. Гусев с одной стороны и уполномоченные РВС Повстанческой армии (махновцев) В. Куриленко и Д. Попов — с другой. Характерно, что СРПУ здесь назван по стандартам Красной армии — РВС. Политическую (первую) часть соглашения подписал представитель Украинского правительства Я. Яковлев. В соответствии с этой частью соглашения, состоявшей из трех пунктов, объявлялось «немедленное освобождение и прекращение преследования в дальнейшем на территории советских республик всех махновцев и анархистов за исключением вооружено выступающих против Советского правительства». Они получали право на пропаганду своих идей «без всякого призыва к насильственному свержению Советского правительства с соблюдением военной цензуры», на участие в советах и в выборах на V съезд советов, намеченных на декабрь^{712}. В соответствии с военной частью соглашения армия махновцев поступала в оперативное подчинение красного командования, но «сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей Красной армии». Махновцы обязались не принимать дезертиров из РККА, но бывшие махновцы с территории, занятой белыми, могли вернуться в махновскую армию, даже если какое-то время служили у красных. Семьи махновцев приравнивались в льготах к красноармейцам. Стороны выпускали воззвания о заключенном соглашении^{713}.

Махновцы изложили свои предложения по дальнейшему сосуществованию с большевиками: «Ввиду того, что одной из существенных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся масс у себя на местах, повстанческая армия махновцев выдвигает 4-й пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действия махновской армии местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная связь с государственными органами Советской Республики»^{714}. Представители УССР Затонский и Яковлев согласовали с махновскими представителями приемлемую для них редакцию 4-го пункта^{715}, но оттягивали подписание под предлогом необходимости одобрения Москвы^{716}. Переговоры по поводу нового пункта велись вплоть до нового разрыва отношений между махновцами и большевиками^{717}.

16 октября соглашение было ратифицировано президиумом ЦИК Украинской советской республики^{718}. От командования Южного

фронта махновцы получили 100 миллионов рублей^{719} — довольно скромную по тем временам сумму, которая воспринималась скорее как акт доброй воли, чем реальная помощь союзнику.

Часть махновцев категорически не поддержала этот союз. Отряды общей численностью 8 тысяч человек не пошли за Махно^{720}, «Спустя некоторое время Каменев, Бондаренко, Пархоменко, Фомин и другие писали нам, примерно, следующее: “Мы не хотели мира с большевиками, которые способны обмануть. Мы не желаем проливать свою кровь на Врангелевском фронте лишь потому, что нашими плодами воспользуются большевики. Мы не признаем их революционерами и боремся с ними, как с государственниками, властителями и законниками. Желаем вам успеха в деле разгрома Врангеля и умоляем не ложить пальцы в рот большевикам — откусят”»^{721}, — вспоминал Белаш о пророчестве ушедших. Несмотря на отказ от союза с красными, отколовшиеся отряды с 10 октября прекратили активные боевые действия.

Критика противников союза сыграла свою роль — в воззвании СРПУ 10 октября, подписанном Махно и Поповым, говорилось: «Революционные повстанцы были и будут непримиримыми врагами Советской власти, где торжествуют бюрократизм, насилие, несправедливость и неравенство. Мы боролись с комиссародержавцами, бюрократизмом, спецами и с их всяким произволом и насилием над трудовым народом. Мы не признавали и не намерены признавать бюрократических Советов, которые являются бременем и тяжестью для трудового народа». Но все же «поход контрреволюционного барона Врангеля на Украину для нас, революционных повстанцев, является новым порабощением трудящихся масс». Поэтому махновцы пошли на союз с красным командованием и советской властью «для совместной борьбы против контрреволюционной своры». Но они не отказываются от борьбы за достижение «намеченной цели, как то — проявления инициативы в строительстве народного хозяйства (вольных общин) с помощью вольных экономических союзов (Советов), которые без вмешательства какой-либо политической партии должны разрешить назревшие вопросы среди крестьян и рабочих...

Мы по-прежнему будем вести борьбу против насилия государственной власти и нового порабощения трудового народа государством»^{722}.

Махно именовался теперь председателем Революционной повстанческой армии, а ее командующим стал С. Каретников^{723}. Таким образом, Махно не попал в формальное подчинение к красному

командованию.

1 октября член коллегии ВЧК В. Манцев обратился к Ф. Дзержинскому: «Обещал освободить Волина и Чубенко. Согласны ли Вы на это? Если да, то освободите, временно оставив их в Москве. Об освобождении уведомяте немедленно»^{724}. Анархисты были освобождены и развернули свою агитацию по Украине, приняли участие в выборах на очередной всеукраинский съезд советов. «Набат», поддерживаемый авторитетом и ресурсами махновского движения, укрепился организационно, создал секретариаты во многих городах Украины, распространял махновские материалы, установил контакты с предприятиями^{725}. На 1 декабря был назначен всеукраинский съезд анархистов в Харькове. Он был санкционирован властями, на него рассылались приглашения российским анархистам Е. Ярчуку, Г. Максимова и др.^{726}

В Харькове работало махновское представительство. Первоначально в него входили Хохотва, Чарин и Клейн, а с 9 ноября более влиятельные деятели движения — Буданов, Таратута и Попов. В телеграмме чекиста Балицкого Дзержинскому от 22 ноября говорилось о махновском представительстве: «Даже в Харькове они имеют успех. Вчера только прекратились забастовки на паровозостроительном заводе, вызванные махновской агитацией на почве острого продовольственного кризиса»^{727}. Понятно, что большевики не могли долго терпеть существование легальной махновской агитации — рабочие могли перейти на сторону анархистов. Но пока Махно нужен был в качестве военной силы против Врангеля, ВЧК приходилось выжидать.

К 16 октября Махно собрал свои отряды в единый кулак, который теперь составлял 11 тысяч пехоты и 3500 кавалеристов с 900 пулеметными тачанками. 22 октября махновцы вместе с 23 дивизией красных прорвали фронт дроздовской дивизии, пленили почти в полном составе ее 4 полк в 4000 человек и на следующий день, покрошив еще и марковцев, взяли Александровск. Под контролем Махно оказался весь его район от Гуляйпо-ля до Полог. Фрунзе приказал Каретникову двигаться на Перекоп, но махновцы объяснили ему, что не собираются рисковать армией без поддержки красных. Фрунзе отменил авантюристичный приказ^{728}. 28 октября, сражаясь плечом к плечу с 42 дивизией — своим прежним и будущим противником, махновцы взяли Большой Токмак. 29 октября крупные силы красных прорвали фронт белых в районе Каховского плацдарма и вышли в глубокие тылы Врангеля. Его армия спешно отступила в Крым. В Махновский район, который в это время распространялся на

32 волости^{729}, пришел мир.

* * *

Как только в районе Гуляйполя прекратились военные действия, там была установлена советская власть махновского типа. Был созван волостной совет (именовался также Исполнительным комитетом) — временный делегированный советский орган, в который вошли помимо анархистско-беспартийного большинства 20 эсеров и 5 коммунистов^{730}. Секретарем совета до 11 ноября был Попов, а затем — рабочий П. Рыбин. В район прибыло около 100 анархистов, занявшихся культурно-просветительской работой^{731}. На сходе 14 ноября население избрало комиссию из 5 человек для выработки инструкции для проведения новых выборов в Совет^{732}.

В ноябре Гуляйпольцы несколько раз собирались на сход, разрабатывая проект положения «О вольном трудовом совете». Окончательно положение было утверждено Советом 25 ноября, накануне нападения красных на район. Советы провозглашались «вольными» органами самоуправления трудящихся (крестьян, не эксплуатировавших бедноту, и рабочих) и должны были действовать в строгом соответствии с наказами избирателей. Запрещалось избрание в советы членов партий. Таким образом, советы должны быть не многопартийными, а беспартийными, а депутаты выражать волю своих сел, а не партий. Перевыборы в советы должны были проходить каждые 6-12 месяцев. Положение повторяло идеи, уже разработанные в программных документах движения, несколько конкретизируя их.

7 ноября собрание рабочих и служащих Гуляйполя решало вопросы социального регулирования. Постановили: «предприятия должны отдать часть производства в кооператив для распределения между всеми членами кооператива»^{733}. Кооператив, созданный в июне при профсоюзе^{734}, был своеобразной кассой взаимопомощи и механизмом уравнительного перераспределения среди трудящихся. Однако рыночные отношения таким образом не отменялись. Рабочим обеспечивался прожиточный минимум (причем не в натуральной форме). Они приобретали муку на связанной с кооперативом мельнице «Кемах» по льготным ценам. Цены (льготные для местных рабочих и более высокие для всех остальных) определяло собрание работников мельницы (там тоже существовало самоуправление)^{735}. То же собрание трудящихся 7 ноября избрало в волостной совет трех представителей^{736}.

В районе сохранялась производственная демократия. 28 октября,

например, собрание рабочих и служащих Гуляйпольского завода «Богатырь» обсуждало вопрос о приобретении необходимых для возобновления работы материалов и приглашении дополнительной рабочей силы. Приобретение материалов было поручено фабрично-заводскому комитету совместно с профсоюзом и заводуправлением. Таким образом, на заводе существовала разветвленная система органов управления и самоуправления, которая искала выход из кризиса в тяжелейших условиях гражданской войны^{737}.

15 ноября Гуляйпольский совет обсуждал перспективы «созидательной работы анархии» в районе. Однако высказывались и скептические мнения: «Большевики никогда не позволят нам самоуправляться, не допустят, чтобы в государственном организме было место, зараженное безвластием»^{738}. Это заседание приняло решение готовиться к отпору возможному большевистскому вторжению^{739}.

Упор во внутренней политике Махно в этот период делался на просвещении. Волин так формулировал принципы махновской просветительской политики этого времени: «Компетентность преподавания под контролем со стороны рабочих, приоритет не накопления знаний, а навыков развития свободной личности, способной бороться за справедливое общество и жить в нем, независимость школы от церкви и государства»^{740}.

Во главе культурно-просветительского отдела совета встал вернувшийся в район Аршинов^{741}. Было принято положение о культпросвете, которое определяло, что членом этого отдела «может быть всякий товарищ, разделяющий принципы махновского движения, выраженные в декларации Реввоенсовета армии от 20 октября 1919 г. При этом поведение его в прошлом и настоящем должно отвечать принятому в отделе уровню»^{742}. Таким образом, отдел должен был превратиться в безупречное в моральном отношении анархистское ядро (ибо декларация носила анархистский характер), которое могло бы приступить к решению важнейшей задачи на пути к анархическому обществу — изменению мировоззрения и культурного уровня людей. Анархисты читали крестьянам и рабочим лекции об истории американского рабочего движения, о задачах профессиональных союзов. Лекции были выдержаны в анархо-синдикалистском духе: «Рабочие союзы (будут — А.Ш.) неизбежно постепенно отстранять государственные органы от участия в производстве»^{743}. Эта позиция, предполагала постепенность ликвидации государственности и перехода к социализму, что вполне соответствовало той реальности, в которой

оказалось движение — анархистский анклав в авторитарном государстве.

В районе открывались новые школы, готовились педагогические эксперименты по системе испанского анархиста Ф. Феррера, при которой ученики помогают учителям распространять знания на следующее поколение детей. Учителя содержались крестьянами, но грамотные повстанцы и сами участвовали в преподавании. В программу школы входили в основном гуманитарные предметы: политэкономия, история, теория и практика анархизма и социализма, история французской революции (по Кропоткину) и революционного повстанчества в русской революции. Вновь начал работу махновский театр, ставивший пьесу «Жизнь махновцев»^{744}.

Готовились и социальные преобразования — махновцы надеялись, что мир с большевиками продлится по крайней мере 3-4 месяца. На 15 ноября был назначен районный крестьянский съезд, но 13 ноября он был отложен из-за обострившейся обстановки^{745}.

Несмотря на заключенное перемирие, наученные горьким опытом лидеры движения относились к коммунистической партии с большой настороженностью и не отказывались от критики в адрес большевиков. 13 ноября совет постановил, что необходимо требовать прекращения репрессий против меньшевиков и анархистов и освобождения их^{746}. Несмотря на прежние разногласия и конфликты, махновцы вступились за социал-демократов, забыв, правда, об эсерах.

Был ли махновский район обречен? Думая об этом, нельзя забывать, что в стране набирала силу дискуссия внутри большевистской партии — часть теоретиков склонялась к необходимости демократизации социально-политической жизни. Набирали силу крестьянские восстания. Зрело глухое недовольство рабочих Петрограда и матросов Кронштадта. Не был разгромлен Врангель. Счет шел на месяцы. Сложилась ситуация несколько хуже для большевиков, уже в начале 1921 г. махновская модель стала бы спасительной для режима составляющей НЭПа. Если бы расстановка сил была иной, если бы район продержался до весны 1921 г., если бы иначе сложились военные события и политические схватки... Но махновцы сами ускоряли ход событий. Не могли не ускорять, потому что мечтали победить белых и тем доказать красным свою силу и искренность.

* * *

Цвет махновских войск под командованием Каретникова (сам

Махно был ранен в ногу) был на фронте. Одновременно началась дополнительная мобилизация в РККА, к которой крестьяне отнеслись более благосклонно в свете союза красных и Махно. Часть махновцев действовала на перекопском направлении. Группа Каретникова и отряд пулеметчиков Фомы Кожина (2400 сабель, 1900 штыков, 450 пулеметов и 32 орудия)^{747} выдвинулись к Сивашу.

Отношения между махновцами и красноармейцами были относительно благожелательными. Вспоминает курсант И. Мишин: «Совершая марши, наша бригада нередко останавливалась в одних населенных пунктах вместе с махновцами. За весь период наступления наших армий не наблюдалось какого-либо антагонизма между курсантами и махновцами. Махновцы называли нас “курсаками”, приглашали к себе для проведения свободного времени. Что ж, говорили, вы, курсаки, так скучно живете? Песен не поете, горилку не пьете? То ли дело у нас! Однако никакого разобщения между курсаками и махновцами не чувствовалось и в выполнении поставленных командованием Красной армии задач»^{748}. Впрочем, не все было так гладко. Махновцы испытывали острую нехватку одежды и обуви. Начались спонтанные нападения на небольшие части красных ради захвата одежды. Махновский командир Дерменджи писал в штаб: «т. Белаш, нужно сделать распоряжение и приказ по полкам, чтобы проходящие части ни в коем случае не раздевали. Началась полная грабилька, насилие и убийство»^{749}. Как мы увидим, махновский штаб принял суровые меры.

Тем временем, красные решили еще раз «рискнуть» махновцами и приказали Каретникову в ночь на 6 ноября форсировать Сиваш. Красная пехота еще не подошла, и шансы на успех были очень малы. Каретников стал тянуть время, пока красные не смогли выставить силы, необходимые для поддержки махновской ударной группы. «Видимо, махновцы не совсем доверяли мне...»^{750}, — вспоминает командующий фронтом М. Фрунзе. Переговоры затрудняло и то, что большевики опять не выполнили соглашение относительно снабжения махновцев. Как пишет комиссар штаба фронта А. Осинкин, Каретников «говорил, что не может выступить, потому что армия чего-то не получила». Судя по предыдущему опыту этим «чем-то» могли быть, например, боеприпасы. Фрунзе попытался приструнить Каретникова: «Скажите, как поступают в войсках Махно с тем, кто отказывается выполнить распоряжение вышестоящего начальника?» На что Каретников ответил: «Этого у нас не бывает... У нас в войске революционная дисциплина и все приказы обсуждаются с начальниками частей»^{751}. Фрунзе пришлось обсуждать с махновцами

свои приказы. После того, как разногласия были урегулированы, подошли две красные дивизии, кавалерия Каретникова начала переходить Сиваш,

Белые не смогли выдержать внезапного удара махновцев и красных со стороны Сиваша. Они не думали, что значительные силы противника смогут пройти через это ледяное болото. После ожесточенных боев на Литовском полуострове 8-11 ноября, в котором махновцы составляли ударную силу красных, оборона Врангеля рухнула. Махновцы вышли к Юшуню, в тыл укреплений Перекопа, а после эвакуации остатков белой армии расположились в районе Евпатории.

* * *

Почему белые проиграли? Почему Колчак, Деникин, Краснов, Юденич, Врангель и другие генералы, контролировавшие большую часть территории страны, в конце концов были разгромлены? Ведь на их стороне была поддержка государств Антанты, только что победивших Германию, военная опытность офицеров, авторитарная дисциплина не хуже, чем у большевиков. Иногда их мобилизации имели успех, и им удавалось достичь численного превосходства в сражении.

Но для народной массы России (в широком смысле слова, включая Украину и другие территории бывшей Российской империи) генералы были чуждой силой. К тому же, как уже говорилось, они не имели существенных преимуществ перед красными, являясь вариантом того же зла со своими дополнительными недостатками. Их борьба за «законность» (что не мешало белым грабить и расстреливать без суда, не говоря уже о типичных для всех сторон гражданской войны зверствах) означала для крестьян возвращение сословных унижений и новый передел земли — назад, не в их пользу. В этом отношении белые казались более страшной силой, чем красные.

В то же время коммунистический режим, самой своей идеологией ориентированный на максимальную централизацию управления всеми ресурсами, показал большие способности к мобилизации сил. Ведь даже численное превосходство красных — заслуга организационного таланта Ленина и его товарищей. Их порыв в будущее увлекал деятельных людей всех слоев общества, но прежде всего из низов, большевистская революция открывала невероятные возможности для тех, «кто был ничем». Белые же предлагали возвращение прав прежней элиты, если не аристократии, то уж во всяком случае собственников. Происхождение этой собственности было настолько сомнительным, что

социальным целям белого движения могло сочувствовать лишь меньшинство граждан.

Сопровождавшие большевистскую революцию разрушения и общественные катаклизмы порождали иррациональные надежды. Радикальные лозунги большевизма дезориентировали другие революционные силы, не сразу определившие, что РКП(б) преследует цели, обратные задачам антиавторитарного крыла Российской революции. В этом отношении взаимоотношения Махно с красными и белыми вполне показательны.

Надежды на скорое улучшение жизни подкреплялись резким ростом социальной мобильности, карьеры, самореализации, приобщения к великому делу. Коммунисты вобрали в свои ряды миллионы активных людей, которые не могли реализовать себя в условиях Российской империи. То же самое можно сказать и о других партиях, но большевизм предложил наиболее последовательную и простую стратегию диктатуры бедноты, которая нашла наиболее массовую поддержку у городских низов. Но в результате притока бедноты культурный уровень членов коммунистической партии был невысок, они привыкли к применению насильственных методов достижения целей, к разрушению. Это способствовало победе коммунистов в гражданской войне, но создавали большие препятствия для дальнейшей созидательной работы по восстановлению хозяйства и созданию основ социалистического общества.

Лозунги коммунистов соответствовали революционным настроениям широких масс. Эти лозунги были по форме близки популярным в народе идеям эсеров, меньшевиков и анархистов, но большевики казались более решительными сторонниками социалистических преобразований, потому что предлагали действовать быстрее, радикально разрушать старые капиталистические отношения. В действительности методы, применявшиеся большевиками, противоречили провозглашенным целям преодоления угнетения и эксплуатации. В условиях коммунистического режима угнетение сохранилось иногда в более тяжелых формах, чем при царе и при белых. Но широкие массы считали, что это вынужденные меры на время войны, и после победы над белыми и интервентами большевики установят общество всеобщего братства и свободы. Коммунисты, таким образом, выиграли идеологическую войну против белых и умеренных социалистов. Они смогли заручиться наиболее массовой поддержкой, создать хорошо организованную и многочисленную армию, по частям разбить уступавшие им по численности белые армии и разрозненные крестьянские восстания.

Но эти источники победы красных в «большой» гражданской войне 1918-1920 гг. вели к продолжению гражданской войны после разгрома белых. Обеспечив победу красных, распаленные борьбой трудящиеся массы потребовали «расплаты по вексям», выданным коммунистической партией во время войны с белыми. И когда коммунисты отказались менять политику, разразилась «третья революция», направленная против режима «военного коммунизма». Народ снова повернулся к коммунистам лицом Махно.

7. Последняя война Махно

Быстрая победа над Врангелем приблизила новые испытания для Махновского движения. Один из командиров Г. Василевский говорил 15 ноября П. Аршинову: «Конец соглашению! Ручаюсь, что через неделю большевики будут громить нас»^[752].

13 ноября Гуляйпольский совет постановил «довести до сведения командования Южного фронта о том, что красное командование на фронте недружелюбно относится к командованию Революционной повстанческой армии (махновцев) на почве симпатии красноармейцев к командованию Революционных повстанцев (махновцев) и желания их перейти в ряды повстанчества. Красное командование не старается все назревшие вопросы разрешить мирным путем, а обострить их»^[753].

Уже 17 ноября, на следующий день после ликвидации Южного фронта, Фрунзе отдал приказ: «Украинскую повстанческую армию передаю в оперативное подчинение командарма 4-й, которому иметь в виду предстоящую переброску армии совместно с 9-й стрелковой дивизией на Кавказ»^[754]. Это прямо противоречило старобельскому соглашению, в соответствии с которым армия Махно передавалась лишь в оперативное подчинение Южному фронту и, следовательно, не должна была отрываться от родных мест. Переброска махновцев на Кавказ означала бы прекращение их существования как самостоятельной политической силы.

Гуляйпольский район также остался бы беззащитен перед лицом карательной машины большевиков. Тем не менее, махновский штаб всерьез обсуждал возможность похода в поддержку Кемаля в Турцию^[755]. Одновременно Фрунзе отдал распоряжение предотвратить возможный прорыв махновцев из Крыма. В то же время в подготовке удара против махновцев царил неразбериха: «Крым от материка изолирован двумя кавалерийскими дивизиями... — докладывал Дзержинскому Балицкий. — Вчера на совещании решили так: не выпуская Каретникова из Крыма, окружить надежными частями —

(киргизской бригадой, курсантами и другими) Гуляйпольский район, затем снестись с Фрунзе или Манцевым, который организует ликвидационную группу...»^{756} Таким образом, планы действий РККА и украинских чекистов разрабатывались самостоятельно и согласовывались на ходу.

20 ноября Махно отклонил требование двигаться на Кавказ и предложил провести переговоры для улаживания противоречий, усилившихся после нескольких стычек между махновскими и красными подразделениями. Тогда же от секретного сотрудника ЧК махновское командование узнало, что в ближайшее время следует ждать нападения на Гуляйполе.^{757}

23 ноября махновцы задержали в Гуляйполе 9 агентов красной разведки. Белаш вспоминает: «По чекистской линии из Харькова группа Мартынова (40 человек) была командирована в Гуляйпольский район со специальным заданием — разложить изнутри махновщину, а в случае неудачи — террористическими актами снять отдельных ее руководителей. Среди мартыновцев из Харькова была наша группа человек 10, руководимая анархистом и бывшим адъютантом Чередняка и Шубы, Мирским. Она посылала в штаб секретные сводки, и события предупреждались раньше, чем вполне созревали»^{758}. Махновцы потребовали от Харьковского правительства разъяснений. Ответ властей был вполне доброжелателен: «Заговор, должно быть, является простым недоразумением, тем не менее советская власть для выяснения дела создает комиссию и предлагает штабу армии махновцев послать от себя в эту комиссию двух человек»^{759}. Этот ответ был передан 25 ноября, когда красным стало ясно, что махновцы действительно раскрыли их группу^{760}.

24 ноября в руки махновцев попала отпечатанная в преддверии нового поворота большевистской политики листовка «Бей бандитов-махновцев»^{761}. В тот же день Фрунзе издал приказ-ультиматум: «РВС Южного фронта считает задачу Повстанческой армии законченной и предлагает РВС Повстанческой армии немедленно приступить к работе по превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения Красной армии». Приказ сопровождался перечислением эксцессов во взаимоотношениях между красными и махновцами (в неблагоприятной для последних интерпретации) и оскорбительными выпадами в адрес Махно и частей, принимавших участие в штурме Крыма: «Махно и его штаб, послав для очистки совести против Врангеля ничтожную кучку своих приверженцев, предпочли засесть в каких-то особых видах с остальными бандами во фронтовом тылу»^{762}.

Махновцы изо всех сил стремились свести число инцидентов к минимуму. «Так, в с. Малотокмачка, — вспоминает Белаш, — один махновец обезоружил красного командира лишь потому, что понравился “Маузер” и верховая лошадь. Командир 2-го полка Клерфман за это расстрелял его на месте, возвратив лошадь и оружие потерпевшему коммунисту. В Большемихайловке пять махновцев убили начальника снабжения какой-то дивизии, а с ним трех красноармейцев за то, что добровольно не сдали оружие и деньги. Из штаба выехал Щусь и на месте расстрелял виновных махновцев. В Михайлово-Лукашово махновец — комроты отряда Чалого, вернувшегося из Мелитополя для организации пополнения Крымской группы, переманил к себе с 2-мя пулеметами взвод красноармейцев, которые охотно перешли к нему, тем самым обезоружив красную часть. Был скандал, и махновец — комроты за это был расстрелян. Таких случаев было много: и описывать их не стоит труда. Виновники-махновцы расстреливались до последнего (25/XI) дня»^[763]. На допросе в плену у красных Белаш утверждал: «Что касается массовых случаев нападения, раздевания и даже убийства красноармейцев, то в этом виноваты исключительно местные бандиты и крестьяне»^[764]. Но Фрунзе, не проведя серьезного расследования, обвинял во всех бедах, происходивших в этих местах, именно махновцев. Ему были нужны поводы для выполнения поставленной политическим руководством задачи. По словам Белаша ультиматума Фрунзе в Гуляйполе не получали^[765], что вполне естественно — нападение на махновскую столицу было внезапным.

Связь Крымской группы с Гуляйполем «оборвалась» за несколько дней до нападения. 20 ноября митинг бойцов вежливо отклонил предложение красного командования двигаться на Кавказ без приказа Махно. 25 ноября Каретников был «вызван в штаб», по дороге арестован и позднее расстрелян. Но с частями Каретникова все оказалось не так просто — они разбросали обступавшие их красные части и вышли к Перекопу. На белых кавалеристы не были похожи, и 29 ноября их пропустили. «Как было драться с братьями по оружию? — комментирует В. Голованов. — В этом смысле весь план “замкнуть” махновцев в Крыму имел колоссальный изначальный изъян: разгром повстанцев должен был осуществить те самые части, которые вместе с ними сражались против белых»^[766]. Впрочем, в других ситуациях недавние товарищи по оружию не стеснялись действовать против махновцев. Под Перекопом случилось обычное головоуятие^[767]. Группа вышла было на оперативный простор, но 1 декабря у Тимашевки наткнулась на крупные силы красных, после чего от нее

осталось только 700 кавалеристов и 1500 штыков^{768}. По оценкам специалистов штаба РККА в группу Каретникова (которую публично Фрунзе назвал «ничтожной кучкой») входили «лучшие и наиболее сколоченные части Махно», и нанесенные ей потери были «большим успехом для нас»^{769}.

В Гуляйполе накануне вероломного нападения красных было немало оснований для беспокойства. Днем 26 ноября стало известно об аресте махновского представительства в Харькове (его члены будут расстреляны в 1921 г.). В ночь с 25 на 26 ноября было также арестовано около 350 анархистов, в том числе Волин, Мрачный и зачинщики забастовок в Харькове^{770}. Телефонные переговоры ситуацию не прояснили — власти утверждали, что это какое-то недоразумение. Но Махно сумел привести свои войска в боевую готовность, и начавшаяся поздно вечером атака красных не застала его врасплох. Но основные силы повстанцев ушли на врангелевский фронт, и у Махно под рукой было только 1000 сабель и 2000 штыков.

На Гуляйполе с трех сторон наступали части 42-й дивизии и двух кавалерийских бригад (Богучарской и интернациональной). Одна кавбригада вышла в тыл к махновцам. Постреляв по красным частям, наступавшим с юга, махновцы оставили Гуляйполе и ушли на восток. С севера в городок вошла кавалерийская интербригада. Ничего не подозревавшие красные части, заседавшие с юга, атаковали занявших Гуляйполе кавалеристов. Начался жаркий бой красных друг с другом, что позволило махновцам выйти из окружения и уйти на восток. Правда, 5 декабря повстанцы снова наведались в Гуляйполе, чтобы продемонстрировать свою силу.

7 декабря Махно соединился с кавалерийским отрядом Марченко, прорвавшимся из Крыма. Аршинов вспоминает о состоянии Махно: «Вид разбитой, почти уничтоженной знаменитой конницы сильно потряс его»^{771}, Все нужно было начинать сначала.

Отряд махновцев по пути обрастал потерявшими было связь друг с другом партизанскими частями. Присоединялись и красноармейцы разбитых махновцами частей РККА. В начале декабря у Махно было 2,5 тысячи бойцов.

Но в это время Фрунзе разворачивал против Махно части трех армий (в том числе двух конных). Почти все части Южного фронта обрушились на повстанцев, уничтожая по пути небольшие группы, не успевшие соединиться с Махно^{772}. Огромная масса красных армий создала вокруг повстанцев практически сплошную линию фронта, двумя концами упирающуюся в берег Азовского моря. Уже понимая, что дело плохо, Махно «не унимался» и, словно дразня красное

командование, у него под носом 11 декабря ворвался в Бердянск, где разгромил 3 кавполк и пленил штаб 2 запасной кавбригады во главе с комбригом.

14 декабря РККА силами четырех дивизий (из них две кавалерийские) сомкнула кольцо окружения в районе Андреевки, в 40 верстах северо-западнее Бердянска^{773}. 15 декабря красное командование докладывало в Совнарком: «продолжая наше наступление с юга, запада и севера на Андреевку, наши части после боя овладели окраинами этого пункта, махновцы, сжатые со всех сторон, сгруппировались в центре селения и продолжают упорно обороняться»^{774}. Казалось, махновская эпопея подошла к концу.

Однако Фрунзе не учел совершенно уникальных возможностей махновской армии. Н. Ефимов пишет: «Махновец... за время партизанской борьбы, а может быть также в силу своих социальных условий, развил в себе индивидуальные свойства. Махновец всюду чувствует себя самостоятельным. Даже в бою любимый его строй — лава, где предоставляется отдельному бойцу максимум самостоятельности.

Развитие в махновце свойств индивидуального бойца дает возможность ему не терять голову в опасные минуты...»^{775}

Махно мог, объяснив задачу, распустить свою армию на все четыре стороны в полной уверенности, что она соберется в указанном пункте в тылу противника и ударит по нему. К тому же махновская армия была «моторизована» — она почти целиком могла передвигаться на конях и тачанках.

Все это помогло махновцам 16 декабря выйти из приготовленной Фрунзе западни: «Небольшие группы махновцев уже в это время, во время боя обходили наши части и проскальзывали на северо-восток... Махновцы приблизились к деревне, открыли в темноте беспорядочную стрельбу, чем произвели удачную панику среди красноармейских частей и заставили последних разбежаться»^{776}. При этом красноармейская пехота дралась нехотя.

Махновцы прорвались на Конские Раздоры, но 16 декабря были снова окружены у Федоровки. 18 декабря Фрунзе докладывал о разгроме Махно Ленину^{777}. В это время, погрузившись на тачанки, ядро махновцев вышло на оперативный простор.

В ночь на 19 декабря только что «разгромленные» махновцы захватили штаб петроградской бригады курсантов, которые и подумать не могли, что Махно может уцелеть при такой плотности сил, обступавших его. Затем махновцы уходят на север мимо частей 42-й дивизии и 3-го конного корпуса.

При этом на сторону повстанцев переходили целые подразделения 2-й конной армии, которой командовал «беспартийный большевик» Ф. Миронов^{778}.

Отряд Махно двигался непредсказуемо, постоянно меняя направление и проделывая за сутки в среднем 45 верст. Хотя бывали и переходы в 110 верст^{779}. Огромная воля и военное искусство командира выводили махновцев из «безвыходных» ситуаций.

Неспособность победить махновцев военным путем толкнула большевиков к наращиванию террора. 2 декабря в четырех махновских уездах был установлен жесточайший режим чрезвычайного положения. Расстрел угрожал всем, кто укрывает махновцев или даже выходит из дома после 10 часов вечера. Ключевые пункты района были заняты сильными красными гарнизонами^{780}. 5 декабря был отдан приказ проводить поголовные обыски, расстреливать не сдавших оружие крестьян, накладывать контрибуции на села, в черте которых производились нападения на красные части^{781}. «Выкорчевывание» махновщины затрагивало и тех, кто перешел на сторону компартии. Так, в конце декабря «революционная тройка» в Пологах арестовала весь ревком и часть его расстреляла на том основании, что члены ревкома служили у Махно в 1918 г. (то есть в период войны с немцами)^{782}.

Помимо «официальных» карательных действий, красные части предавались бандитизму (без кавычек), о чем сигнализировала даже милиция: «Настоящим доношу до Вашего сведения, что отдельными батальонами Богучарской бригады, присоединенными к ВЧК, происходит целый бандитизм, грабеж, самовольная замена лошадей у крестьян»^{783}.

Чтобы не подвергать излишней опасности односельчан, Махно переходит 22 декабря Днепр у Варваровки недалеко от Александровска и углубляется в правобережную Украину. Переход на правобережье серьезно ослабил махновцев — здесь их не знали, местность была незнакомой, симпатии крестьянства склонялись на сторону петлюровцев, с которыми у махновцев были прохладные отношения. В то же время против махновцев выдвигались части трех кавдивизий. В районе реки Горный Тикич завязались кровавые бои. Махновцы передвигались так стремительно, что сумели застать врасплох командира одной из дивизий А. Пархоменко — 3 января 1921 г. под Бузовкой он был настигнут махновцами вместе с другими офицерами. Красные командиры были убиты на месте.

Но противостоять натиску превосходящих сил противника на чужой территории махновцы не могли. Понеся большие потери под

Уманью, махновцы описали дугу Иваньки — Бузовка — Юстин и 4 января ушли на север. 7 января Махно перешел Днепр у Канева. Затем последовал рейд через Полтавскую и Черниговскую губернии и дальше до Беловодска. У него под рукой было около полутора тысяч сабель при 20 пулеметах^[784]. При том, что вооруженные сторонники Махно партизанили в нескольких губерниях.

В середине февраля Махно повернул в родные места. Им теперь овладела новая идея — распространять движение вширь, постепенно вовлекая в него все новые и новые земли, создавая повсюду опорные базы. Только так можно было разорвать кольцо красных армий вокруг его армии на колесах. В марте Махно посылает колонны в направлении Дона, Кубани, Воронежской, Саратовской, Харьковской и даже Тамбовской губерний. Даже в Приазовье армия была разделена на несколько групп, чтобы крестьянам было легче снабжать повстанцев. Сам Махно с небольшой мобильной группой в 200 бойцов объезжал многочисленные очаги восстания, уходя от преследовавших его красных отрядов.

Крестьянство более обширной зоны, чем коренной махновский район, привыкало к батьке и все больше поддерживало его. В анонимных опросах, организованных большевистскими «социологами» для выяснения настроений населения, крестьяне писали, что «советская власть построена на угнетении рабочих и крестьян, на форменном обкрадывании крестьян и т. д.»^[785].

Расширение ареала махновского движения в этот период опровергает вывод тех авторов, которые вслед за В. Каневым считают, что у Махно «уже не было никаких шансов на победу, но он не сдавался и с фантастическим упрямством продолжал борьбу. Это уже была война ради войны»^[786]. Но это была война ради победы — именно в это время власть большевиков оказалась в глубоком кризисе.

8. Третья революция

Разгром белого движения привел к вступлению Российской революции в новую фазу. Теперь исчезла угроза реставрации дореволюционного режима силами белого движения. Крестьяне больше не опасались, что белые отнимут у них землю. Тысячи рабочих теперь не боялись массовых репрессий против участников революции со стороны контрреволюционеров. Исчезновение этой угрозы лишило оснований политику «военного коммунизма», которая формировалась в условиях мобилизации всех сил ради победы в гражданской войне. Но большевики не собирались отказываться от «военного коммунизма»,

так как считали его прямой дорогой к новому коммунистическому обществу. Режим был сохранен во всей полноте. Социальная напряженность стала стремительно нарастать.

Анархисты и левые эсеры надеялись, что это приведет к «третьей революции» (по аналогии с Февральской и Октябрьской), в ходе которой народ свергнет большевистскую диктатуру. И действительно, в 1920-1921 гг. разразился острый социально-политический кризис, который знаменовал финал Российской революции.

С точки зрения коммунистического руководства, победа над белыми — это еще не мир, это лишь новая передышка. Кругом — кольцо врагов, и нам еще предстоит войны с белополяками, белофиннами, белонемцами и белофранцузами. Но раз так уж вышло, что марксистская партия первой победила в отсталой стране, нужно показать миру пример рациональной организации экономики и общества.

Лидеры большевиков считали, что сохранение в руках государства полного контроля надо всей хозяйственной жизнью и всеми предприятиями страны позволит вести хозяйство по единому плану, продиктованному из партийно-правительственного центра. Первым опытом такого плана стал ГОЭЛРО — Государственный план электрификации России. В соответствии с этим планом промышленность страны должна была быть переведена на электрическую тягу, что позволило бы значительно рационализировать производство, увеличить его мощность и обеспечить возможность управления всем хозяйством из единого центра. Перспектива электрического перевооружения производства, строительства мощных электростанций вдохновляла миллионы людей. Ленин придавал этому плану огромное значение и даже заявил, что «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны». Это значило, что лидер большевиков считал: электрификация обеспечит материально-техническую базу коммунизма так же, как установленный большевиками режим обеспечит социально-политическую опору новым коммунистическим отношениям. Крестьянское хозяйство тоже предстояло перестроить по промышленному образцу — предполагалось вовлечение крестьянских хозяйств в плановую систему, то есть о государственном управлении крестьянской экономикой.

В условиях разорения страны войной и «военным коммунизмом» картина электрифицированного производства казалась фантастической. Встречавшийся с Лениным в это время выдающийся английский писатель-фантаст Герберт Уэллс назвал его великим мечтателем. Англичанин не понимал, где Ленин найдет средства на строительство

десятков электростанций. Но Ленин и партия большевиков считали, что они могут мобилизовать массы рабочих и крестьян на строительство новых предприятий так же, как до этого на войну. Средства на строительство должно было снова дать разоренное войной и поборами крестьянство. Характерно, что на съезде советов Ленин признал, что большевики чувствуют себя должниками перед крестьянами, но долг вернут не сейчас, а когда восстановят промышленность. Но по плану большевиков восстановление и модернизация промышленности должны были происходить одновременно с ликвидацией крестьянства как класса, превращения его в слой сельских рабочих, управляемых государством. Это напоминало обещание вернуть долг кредитору, которого собираешься убить.

Но сразу же после разгрома Врангеля этот стройный план стал давать сбои. Если в середине и даже осенью 1920 г. поставки продовольствия в города шли бодро, то в декабре они стали стремительно падать, и перед столицами встала угроза голода. Крестьяне таким образом напомнили коммунистическим правителям, что деревня оказалась перед угрозой голодной смерти, и не видит оснований далее снабжать «Коммунию». А раз коммунисты изымают хлеб насильственно, то селяне стали активнее поддерживать повстанчество. После поражения белых оно разлилось еще сильнее, чем в 1919 г.

И среди рабочих росло недовольство политикой большевиков, которые довели города страны до голодного состояния. В этих условиях в партии большевиков обострились внутренние разногласия по поводу путей дальнейшего развития страны, которые приняли форму дискуссии о профсоюзах.

Лидеры большевиков полагали, что грандиозные задачи строительства коммунизма требуют еще жестче организовать рабочий класс. Основной организацией рабочих были профсоюзы, и поэтому именно профсоюзы оказались в центре дискуссии в партии большевиков после гражданской войны.

Дискуссия началась с того, что Троцкий предложил «перетряхнуть» профсоюзное руководство, после чего сделать профсоюзные структуры государственными органами. Это вызвало протесты профсоюзных лидеров во главе с Михаилом Томским.

Если Троцкий выступал за усиление диктаторских механизмов, за превращение профсоюзов в рычаг управления рабочими, то рабочая оппозиция во главе с Александром Шляпниковым и Александрой Коллонтай в соответствии с программой партии предлагали передать власть съездам производителей (фактически — профсоюзам),

отказавшись от диктата Совнаркома, ЦК и карательных органов. Управление предприятиями предлагалось передать рабочим комитетам. В этом «рабочая оппозиция» предвосхищала эксперименты производственной демократии в Испании в 1936-1939 гг. и в Югославии второй половины XX в. Идея передачи значительной власти профсоюзам и советам выдвигалась и группой «Демократического социализма» («децистами») во главе с Тимофеем Сапроновым. Однако между децистами и рабочей оппозицией существовали разногласия. Децисты считали вопрос о профсоюзах более частным, и предлагали формировать органы хозяйственного управления на паритетных началах советскими и профсоюзными органами.^{787}

«Рабочая оппозиция» считала необходимым ускорить провозглашенное большевиками «отмирание» государства и передать управление экономикой профсоюзам и производственному самоуправлению. Неудивительно, что Ленин обвинил их в анархо-синдикалистском «уклоне» от общей партийной линии. Но эта линия еще не была выработана. Теоретик партии Николай Бухарин предложил компромиссную позицию между предложениями Троцкого, «рабочей оппозиции» и «децистов». Бухарин обратил внимание на то, что все фракции партии выступают за включение рабочих организаций в структуру государства, которое после этого на деле может стать рабочим государством. Управление предприятиями в этих условиях должно было перейти в руки демократизированных профсоюзных организаций, по существу — самоуправляющихся рабочих коллективов. Это тоже был существенный шаг к синдикалистским идеям. Но для этого необходимо восстановить демократию в профсоюзах (а значит и в «опрофсоюзенном» государстве). Троцкий согласился с аргументами Бухарина и признал, что рабочие путем перевыборов могут «перетряхнуть» профсоюзное руководство, очистив его от бюрократии. Таким образом, ведущие теоретики партии готовы были предложить создание новой социально-политической системы, основанной на демократии снизу доверху, от самоуправления на предприятиях до государства в целом. Но эта демократия должна была касаться только рабочего класса, и пока обходила стороной «мелкую буржуазию», то есть крестьянство.

Против этих взглядов резко выступили Ленин и Зиновьев. Они считали, что такие резкие перемены могут разрушить аппарат управления, что особенно опасно в условиях разраставшегося в стране социально-политического кризиса. Ленин полагал, что нельзя доверять власть массам рабочих, тесно связанным с крестьянством, которое Ленин считал частью буржуазии (мелкой буржуазией). Строительство

мощной промышленности, планировавшееся коммунистами, должно было управляться из единого центра партийно-правительственной бюрократией, а не рабочими коллективами. Поэтому Ленин настаивал на том, что существующая авторитарная система власти должна быть сохранена, профсоюзы должны существовать отдельно от государства, но полностью подчиняться партии, быть ее «приводным ремнем» к рабочим массам, фракции в партии должны быть запрещены, единство партии восстановлено. В то же время Ленин был готов пойти на уступки крестьянству, которое почти прекратило поставки продовольствия.

Разрешить противоречия в партии должен был X съезд РКП(б). Этот же съезд должен был определить политику в отношении крестьянства. И крестьянство активно «давило» на партию. Восстания ширились.

Почти вся Тамбовская губерния, кроме городов, контролировалась повстанцами. В феврале 1921 г. восстание распространилось на часть Пензенской, Воронежской и Саратовской губерний, где антоновцы контактировали с другими повстанческими движениями. В январе 1921 г. были образованы две повстанческие армии (во главе с Антоновым и Токмаковым). В партизанской армии были введены знаки различия. На красных знаменах повстанческих полков был написан эсеровский лозунг «В борьбе обрешь ты право свое!» Численность повстанцев в марте составляла более 17 тыс. бойцов с 25 пулеметами и 5 орудиями. Им противостояли красные войска Тамбовской губернии, которые с января возглавлял А. Павлов, а с мая — М. Тухачевский. В марте они составляли 40,5 тыс. бойцов при 463 пулеметах, 63 орудиях, 8 самолетах, 4 бронепоездах, 7 бронелетучках и 6 броневиках. С учетом вспомогательных сил численность повстанцев оценивается в 40-50 тыс., а силы Красной армии в регионе — в 120 тыс. Организационно-политическую работу при подавлении восстания вела комиссия ВЦИК по ликвидации бандитизма в Тамбовской губернии во главе с А. Антоновым-Овсеенко. Ему пригодился опыт взаимодействия с Махно — нужно было действовать не только вооруженной силой, но и уступками. 5 февраля 1921 г. в губернии была отменена продразверстка, что стало «первой ласточкой» приближающегося НЭПа.

В конце февраля 1921 г. в Тамбовскую губернию прорвался махновский отряд Колесникова. Но концентрация сил РККА была здесь уже столь велика, что Колесников не смог соединиться с антоновцами. После боев у Отхожей и Чамлыка он повернул назад в Воронежскую губернию.

На Дону росли отряды Маслакова, на сторону которого переходили полки 1 конной армии. Армия Маслакова достигла 5000 бойцов, и в ВЧК обсуждали опасность соединения маслаковцев с махновцами. О Маслакове сочувственно высказался прославленный командующий 2 конной армии Ф. Миронов. О разговорах и подозрительных связях Миронова стало известно, в феврале 1921 г. он был снова арестован и погиб в тюрьме.

Махно после тяжелой для него зимы готовился к наступлению в сторону Харькова. На Правобережной Украине действовали сторонники Петлюры и Савинкова. Продолжалась гражданская война на Северном Кавказе, в Туркестане и на Дальнем Востоке. 31 января 1921 г. вспыхнуло крестьянское восстание в Западной Сибири. Оно быстро охватило огромную территорию с городами Ишим, Петропавловск, Тобольск и др. Несмотря на то, что в руководстве восстания преобладали эсеры, оно развивалось под лозунгами: «Советы без коммунистов!». Повстанцы во главе с эсером В. Родиным взяли Сургут, атаковали Курган, блокировали железнодорожное сообщение по Транссибу.

17 января снова восстал «роговский» район в Сибири. И. Новоселов захватил Сорокино, разоружив здесь кавполк. Восстание охватило юг Алтая. Теперь под черный флаг Новоселова встало 5-10 тыс. человек. Крестьяне «распробовали» власть коммунистов.

Анархист Новоселов поддержал программу эсеровского Крестьянского союза — сначала общий фронт против большевиков, а потом будем бороться за более далекие идеалы. В условиях всенародного антикоммунистического восстания, когда большевики стали главным злом, Новоселов был готов вступать в тактические союзы даже с остатками белогвардейцев, тоже партизанившими в этих местах. Это, конечно, не значит, что новоселовцы перестали быть левым движением (как считает, например, А.А. Штырбул^[788]) — в крестьянском фронте, действовавшем против большевиков, преобладали левые идеи советской власти и социализации земли. Остатки белых, примкнув к Крестьянской войне, объективно действовали в интересах этих левых сил и идей. Так, отряды офицеров Астафьева и Орлова вынуждены были поддержать лозунг «Советы без коммунистов», с которым теперь шёл Новоселов. При этом он следил, чтобы примкнувшие к его армии офицеры не расправлялись над рядовыми красноармейцами и бывшими товарищами по антиколчаковской борьбе. Ситуация была такова, что против большевиков объединились все от «порозовевших» экс-белых до принявших более умеренную советскую программу анархистов.

И везде народ требовал ликвидации режима продразверстки и запретов, причем ликвидации вместе с однопартийной диктатурой большевиков.

* * *

Кульминацией «третьей революции» стало восстание в Кронштадте, которое угрожало перенести борьбу в самый центр Советской России, охватить столицы и столичные гарнизоны.

Началось все с рабочих волнений. В феврале-марте 1921 г. произошел мощнейший всплеск забастовочного движения^{789}, причем в организации стачек участвовали как беспартийные рабочие, так и члены социалистических партий^{790}. 24 февраля 1921 г. рабочие Трубочного завода вышли на улицу. К ним примкнули рабочие других предприятий. Вскоре среди демонстрантов появились матросы и солдаты. Толпа освободила рабочих, арестованных за невыход на «работу» (на остановившиеся из-за нехватки ресурсов предприятия).

В связи с «мятежом на заводах» Петроградский комитет РКП (б) принял меры — были арестованы члены социалистических партий (в требованиях рабочих звучали программные положения эсеров, меньшевиков и анархистов), запрещены любые неразрешенные скопления народа, сформированы ударные отряды из коммунистов, по демонстрантам открывали огонь.

Сообщение о волнениях в Питере немедленно достигло Кронштадта. Моряки, многие из которых прекрасно помнили борьбу за «рабочую власть», начали митинговать. Сообщения из дома об ужасах продразверстки и террора переплетались со свежими впечатлениями рабочих выступлений против «рабочего» государства. Среди матросов были и ветераны борьбы за Октябрьскую революцию, лозунги которой серьезно отличались от реальности «военного коммунизма», и новобранцы — многие с Украины, некоторые — из махновского района. Так в ключевом пункте «третьей революции» переплелись отголоски Октября 1917 г. и повстанческого движения.

Для умиротворения волнений в крепость приехал советский «президент», председатель ВЦИК М. Калинин и пытался уговорить моряков подчиниться. Но привычные штампы насчет «мировой революции» и «кольца фронтов» уже не действовали. Потом в газете восставшего Кронштадта будет написано:

*Приезжал к нам сам Калинин,
Язычище мягок, длинен,*

*Он малиновкою пел,
Но успеха не имел.*

В результате даже большинство кронштадтских коммунистов поддержало резолюцию, принятую на митинге моряков и населения 1 марта 1921 г. В ней требовалось: «Ввиду того, что настоящие советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать выборы советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян»^{791}. Резолюция требовала также свободы слова для левых эсеров и анархистов (не более того), восстановления других гражданских свобод, освобождения политзаключенных — социалистов и пересмотр дел других, ликвидации привилегий коммунистов, структур большевистской экономической диктатуры. И главное экономическое требование: «дать полное право действия крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержаться должен и управляться своими силами, т. е. не пользуясь наемным трудом»^{792}.

Большевики объявили кронштадтцев вне закона, после чего крепость восстала. Был избран Военно-революционный комитет (ВРК). Большинство его членов были беспартийными, что не означало отсутствия у ВРК политической идеологии. Важнейшие вопросы решались на собрании делегатов частей и предприятий. Активное участие в восстании принимали представители лево-социалистических партий и течений, в руководство входили меньшевик-интернационалист, эсер-максималист, энес и анархист (по иронии судьбы анархист Шустов охранял арестованных коммунистов), а также бывшие большевики. Бывший большевик — это тоже позиция. Эти люди поддерживали власть советов, но отшатнулись от практики «военного коммунизма». Идеи Кронштадта важны как результирующий вектор революционных народных настроений и синтез левых идей, оппозиционных коммунистам — конструктивных идей анархистов и радикальных идей социалистов.

Преобладающее настроение повстанцев тяготело к идее советской власти без диктатуры коммунистов. Это видно как из писем рядовых участников^{793}, так и из программных документов движения. 15 марта 1921 г. в «Известиях Военно-революционного комитета», которые редактировал эсер-максималист Анатолий Ломанов, была опубликована установочная статья «Власть советам, а не партиям!». Начав с жесткой критики большевистской диктатуры, автор статьи переходит к критике партийной системы вообще: «И какая бы партия

не встала у власти, она не избежит роли диктатора, так как, какой бы крайне социалистической она ни являлась, у нас будут программные и тактические пункты, выработанные не жизнью, а созданные в стенах кабинета... Дело идет еще хуже, если у власти стоит не одна, а несколько партий... Трудящийся... сам возьмется за власть в лице — свободно избранных советов»^{794}. Критическое острие этих слов направлено не только против большевиков, но и против других социалистических (и тем более несоциалистических) партий. Эти идеи близки лозунгам «вольного советского строя», выдвинутого анархистами. Однако идея советской власти без партийной диктатуры скорее всего не была продуктом анархистской агитации, хотя анархисты приняли в событиях активное участие. Анархисты просто предвосхитили сдвиг настроений революционной массы, которая в 1917 г. поддержала Октябрьский виток революции. Теперь наступал новый виток — идея беспартийной советской власти логично вытекала из идей бывших большевиков (такowymi были многие члены ВРК и участники восстания, в том числе председатель ВРК Степан Петриченко), которых привлекли освободительные лозунги революции и разочаровала тоталитарная практика большевизма. Теперь лидеры Кронштадта рассчитывали привлечь на свою сторону широкие рабочие массы, которые в свое время пошли за большевиками. «Честным коммунистам» была предложена модель легального существования при новой власти в качестве оппозиции. В случае выхода движения на просторы России это могло ослабить противодействие «Третьей революции» со стороны рядовых коммунистов, опасавшихся расправы в случае падения ленинского Совнаркома. Продолжая нелегальную деятельность, оставшиеся на свободе кронштадтские большевики формально приняли эти правила игры^{795}. В то же время, Петриченко не исключал и компромисс с эсерами на почве созыва Учредительного собрания — он запретил публиковать статьи против «учредилки»^{796}.

Говоря о принципах работы ВРК, его член Владислав Вальк говорил на следствии: «Ревком в своем целом все время старался опираться на массы, и как масса решит, так и будет»^{797}. В масштабах небольшого «полиса», островного городка, это было вполне возможно. Продолжая «дело Октября», Кронштадт шел в русле рабочих и солдатских настроений, противостоящих не только большевистской диктатуре, но и реставрации, возвращению назад, обесценивающему принесенные жертвы. Этим полубольшевистским настроением рабочих и матросских масс определяются лозунги и тактика восстания. В этом были шансы на успех в Петрограде в случае ввода туда революционного флота.

Коммунистические и некоторые либеральные авторы, как и в случае с Махно, пытаются доказать, что кронштадтские повстанцы «не имели будущего»^{798}. А вот Ленину так не казалось, отсюда и его знаменитые заявления о самом серьезном кризисе советской власти в связи с Кронштадтом. Ситуация была неопределенной. В Петрограде и других городах шли крупные забастовки, рабочие заявляли о поддержке Кронштадта, а иногда, под влиянием эсеровской агитации — и Учредительного собрания^{799}. Распространение движения на Петроград, неизбежное в случае таяния льдов, могло кардинальным образом изменить положение в стране. Повстанцы рассчитывали на наступление крестьянских армий Махно и Антонова^{800}. Разумеется, в случае успеха Кронштадта его лидеры быстро потеряли бы лидерство в общероссийском революционном движении, став лишь одним, вероятно левым, течением «Третьей революции». Но это не умаляет значения движения и его перспективности.

Восставшие отбили первый штурм красных. Вот-вот мог растаять лед, и восставший флот мог двинуться на Петроград. Но 18 марта войска Тухачевского все же ворвались в город. В составе наступавших шли оппозиционные делегаты съезда РКП(б), отправленные подавлять близких им по взглядам мятежников...

* * *

Несмотря на то, что Кронштадтское восстание было подавлено, сохранять «военный коммунизм» было далее нельзя. Это было чревато полной катастрофой режима и экономики. В январе-феврале 1921 г. меняются и настроения Ленина. 12 января он обсуждает со своими коллегами по ЦК два вопроса: как облегчить положение крестьян «в наиболее неблагополучных губерниях» и искоренить «бандитизм»^{801}. По этому поводу создаются комиссии, и уже 2 февраля Политбюро решает скостить крестьянам продразверстку в некоторых губерниях (прежде всего там, где уже разразился голод, и взять все равно нечего). Поставки продовольствия в это время и так уже были парализованы восстаниями. В первых числах февраля Ленин пишет набросок тезисов, в которых говорилось: «Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом»^{802}. Крестьянство заставило «удовлетворить». Выбирая между падением власти коммунистов и генеральным отступлением от вершин «военного коммунизма», Ленин выбрал власть. Пусть опять, как в 1917 г., в области экономической придется уступить эсерам и анархистам. Это позволяет сохранить главную

господствующую позицию — власть. А с нее можно будет наступать снова и снова.

Но время стремительно уходило, повстанчество ширилось, и уступки могли оказаться запоздалыми,

X съезд РКП(б) 15 марта 1921 г. принял решение об отмене продовольственной разверстки, положив начало серии мер, известных как «новая экономическая политика» — НЭП. Первый рывок к коммунизму завершился. Большевики предпочли перейти к авторитарной системе, допускающей некоторую самостоятельность общества, нежели потерять власть вообще. Зато партийный режим был ужесточен — съезд принял решение о запрещении в партии фракций и группировок.

Постепенные уступки крестьянству привели к оттоку сельских масс от повстанческого движения. Но этот отток происходил постепенно. В стране было много людей, которые не знали, чем они будут заниматься в условиях мирной жизни или не доверяли коммунистической власти. Они были готовы сражаться с большевизмом до конца.

* * *

Процесс введения новой экономической политики растянулся на весну-лето 1921 г. Весной 1921 г. на Украине партизанило около 160 отрядов самой разной направленности от петлюровцев до анархистов общей численностью около 40 тысяч бойцов. За исключением армии Махно, они насчитывали от нескольких десятков до тысячи человек.

Но именно в этот момент Махно не смог перестроить свою стратегию. Распылив армию на создание новых повстанческих зон, он не сумел вовремя сосредоточить большие силы для решающего наступления. Малейшая неудача могла привести к серьезному поражению. Махно вспоминает о столкновении 13 марта 1921 г.: «Люди с возгласом “Жить свободно или умереть в борьбе!” бросались на любую часть и повертали в бегство. В одной сверхбезумной по отваге контратаке я был в упор пронизан большевистской пулей в бедро через слепую кишку навывлет и свалился с седла. Это послужило причиной нашего отступления, так как чья-то неопытность крикнула по фронту: “Батько убит!”»^[803]

15 марта Махно разделил (формально распустил) армию на три группы (Кожы, Лыченко и Забудько), а сам на время ушел в подполье с небольшим отрядом при штабе армии и СРПУ. Весь апрель махновцы укрепляли повстанческие очаги на севере и востоке, но не предпринимали широкомасштабного наступления.

По воспоминаниям Белаша, в это время Махно разработал свой проект «Декларации махновцев», который отличался от предыдущего предложением в качестве промежуточной задачи «диктатуры труда» в форме Советской власти и системы профсоюзов, которыми должны руководить анархисты^{804}. Эти идеи шли в русле дискуссий коммунистов и в то же время соответствовали «платформе», с которой Махно выступит в эмиграции. Но, также как и во второй половине 20-х гг., в 1921 г. новые идеи Махно не вызвали понимания большинства анархистов. Совет и штаб армии подвергли проект критике, обвиняя Махно в бонапартизме^{805}.

Несмотря на то, что в апреле авторитет Махно признавало до 13 тысяч бойцов^{806}, сам он действовал силами небольшой мобильной группы численностью в несколько сот бойцов. Она была достаточно сильна, чтобы отбрасывать целые кавбригады красных, как это произошло, например, недалеко от Полог 16 мая^{807}.

29 мая в селе Богачка Махно собрал совещание комсостава, на котором была создана новая структура армии — из двух кавгрупп (во главе с Забудько и Куриленко). Но собрать все силы в единый кулак не удалось, Махно мог рассчитывать примерно на две тысячи бойцов (всего в Харьковском военном округе летом 1921 г. действовало несколько более 3 тыс. повстанцев)^{808}.

«Решено было пойти на Харьков и разогнать земных владык из партии коммунистов-большевиков»^{809} — вспоминает П. Аршинов. Для взятия Харькова скромных сил этой ударной группы Махно, конечно, было недостаточно. Но даже ворвавшись на улицы столицы Украины, махновцы нанесли бы власти сильнейший моральный удар, очень важный в этот финальный момент революции, определявший ее результаты. В то же время махновцы рассчитывали расширить ареал своих действий на восток, распространяя призывы созвать «Всеукраинский и Всероссийский Кубанско-Донско-Терский и Крымский съезд»^{810}.

Повстанческое движение расширяло район своих действий, но не могло сконцентрироваться для решающих ударов. Новые партизанские отряды полтавщины и черниговщины были слабо связаны с Махно, хотя и восстали под его лозунгами. Они еще не восприняли махновскую дисциплину и вполне отвечали общепринятому представлению об аморфности крестьянского движения. От старых махновских кадров, в большинстве своем разосланных для организации новых очагов, осталось немного. Несмотря на частные успехи в боях с Первой конной армией, Махно не удалось пробиться к Харькову. Он рейдировал в Полтавщине. 3 июня махновцы заняли Зиньков. При этом,

как сообщалось в советских сводках, «бандитизм на Харьковщине в связи с приходом банды Махно принял значительные размеры»^[811] — активизировались многочисленные местные отряды.

Но в это время крестьянам стало ясно, что нэп — это всерьез и надолго. Одновременно большевики перешли к тактике выжженной земли, выселяя за поддержку Махно целые деревни^[812]. Ряды махновских отрядов таяли. В то же время и положение большевиков еще нельзя было назвать устойчивым — 1 июня в Екатеринославе произошли серьезные рабочие волнения. 15 июня сам Фрунзе попал под обстрел махновцев и был легко ранен. Они не чувствовали себя «загнанными зверями».

Красным удалось отбить удары в сторону Харькова, но Махно не собирался уходить с Полтавщины. Фрунзе провел организационную подготовку операции. Коммунистические власти получили телефоны и были проинструктированы, что при виде махновцев нужно не разбегаться, а прятаться и срочно докладывать о передвижении противника. Одновременно красные угоняли у крестьян лошадей, чтобы махновцы не могли менять коней.

26 июня Махно силами около 600 сабель переправился через Ворсклу в 5 верстах от Ахтырки и двинулся в сторону города Гадяч. Силы красных в этом районе были значительны (дивизия и два конных истребительных отряда), но распылены. Фрунзе перебросил один истребительный отряд по железной дороге к Гадячу, и красные кавалеристы должны были поджидать махновцев на переправах через реку Псел. Махно уже не раз переходил Псел, и красные знали места его обычных переправ. Но Махно двигался слишком быстро, опережая даже перевозку войск по железной дороге. Фрунзе пришлось срочно перебрасывать силы в район сахарных заводов у Недригайлова. На этот раз Фрунзе угадал, куда идет Махно, и занял оборону по реке Сула. Тем временем Махно переправился через Псел, разгромив затаившийся в засаде батальон красных. Теперь оставалось ждать, попадет ли он в засаду у Недригайлова. 28 июня Махно вышел к Недригайлову. Завидев кавалерию красных, он не стал уходить, и атаковал. Положение его было невыгодным — с фронта и с фланга навстречу махновцам неслась кавалерия истребительного отряда, была артиллерия, а с тыла заходил полк красных. Но махновцы прорвались за Сулу. «Мешок», приготовленный Фрунзе для Махно, опять порвался. Красные срочно закрывали проходы Махно дальше на север, но он атаковал на запад. Противник был кругом, и у Хорунжевки закипел бой. С фронта и тыла на махновцев наседали по полку, к месту боя спешил сам Фрунзе с отрядом на грузовиках. Теперь его главная задача заключалась в том,

чтобы не пустить Махно назад за Сулу.

Тут махновцы явили свою способность почковаться. Часть группы ушла на север, где ее сильно потрепал Эйдеман, а часть на юг. Тут махновцы разгромили часть автоотряда, сожгли штабной автомобиль, переправились за Сулу и были таковы. Но потери северной группы махновцев были чувствительны — более 100 конников, и повстанцы разошлись на мелкие группы, чтобы вновь собраться между Сулой и Пселом. Там искал их и Фрунзе. Но Махно уже ушел из опасного для него междуречья между Пселом и Ворсклой.

3 июля Махно собрал остатки своего отряда в районе Филенкова, и тут его настигла кавалерия красных под командованием Федченко. Красные прижали махновцев к железной дороге Полтава — Харьков, по которой двигались два бронепоезда. Это был последний шанс Фрунзе завершить операцию поимкой Махно. Как рассказывает участник событий П. Сергеев, находившийся при штабе Фрунзе, «Махно, поняв серьезность положения, бросает небольшую группу всадников с обывательскими подводами под удар нашей конницы, а с остальными силами ускользает, пользуясь пересеченной местностью в северо-западном направлении. Крутой поворот банды на северо-запад и вновь последовавшее ее распыление сбило отряд Федченко на неверное решение двинуться к северу. Махно же тем временем, ночью 4/VII накопился в полосе железной дороги у ст. Кочубеевка и постепенно, мелкими группами просочился через нее на юг»^[813].

8 июля Махно вернулся в Екатеринославскую губернию. Но сил для новых атак у Махно не было. 11 июля он попытался войти в Гуляйполе, но был разбит.

Крестьянство устало от войны. Давал знать себя и НЭП. Напрасно Махно и его агитаторы убеждали крестьян, что коммунисты вернуться к прежней политике позднее. Сопротивление объективно ослабевало. На место убитых не приходили новые бойцы. Более того, в расчете на объявленную амнистию сдались красным почти три тысячи махновцев. Засуха и разорение села в ходе длительной гражданской войны лишали крестьян возможности дальше поддерживать повстанцев — продовольствия не было. Движение таяло на глазах.

В середине июля состоялось последнее открытое заседание штаба махновской армии, в котором участвовало более тысячи бойцов. Махно выступал за то, чтобы отступить в Галицию, чтобы поднять там восстание. Белаш предложил идти в Турцию, чтобы сражаться на стороне кемалистов против Антанты^[814]. Армия разделилась окончательно. Крупная группа во главе с Куриленко, Белашем и Кожиным ушла в Юзовский уезд, на Донбасс. 8 июля Куриленко погиб

в бою. 18 июля отряд Белаша разгромил под Кутейниково батальон красных и ушел в родные места. Но 22 августа Белаш был ранен и взят в плен, а его отряд ликвидирован. Махно ушел на Дон, дошел до Поволжья.

Больше махновцы не смогут соединиться, и армия будет рассыпаться на мелкие группы. Историк А.В. Тимощук пишет о финале борьбы в Приазовье: «Оставшиеся на территории УССР и РСФСР небольшие отряды махновской окраски к концу 1921 г. были истреблены или сдались с повинной. Так 6 сентября в с. Гавриловке Гуляйпольского уезда сдалась группа Забудько из 13 человек. 24 сентября в докладе о состоянии бандитизма в губернии председателя Запорожской губчека сообщалось: “Активная военно-оперативная борьба с бандитизмом в губернии закончена. Крупных организованных банд нет совершенно, мелкий бандитизм, имеющий еще в других губерниях Украины некоторую политическую окраску, на Запорожье окончательно выродился в форму мелкой групповой уголовщины”»^[815].

* * *

Против повстанцев были брошены лучшие силы красной армии, освободившиеся с фронтов против белых. Красные обладали численным перевесом, были лучше вооружены, действовали методично и жестоко. Красные брали в заложники тысячи крестьян. Заложников расстреливали, если жители их деревни поддерживали восставших.

После отмены продразверстки в Тамбовской области начался закат Антоновского восстания. В феврале погиб сподвижник Антонова Токмаков. 22 марта 1921 г. повстанцы потерпели тяжелое поражение. В течение следующих трех недель явку с повинной принесло около 7 тыс. повстанцев. Однако в апреле-мае повстанцы продолжали проводить крупные рейды, нападать на города и станции. Красная армия обладала численным перевесом, была лучше вооружена, действовала методично и жестоко. 12 мая Тухачевский издал приказ №130, а комиссия ВЦИК — постановление «О высылке семей и конфискации имущества бандитов», согласно которым семьи повстанцев брались в заложники и направлялись в концлагеря до конца восстания, а часть — высылалась на Север, имущество конфисковывалось. 11 июня был принят приказ №171, в соответствии с которым в случае обнаружения оружия расстреливались заложники. 25 мая — 7 июня сводная кавалерийская группа под командованием И. Уборевича нанесла решительное поражение основным силам Антонова. Но только в июле оставшиеся отряды были практически полностью разгромлены. На завершающем

этапе операции против повстанцев было применено химическое оружие, правда, из-за нарушения инструкции — без большого успеха. 22-26 июня был обнаружен и разгромлен губернский СТК. 20 июля в связи с разгромом основных сил повстанцев было прекращено действие приказа № 171. Около тысячи повстанцев, еще остававшиеся в лесах, в августе-сентябре уничтожались силами ВЧК (ГПУ) или являлись с повинной. Последний отряд из 8 человек распался 8 декабря 1921 г.^[816]

Весной, когда открылась навигация (ее бы кронштадтцам), в район Западно-Сибирского восстания были переброшены свежие силы РККА, и к июлю 1921 г. оно было подавлено.

Сорокинское восстание Новоселова потерпело неудачу еще раньше — в феврале. Но изловить партизана не удалось — он снова скрылся в тайге и продолжал время от времени напоминать о себе. Лубков сражался до июня 1921 г., когда его застрелил вошедший в доверие к повстанческому командиру агент ЧК. До октября партизанил в Кузнецком уезде анархист Табашников. В октябре здесь же снова выступил Новоселов во главе отряда в 1500 человек. Потерпев поражение, он в 1922 г. скрылся. Последние анархистские «банды» действовали в Сибири и в 1923 г., но более мощным здесь стал в 1922-1923 гг. «красный бандитизм», выступавший против НЭПа. Всего в Сибири в 1920-1921 гг. партизанило до 25 тыс. сторонников анархистских идей^[817].

Но значение анархии в «третьей революции» не ограничивается численностью бойцов анархистских отрядов. Как говорил Ленин на X съезде, «Мы переживаем время, когда перед нами встает серьезная угроза: мелкобуржуазная контрреволюция... более опасная, чем Деникин. Эта контрреволюция тем своеобразнее, что она мелкобуржуазная, анархическая»^[818]. Конечно, как марксист и большевик, Ленин видел в революционном движении рабочих и крестьян «мелкобуржуазную контрреволюцию». Но вот в указании на ее анархический характер есть рациональное зерно. Весь заключительный этап Великой Российской революции был объективно анархичен. Трудовые массы, поднявшиеся на борьбу с режимом, сошлись на объективно анархистском лозунге «Советы без коммунистов!», «Власть советам, а не партиям!». И левые эсеры, и анархисты, и «беспартийные большевики», как и в Октябре 1917 г. вместе шли в объективно анархическом движении.

* * *

НЭП создал возможность для окончательной победы коммунистов

в революции. Но несколько месяцев их власть висела на волоске. Тем не менее натиск «третьей революции» был отбит, и главная причина этого — глубокая разобщенность революционно-демократических сил. Дело даже не в извечной локальности крестьянских восстаний — в борьбе против белых это было даже преимущество, да и красные долго не могли справиться с партизанскими ударами, сыпавшимися со всех сторон. Раскол революционно-демократического движения был глубоким — две его составляющие считали друг друга врагами. Речь идет об эсерах и анархистах. Два эти идейных течения строили свою программу социалистического будущего на основе самоуправления, что стратегически противопоставляло их радикально-марксистской стратегии большевиков. К эсерам тяготели меньшевики, к анархистам — левые эсеры и разочаровавшиеся в компартии беспартийные большевики. Эсеры выступали под лозунгом Учредительного собрания, а более левые социалисты — за власть советов. При этом эсеры (кроме наиболее правых) были не против развития советов как органов самоуправления и включения их в систему власти. Но «учредилка» вызывала неприятие более левых течений, так как белые тоже выступали за созыв в будущем учредительного парламента (понятно, совсем в других условиях, чем революционная обстановка, породившая Учредительное собрание 1917 г.). Как мы видели, в условиях нового революционного подъема лозунги двух течений стали сближаться. Для анархистов эсеровские социальные требования были приемлемы в качестве «программы минимум». В то же время часть эсеров были готовы сражаться под советскими лозунгами. Но создать общенациональный центр сопротивления не удалось, а без этого была невозможна победа революционно-демократического движения в городах, что было принципиально важно для победы в гражданской войне. Интересно, что эсеры и анархисты продолжали развивать свои идеи в близких направлениях даже в эмиграции. Идеи конструктивного анархизма, о которых речь пойдет ниже, очень близки идеям «Конструктивного социализма» идеолога эсеров В. Чернова, которые он развивал в 20-е гг.

«Третья революция» была вдохновлена идеями антиавторитарного социализма, которые лишь отчасти имели своим источником собственно социалистические и анархистские организации. Народное сознание в условиях революции и большевистской диктатуры стихийно воспроизводило идеалы антиавторитарного социализма. Но отсутствие организационной основы не позволило новой волне революции добиться политического успеха.

Это предопределяло гибель большинства вождей повстанчества.

Одним из последних уже 24 июня 1922 г. в перестрелке с сотрудниками ОГПУ был убит А. Антонов.

Несмотря на частные успехи, антибольшевистским движениям в 1920-1921 гг. не хватило времени и сил для того, чтобы переломить общие тенденции развития и угасания Российской революции.

Но Махно не собирался сдаваться. С небольшим отрядом в несколько десятков человек он совершил свой последний рейд. В начале августа Махно разворачивается на запад — через Старобельский, Изюмский и Константиновский уезды. 16 августа Махно перешел Днепр под Кременчугом.

По пятам Махно шла 7 кавалерийская дивизия. При встречах с красными махновцы давали жесткий отпор, но несли потери. Последний тяжелый бой отряд провел 22 августа, Махно снова был ранен. 28 августа 1921 г. отряд Махно переправился через Днестр в Бессарабию.

Таким образом завершилось крупнейшее на тот момент социальное движение под знаменами анархии.

9. За что боролись?

Постепенно затухали и другие очаги повстанчества на Украине. К осени 1921 г. было разгромлено большинство повстанческих отрядов. Последней попыткой разжечь гражданскую войну на Украине стал «второй зимний поход» петлюровцев во главе с Ю. Тютюнником. Три колонны самостийников вторглись из Польши и Румынии 19 октября — 4 ноября. Тютюнник ворвался в Коростень, но был тут же выбит оттуда. 17 ноября Тютюнник был полностью разгромлен Котовским и бежал назад в Польшу.

В апреле 1922 г. была объявлена амнистия всем повстанцам, кроме Махно, Петлюры и Тютюнника. В это время отдельные отряды в несколько сотен бойцов (Орла, Коха, Хмары и др.) общей численностью около 2 тысяч еще действовали в Подольской губернии. В других губерниях оставалось по несколько сотен повстанцев. Вспыхивали отдельные восстания против сбора продналога в условиях голода. Но после провозглашения НЭПа повстанчество агонизировало, и к осени было фактически ликвидировано. В сентябре в Польшу ушел один из последних повстанческих командиров Я. Гольчевский (Орел).

В конце 1921 г. пространство бывшей Российской империи представляло собой выжженную землю. Голодали Поволжье и Украина — хлебные житницы. Промышленность лежала в руинах. Война закончилась не только из-за уступок большевикам крестьянству, но и в

результате всеобщего изнеможения. Но дым рассеется, и выяснится, что Великая Российская революция стала началом могучего рывка страны в будущее.

В 1917-1922 гг. за короткий в историческом масштабе срок страна неузнаваемо изменилась. Царскую символику вытеснили красные флаги и звезды, в коридорах власти аристократов во фраках и золотом шитье сменили относительно молодые люди в кожанках и френчах, общественная атмосфера веяла духом перемен, устремленности в будущее, неповторимости происходящего — страна Советов впервые в мире пробивала дорогу к социализму — неведомому светлому будущему человечества. Среди тех, кто составил новый правящий класс, было немало бывших участников оппозиционных коммунистам организаций от эсеров до анархистов. Они принимали цели компартии, хотя по-прежнему были не в восторге от методов. В этом отношении, впрочем, они мало отличались и от стопроцентных коммунистов, также разделившихся на фракции и живо обсуждавших вопросы «За что боролись?» и «Куда идти?» Махно мог быть среди них, если бы «вовремя сориентировался», отказался от своих принципов. Тогда он носил бы чин комкора, дружил бы с Антоновым-Овсеенко, поправил бы здоровье и дожил бы не до 1934 года, а до 1937-го. Но он не отказался от принципов...

* * *

Иным был выбор Каландаришвили, который в 1921 г. вступил в компартию. Его биограф И. Подшивалов ставит в связи с этим финалом сибирского Дедушки более общую проблему: «Имя Нестора Каландаришвили среди сибирских партизан гремело также, как имя Нестора Махно среди украинских повстанцев. Оба принадлежали к одному политическому направлению — анархокоммунизму, оба участвовали в революции 1905 г., оба сидели в тюрьмах, и оба даже получили от большевиков орден Красного Знамени. Но, несмотря на сходство биографий, жизненный путь двух этих людей завершился по-разному. Украинский крестьянин Махно из последних сил бился с большевиками, ушел за кордон и умер, оклеветанный в глазах своего народа, в Париже, а грузинский дворянин Каландаришвили был убит, подавляя восстание якутов и эвенков, после чего канонизирован. Махно лежит на кладбище Пер-Лашез возле Стены Коммунаров, Каландаришвили похоронен в Иркутске на горе Коммунаров, Разные оказались Коммунары...

О подвигах Нестора Каландаришвили написано предостаточно. Нас

же интересуют причины перерождения любимого крестьянами и рабочими партизанского командира в верного слугу большевистского режима. Ведь он не был одинок в своем выборе. Тем же закончил свой путь “последний гайдук” Бессарабии Григорий Котовский... И любимец черноморских матросов анархист Борис Мокроусов, через четверть века получивший звание Героя Советского Союза..., матрос-балтиец Павел Дыбенко залил кровью родной Кронштадт, восставший против большевиков в 1921-ом г. Все остальные народные вожаки, народом выдвинутые, а не Москвой назначенные, в конце концов пали жертвами троцкистско-ленинской “борьбы с партизанщиной”».

И. Подшивалов считает, что «главная причина падения Каландаришвили заключается, на наш взгляд, в том, что сибирский Дедушка никогда не был по-настоящему идейным анархистом. Кондотьер революции, он примыкал к тем, кто “забирал круче”, не вдумываясь, чем это может закончиться»^[819]. Стоило Каландаришвили получить почет и ответственные посты у большевиков, встретиться с Лениным (как не вспомнить встречу Ленина и Махно), и он окончательно перешел в стан большевизма.

При всей справедливости слов И. Подшивалова, такое объяснение недостаточно. Во-первых, разделение героев гражданской войны на тех, кого «приручили», и кто «пал жертвой», в большинстве случаев не связано с анархической идейностью. Большинство «народом выдвинутых» советских командиров все же приняло власть компартии как наиболее понятную их неискушенному в теории солдатскому мышлению. Даже такой классический красный генерал, как Буденный, был «народом выдвинутым», а Москвой только утвержденным — и не без проблем. Но в конце концов он принял коммунистический централизм. В то же время среди жертв «борьбы с партизанщиной» были далеко не только «по-настоящему идейные анархисты», но и «беспартийные большевики», в какой-то степени «кондотьеры революции» — достаточно вспомнить командармов И. Сорокина и Ф. Миронова. Большевики тоже учились — и приручать «кондотьеров», но и, если обстановка позволяет, превентивно расправляться с колеблющимися. А ведь ни Сорокин, ни Миронов, ни Думенко идейными анархистами не были. В этом смысле судьба Каландаришвили тоже не была гарантирована — не срази его пуля повстанца, он после очередного конфликта с каким-нибудь чиновником мог оказаться и в ОГПУ.

С другой стороны, вполне идейные анархо-коммунисты могли прийти к большевизму, как, например, Я. Новомирский. Ярким

примером такой эволюции станет также близкий товарищ Махно П. Аршинов.

Таким образом, логика революции делила людей на своих и чужих вне прямой зависимости от их приверженности анархо-коммунизму. Человек мог встать на пути государства, почувствовав, что оно душит «его» революцию, а мог прийти к большевизму, исходя из логики своей идеологии.

Как раз анархо-коммунизм открывал перед человеком две дороги — к антиавторитарному социализму либо к коммунизму. А вот к белым — ни-ни. Каким бы ни был Каландаришвили «кондотьером», а Махно — то союзником, то врагом большевиков, но они не могли даже тактически подчиняться белым. И это — их принцип, через который они не переступали.

Практика революции показала анархистам, что сразу достичь анархии и коммунизма не получается. Значит, нужно либо выбирать что-то одно (отсюда — выбор части анархистов и левых эсеров в пользу коммунизма), либо бороться за более скромные цели, «переходное» общество — синдикализм, самоуправленческий социализм.

До анархии — долгий путь. Да и до коммунизма оказалось не ближе.

Один из ведущих анархистских идеологов Яков Новомирский, которого трудно обвинить в том, что он не был идейным анархистом, вступил в РКП(б) в 1920 г. Он так объяснял свой шаг: «Р.К.П. не состоит из одних ангелов и гениев. Она делала ошибки, и очень досадные. Но, во-первых, она своих ошибок не скрывает и никого не уверяет в своей непогрешимости. И, во-вторых, ее ошибки были полезнее революции, чем безгрешная декларация анархистов, которая привела к такому прелестному бутону (вероятно, имелся в виду букет — *А.Ш.*), как Махно, грабеж советской казны и взрыв в Леонтьевском переулке. Р.К.П спасла революцию от Колчака, Деникина и Юденича»^{820}. Как мы видели, РКП разбила белых не в одиночестве, а во многом благодаря тому же Махно. Взрыв в Леонтьевском, при всей его бессмысленности, уступает по количеству жертв, скажем, разгрому анархистов в апреле 1918 г. Сторонам было, что поставить в вину друг другу, и понятно, что коммунист Новомирский обязан предъявить своим бывшим товарищам по анархистскому движению компромат на них, тем более, что его статья публиковалась в «Правде». Но он не ограничивается этим, и дальнейшие его разъяснения гораздо ближе к сути дела. «Значит, анархизм — утопия, мираж или глупость? Нет, анархизм — мечта (и благородная мечта) о полном торжестве

человеческой личности над косностью и тиранией среды, как физической, так и социальной. Анархизм — мечта о цельной, свободной и сильной человеческой личности. Это — не программа, а мечта»^{821}. У коммунистов тоже есть своя мечта — это «программа-максимум», стратегическая цель коммунизма. Анархисты отличались тем, что у них не было общепринятой программы-минимум, собственно программы. Отсюда непонимание Многими из них того, что большевистский путь к коммунизму — это — не путь к анархии, а скорее в обратном направлении. Но Новомирский смотрит на вещи еще глубже. В отличие от большинства коммунистов, и даже самого Ленина, Новомирский понимает, что РКП создает не коммунизм. «Для того, чтобы анархизм стал живым учением, движущим людей в их практической повседневной работе, а не в часы поэтического досуга, нужны некоторые предварительные условия, а именно: создание такого общества, в котором каждая личность могла бы свободно дышать, то есть организация общежития, способного обеспечить каждому сносное существование и сносный досуг. К такому обществу идет наша великая революция под руководством Российской Коммунистической партии»^{822}. Это — не агитка. Это — почти критика РКП(б), которая ведет не к коммунизму, а к «сносному» обществу — по сути, социальному государству. Возникновение социального государства и индустриального общества — предпосылка для развития личности и движения к анархии. Столкнувшись с практикой революции, значительная часть анархистов поняла, что социальный взрыв ведет не прямо к анархии, а к некоторому переходному обществу. Некоторые увидели такое общество уже в военном коммунизме, и им, подобно Каландаришвили, была прямая дорога в компартию. Другие, подобно Новомирскому и позднее Аршинову, лучше разбираясь в теории, хорошо видели недостатки коммунистического режима, но считали капитализм большим злом. Социальное государство, «сносное» общество все же ближе идеалу, как позиция, с которой можно двигаться дальше. И лишь анархо-синдикалисты Г. Максимов, А. Шапиро и их единомышленники стали разрабатывать идею некоммунистического, а собственно социалистического переходного периода, который вел бы от революции к анархическому идеалу по прямой, а не окольными путями коммунистического режима и капиталистического социального государства. Эта модель переходного периода очень близка к идеям прудонистов XIX в. и конструктивных социалистов 20-30-х гг., которые шли к тем же выводам не от анархо-коммунизма, а от народничества и марксизма. Практическое подтверждение их выводам даст революция в Испании. В эмиграции

Махно тоже принял участие в поиске конструктивной программы анархизма и антиавторитарного социализма.

* * *

После поражения анархизма в Российской революции, после гибели махновского движения многие его бывшие участники продолжали жить на востоке Украины. Анархистское движение было еще живо. При участии анархистов организовывались стачки-волынки. В 1924 г. Харьковская федерация анархистов, с которой сотрудничал начштаба Махно В. Белаш, планировала собрать подпольный съезд «Набата». Но в мае 1924 г. ОГПУ арестовало около 70 анархистов, лидеры организации отправились в ссылку. Учитывая, что Белаш вернулся из ссылки уже через полтора года и в дальнейшем сотрудничал с чекистами, Л. Яруцкий считает, что организацию провалил именно он^{823}. Во всяком случае, после ссылки Белаш уже очевидно действовал под контролем «органов». Он ездил по местам боевой славы, беседовал с бывшими участниками, собирал материал для истории, а попутно и для ОГПУ. Бывшие махновцы по-разному вписались в новую жизнь. Некоторые «рыбалят и пьют вино», некоторые, как люди активные, работают в низовых советских органах. Кто-то даже в партию вступил. Им, впрочем, власти не очень доверяют, притесняют, «вычищают». Это вызывало недовольство. Часть бывших махновцев сохранила анархистские взгляды. Одни создали коммуны (под видом обычных коммунистических), другие готовились к будущим боям. Бывший комполка, а ныне член сельсовета Новоспасовки Павел Гончаренко доказывал, что Советский Союз потерпит поражение в грядущей войне, после чего нужно будет снова партизанить против интервентов и коммунистов. Под Мариуполем Белаш «нащупал» организацию махновцев во главе с Будановым, которая вела осторожную пропаганду против властей, обсуждала возможности борьбы против коммунистического режима. В 1927 г. организация была разгромлена ОГПУ, ее лидеры Буданов и Белочуб расстреляны. Впрочем, неизвестно, сыграла ли информация Белаша решающую роль в этом разгроме — он признает, что ему не удалось встретиться с Будановым, и наличие организации «выяснилось» позднее.

С началом «Великого перелома» ОГПУ провело аресты махновцев, причем не только единоличников, но и коммунаров. Их коммуны превратились в колхозы и совхозы, 1 февраля 1934 г. арестом восьми человек были ликвидированы остатки Харьковской федерации

анархистов. Последние анархистские группы в СССР просуществовали до 1937 г. Так, на Сталинградском химзаводе существовала пропагандистская группа анархо-синдикалистов и троцкистов (с ней контактировал Белаш). В условиях тотальной зачистки 1937 г. были уничтожены все известные махновцы. Не стал исключением и Белаш. Но он оставил подробные показания — своего рода историю анархистского подполья. Характерно, что в ней много пробелов — Белаш часто ссылается на то, что не помнит имена^[824]. Так что кто-то из участников анархистского подполья мог и пережить Большой террор, прекратив пропагандистскую работу.

* * *

Из-за гражданской войны и сопровождавших ее разрушений Российская революция смогла выполнить лишь часть своих задач. Тем не менее, крестьяне сохранили в своем владении полученную в результате революции землю. В этом отношении Махно победил. Были закреплены такие итоги революции, как отказ от национально-аристократических принципов формирования правящей элиты, развивались элементы социального государства (система страхования и социальных выплат).

С введением НЭПа большевикам пришлось отступить от доктрины непосредственного перехода в ходе революции к централизованной нетоварной экономической системе («коммунизму», «социализму»). Теперь перед новым штурмом следовало собраться с силами, поднакопить экономический жирок. Либеральная интеллигенция рассуждала о предстоящем перерождении большевизма в «нормальное общество», о повторении «термидора», завершившего Великую французскую революцию. Этому боялись и большевики. В эмиграции об этом же с горечью писали и анархисты — большевики пошли неправильным путем, по дороге, которая ведет не к коммунизму, а к капитализму.

Но большевистская элита, наблюдая «буржуазное разложение» и своих кадров, и бюрократии вообще, и общества, планировала возвращение атмосферы «военного коммунизма» на новой основе. Никаких политических уступок, твердый авторитарный режим, подавление фракционной активности в партии и оппозиционных групп вне ее. Государственно-политические итоги революции были оформлены созданием нового государства — СССР, которое наряду с централизованной партийной структурой должно было обеспечивать культурную автономию и государственно-политическое единство

народов бывшей Российской империи и стран, в которых в будущем победят коммунисты. Структура СССР была рассчитана на успехи «мировой революции» и учитывала опыт гражданской войны на окраинах — в том числе украинского сопротивления «русификации» 1919 г.

Незавершенность революции, невыполнение ее демократических и части социальных задач, имела тяжелые последствия. Авторитарный характер режима создавал идеальные возможности для произвола бюрократии — правящего класса, наспех сформированного из самых разных слоев общества, как правило из представителей низов, часто потерявших связь со своей социальной средой, получивших опыт жестокой войны и кровавого террора, но не ставших от этого компетентными в области хозяйственного строительства. Партия и правящий класс не имели достаточного количества компетентных кадров, чтобы решить все многочисленные проблемы, возникающие в обществе. При этом отсутствие демократии не позволяло разделить ответственность за происходящее с другими общественными силами.

В то же время в результате революции Россия первой в мире создала систему государственно-монополистического регулирования индустриального хозяйства, которую только десятилетие спустя, и учитывая российский опыт, стали строить такие развитые страны, как США и Германия. Россия стала «опытным полигоном» последующих реформ Рузвельта, Гитлера, Муссолини, Народного фронта во Франции и др. НЭП стал первой системой всеобъемлющего государственного регулирования индустриально-аграрной экономики в условиях мирного времени (до этого такое регулирование в Европе вводилось в условиях войны). Однако варианты этого пути развития, как оказалось — магистрального в XX веке — могли быть разными (достаточно сравнить модели Гитлера и Рузвельта). Итоги Российской революции, победа в ней большевиков, во многом сузили спектр возможных альтернатив развития страны. Но они предопределили прорыв страны к индустриальному обществу и социальному государству уже в первом эшелоне развитых стран мира — возможность, совершенно нереальная для Российской империи.

Уменьшилось болезненное расслоение крестьян. Бедняки получили землю или ушли «в начальство». Преобладающей фигурой на селе стал середняк, то есть крестьянин, кормящийся преимущественно своим трудом. Кулачество сохранялось, но было ослаблено давлением власти, стремившейся предотвратить образование сельской буржуазии. Общество стало более однородным, социально равноправным, мобильным. Вместе с некомпетентными массами в правящую элиту

пришли и талантливые организаторы. Планы индустриального строительства, смелые идеи новых правителей встречали горячую поддержку у многих специалистов независимо от их политической принадлежности. Страна вступала в индустриальную эпоху, переустройство общества на рациональных индустриальных основах требовало миллионов инициативных людей. Обстановка революции и гражданской войны в достатке породила их.

Новая социальная структура, несмотря на сходство с дореволюционной, была еще очень неустойчива, социальные силы были еще далеки от равновесия, давление на правящую элиту с разных сторон нарастало, а сама эта элита формировалась на глазах, была разнородной и смутно представлявшей себе перспективы развития, собственные интересы и цели. В этих условиях и развернулась драма идейно-политической борьбы в правящей коммунистической партии, которая стала переплетением социальных конфликтов, психологических противоречий, столкновения выстраданных идей^{825}.

Незавершенность даже самых великих революций неизбежна. Они — импульс, их итоги и традиции определяют направление развития на десятилетия вперед. А эти итоги — результат противоборства. В основе советского общества XX века сплелись и государственная мысль Ленина и Сталина, и буйное сопротивление украинских атаманов, и вольнолюбивые лозунги Махно. Таким же компромиссом победителей и побежденных была почти вся наша история после 1917 г. Итоги революции и гражданской войны во многом предопределили дальнейшее развитие Советской культуры, поражавшей мир и своими ужасами, и невероятными достижениями. Сталинский террор и разгром нацизма, начало покорения космоса и «холодная война», голодомор и сытость «застоя», «золотой век» кинематографа и «праздник непослушания» Перестройки — все уходит корнями в Великую Российскую революцию, в ее полюса — вольную стихию и государственную волю, анархическую самоорганизацию и коммунистический режим, повенчанные Советской идеей, за которую ратовали чекисты и повстанцы, коммунисты и анархисты, Ленин и Махно.

Глава 8. **Хранители опыта**

1. Анархисты в эмиграции

Оказавшись в Румынии, махновцы были разоружены властями. Нестор с женой были поселены в Бухаресте. Большевики требовали его выдачи, и в апреле 1922 г. Махно предпочел перебраться в Польшу. 12 апреля 1922 г. Махно и его соратники были в Польше помещены в лагерь для интернированных. Советская дипломатия и здесь добивалась его выдачи как уголовного преступника. 19 мая 1922 г. Верховный трибунал при ВУЦИК признал Махно виновным в грабежах и разбойных нападениях, и на этом основании 24 мая и 4 ноября 1922 г. УССР потребовала от Польши его выдачи. Но советские аргументы не убедили польские власти.

При этом Махно не скрывал своих взглядов, агитировал за советскую власть. В июле 1922 г. Махно обратился к властям с просьбой разрешить ему эмиграцию в Чехословакию — более демократическую страну. Но в этом батьке было отказано — поляки подозревали его ни мало ни много в стремлении поднять восстание в Восточной Галиции в пользу Украинской советской республики. Прокурор окружного суда Варшавы видимо не вдавался в разногласия между российскими революционерами, и по-своему истолковал высказывания Махно в поддержку советов, революции, коммунизма и свободного самоопределения украинцев в Восточной Галиции. 23 мая 1922 г. против Махно было возбуждено уголовное дело. 2 августа

1923 г. Махно был арестован и отправлен в Варшавскую тюрьму по обвинению в государственной измене, подготовке восстания в Восточной Галиции и связях с УССР. Также были арестованы его жена Г.А. Кузьменко и двое их соратников — И. Хмара и Я. Дорошенко. Анархисты Европы развернули кампанию за освобождение Махно.

30 октября 1923 г. Варшавской тюрьме у Махно и Кузьменко родилась дочь Елена.

27 ноября 1923 г. Махно и его соратники предстали перед судом. Их обвиняли в контактах с миссией УССР в Варшаве и подготовке восстания. После того, как абсурдность этого обвинения стала очевидна, прокурор принялся доказывать, что Махно не политэмигрант, а бандит. Возникла угроза, что Польша использует узников как разменную монету в дипломатической игре и выдаст их большевикам.

Выступления батько на процессе имели успех — особенно напоминания о том, что своими действиями в тылу красных он фактически спас Варшаву в 1920 г.^[826] Уголовные обвинения доказаны не были, и 30 ноября Махно и его товарищи были оправданы. Но Махно был поселен под надзор в Торунь, и после откровенных заявлений о стремлении продолжать вооруженную борьбу с

большевиками польское правительство выслало Махно из страны. К этому времени было уже ясно, что в ближайшее время поднять восстание на территории СССР не удастся.

14 апреля 1924 г. Махно переехал в вольный город Данциг, населенный преимущественно немцами. В ноябре 1924 г. Махно был арестован в связи с террором против немцев в 1918 г. В декабре он был переведен в госпиталь, откуда бежал с помощью немецких анархистов и более месяца скрывался в Данциге. В марте 1925 г. Махно нелегально перешел через территорию Польши в Германию, поселился в Берлине под фамилией Михненко.

В апреле 1925 г. Махно перебрался в Париж. Он работал токарем на заводе Рено, столяром, маляром и сапожником. Участвовал в публичных дискуссиях о махновском движении и анархизме. С июня 1926 г. Махно жил в пригороде Парижа Венсенн на ул. Жарри №18.

Жизнь, полная приключений и борьбы, сменилась эмигрантскими буднями. Для борцов, выкинутых на эмигрантский берег после революционных бурь, переход был нелегким. Тем более для Махно с его волевым и взрывным характером, с его привычкой вести за собой людей. Но Махно не собирался просто угаснуть здесь, среди парижской суеты. В Париже Махно оказался в самом центре политических дискуссий анархистов.

* * *

После завершения Российской революции отечественные анархисты оказались носителями уникального практического опыта революционной борьбы и создания нового общества. Опыт, которым обладали анархисты из России и Украины, определял то внимание, с которым мировая анархистская общественность следила за спорами в среде российских анархистов в 20-30-е гг. Важность исхода этих споров для мирового анархизма определила и активное участие в них таких авторитетных в международных анархистских кругах теоретиков, как Александр Беркман, Энрике Малатеста, Макс Неттлау, Луиджи Фабри, Себастьян Фор, Рудольф Рокер и др. Но их авторитет, приобретенный десятилетиями участия в анархистском движении и множеством произведений, на которых воспитывались целые поколения анархистов, оказывался решающим не сам по себе, а только в соответствии с тем или иным мнением, поддержанным деятелями российского анархизма. Ведь за их плечами была практика революции.

Дискуссии анархистов из России оказались в центре эволюции анархистской мысли между двумя европейскими революциями, в

которых анархизм сыграл заметную роль — Российской и Испанской. Развитие идей хранителей опыта Российской революции во многом определяло логику развития анархизма того времени.

Участие анархистов в махновском движении и других выступлениях против власти РКП(б), поддержка ими Кронштадтского восстания, активизация анархо-синдикалистской пропаганды в городах — все это вызывало репрессии против анархизма со стороны карательных органов большевистского режима. Большинство лидеров анархизма было арестовано, им угрожала гибель. В 1921 г. под давлением международной общественности руководители РКП(б) приняли решение выслать из страны часть арестованных анархистов, среди которых были видные анархо-синдикалисты Г. Максимов и А. Шапиро, В. Волин и П. Аршинов.

В эмиграции сформировались три основных группировки анархистов, различавшиеся прежде всего тактическими разногласиями и практическим опытом. Первая — анархо-синдикалисты (А. Шапиро, Г. Максимов, Е. Ярчук и др.), считали основным направлением работы создание синдикатов, способных взять в свои руки регулирование социально-экономической жизни. По прибытии за рубеж они организовали Комитет защиты анархо-синдикалистов в России. Комитет вошел в качестве рабочей группы в структуру Международного товарищества рабочих (МАТ) — созданного при участии российских эмигрантов на конгрессе революционных синдикатов и анархо-синдикалистских групп в Берлине в 1922-1923 гг. объединения крупнейших синдикалистских профсоюзов, насчитывавших позднее в общей сложности более миллиона человек. А. Шапиро стал одним из трех секретарей МАТ. В 1923 г. Комитет выпускал журнал «Рабочий путь». Анархо-синдикалисты выдвинули идею «переходного периода» к анархии после революции. В соответствии с ней после революции власть отомрет не сразу, а сначала перейдет к сети самоуправляющихся организаций — рабочих профсоюзов, потребительских обществ и территориальных коммун. Но большинство анархистов были воспитаны на трудах Кропоткина конца XIX — начала XX вв., и верило в немедленный переход к анархическому коммунизму в ходе социальной революции. Анархо-синдикалистская идея «переходного периода» была навеяна как раз опытом Российской революции и открыла путь разработке программы-минимум анархистского движения, реалистичных моделей устройства уже не капиталистического и не бюрократического, но в то же время еще не коммунистического общества. Но анархо-синдикалисты имели среди российских анархистов репутацию

«меньшевиков нашего движения», и их идея подверглась острой критике со стороны преобладающих в мировом анархистском движении сторонников радикального анархо-коммунизма. Однако в 1923-1925 гг. ветераны анархистского движения Макс Неттлау и Мария Корн обратили внимание анархистов на необходимость постепенного вызревания анархических отношений в предреволюционном обществе. Правда, эти взгляды остались тогда фактически незамеченными.

Второе эмигрантское формирование — Группа русских анархистов за границей (далее — ГРАЗ) объединяла анархистов, лидеры которых имели за плечами опыт махновского движения (Н. Махно, П. Аршинов, В. Волин) и их последователей. Они признавали синдикализм в качестве пути к анархическому коммунизму, но считали необходимым применять различные, не только синдикалистские, методы, в том числе и повстанчество. В 1923-1924 гг. группа выпускала журнал «Анархический вестник».

В 1919-1924 гг. в США и Канаде действовала третья группировка российской анархистской эмиграции — Федерация анархистов-коммунистов Северной Америки и Канады, в которой доминировало «свободническое» течение, отрицавшее любые жесткие формы организации и принуждения. До 1924 г. «свободники» участвовали в выпуске газеты «Американские известия» и журнала «Волна», позднее — газеты «Рассвет» и журнала «Пробуждение».

Оказавшись за границей, Махно, Аршинов и Волин продолжали «махать кулаками после драки», ждали нового революционного подъема, готовились к новым боям. Раз уж на этот раз потерпели поражение, нужно понять почему, сделать выводы, подготовиться к новой схватке. По мнению Группы, чтобы координировать работу различных проанархических массовых организаций, вести совместную пропаганду, анархисты должны создать собственную единую организацию. По поводу формы этой организации в 1923 г. возникли все более заметные разногласия. В. Волин считал, что организация может быть создана из представителей всех основных направлений анархистского движения. Для этого созданию организации должна предшествовать широкая теоретическая дискуссия, которая могла бы выявить общие черты воззрений всех течений и на их основе формировать «синтетическую» идеологию анархизма.

Идея «синтеза» встретила противодействие сторонников П. Аршинова, который считал невозможным объединить в одну организацию представителей большинства направлений. Аршинов считал, что в анархизме фактически господствует одна идеология — анархо-коммунизм, признающий синдикализм в качестве метода

борьбы. Все остальные направления являются второстепенными и могут быть вынесены за рамки единой организации. Эти две позиции обсуждались в журнале «Дело труда», который ГРАЗ издавала с 1925 г.^{827}

Для того, чтобы отобрать в ряды Всеобщего анархического союза (так предполагалось назвать новую организацию) действительных единомышленников, сторонники Аршинова составили проект платформы Союза, который вошел в историю как «Платформа», а его сторонники — как «платформисты». «Платформа» составлялась без участия сторонников Волина, считавшего этот документ преждевременным. Надо сказать, отношения с Волиным у Аршинова и Махно к этому времени ухудшились. Когда «Платформа» вышла в свет, Волин был возмущен. И не он один. Выступление «махновцев» вызвало полярные оценки анархистов Европы. Все это предопределило раскол не только ГРАЗ, но и всего анархистского сообщества.

2. «Платформа»

В июне 1926 г. Аршинов и Махно выдвинули проект «Организационной платформы Всеобщего союза анархистов». Его поддержала редакция «Дела труда». На основе сети распространения журнала сторонники проекта создали Федерацию анархо-коммунистов «Дело труда». «Платформа» предлагала радикально-коммунистическую программу и жесткие организационные формы анархистского движения. Она провозглашала: «Одно из двух — или социальная революция закончится поражением трудящихся — и в этом случае надо будет снова готовиться к борьбе, к новому наступлению на капиталистическую систему; или она приведет к победе трудящихся — тогда последние, овладев позициями самоуправления — землей, производством, общественными функциями — приступят к построению свободного общества. Это будет началом построения анархического общества, которое, раз начавшись, пойдет затем беспрерывно дальше, укрепляясь и совершенствуясь»^{828}. Но опыт гражданской войны заставляет Махно и Аршинова рисовать общество, организованное хоть и снизу, но для анархистов довольно жестко: «Организаторские функции в новом производстве перейдут к специально созданным рабочими массами органам управления — рабочим советам, фабрично-заводским комитетам или рабочим фабрично-заводским управлениям»^{829}.

«Платформа» отмежевывалась от теории «переходного периода», но сама предлагала проект не чисто анархического и

коммунистического, а переходного общества, где альтруизм и братская солидарность соседствует с принуждением меньшинства большинством и органами демократической власти. Такой была «Махновия», такими будут и вольные Арагон и Каталония во время Гражданской войны в Испании.

Эту систему Махно и Аршинов уже не считают государством, как Ленин не считал «вполне» государством власть советов. «Государство должно отмереть не когда-то, в обществе будущего. Оно должно быть разрушено трудящимися в первый же день их победы и ни в какой иной форме не должно быть восстановлено. Место его займет система федеративно объединенных самоуправляющихся производственно-потребительских организаций»^{830}. «Органы эти, связанные между собою в пределах города, области и затем всей страны, образуют городские, областные и наконец всеобщие (федеральные) органы руководства и управления производством»^{831}. Предполагается и единая система планирования: «Но в единой мастерской может быть только единое планированное производство, т. е, производство, построенное по единому плану, построенному производственными организациями рабочих и крестьян на учете потребностей всего общества, и продукты этой мастерской принадлежат всему обществу»^{832}. Кто будет вырабатывать этот план? Чем это отличается от марксистской идеи управления обществом как единой фабрикой?

Эта система экономического регулирования имеет много общего с коммунистическими и социал-демократическими концепциями государственного регулирования экономики — в условиях отсутствия рынка именно центральные органы получают решающие права в принятии общих экономических решений. Однако от государственных концепций проект «платформистов» отличается идеей формирования регулирующих органов снизу — самоуправляющимися предприятиями. Это позволяет авторам «Платформы» надеяться на то, что «будучи избираемы массой и находясь под ее постоянным контролем и воздействием, они постоянно будут обновляться, осуществляя идею подлинного самоуправления масс».^{833}

Идея планирования, высказанная Аршиновым и Махно, получила «достойный отпор» со стороны Волина: «Основным вопросом организации нового производства является вопрос о том, будет ли оно централизовано и планировано, как это представляют себе, например, большевики, или же, наоборот, децентрализовано и построено на строго федеративных началах».^{834}

Жизнь оказалась мудрее спорщиков. Во время Испанской

революции анархисты будут налаживать производство, используя и планирование, и бартерный товарообмен, и ненавистные анархо-коммунистам рыночные отношения.

Как показал опыт России, сколь бы успешными ни были первые шаги трудящихся в начале революции, «имущие господствующие классы на долгое время сохраняют огромную силу сопротивления и в течение ряда лет будут переходить в наступление на революцию, стремясь отвоевать отобранные у них власть и привилегии»^[835].

Этот прогноз (вполне реалистичный, как покажет не только российский, но и испанский опыт 30-х гг.) не оставляет сомнений — стратегия чисто оборонительной самозащиты трудящихся обречена. Объединенная армия государственников по очереди раздавит восставшие профсоюзы и фабзавкомы. Если ориентироваться на вооруженное сопротивление в гражданской войне, то неизбежно формирование революционной армии.

Труженики, «чтобы удержать завоевания революции, должны будут создать органы защиты революции, чтобы всему этому противопоставить соответствующую боевую силу. В первые дни революции такой боевой силой явятся все вооруженные рабочие и крестьяне. Однако лишь в первые дни, когда гражданская война еще не достигнет своего кульминационного пункта и когда борющиеся стороны не выдвинут еще правильно построенных военных организаций»^[836].

В 1936 г. в Испании события развивались по подобному сценарию. Несмотря на первоначальные успехи, республиканцы и анархисты опаздывали со строительством «правильно построенной военной организации», что стало одной из причин потери ими инициативы в войне^[837]. Об этом предупреждали «платформисты»: «В социальной революции наиболее критическим моментом является не момент низвержения власти, а момент, который наступит после этого низвержения, момент всеобщего наступления низвергнутого строя на трудящихся, когда надо будет удерживать достигнутые завоевания»^[838].

В этот момент, по мнению «платформистов», революционные силы должны создать свою армию. Но как совместить строительство армии с анархизмом? «Отрицая государственнические властнические принципы управления массами, мы тем самым отрицаем государственнический способ организации военной силы трудящихся, т. е. отрицаем принцип принудительной государственной армии. Согласно основным положениям анархизма в основу военных формирований трудящихся должен лечь принцип добровольного комплектования. Как на пример

таких формирований, можно указать на партизанские военно-революционные формирования рабочих и крестьян, действовавшие в русской революции»^{839}.

Однако добровольческая (наемная, поскольку солдат кто-то должен кормить) армия никак не гарантирует от диктатуры. Она вполне может превратиться в самостоятельную касту, противопоставившую себя обществу. Возможной гарантией от возникновения такой касты может быть децентрализация армии при партизанской войне. Но десятки исторических примеров показывают, что по мере успехов партизанского движения самостоятельные отряды под воздействием военной необходимости сливаются в единую армию, руководимую политически авторитарным вождем. И до, и после 1926 г. партизанские войны часто приводили таким образом к формированию диктаторских режимов.

«Платформисты» — не сторонники «партизанщины»: «революционное добровольчество и партизанство не следует понимать в узком смысле этих слов, т. е. как борьбу с врагом местных рабоче-крестьянских отрядов, не связанных между собою оперативным планом и действующих каждый на свою ответственность... Гражданская война, подобно всякой войне, может быть успешно проведена трудящимися лишь при соблюдении двух основных принципов военного дела — единства оперативного плана и единства общего командования... Таким образом, вооруженные силы революции в силу требований военной стратегии и стратегии контр-революции неминуемо должны будут слиться в общую революционную армию, имеющую общее командование и общий оперативный план»^{840}.

План ведения войны, подобный этому, был во второй половине века с успехом применен коммунистами в Китае и на Кубе. Итогом победы революционных сил в этих странах стало установление диктатур. Но Мао Цзэ-дун, Фидель Кастро и Че Гевара не были анархистами и были чужды идеям самоуправления. Они применили технологию повстанческой войны, близкую к махновской, и это косвенно доказывает реалистичность военной стратегии Махно. Конечно, Мао, Фидель и Че не были с ней знакомы, но не будем забывать, что советские военные специалисты, консультировавшие Мао, внимательно изучили махновский опыт, а Че учился теории военного искусства, читая Мао^{841}.

По мнению «платформистов», «хотя революционная армия должна быть построена на определенных анархических принципах, тем не менее на самую армию не должно смотреть как на предмет принципа. Она — лишь следствие военной стратегии в революции, лишь

стратегическое мероприятие, к которому неминуемо приведет трудящихся процесс гражданской войны»^{842}. Авторы документа не учитывают опасность того, что отступление от принципов в столь важном «стратегическом мероприятии» может привести всю революцию к перерождению и краху.

В качестве гарантий от перерождения армии «Платформа» предлагает «классовый характер армии» (комплектование ее из рабочих и крестьян; этот принцип, впрочем, провозглашался и большевиками) и «полное подчинение революционной армии рабоче-крестьянским массам в лице тех, общих для всей страны, организаций рабочих и крестьян, которые в момент революции будут поставлены массами на руководящие посты хозяйственно-социальной жизни страны»^{843}.

Иными словами, революционная армия будет находиться в подчинении гражданских органов власти (именно власти, о чем говорят слова «руководящие посты»). И руководство это будет централизованным. «Платформа» предусматривает «орган защиты революции, несущий на себе обязанности борьбы с контрреволюцией, как на открытых военных фронтах, так и на фронтах скрытой гражданской войны (заговоры буржуазии, подготовка выступлений и т. д.)»^{844}. То есть главное командование и «ВЧК» в одном лице, которое формально подчинено организациям трудящихся. К необходимости создания такого органа «платформистов» подталкивал их опыт гражданской войны в России.

Очевидно, что такие существенные отступления от принципов анархистской доктрины (хотя и продиктованные практическим опытом), не могли не вызвать резкой критики в анархистской среде.

Соратница П. Кропоткина Мария Корн прокомментировала идею создания гражданских органов, руководящих армией, следующим образом: «На обыкновенном языке это называется выборной “гражданской властью”. Что же это у вас? Очевидно, что организация, заведующая фактически всею жизнью и имеющая в своих руках армию, есть не что иное, как государственная власть... Если это — “переходная форма”, то почему отрицается идея “переходного периода”? А если это — форма окончательная, то почему “платформа” анархическая?»^{845} Так перед «платформистами» ставится альтернатива: или следовать конкретному опыту революционной практики, сегодняшним «интересам дела», или требовать соблюдения принципов анархизма во всей их полноте.

Естественна и озабоченность М. Корн соблюдением гражданских прав в «освобожденных районах»: «Предположим территорию, находящуюся фактически под влиянием анархистов. Каково будет их

отношение к другим партиям? Признают ли авторы “Платформы” возможность насилия по отношению к врагу, не поднимающему оружия? Или они, согласно анархической идее, провозглашают полную свободу слова, печати, организаций для всех? (Это вопрос, который несколько лет тому назад звучал бы дико, но некоторые известные мне мнения мешают теперь быть вполне уверенной в ответе).

И вообще, допустимо ли проведение в жизнь своих решений силой? Допускают ли авторы “Платформы” пользование властью хотя бы на минуту?»^{846}

Критика М. Корн заставила авторов «Платформы» сделать несколько осторожных уступок оппонентам. Во-первых, «платформисты» отмежевались от идеи обязательных решений «гражданских органов»: «решения эти должны быть обязательны для всех, подававших за них голос и санкционировавших их»^{847}. Таким образом, меньшинство может не подчиняться общим решениям.

Во-вторых, «платформисты» признают, что их план — только самое начало анархии, которое не гарантирует соблюдения всех принципов анархизма^{848}. Это вызвало резкую критику со стороны как противников теории «переходного периода» (за «скрытое» следование этой теории), так и со стороны ее сторонников (за непоследовательность и отказ признать правоту тех, кто доказывает необходимость «переходности»).

Опыт гражданской войны свидетельствовал: бесконтрольные формирования анархистов (или атаманов, называвших себя анархистами) часто превращались в банды грабителей, дискредитируя идеологию анархизма, к которой они на практике не имели отношения. Участники гражданской войны П. Аршинов и Н. Махно стремились найти способ обуздания таких бандформирований. Но как сделать это, не нарушая принципов анархии, несовместимой с централизованными механизмами насилия (к которым принадлежит и армия)? «Платформисты» не дают ответа на этот вопрос, продолжая рассуждать с позиций здравого смысла: «Но кому непосредственно армия может политически подчиняться? Ведь трудящиеся в целом не представляют собой единого органа. Они будут представлены различными экономическими организациями. Вот именно этим организациям, в лице их высших соединений, и будет подчинена армия»^{849}.

Это не совсем государство, но и не совсем анархия. Перед нами типичная модель переходного общества от капитализма к анархическому коммунизму. Причем идея централизации военного командования и подчинения его центральным же гражданским органам делает эту модель в большей степени близкой к государственности, чем

к анархии.

Опираясь на опыт гражданской войны в России, «платформисты» пришли к не высказанному публично, но глубоко обоснованному ими выводу — условия социальной революции и гражданской войны исключают немедленное формирование анархического устройства общества. Нужно создать такое общество, где не будет власти капитала, а власть управленцев будет как можно сильнее ограничена самоуправлением. Это — предел возможностей анархизма в революциях XX века.

* * *

20 марта 1927 г. в Париже состоялась конференция анархистов из России, Франции, Италии и Испании, с участием представителей Шведского рабочего центра (САК) и китайских эмигрантов. Она была посвящена обсуждению «Платформы» и в случае успеха должна была учредить Союз анархистов. Вел собрание француз Летенгре. Речи переводились на французский и испанский языки. Махно выступил с энергичной речью о необходимости единства идеологии и тактики анархистского движения. Выступавший следом итальянец Л. Фабри не возражал против единства, но от него досталось «платформе»: ее терминология «шокирует», особенно жесткие классовые формулировки. Ранко, выступавший от имени САК, поддержал идею единства идеологии движения и проинформировал, что в САК нет определенной позиции по поводу «платформы». Можно взять за основу предложения русских и создать подготовительный комитет для более солидного учредительного конгресса Союза.

Более критично высказался Н. Верни: «представленная “Платформа” может быть совершенной для русских, но только для них. Нужно учитывать существующие в различных странах течения и выработать новую платформу интернационального характера»^[850]. Вскоре выяснится, что и среди русских есть активные противники «платформизма».

Вообще большинство выступлений на конференции 20 марта 1927 г. было выдержано в благожелательном ключе. Но для действительного объединения анархистских сил нужно было бы создать подготовительный комитет, куда включить представителей разных фракций, доработать текст «платформы» и затем собрать представительный конгресс анархо-коммунистов. Большинство участников, вопреки возражениям меньшинства, поддержали основные принципы платформы: анархо-коммунизм, классовую борьбу и

поддержку синдикализма. По предложению Одеона был создан секретариат (бюро) для подготовки конгресса анархистов в составе Махно, Ранко и Ву Янга^{851}. Критиковавшие «Платформу» Фабри и Верни оказались «за бортом», что подрывало возможности для компромисса.

Конференция 20 марта закончилась полицейской облавой, Махно был арестован и приговорен к высылке из Франции^{852}. Однако по ходатайству анархиста Л. Лекуэна и социалиста А. Селье Нестору Ивановичу было разрешено остаться в стране при условии политического нейтралитета^{853}.

Несмотря на неприятности, на мартовской конференции «платформисты» одержали важную победу — с их идеями согласилось большинство делегатов, «платформизм» распространился среди французов и испанцев, мог получить поддержку влиятельного шведского движения. Но это была последняя победа — против платформы энергично выступили ведущие теоретики европейского анархизма.

Недовольство «платформистами» усилилось еще и потому, что они пошли на самоуправство. 1 апреля 1927 г. секретариат выступил уже в качестве органа Международной анархо-коммунистической федерации и проигнорировал поправки в документы, с которыми выступали делегаты 20 марта 1927 г. «Платформисты» пытались ускорить процесс, думали, что побеждают как раз в тот момент, когда вокруг них усиливалась изоляция.

«Военный прагматизм» Махно и Аршинова вызвал резкую критику «Платформы» со стороны других анархических групп. В августе 1927 г. группа эмигрантов из России, поддерживавшая В. Волина, опубликовала резко критический ответ на «Платформу» (его автором, видимо, был сам Волин). Несколько позднее критический разбор «Платформы» предложил идеолог анархо-синдикалистов Г. Максимов. Реакция «платформистов» на критику была резко отрицательной. Ответ сторонников Волина они оценили как «беспрограммную программу анархо-хаотиков». Если уж Волин считает, что анархия рождается в горниле насильственной революции, то как он представляет себе организацию обороны и наступления? Просто спонтанное восстание? Наивно. А как будут организованы коммунистические отношения? Все будут просто так дарить друг другу продукты своего труда? Еще наивней^{854}.

Различие позиций радикального авторитарного («платформисты») и антиавторитарного («волинцы») течений российского эмигрантского анархизма объяснялось во многом принципиальными различиями в

понимании самой сущности революции: «платформисты» смотрели на революцию как на сложный организованный процесс, а сторонники В. Волина — как на неуправляемую стихию.

В ходе дискуссии 1926-1931 гг. авторитарные и антиавторитарные теоретики радикального анархо-коммунизма выявили уязвимость конструктивных предложений друг друга. Постулат о возможности немедленно воплотить идеалы анархизма и коммунизма в ходе социальной революции (навеянный сочинениями П. Кропоткина, написанными в других исторических условиях), не выдержал этой дискуссии. Оказалось, что трудно совместить анархию с ее децентрализацией и коммунизм с его картиной целостного, работающего по плану общества.

Спор вокруг «Платформы» увлек анархистов Европы и Америки. Эпицентром полемики была Франция. Как сообщали полицейские информаторы Парижа, «махновцы» «вызвали большую полемику среди французских анархистов»^{855}. За ней следили и испанцы, часть которых поддержала С. Фора (его позиция была близка мнению Волина), а часть стояла на синдикалистских позициях.^{856}

Критика «Платформы» со стороны ведущих теоретиков международного и российского анархизма, в том числе А. Беркмана, М. Корн, В. Волина, Г. Максимова, М. Неттлау, Э. Малатесты, Л. Фабри, С. Грава и др. предопределила поражение «платформизма».

Массированная критика платформы убедила Аршинова, что с нынешними анархистами «каши не сварить», и в октябре 1931 г. он выступил с докладом «Анархизм и диктатура пролетариата», в котором поддержал основные выводы работы Ленина «Государство и революция». Несмотря на то, что Аршинов в своем докладе еще считал себя «революционным анархистом», его призыв к борьбе за диктатуру и к «тесному контакту» с СССР означал публичный разрыв этого теоретика с анархистским движением. В ответ редакция «Дела труда» заявила: «Мы никоим образом не можем согласиться со скороспелыми и шаткими выводами т. Аршинова. Идею “диктатуры пролетариата” мы отвергали и сейчас целиком отвергаем»^{857}.

Переход Аршинова на позиции диктатуры означал окончательное поражение «платформизма». В 1934 г. Аршинов вернулся в СССР, отмежевался от анархизма. Болгарский анархист-эмигрант Н. Чорбаджиев, друживший с Аршиновым, утверждал, что перед своим отъездом он говорил, что не стал большевиком, но не видит перспектив в эмигрантской среде, а «в СССР он был готов даже вступить в Коммунистическую партию, чтобы продолжать работать для анархизма»^{858}. «Но слова Чорбаджиева так, как их излагает Скирда,

отнюдь не указывают на стремление Аршинова работать в подполье. Их вполне можно трактовать и как свидетельство его перехода на позиции “советского анархизма” (“анархо-большевизма”), адепты которого признавали установившийся в Советской России строй “государственного социализма” не только прогрессивным по сравнению с капиталистической системой, но и закономерной стадией на пути к анархии. Для “советских анархистов”, таких как И.Г. Гроссман, Г.Б. Сандомирский, Е. З. Ярчук, Я.И. Кирилловский (Новомирский), было вполне приемлемым вступление в компартию, что вовсе не мешало им продолжать называть себя анархистами»^{859}, — комментирует историк Д.И. Рублев.

В 1938 г. Аршинов был арестован по обвинению в создании «Анархистского центра». НКВД сочло членами этой организации и других известных бывших анархистов Е. Ярчука, С. Дыбеца (дослужившегося до начальника Главного управления автотракторной промышленности НКТП СССР) и А. Аникста (зампредседателя Госплана РСФСР). На суде Аршинов, Ярчук и анархистка М. Петросова отказались от показаний, выбитых и вымученных у них следствием. Это не спасло их^{860}.

* * *

Посещала ли Махно мысль о возвращении на родину? Рассказывая об отношении батько к красным «генералам», французская анархистка Ида Метт писала: «Махно относился к ним с профессиональным уважением, мне даже показалось, что в его сознании непроизвольно возникли мысли о том, что и он мог бы быть генералом Красной Армии. Тем не менее, сам он никогда об этом не говорил. Наоборот, сказал мне, что если бы и смог вернуться в Россию, то ему бы пришлось серьезно изучать военное искусство. Это признание можно расценивать и как высказанную вслух мечту. Я уверена, если бы он вернулся в Россию, не прошло бы и 2-х дней, как он бы поругался с вышестоящим начальством, так как всегда был честным человеком и не мог бы смириться с социальной несправедливостью».^{861}

Могло бы сложиться и совсем иначе. Французская анархистка И. Метт вспоминала: «Я думаю, самым существенным в нем было то, что он всегда оставался украинским крестьянином. Его никак нельзя было бы назвать беспечным человеком, в глубине души он и был эдаким бережливым крестьянином, превосходно знавшим жизнь деревни и заботы ее обитателей... Я вспоминаю, как однажды Нестор Махно рассказывал мне о своей мечте. Было это осенью 1927 года. Мы гуляли

в Венсенском лесу. Может быть, красота природы настроила его на поэтический лад, и он сочинил этот свой “рассказ-мечту”. Молодой Михненко (настоящая фамилия Махно) возвращается в родную деревню Гуляйполе, начинает работать, ведет спокойную, правильную жизнь, женится на молодой крестьянке. У него добрая лошадь и хорошая упряжь. Вечером вместе с женой он возвращается в деревню после удачного дня, проведенного на базаре, где они продавали плоды урожая. В городе они купили много подарков... Махно так увлекся рассказом, что совершенно забыл, что сейчас он в Париже, что у него нет ни земли, ни дома, ни молодой жены. В то время они с женой жили порознь, множество раз сходились и расходились снова, пытались начать совместную жизнь»^{1862}.

Идиллия крестьянской жизни — мечта многих из тех, кто прожил бурную и тяжелую жизнь. Но жизнь реальных крестьян была не легче, радостей в ней было меньше, чем тягот. История дала ему шанс выбора, и крестьянин Махно вышел из неизвестности. «Рассказ-мечта» — сентиментальность на закате жизни. Но Махно не изменился — на завтра он снова резко спорил с противниками по поводу того, как лучше действовать в будущей революции, писал мемуары, чтобы оставить свой опыт новому поколению революционеров.

С 1929 г. Махно все реже принимал участие в общественной деятельности. Организм сдавал позиции. «Что касается Махно, то он болеет, его называют “живой труп“, и он появляется только для того, чтобы получить вспомоществование в Комитете помощи»^{1863}, — докладывал полицейский информатор. В 1927 г. он разошелся с Г. Кузьменко, но она продолжала помогать Махно в быту. Французский историк А. Скирда пишет: «Французские товарищи, видя материальные трудности и подорванное здоровье Махно, опубликовали в апреле 1929 г. в газете “Ле Либертэр” обращение “За долговременную солидарность в пользу Махно”, в форме регулярного сбора средств по подписке, который позволил бы выплачивать небольшую пенсию инвалиду, прозванному тогда злыми языками “живым трупом”. Был создан специальный комитет, секретарем которого назначен Надо. В газете “Ле Либертэр” регулярно публиковался отчет. Так, на 20 июня 1929 г. собрано 7180 франков, из которых 3300 выплачено Махно, по 250 франков в неделю, что составляло скромную, но обеспечивавшую минимум, сумму. Комитет совершил грубую оплошность: только на оплату марок и отправку писем было истрачено 3880 фр.! Тем не менее, выплаты пенсии регулярно осуществлялись на протяжении более одного года, до съезда французской анархистской федерации в 1930 году, на котором поменялось большинство, и противники “Платформы”

взяли верх над ее сторонниками. Махно, хорошо известный как страстный “организационщик”, направил открытое письмо съезду, в котором подверг суровой критике “антиплатформистов”, назвав их “хаотическими элементами”»: «Во многих странах движение внутренне и внешне дезорганизовано и находится в разжиженном состоянии. Мы должны над этим подумать и вместе преодолеть эти трудности. Съезд в своих резолюциях должен подняться над детским лепетом тех, кто задерживает развитие нашего движения». Разумеется, такое отношение не прибавило ему симпатий со стороны нового большинства. С июля 1930 г. они объявили, что «Ле Либертэр» «прекращает заниматься сбором средств; тем, кто желает продолжить, предлагалось адресовать пожертвования непосредственно Махно по адресу Н. Михненко, ул. Дидро № 146 в Венсенне»^[864]. Небольшие пожертвования товарищей помогали ему сводить концы с концами, потому что здоровье подводило не старое, но изношенное и израненное тело.

3. Политическое завещание Махно

«Предательство» Аршинова стало тяжелым ударом для Махно. Личные отношения со старым товарищем были разорваны, «платформизм», защите которого Махно посвятил несколько лет, дискредитирован. Эту битву батько проиграл. Но и те годы были прожиты не зря. Кризис радикального анархо-коммунизма позволил анархистской теории сделать еще один шаг вперед.

После поражения «платформистов» журнал «Дело труда» перешел в руки анархо-синдикалистов. Немного «подувшись» на критиков «Платформы», Махно постепенно наладил отношения с бывшими противниками. В. Волин редактировал его мемуары, И. Метт из группы Волина помогала ему как переводчик, тексты Махно печатал антиплатформистский журнал «Пробуждение». Попытки создать конструктивную программу анархистов тоже не были оставлены — теперь лидерство перешло к анархо-синдикалистам с их теорией «переходного периода». Их программа была более демократической, чем отягощенная «военщиной» «Платформа».

Теоретик анархо-синдикалистов и фактический редактор «Дела труда» Г. Максимов в это время интенсивно изучал и опыт Российской революции, и теоретические работы Бакунина, подзабытые анархистами. В 1932 г. он опубликовал краткое изложение своих взглядов под названием «Мое социальное кредо», а в 1934 г. — «Беседы с Бакуниным о революции» — актуальный сборник цитат классика со своими комментариями. Это был своеобразный итог споров

анархистов о своей конструктивной программе, учитывавший и споры вокруг «Платформы».

Г. Максимов выделяет три направления эволюции к анархии и коммунизму после революции: самоорганизация в производственные союзы, которые в лице коллективов возьмут в свои руки производство; создание кооперативных обществ потребителей, которые приведут к потребительскому коммунизму; территориальное самоуправление — конфедерация людей^[865]. Эта сетевая организация, в которой личность оказывается на пересечении равноправных объединений производителей, потребителей и жителей граждан, актуальна и как проект развития общества в XXI веке.

Г. Максимов обращает внимание на то, что «несмотря на свои внутренние противоречия и все утверждения марксистских экономистов, капитализм в его современном империалистическом облике направляется к ликвидации неорганизованного рыночного соревнования и к аккуратному измерению рыночных возможностей. Более того, он доказал свою способность установить, выражаясь большевистским термином, “плановую экономику”, основанную на вычислении производительных сил, равно как и на “рационализации производства”»^[866].

Переход индустриального общества в государственно-монополистическую стадию, подмеченный Г. Максимовым, подтверждал, что плановость и «рационализация» не являются отличительными чертами идеологии социализма. В то время, когда государственный «социализм» и капитализм идут по пути всеобщего огосударствления, анархизм может выдвинуть альтернативу свободы и солидарности. Но свобода не может прийти одним скачком. Она должна опираться на прочные структуры самоуправления, отработанные экономические и политические механизмы, морально-этическую традицию, наконец. Создать все это может только переходный период, конструктивная работа, а не голое отрицание: «Я верю, что наступила эпоха практического осуществления анархизма, что анархизм перестал быть теорией и стал программой, и что вследствие этого анархизм вступил в конструктивный период своего развития. Я усиленно содействую этому развитию и потому в анархизме я — КОНСТРУКТИВИСТ»^[867]. Только разработав ясную конструктивную программу, опирающуюся на реальные ростки самоуправления и свободы в современном обществе, анархизм сможет победить.

Теоретический кризис радикального анархо-коммунизма придал новый импульс разработке анархо-синдикалистской теории

«переходного периода» и идеи эволюционного движения к анархии путем поглощения существующего общества анархической субкультурой (М. Неттлау, М. Корн, авторы журнала «Пробуждение»). Анархо-синдикалисты постепенно вернулись от анархо-коммунизма П. Кропоткина к анархо-коллективизму П. Ж. Прудона и М. Бакунина, оставив коммунизм лишь в качестве далекой перспективы, общей тенденции развития человечества.

* * *

Мысли анархистов в это время все больше занимает Испания. Махно продолжал пользоваться большим авторитетом в международных анархистских кругах, его мнение было важно и для испанцев.

12 июля 1927 г. Махно выступил с речью на банкете в честь освобождения испанских анархистов Аскасо, Дуррути и Ховера. Затем он несколько часов беседовал с Аскасо и Дуррути. Махно надеялся, что условия для «революции с определенным анархистским содержанием» будут лучше в Испании, чем в России, так как там есть «революционные традиции и политическая зрелость» рабочего класса и крестьянства, «чувство организованности, которого нам не хватало в России». В этом он оказался прав. Прощаясь, Махно сказал: «Махно никогда не сторонился борьбы; если я буду еще жив, когда вы начнете вашу борьбу, я буду с вами»^{868}.

Своеобразным политическим завещанием батеньки стали его статьи о ситуации в Испании 1931-1933 гг., в том числе его письмо к испанским анархистам Х. Карбо и А. Пестанья, лидерам Национальной конфедерации труда — крупного анархо-синдикалистского профсоюза^{869}. Н. Махно пишет, что завоевание земли, хлеба и воли должно быть «наименее болезненным»^{870}. Он не является апологетом насилия. Как и в 1917 г., сначала нужно попытаться решить дело миром, опираясь на широкие массы. Н. Махно даже признает, что Испанская революция началась «с избирательного бюллетеня», демонстрируя, таким образом, готовность частично пересмотреть отношение к выборам^{871}.

Оценивая первые итоги Испанской революции (которые он считал неутешительными), Н. Махно вспоминает об организационной беспомощности городских анархистов России и Украины. Та же тенденция беспокоит его и в Испании: «Ощувив относительную свободу, анархисты, как и обыватели, увлеклись свободноречием»^{872}. А нужно создавать сильные массовые

организации (испанские анархисты вскоре добьются больших успехов на этой ниве).

Другая проблема, которую с особой остротой поставила Испанская революция, касалась политики союзов. Возможен ли союз с коммунистами против реакции? Н. Махно дает коммунистам однозначно негативную оценку: «Они встретили революцию как средство, с помощью которого... можно более развязно дурачить всевозможными неосуществимыми, ложными обещаниями пролетарские головы и прибирать их к рукам, чтобы с их физической помощью утвердить свою черную партийную диктатуру»^[873]. Понятно, что Махно выступает против союза с коммунистами. В письме к испанским анархистам Махно утверждает: «испанские коммунисты-большевики, я думаю, такие же, как и их друзья — русские. Они пойдут по стопам иезуита Ленина и даже Сталина, они, чтобы утвердить свою партийную власть в стране... не замедлят объявить свою монополию на все достижения революции..., и они предадут и союзников, и самое дело революции»^[874]. Это предупреждение способствовало настороженности анархистов в отношении коммунистов в Испании.

Махновское движение во многом станет примером для подражания его испанских единомышленников. Несмотря на предупреждение Махно, его испанские и каталонские единомышленники логикой событий принуждены будут проделать тот же путь общего фронта революционных сил. Испанским анархистам придется испытать и удар со стороны союзников. Раскол революционного фронта станет одной из причин поражения Испанской революции, в которой анархизм сыграет даже большую роль, чем в Российской^[875].

* * *

И. Метт, общавшаяся с Махно в последние годы жизни, вспоминала, что «Махно был человеком чистым, даже целомудренным... Махно страстно любил дочь. Я не знаю, какими стали их отношения в конце его жизни, но когда девочка была маленькой, Махно бесконечно возился с ней, баловал ее, хотя в раздражении, бывало случалось, колотил ее, после чего чувствовал себя совершенно больным только от одной мысли, что мог поднять на нее руку»^[876]. Дочь Махно дожила до 1993 г., когда о Махно стали говорить без приставки «бандит».

В тяжелых условиях эмиграции батько держался достойно: «Я очень часто встречалась с ним на протяжении трех лет в Париже и

никогда не видела его пьяным. Несколько раз в качестве переводчика я сопровождала Махно на обеды, организованные в его честь западными анархистами. Нестор пьянел от первого стакана вина, глаза его начинали блестеть, он становился более красноречивым, но, повторяю, по настоящему пьяным я его не видела никогда. Мне говорили, что в последние годы он голодал...»^{877}

Последние годы Махно тяжело болел туберкулезом, сильно беспокоила и рана в ноге. Семью кормила жена, работавшая в пансионате прачкой. Они часто жили отдельно, отношения в семье в этих тяжелых условиях были неровными. Махно надолго оставался один. Иногда бродил по улицам. Что волновало неугомонного революционера в последние месяцы жизни? Это были бурные дни в истории Франции. В феврале 1934 г. правые радикалы и фашисты вышли на улицы, чтобы попробовать на прочность Французскую республику. В ответ улицы столицы заполнили левые. Ненавидевшие друг друга социалисты и коммунисты учились действовать вместе, и даже анархисты были готовы поддержать республику в борьбе с фашистской угрозой. Так закладывались основы Народного фронта — того самого фронта трудящихся, о котором мечтал Махно во время гражданской войны.

Зная характер Махно, нельзя исключать, что он участвовал в этих зимних демонстрациях. Для тяжело больного человека это было смертельно опасно.

«Зимой ему стало хуже, — вспоминает Г. Кузьменко — и приблизительно в марте месяце 1934 г. мы поместили его в один из французских госпиталей в Париже. По воскресеньям я его часто там навещала. Здесь я встречалась с его многочисленными товарищами, как русскими, так и французами»^{878}.

Состояние здоровья Нестора Ивановича продолжало ухудшаться, не помогла и проведенная в июне операция. Г. Кузьменко так описывает последний день жизни Махно: «Муж лежал в постели бледный, с полузакрытыми глазами, с распухшими руками, отгороженный от остальных большой ширмой. У него было несколько товарищей, которым, несмотря на поздний час, разрешили здесь присутствовать. Я поцеловала Нестора в щеку. Он открыл глаза и, обращаясь к дочери, слабым голосом произнес: “Оставайся, доченька, здоровой и счастливой”. Потом закрыл глаза и сказал: “Извините меня, друзья, я очень устал, хочу уснуть...” Пришла дежурная сестра, спросила его: “Как чувствуете себя?” На что он ответил: “Принесите кислородную подушку...” Сестра принесла ему кислородную подушку. С трудом, дрожащими руками, он вставил себе в рот трубочку

кислородной подушки и сестра попросила нас всех удалиться и прийти завтра утром.

На следующий день, когда мы зашли в палату, то увидели, что кровать, на которой лежал муж, была пуста и ширмы не было. Один из соседей — больных сказал, что сегодня утром около 6 часов муж перестал дышать. Пришла сестра, закрыла лицо простыней и вскоре его вынесли в мертвецкую. Это было 6 июля 1934 г.^[879] Впрочем, международная анархистская пресса сообщила о смерти Махно 25 июля. Возможно, годы спустя жена ошиблась.

Прах Нестора Ивановича Махно был похоронен на кладбище Пер-Лашез рядом с могилами парижских коммунаров. Коммунары были первыми, кто пытался воплотить на практике идеи Прудона и Бакунина. Они продержались только 72 дня и были разгромлены. Махно оказался более удачлив. Но и его попытка построить общество без угнетения и деспотизма оказалась неудачной. Для «эксперимента» Нестор Иванович получил от судьбы только 3 шанса по несколько месяцев каждый. Остальное время — кочевая жизнь, жестокая партизанская война. Но через два года после смерти Махно его «рекорд анархического строительства» был превзойден в Испании. Черное знамя анархии, выпавшее из рук Махно, снова будет развиваться рядом с красным и республиканским знаменами — вопреки предупреждениям батяки и в соответствии с опытом Махновского движения, в соответствии с самой логикой борьбы против угнетения и эксплуатации.

Трудно представить себе, как бы сложилась история России, Украины, а может быть и мира, если бы Нестор Махно все-таки был бы казнен в 1910 г. Исторические развилки иногда зависят от таких обстоятельств. Нет талантливого вождя — нет и революционной армии. В тылу Деникина не разворачивается махновская «республика», не разрушает коммуникации, не оттягивает на себя войска. Белая армия врывается в Москву. Рассыпается большевистский режим. Но лучше ли другая власть — диктатура настроенной на месть белой элиты? Но без того же Махно военно-коммунистическая машина большевиков работала бы более слаженно, и, кто знает, ворвалась бы в Центральную Европу уже в 1919 году. А Новая экономическая политика 1921-1929 гг., многому научившая мир? Пошли бы на нее большевики, если бы не успехи махновских и других повстанцев, если бы не Кронштадтское восстание, отчасти также вдохновленное махновским опытом? Да что Кронштадт — бойцы-антифашисты во время гражданской войны в Испании тоже повторяли имя Махно, готовясь к атаке. Махно уже умер, а его опыт вдохновлял людей на сопротивление тоталитаризму,

расползавшемуся по Европе.

Ссылки

1

История Украинской ССР. Т.6. С. 16.

2

Кубанин М. Махновщина. Л., 1927. С. 19.

3

Стрижаков Ю.К. Продотряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции 1917-1921 гг. М., 1973. С.225.

4

См., например, Кобытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988. С.74.

5

Вся Екатеринославская губерния. Екатеринослав, 1913. С.3.

6

Кубанин М. Указ. соч. С. 18-19. [Здесь и далее обозначением «Указ. соч». заменяется последнее упоминаемое произведение автора. — Прим. изд.]

7

Вся Екатеринославская губерния. С.9-10.

8

Кубанин М. Указ. соч. С. 11.

9

Вся Екатеринославская губерния. С.42.

10

Вся Екатеринославская губерния. С. 33-91.

11

Нестор Иванович Махно. Киев, 1991. С.31.

12

Нестор Иванович Махно. С.32.

13

Белаш В. Махновщина. // «Летопись революции». №3, 1928. С. 191.

14

Нестор Иванович Махно. С.132-133.

15

Волковинский В.Н. Указ. соч. С. 17-19.

16

Нестор Иванович Махно. С.134.

17

Нестор Иванович Махно. С. 135.

18

Цит. по: Смертная казнь: за и против. М., 1989. С.65.

19

Цит. по: Волковинский В.Н. Указ. соч. С.24.

20

Волковинский В.Н. Указ. соч. С.25.

21

Волковинский В. Н. Указ. соч. С.26.

22

Аршинов П. История махновского движения. Берлин, 1923. С.50, 215.

23

Беспечный Т.А., Букреева Т.Т. Нестор Махно: Правда и легенды; Лева Задов: Человек из контрразведки. Донецк, 1996. С. 19.

24

Ферро М. Николай II. М., 1991. С.238.

25

Церетели И.Г. Кризис власти. М., 1992. С.45.

26

Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.2. М., 1991. С.151.

27

Анархисты. Документы и материалы. Т.2. 1917-1935. М., 1999. С. 18.

28

Там же. С.23.

29

Ленин В.И. ПСС. Т.31. С. 114-115.

30

Опасность с левого фланга. // «Рабочая газета», 6 апреля 1917 г.

31

Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 16.

32

Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М, 1998. С. 75-77.

33

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921. М., 2006. С.37. Это крупнейший на сегодняшний день сборник документов по истории Махновского движения. Некоторые цитаты из документов, опубликованных в этом сборнике, приводятся здесь со ссылкой на архив — в тех случаях, когда они были опубликованы в моих работах раньше, чем в других книгах.

34

Там же. С. 12-57.

35

Там же. С.43.

36

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921.

С.70-71.

37

Голованов В. Тачанки с юга. Художественное исследование махновского движения. М, Запорожье. 1997. С.39.

38

Махно Н. Указ. соч. С.77.

39

«Народне життя». 17.09.1917.

40

Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993. С.321.

41

Суханов Н.Н. Указ. соч. С.281.

42

Рабинович А. Кровавые дни. М., 1992. С. 175.

43

Церетели И.Г. Указ. соч. С.201-203.

44

Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С.42.

45

Там же. С.44.

46

Там же. С.97.

47

Там же. С.53.

48

Ленин В.И. ПСС. Т.33. С.96.

49

Там же. С.97.

50

Рабинович А. Большевики приходят к власти. М, 1989. С. 172.

51

Беленкин Б. И., Леонтьев Я.В. Черная тень революции (Атаманша Маруся Никифорова) // Отечественная история. 2002. №4.

52

Белаш В. Указ. соч. СЛ94-195.

53

Государственный архив Запорожской области (ГАЗО). Ф.Р-1058. Оп.1. Д.1. Л. 120-121.

54

Там же. Л. 123..

55

Там же. Л. 126.

56

Там же. Л. 137.

57

Там же. Л. 139.

58

ГАЗО. Ф. Р342. Оп.1. Д.1. Л.48.

59

ГАЗО. Ф. Р-1058. Оп.1. Д.1. Л.131, 139.

60

Там же. Л. 138.

61

Там же. Л. 127.

62

Там же. Л. 36.

63

Там же. Л. 124.

64

Махно Н. Указ. соч. С. 162.

65

Там же. С.91, 173-176.

66

ГАЗО. Ф.Р-342. Оп.1. Д.1. Л.42-43.

67

Грушевский М. Кто такі українці і чого вони хочуть. К., 1991. С. 125-126, 132-133.

68

Українська Центральна рада. Документа і матеріали у двох томах. К., 1996. С. 101-105.

69

Там же. С.163-165.

70

Великая октябрьская социалистическая революция на Украине. Киев, 1959. Т.1. С.713.

71

Винниченко В. Відродження нації. К.,-Відень, 1920. Ч.1. С.319.

72

Українська Центральна рада. Документи і матеріали у двох томах. К., 1996. С.220,547.

73

Петлюра С. Главный атаман. В плену несбыточных надежд. М., — СПб. 2008. С.218.

74

Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Т.1. С.735.

75

См.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958.С93-100.

76

Анархисты. С.538.

77

Там же. С.38.

78

Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958. С.70-71.

79

Анархисты. С.69.

80

Voline V. The Unknown Revolution. L., 1974. P.209.

81

Ibid. R215-216.

82

Ibid. P.219.

83

Ibid. P.235.

84

Махно Н. Указ. соч. С. 111.

85

Українська Центральна рада. Документи і матеріали у двох томах.
Т. 1. С. 400.

86

Революция на Украине по мемуарам белых. М., — Л., 1930. С. 18.

87

Михутина И., Украинский Брестский мир. М., 2007. С.50.

88

Ленин В. И.ПСС.Т.35.СП6.

89

Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. М.-Л., 1928.
Т.1. С. 415.

90

Бош Е. Год борьбы. К., 1990. С Л 66.

91

Цит. по: Михутина И. Указ. соч. С.79.

92

Ленин В.И. ПСС. Т.35. С. 144.

93

Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Т.
3. С. 22.

94

Ленин В.И. ПСС Т.35.С.212.

95

Волковинский В.Н. Указ. соч. С.34.

96

Махно Н. Указ. соч. С. 110.

97

Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 282.

98

Ленин В.И. ПСС.Т.36.С.171.

99

Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 176.

100

Там же. С. 174.

101

Там же. С. 196.

102

Там же. С. 182.

103

Там же. С. 189-190.

104

Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров). // Архив

русской революции. Т.20. М., 1993. С. 117-120.

105

Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. Т. 1. М., 1920. С.94.

106

Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С.249.

107

Ксенофонтов И.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели. М., 1991. С. 106.

108

Мирные переговоры в Брест-Литовске с 9(22) декабря 1917 г. по 3(16) марта 1918 г. Т. 1. М, 1920. С.51.

109

Там же. С. 148.

110

Там же. С.54.

111

Чубарьян А.О. Брестский мир. М., 1963. С.126-127.

112

Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918. М., 2006. С.172.

113

Ленин В.И. ПСС. X35. С.212.

114

Чернин О. Указ. соч. С.248.

115

Мирные переговоры в Брест-Литовске... С.77.

116

Рабинович А. Указ. соч. С.225.

117

Чернин О. Указ. соч. С.254.

118

Там же. С.250.

119

Чернин О. Указ. соч. С.250.

120

Там же. С.256.

121

Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. М., 1968. Т.1. С.228.

122

Рабинович А. Указ. соч. С.232.

123

См. Ксенофонов И.Н. Указ. соч. С.199.

124

Например: Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Т.3. Киев, 1957. С.136,151.

125

Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922). М., 1971. Т. 1. С.42.

126

Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922). Т. I. С.42.

127

Революция на Украине по мемуарам белых. С.25.

128

Михутина И. Указ соч. С.231.

129

Чернин О. Указ. соч. С.263.

130

Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. С.312.

131

Седьмой экстренный съезд РКП(б). С.283.

132

Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир.

Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 1992. С. 167.

133

Чернин О. Указ. соч. С.265.

134

Анархисты. С.141.

135

Махно Н. Указ. соч. С Л 55.

136

Тепер И. (Гордеев). Махно: от «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков, 1924. С.26.

137

Махно Н. Указ. соч. С. 182-191.

138

Махно Н. Указ. соч. С. 192.

139

Там же. С148-149.

140

Гончарок М. Век воли. Русский анархизм и евреи (XIX-XX вв.). Иерусалим, 1996. С.36.

141

Махно Н. Указ. соч. С.206.

142

Махно Н. Указ. соч. С.149.

143

Махно Н. Под ударами контрреволюции. Париж, 1936. СИ.

144

Садуль Ж. Записки о большевистской революции. М., 1990. С.233-234.

145

Анархисты. С.231.

146

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.33988. Оп.2. Д.42. Л.60.

147

О политическом положении на Донском фронте, // КАС-контакт, №30, 1996. С.7.

148

Возвышение Сталина. Оборона Царицына. М., 2010. С.87.

149

См. Носович А.Л. (Черноморцев А.) Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. М., 2010. С.84 (примечания); Возвышение Сталина. С.94.

150

Деникин А.И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. Минск, 2002. С.71.

	151
Махно Н. Указ. соч. С.35.	
	152
Махно Н. Указ. соч. С. 109.	
	153
Там же. С. 110.	
	154
Махно Н. Указ. соч. С. 125.	
	155
Махно Н. Указ. соч. С. 127.	
	156
Там же. С.131.	
	157
Там же. С. 132-133.	
	158
Українська Центральна рада. Т.2. С.161.	
	159
Там же. С. 189.	
	160
Там же. С.217.	

161

Цит. по: История Украины. Научно-популярные очерки. М., 2008. С.495.

162

История Украины. Научно-популярные очерки. С.498.

163

История Украины. Научно-популярные очерки, С. 502-503.

164

Там же. С. 503.

165

Цит. по: История Украины. Научно-популярные очерки. С.506.

166

Революция на Украине по мемуарам белых. С.43.

167

Нестор Иванович Махно. С.47.

168

Махно Н. Украинская революция. Париж, 1937. С.112,

169

Книжник И. Воспоминания о П.А. Кропоткине и об одной эмигрантской группе // «Красная летопись». 1922. №4. С.33.

170

Там же. С. 106.

171

Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦДАГОУ). Ф.5. Оп.1. Д.274. Л. 12. По этому архивному делу до Л. 44 цитируются воспоминания А. Чубенко, написанные после пленения красными в 1921 г. Также эти воспоминания цитируются по Д.153.

172

Там же. Д. 153.Л.27.

173

Махно Н.И. Указ. соч. С.74.

174

Махно Н. Указ. соч. С. 145.

175

Махно Н. Указ. соч. С. 108.

176

Подробнее см. Петров В.И. Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988. С.158-160.

177

История Украины. Научно-популярные очерки. С.526.

178

Махно Н. Указ. соч. С. 150.

179

«Приднепровский край». 10.12.1918.

180

Революция на Украине по мемуарам белых. С.278-279.

181

Так же. С.282.

182

Революция на Украине по мемуарам белых. С.279.

183

1918 год на Украине. М., 2001. С.161.

184

1918 год на Украине. С.321.

185

Революция на Украине по мемуарам белых. С.293.

186

Революция на Украине по мемуарам белых. С.300-301.

187

Там же. С.51.

188

Там же. С.378.

189

Солдатенко В.Ф. Гражданская война в Украине. 1917-1920 гг. М., 2012. С.321.

190

Революция на Украине по мемуарам белых. С.290.

191

Пятая годовщина Октябрьской революции. Екатеринослав, 1922. С. 180.

192

Кубанин М. Указ. соч. С.41.

193

Махно Н. Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. Париж, 1928. С.7.

194

Пятая годовщина... С. 188.

195

Там же. С. 180.

196

Махно Н. Махновщина... С.8-9.

197

Там же. С.22.

198

Пятая годовщина... С. 180.

199

Махно Н. Махновщина... С. 10.

200

Там же. С. 12.

201

Пятая годовщина... С. 170.

202

ЦДАГОУ Ф. 5. Оп.1. Д.153. Л.91-90.

203

Архив русской революции, Т.3. Берлин, 1922. С.239.

204

Белаш В. Указ. соч. С.214.

205

Махно Н. Махновщина... С. 14.

206

ЦДАГОУ Ф.5. Оп. 1. Д.274. Л. 11.

207

Там же.Л.21.

208

Колос Г.А. Заметки о подполье и вооруженной борьбе 1918-1919 гг.
Днепропетровск, 1927. С.43.

209

Голованов В. Указ. соч. С.85.

210

Белаш В. Указ. соч. С.214.

211

Махно Н. Под ударами... С.35.

212

РГВА. Ф.199. Оп.3. Д.19. Л.45-66.

213

Верстюк В.Ф. Комбриг Нестор Махно. Харьков, 1990. С. 6.

214

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.24.

215

РГВА. Ф.199. Оп.3. Д.19. Л.83.

216

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп. 1. Д.274. Л.27.

217

РГВА. Ф.199. Оп. 3. Д.71.Л.33.

218

ЦДАГОУ. ф.5. Оп.1. Д.274. Л.15.

219

Там же. Д.351.Л.2.

220

Экспедиция Л.Б. Каменева в 1919 г.: поездка на Украину. // Пролетарская революция. 1925.tf8 6.С139.

221

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.27.

222

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.63.

223

Протоколы II съезда фронтовиков, повстанческих, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов. Гуляйполе, 1919. С.25.

224

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.28-29.

225

Там же. Л.29.

226

Там же.

227

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.153. Л.137-138.

228

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.93.

229

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.28.

230

Верстюк В.Ф. Указ. соч. С. 10.

231

Тепер И. (Гордеев). Махно: от «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков, 1924. С.41-42.

232

Махно Н. Под ударами... С.607.

233

Тепер И. Указ. соч. С.32.

234

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.246.

235

Сведения о махновских командирах см. Аршинов П. Указ. соч. С.221-224; Белаш А. В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. Киев, 1993. С.577-592; Яруцкий Л. Указ. соч.

236

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.18.

237

Там же. Л.27.

238

Аршинов П. Указ. соч., С.231.

239

См. Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. (Борьба партии большевиков против анархизма 1917-1922 гг.). М, 1974. С.54-56.

240

ТеперИ.Указ.соч.,СЛ5.

241

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.4.

242

Там же.

243

Там же. Л.8.

244

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.9.

245

Там же. Л.28.

246

Махно Н. Под ударами.,. С. 130.

247

«Анархический вестник». 1923, N 1, С.28.

248

ДЦАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.153. Л.29.

249

Чего добиваются повстанцы-махновцы. Гуляйполе, 1919. С.9, 10.

250

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.153. Л.115.

251

Аршинов П. Указ. соч. С.40.

252

«Анархический вестник». 1923. N 1. С.25.

253

Чоп В. Нестор Иванович Махно. Запорожье, 1998. С.4.

254

Солдатенко В.Ф. Указ. соч. С.328-330.

255

«Путь к свободе». №2. 1919.

256

Протоколы II съезда фронтовиков, повстанческих, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов. С.30-31.

257

ГАЗО. Ф.Р-1058. Оп.1. Д.1. Л.133.

258

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.32.

259

Там же. Л.32.

260

Там же. Д.351. Л.87 — подсчеты по отчету начштаба В. Белаша; см. также Верстюк В.М. Указ. соч. С.32-33.

261

РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2905. Л.5.

262

ЦЦАГОУ Ф. 5. Оп. 1. Д.274. Л. 18.

263

РГВА. Ф.199. Оп. 2. Д.182. Л.33.

264

Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. М-Л., 1932. Т.3. С. 191.

265

Там же. ТА С.268.

266

Октябрьская революция, 1-е пятилетие. Харьков, 1922, С. 520-521.

267

См. Гончарок М. Указ. соч. С,53-54.

268

ЦЦАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.36.

269

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.36.

270

Махно Н. Под ударами... С.87.

271

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.32.

272

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 110.

273

«Правда», 18.10.1918.

274

Цит, по: Павлюченков С.А. Крестьянский Брест или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С.104.

275

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.С.366.

276

«Правда», 1.3.1919.

277

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1991. Т.2. С.121.

278

Там же. С.21-22.

279

Подробнее см. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 301-305.

280

Там же. С. 305.

281

Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С.305-307.

282

Борисова З. А. Чапанная война в тылу Восточного фронта. // Краеведческие записки. Выпуск ГХ. Самара, 2000. С.129.

283

Там же.

284

Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922. Документы. М., 2002. С.99.

285

Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922. Документы. С.103.

286

Там же. С. 105.

287

Борисова З. А. Указ. соч. С. 136-137.

288

Критику М. Бернштама см. также: Шубин А.В. Революционно-демократическое направление в Гражданской войне в России. // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. 4.1. М., 1993. С.82-83.

289

Осипова Т.В. Указ. соч. С.312.

290

Там же.

291

РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.22. Л.51.

292

Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918-1921 гг. М., 2002. С.167

293

Цит. по: Лихолат А.В. Разгром буржуазно-националистической Директории на Украине. М., 1949. С.91.

294

Там же. С.93.

295

Революция на Украине по мемуарам белых. С.52.

296

Революция на Украине по мемуарам белых. С. 313.

297

История Украины. Научно-популярные очерки. С.533.

298

Солдатенко В.Ф. Украина в революционных процессах первых десятилетий XX века (попытка оценки в европейском контексте). // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М. 2011. С.70.

299

Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922). Т.2. С. 182-183.

300

Петлюра С. Указ. соч. С.244.

301

Там же. С.246.

302

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 110.

303

Цит. по: Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997. С.1 111-112

304

Там же. С. 112.

305

За власть Советов. Сборник документов Партархива Запорожского областного комитета КП Украины и Запорожского государственного архива. Запорожье, 1957. С.77.

306

«Известия». 9.2.1919.

307

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.10.

308

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 179-183.

309

ЦДАГОУ.Ф.5. Оп.1. Д.53. Л. 116-117.

310

Там же.

311

ЦДАГОУ.Ф.5. Оп.1. Д.53. Л.116.

312

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.73-75.

313

Там же. С.80.

314

Там же. С.83.

315

Протоколы II съезда фронтовиков... С.2Ф-25.

316

РГВА. Ф.199. Оп. 3. Д.371. Л.16-17.

317

Яруцкий Л. Махно и махновцы. Мариуполь, 1995. С.273.

318

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.3-4.

319

Кубанин М. Указ. соч. С.46.

320

Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч., Т.4. С. 117.

321

РГВА. Ф.199. Оп. 3. Д.371. Л.11.

322

Там же. Д. 111. Л.37-38.

323

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 126-128.

324

Антонов-Овсеенко В. Указ. соч. С.306.

325

РГВА. Ф.199. Оп. 3. Д.144. Л.12-19.

326

Там же. Д. 114. Л.75.

327

Там же. Д.324. Л.32-51.

328

Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч. Т.4. С.331.

329

Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч. Т.4. С.302.

330

Там же. С. 145.

331

Там же. С. 144.

332

РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2905, Л.61.

333

Бек А. Такова должность. М, 1973. С.52.

334

Бек А. Там же. С.58.

335

«Известия». Харьков. 25.4.1919.

336

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 111.

337

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 112.

338

Там же. С. 111.

339

Цит. по: Аршинов П. Указ. соч. С.99,102.

340

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 121.

341

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.12.

342

Там же.

343

РГВА. Ф.199. Оп. 3. Д. 324. Л.5-73.

344

Там же. Д. 109. Л.6.

345

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп. 1. Д. 153. Л. 137.

346

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО В.А. Указ. соч. С. 112.

347

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.153. Л.137-138.

348

Там же. Л. 137.

349

Там же.

350

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО В.А. Указ. соч. СЛ13.

351

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.153. Л.137.

352

ЦДАГОУФ.5. Оп. 1. Д.351.Л.13.

353

Там же. Д.262. Л. 10.

354

Там же. Л.274. Л.33.

355

РГВА. Ф.33988. Оп. 2. Д.80. Л.141.

356

Экспедиция Л.Б. Каменева... С. 139,144.

357

Волковинский В.Н. Указ. соч. С.89-90.

358

Этапы большого пути. М., 1962. С. 156-157.

359

Савченко В. Авантюристы гражданской войны. М., 2000. С. 113.

360

Солдатенко В.Ф. Указ. соч. С.319-320.

361

РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.80. Л. 158.

362

Савченко В. Авантюристы гражданской войны. М., 2000. С. 119.

363

Аршинов П. Указ. соч. С. 107.

364

Там же. С. 109.

365

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.21.

366

Там же. Д.351.Л.31.

367

Аршинов П. Указ. соч. С. 113.

368

Там же. С. 114.

369

«Набат». №16. 26.05.1919.

370

Нестор Иванович Махно. С.142.

371

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 145.

372

Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т.4. М., 1933. С.303.

373

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.31; Нестор Иванович Махно. С.45.

374

Яруцкий Л. Указ. соч. С.46.

375

РГВА. Ф.199. Оп.2. Д.129. Л.105.

376

Там же. Д. 175.Л.9. 133.

377

Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч. С.305.

378

Волковинский В.Н. Указ. соч. С. 100.

379

РГВА. Ф.199. Оп. 3. Д.95. Л.278.

380

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.262. Л.154.

381

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 156.

382

Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч. С.307.

383

Какурин М. Как сражалась революция. Т.2. С. 153.

384

Там же. С.238.

385

РГВА. Ф.199. Оп. 3. Д.19. Л.150.

386

Там же. Л.171.

387

РГВА. Ф.199. Оп.2. Д.129. Л.168.

388

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп 1. Д.351. Л.68,

389

Там же. Л.69.

390

Mallet M. Nestor Makhno in Russian Civil War. Oxford, 1982. P.38.

391

РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.80. Л. 163.

392

Волковинский В.Н. Указ. соч. С. 106.

393

Там же.

394

Цит. по: Кубанин М. Указ. соч. С.77.

395

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 162.

396

Там же.

397

РГВА.Ф.199. Оп. 3. Д.107. Л.1.

398

Скачко А. 2-я Украинская красная армия. // Нестор Иванович Махно. С.63.

399

РГВ А.Ф. 199, Оп. 1, Д.26, Л.2.

400

Антонов-Овсеенко. Указ. соч. С.331.

401

Голованов В. Указ. соч. С. 155.

402

Яруцкий Л. Указ. соч. С.6Ф-65.

403

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351.Л.77.

404

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 169.

405

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.77.

406

Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т.7. С.278

407

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.81.

408

Там же. Д.274. Л.38.

409

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.84.

410

РГВА.Ф.199. ОП.1. Д.8.Л.16

411

РГВА. Ф.199. Оп. 2. Д. 182. Л. 18.

412

ЦДАГОУ Ф.5. Оп. 1. Д. 330. Л.14.

413

Деникин А.И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. Минск, 2002. С.71.

414

Там же, С.325.

415

Деникин А.И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. С.98.

416

Павлюченков С.А. Крестьянский Брест... С. 106.

417

Деникин А.И. Указ. соч. С.98.

418

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. Документы. М, 2003. С.582-583.

419

Шульгин В. Дни. 1920 г. М., 1990. С.291-298.

420

Там же. С.298.

421

Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. Омск, 1996. ч.2. С.21.

422

Подшивалов И. Сибирский дедушка. // Ангарские новости. 14.5.1998.

423

[http:// irbis.asu.ru/docs/altai/history](http://irbis.asu.ru/docs/altai/history)

424

Штырбул А.А. Указ. соч. С.35.

425

См. Партизанское и повстанческое движение в Причумышье

(1918-1922 гг.). Барнаул, 1999.

426

Деникин А.И. Указ. соч. С.52.

427

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.40.

428

Там же. Л.41-42.

429

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.42-43.

430

Там же. Л.46-47.

431

Кубанин М. Указ. соч. С.83.

432

Цит по: Гончарок М. Указ. соч. С.59.

433

Нестор Иванович Махно. С.154-155.

434

Махно Н. Махновщина... С.59.

435

Нестор Иванович Махно. С.68.

436

Там же.

437

Голованов В. Указ. соч. С. 175.

438

ЦДАГОУ Ф.1. Оп.2. Д.51. Л.25.

439

Аршинов П. Указ. соч., С. 135.

440

Волковинский В.Н. Указ. соч. С. 125.

441

Нестор Иванович Махно. С.68.

442

Там же. С.72.

443

Этапы большого пути. С.89.

444

Там же. С. 177.

445

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 3, Т.5. М., 2003.

446

Петлюра С. Указ. соч. С.248.

447

Петлюра С. Указ. соч. С.256.

448

Там же. С.258-259.

449

Петлюра С. Указ. соч. С.282.

450

Нестор Иванович Махно. С.72-76.

451

Cit. SkirdaA. Op.cit. P.177.

452

Белаш А. В., Белаш В.Ф. Указ. соч. С.312.

453

Аршинов П. Указ. соч., С. 142.

454

VolineV. Op.cit. P.621-623.

455

Ibid. P.620.

456

Деникин А.И. Указ. соч. С.252.

457

Беспечный Т. А., Букреева Т.Т. Указ. соч. С.229.

458

Анархисты. С.252.

459

О формировании группы см. Красная книга ВЧК. Т.1. М., 1990. С.346-372.

460

Анархисты. С.269.

461

Там же. С. 174.

462

Красна книга ВЧК. Т.1. М, 1990. С.362.

463

Анархисты. С.363.

464

Там же. С.364.

465

Анархисты. С.365.

466

Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 399.

467

Там же. С. 330.

468

Красная книга ВЧК. Т.1. С. 330.

469

Там же. С. 333.

470

Цит. по: Волковинский В.Н. Указ. соч. С. 133.

471

Пятая годовщина... С.227.

472

Нестор Иванович Махно. С.68.

473

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.252.

474

«Повстанец». 8.11.1919.

475

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.67.

476

Белаш А. В., Белаш В.Ф. Указ. соч. С.332-340.

477

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.75.

478

Голованов В. Указ. соч. С.215.

479

ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.2. Д.51. Л. 15.

480

ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.2. Д.51. Л.15.

481

Пятая годовщина... С.257.

482

Руднев В.В. Махновщина. Харьков, 1928. С.52.

483

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л. 155-156.

484

493 ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.79.

485

494 Цит. по: Руднев Р. Указ. соч. С.52.

486

495 ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.79.

487

496 Там же. Д.330.Л.16.

488

497 Там же. Л. 17.

489

ЦДАГОУ Ф.5. Оп. 1. Д.351. Л. 150.

490

Voline V. Op. cit. P.634.

491

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп.2. Д.51. Л.21.

492

Там же: «Повстанец». 8.11.1919. Газета дает несколько меньшее количество делегатов, в целом сохраняя пропорции.

493

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп.2. Д.51. Л.21.

494

ЦДАГОУ Ф. 1. Оп.2. Д.51. Л.22.

495

Кубанин М. Указ. соч. С.92.

496

«Повстанец». 8.11.1919.

497

Кубанин М. Указ. соч., С.94.

498

Voline V. Op. cit. P.637.

499

Ibid. P.633.

500

Ibid. P.639-640.

501

«Повстанец». 8.11. 1919.

502

Нестор Иванович Махно. С.79.

503

Voline V. Op. cit. P.637-638.

504

Аршинов П. Указ. соч. С. 147.

505

«Повстанец». 8.11.1919.

506

ЦДАГОУ Ф.1. Оп.2. Д.51. Л.21.

507

«Дело труда». №15. С.14; ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.14.

508

Тепер И. Указ. соч. С.14.

509

Там же.

510

Там же. С.58.

511

Там же. С.58-59.

512

Колесников Б. Профсоюзное движение и контрреволюция.
Харьков, 1923. С.407.

513

Кубанин М. Указ. соч. С.112.

514

«Повстанец». 8.11.1919.

515

Там же

516

Кубанин М. Указ. соч. С.94.

517

Кубанин М. Указ. соч. С.95.

518

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.228-229.

519

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.229.

520

Колесников Б. Указ. соч. С.323.

521

Там же.

522

Аршинов П. Указ. соч. С. 147.

523

Voline V. Op. cit. P.643-644.

524

Voline V. Op. cit. P.647.

525

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.157.

526

Там же. Ф.1. Оп.2. Д.51. Л.22, 24.

527

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.94.

528

Там же. Д.330. Л. 18.

529

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.279.

530

Там же. С.280-283.

531

Колесников Б. Указ. соч. С.319-320.

532

Там же. С.321.

533

ОДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.96.

534

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.96.

535

«Путь к свободе». 16.10.1919.

536

Аршинов П. Указ. соч., С.145.

537

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.84.

538

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.274. Л. 104.

539

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.185-186.

540

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1, Д.351. Л. 185-186.

541

«Звезда». 15.1.1919.

542

Там же. 6.12.1919.

543

ГАЗО. Ф. Р. 1058, Оп.1. Д. 1. Л.51.

544

«Повстанец». 8.11.1919.

545

«Путь к свободе». 25.11.1919.

546

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.85.

547

Там же. Л.86.

548

Колесников Б. Указ. соч., С.324.

549

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.237.

550

Там же.

551

ЦДАГОУ ф.5. Оп.1. Д.351. Л. 185.

552

Яковлев Я. Русский анархизм в Великой русской революции. М., 1921. С.27.

553

Колесников Б. Указ. соч., С.324.

554

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.151.

555

Кубанин М. Указ. соч. С.88-89.

556

Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1923. С.91,94.

557

Кубанин М. Указ. соч. С. 186.

558

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.106.

559

Голованов В. Указ. соч. С.224.

560

Кубанин М. Указ. соч. С. 186.

561

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.88.

562

Кубанин М. Указ. соч. С. 116.

563

Махно Н. Махновщина... С.41.

564

Кубанин М. Указ. соч. С. И 6.

565

Там же.

566

Махно Н. Махновщина... С.44-45.

567

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.157.

568

Там же. С.45.

569

Колесников Б. Указ. соч, С.327.

570

«Приднепровский край». 4(17). 12.1919,

571

Архив русской революции. Т.12. С.80-90. Свидетельства противника советской власти подтверждаются и коммунистом Д. Гопнером, приехавшим в Екатеринослав в это время — РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2159. Л.38.

572

Mallet M. Op.cit.R 104.

573

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.274. Л.88.

574

Там же. Д.351.Л.149.

575

Там же. Д.274. Л.89.

576

ЦДАГОУ Ф.5. Оп 1. Д.351. Л.163-164.

577

Там же. С. 102.

578

Пятая годовщина... С.223.

579

«Звезда». 15.12.1919.

580

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.172.

581

Пятая годовщина... С. 102.

582

«Пролетарская революция». 1922. N 9. С.201.

583

ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.2. Д.51. Л.22.

584

Голованов В. Указ.соч. С.229,249.

585

Конивец (Гришута). 1919 год в Екатеринославе и Александровске.
// Летопись революции. Харьков. 1924. № 4. С.86.

586

Руднев В. Указ. соч. С.55.

587

Там же.

588

Там же. С.56.

589

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.190.

590

ЦЦАГОУФ.5. Оп.1. Д.351.Л.191.

591

Там же. Ф.1. Оп.2. Д.52. Л.22-23.

592

Там же. Л.23; Ф.5. Оп. 1. Д.351. Л.192-193.

593

Mallet M. Op.cit, P.52.

594

Кубанин М. Указ. соч. 174.

595

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д. 274. Л.91.

596

ГАЗО. Ф. Р-1058. Оп.1. Д.1. Л.80, 83.

597

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.274. Л. 104.

598

Там же. Л.96-97.

599

Там же. Д.351. Л.180.

600

ЦЦАГОУ ф.5. Оп.1. Д.274. Л.85.

601

Яруцкий Л. Указ. соч. С.315-316.

602

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.298.

603

ЦЦАГОУ Ф.1.0п.2. Д.51. Л.23.

604

Архив русской революции. Т. 12. С.98.

605

Там же.

606

Какурин Н. Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918-1921. С.328.

607

Цит. по Волковинский В.Н. Указ. соч. С. 149.

608

РГВА. Ф.1574. Оп.1. Д.5. Л. 3. В документе исправлены некоторые очевидные опечатки.

609

Там же.

610

Там же.

611

РГВА. Ф.1574. Оп.1. Д.5. Л.3.

612

Там же.

613

Там же. Л.3-4.

614

Нестор Иванович Махно. С. 164-166.

615

Сибирская Вандея. Т.1. 1919-1920. С.15.

616

Там же.

617

Там же.С63.

618

Штырбул А.А. Указ. соч. С.49, 77.

619

Левкин Г. Волочаевка без легенд. Хабаровск, 1999. С. 109.

620

Там же. С.110.

621

Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы. // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. 1918-1922 гг. Хабаровск, 1999. С. 141.

622

Ципкин Ю.Н. Указ. соч. С. 142.

623

Левкин Г. Указ. соч. С. И 8.

624

Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1920). Владивосток, 1984. Кн.2. С.25.

625

Левкин Г. Указ. соч. С. 107

626

«Пролетарская революция». 1924. №5. С.63.

627

Ципкин Ю.Н. Указ. соч. С. 142.

628

Левкин Г. Указ. соч. С. 107-108.

629

Нестор Иванович Махно. С.92-94.

630

Там же. С.93-94.

631

Skirda A.Op.cit P.209.

632

Ibid. P.210.

633

Нестор Иванович Махно. С.95.

634

Там же. С.96.

635

«Літопись революції». 1929. № 4. С.275.

636

Нестор Иванович Махно. С.99.

637

Там же. С.99-100.

638

Там же. С. 100.

639

Нестор Иванович Махно. С.100-101.

640

Там же.С.101.

641

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.75.

642

Кубанин М. Указ. соч., С. 124.

643

Там же.

644

Петлюра С. Указ. соч. С.284.

645

Сулея В. Юзеф Пилсудский. М, 2009. С.261.

646

Там же. С.297.

647

Петлюра С. Указ. соч. С.321.

648

Там же.

649

Там же. С.335.

650

См. Антоновщина: Статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губ. Тамбов, 1923; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994; Самошкин В.В. Антоновское восстание. М., 2005.

651

РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.373. Л.32.

652

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994.С. 11-12.

653

Там же. С.64.

654

Там же. С.80.

655

Там же. С.63.

656

Штырбул А.А. Анархистское движение в период кризиса Российской цивилизации (конец XIX — 1 четверть XX вв.). Омск, 1998.

С.65.

657

Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. С.81-83.

658

Сибирская Вандея. Т.1. С.66.

659

Штырбул А.А. Анархистское движение в период кризиса Российской цивилизации. С.64.

660

Сибирская Вандея. С.75.

661

[http:// irbis.asu.ru/docs/altai/history](http://irbis.asu.ru/docs/altai/history)

662

Сибирская Вандея. Т.1. С.115.

663

Сибирская Вандея. Т.1. С.36.

664

Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922. Документы и материалы. М, 2002. С.520-522.

665

Осипова Т.В. Указ. соч. С.327.

666

Ленин В.И. ПСС. Т.51. С.348.

667

Цит. по: Комин В.В. Нестор Махно. Мифы и реальность. М., 1990. С53.

668

40 дней в Гуляйполе. Воспоминания матушки Галины — жены батьки Махно. Влади мир, М. 1990. С. 1.

669

Там же. С. 5.

670

Там же. С. 6.

671

Там же. С. 10.

672

Там же.

673

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.171-172.

674

Аршинов П. Указ. соч. С.218; 40 дней... С.7.

675

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.486-487.

676

ЦЦАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.35-37.

677

40 дней... С. 11.

678

Тепер И. Указ. соч. С. 19.

679

ЦЦАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.154.

680

Там же. Л. 148.

681

Махно Н. Махновщина... С.35-36.

682

Цит. по: Комин В. Указ. соч., С.55.

683

ЦЦАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.59.

684

РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2900. Л.12.

685

Там же. Л. 14.

686

Махно Н. Махновщина... С.39-40.

687

Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920. М. 1990. С.144.

688

Тепер И. Указ. соч. С. 17,

689

Тепер И. Указ. соч. С.81.

690

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.245-246.

691

Там же. Л.244.

692

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Там же. Л.245.

693

Там же, Л.246.

694

Там же.

695

Тепер И. Указ. соч. С.89.

696

40 дней... С8.

697

Там же. СИ.

698

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.171.

699

Сборник трудов военно-научного общества при Военной академии.
М., 1921. С.220.

700

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.147.

701

Кубанин М. Указ. соч., С.153.

702

Комин В.В. Указ. соч. С. 154.

703

Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М, 1984.
С.266.

704

Цит. по: Беспечный Т. А., Букреева Т.Т. Указ. соч. С. 125.

705

Беспечный Т. А., Букреева Т.Т. Указ. соч. С. 140.

706

Там же. С.143.

707

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.234.

708

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.475.

709

Там же. С.477.

710

Там же. С.478.

711

ЦДАГОУ Ф.5. Оп 1. Д.330. Л.47.

712

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.485.

713

Там же. С.486.

714

Нестор Иванович Махно, С. 177.

715

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.591.

716

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.290.

717

РГАСПИ. Ф.76. Оп. 3. Д.109. Л.37.

718

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.268.

719

Там же. Д.330. Л.38.

720

Там же. Д.351. Л.266, 268.

721

Там же. Л.246.

722

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.496.

723

ЦДАГОУ. Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.49.

724

РГАСПИ. Ф.76. Оп. 3. Д.109. Л.3.

725

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351.Л.291.

726

РГАСПИ. Ф.76. Оп. 3. Д.109. Л.4.

727

Там же. Л.8-9.

728

Голованов В. Указ. соч. С.348-350.

729

ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.2. Д.51. Л.32.

730

РГАСП И.Ф. 1. Оп.2. Д.51. Л.32.

731

Там же. Оп.20. Д.328. Л.45.

732

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.530.

733

ГАЗО. Ф. Р-1058, Оп.1. Д.1. Л.55.

734

Там же. Л.96.

735

ГАЗО. Ф. Р-1058, Оп.1. Д.1. Л.54-56, 59.

736

Там же. Л.55.

737

Там же. Л.53.

738

ЦДАГОУ Ф.5. Оп 1. Д.351. Л.292.

739

Там же.

740

Voline V. Op. cit. P.664.

741

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.39.

742

Там же. Л.67.

743

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д. 330. Л.69.

744

Аршинов П. Указ. соч., С. 177-179.

745

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.41.

746

Там же. Л.40.

747

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.140.

748

Цит. по: Голованов В. Указ. соч. С.351.

749

Там же. С.363.

750

Фрунзе М.В. Военная и политическая деятельность. М., 1984. С. 110.

751

Фрунзе М.В. Воспоминания друзей и соратников. М., 1985, С. 172.

752

Аршинов П. Указ. соч. С. 179.

753

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л.40.

754

М.В. Фрунзе на фонтах гражданской войны. М., 1941, С.451.

755

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.299.

756

РГАСПИ. Ф.76. Оп. 3. Д.109. Л.6-7.

757

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л. 142.

758

Там же. Д.351.Л.293.

759

Аршинов П. Указ. соч. С. 181.

760

РГАСПИ. Ф.76.Оп. 3. Д.109. Л.18.

761

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.33 О.Л. 142.

762

М.В. Фрунзе на фонтах гражданской войны. С.453-454.

763

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.293.

764

Там же. Д.330.Л.141.

765

Там же. Л. 143,

766

Голованов В. Указ. соч. С.369.

767

РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.373. Л.36.

768

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.330. Л. 146.

769

РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.373. Л.36.

770

РГАСПИ. Ф.76. Оп. 3. Д.109. Л.10.

771

Аршинов П. Указ. соч. С. 189.

772

РГАСПИ. Ф.5, Оп.1, Д.2475, Л.4-8.

773

РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.373. Л.36.

774

Там же. Л.10.

775

Сборник трудов военно-научного общества при Военной академии.
С.220.

776

Там же. С.219.

777

Нестор Махно. Крестьянская война на Украине. С.560. Документ датирован 17 декабря, но в нем речь идет также о событиях 18 декабря.

778

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351.Л.346.

779

РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.373. Л.40.

780

Голованов В. Указ. соч. С.396-397.

781

М. В. Фрунзе на фонтах гражданской войны. С.458.

782

ГАЗО. Ф. Р-73. Оп.1. Д.49. Л.11.

783

Беспечный Т. А., Букреева Т.Т. Указ. соч. С. 175.

784

РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.373. Л.39.

785

РГАСПИ. Ф.76. Оп. 3. Д.70. Л.58.

786

Канев В. Указ. соч. С.66-67.

787

Материалы дискуссии о профсоюзах см., например: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963. С.813-838.

788

Штырбул А.А. Указ. соч. С.97.

789

Трудовые конфликты в советской России в 1918-1929 гг. М., 1998. С.49.

790

Кронштадт 1921. М., 1997. С.29, 34.

791

Кронштадт 1921. М., 1997. С.50.

792

Там же. С.50-51.

793

Там же. С.56.

794

Кронштадт 1921. М., 1997. С.141-142.

795

Там же. С.121-122.

796

Там же. С.239.

797

Там же. С.298.

798

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. С.40.

799

Трудовые конфликты в советской России в 1918-1929 гг. С.49, 87-88, 101.

800

Кронштадт 1921. С.279-285. С.77.

801

Павлюченков С.А. Крестьянский Брест... С.269.

802

Ленин В.И. ПСС. Т.42. С.333.

803

Аршинов П. Указ. соч. С. 196.

804

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.331-332.

805

Там же.

806

ЦДАГОУ Ф.5. Оп.1. Д.351. Л.333.

807

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.622.

808

Там же. С.636.

809

Аршинов П. Указ. соч. С. 198.

810

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С.621.

811

Там же. С.646.

812

Нестор Иванович Махно. С. 184.

813

Нестор Иванович Махно. С. 122-123.

814

ЦДАГОУ Ф.5, Оп.1. Д.351. Л.342.

815

Тимошук А.В. Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917 — август 1921 гг). Симферополь, 1996.
<http://www.makhno.ru/lit/Timoshuk/12.php>

816

Подробнее см. Самошкин В.В. Антоновское восстание. М., 2005.

817

Штырбул А.А. Указ. соч. С.97.

818

Ленин В.И. ПСС. Т.43. С.36.

819

«Ангарские новости» 7 и 21.05.1998 г.

820

Анархисты. С.380.

821

Там же. С.381.

822

Анархисты. С.381.

823

Яруцкий Л. Указ. соч. С. 136.

824

Показания В. Белаша в 1937 г. см.: Яруцкий Л. Указ. соч. С.309-349.

825

О социально политических процессах 20-х гг. подробнее см. Шубин А.В. Вожди и заговорщики: внутриполитическая борьба в СССР в 20-30-е гг. М, 2004.

826

Волковинский В.Н. Указ. соч, С.220,

827

Подробнее см. Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания (1917-1939) М., 1998. С.91-104.

828

«Дело труда». №15. С.5.

829

Там же. С.9.

830

«Дело труда». №13-14. С.16.

831

«Дело труда». №15. С.9.

832

«Дело труда». №28. С.11.

833

Там же.

834

Ответ нескольких русских анархистов на организационную платформу. Париж, 1927. С.22.

835

«Дело труда». №16. С.4.

836

«Дело труда». №16. С.4.

837

См. Шубин А.В. Великая испанская революция. М., 2011. С.92-172, 250-270.

838

«Дело труда». №16. С.5.

839

Там же.

840

«Дело труда». №16. Сб.

841

См. Шубин А.В. Че Гевара: кондотьер коммунизма. // Коммунизм и фашизм: братья или враги? М., 2008. С.422.

842

«Дело труда». №16. С.5.

843

Там же.

844

«Дело труда». №18. С.5-6.

845

Там же. С. 6.

846

Там же. С.9.

847

Там же.

848

«Дело труда». № 18. С. 10.

849

Там же. С. 11.

850

Archives de la Prefecture de Police. BA/1899 350000-46 21 Mars 1927.

851

Ibid.

852

Ibid. BA/1899 350000-50 18 Novembre 27.

853

Скирда А. Нестор Махно. Казак свободы (1888-1934), Гражданская война и борьба за вольные советы на Украине в 1917-1921 гг. Париж, 2001. <http://www.makhno.ru/lit/book4.php>

854

Подробнее об этой дискуссии см. Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. С107-115.

855

Archives de la Prefecture de Police. BA/1900 350000gl 27 Decembre 29.

856

Ibid. BA/1900 350000gl 27 Decembre 29.

857

«Дело труда». №73. С. 13.

858

Скирда А. Индивидуальная автономия и коллективная сила. Обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Париж, 2002, С. 167.

859

Рублев Д.И. Из истории леворадикального сопротивления коммунистической диктату ре: анархисты Московского региона в середине 1920-1930-х гг. // Российская история. 2011. №4.С.159-160.

860

Там же. С. 160.

861

Нестор Иванович Махно. С. 128.

862

Там же. С.124-125.

863

Archives de ta Prefecture de Police. BA/1900 350000gl 27 Decembre 29.

864

Скирда А. Указ. соч.

865

Maximov G. P. My social Credo. Sidney, 1983.

866

Ibid. P. 3-4.

867

Maximov G. P. My social Credo. P.9-10. Подробнее о конструктивном анархизме Г. Максимова, см. Шубин А. Анархистский социальный эксперимент. С.134-137.

868

Paz A. Durruti, le peuple en armes. Paris, 1972. P.1 17-120.

869

О роли НКТ в Испанской революции в 1931-1933 гг. подробнее см.: Шубин А.В. Великая испанская революция. С.42-57.

870

«Пробуждение». №28-29. С. 19.

871

«Пробуждение». №30-31. С.21.

872

«Пробуждение». №30-31. С.20.

873

«Пробуждение». №23-27. С.78.

874

«Пробуждение». №32-34. С.20.

875

Подробнее см. Шубин А.В. Великая испанская революция.

876

Нестор Иванович Махно. С. 126-127.

877

Нестор Иванович Махно. С. 130.

878

«Набат». №5. 1990.

879

«Набат». №5. 1990.